

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Актуальная археология 5

Тезисы Международной научной конференции молодых ученых

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Актуальная археология 5

Тезисы Международной научной конференции молодых ученых

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2020

УДК 902/904
ББК 63.4
Б98

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Редакционная коллегия:

к. и. н. К. В. Конончук (отв. редактор), к. и. н. А. А. Бессуднов,
Е. К. Блохин, к. и. н. Н. А. Боковенко, В. С. Бочкарев,
к. и. н. М. Е. Килуновская, Н. С. Курганов, к. и. н. К. А. Михайлов,
А. И. Мурашкин, к. культ. А. Ф. Покровская, К. С. Роплекар,
к. и. н. С. Л. Соловьев, к. и. н. К. Н. Степанова, к. и. н. Е. С. Ткач,
к. и. н. О. А. Щеглова

Рецензенты:

к. и. н. О. И. Богуславский (ИИМК РАН), к. и. н. Е. А. Черленок (СПбГУ)

Оргкомитет конференции:

к. и. н. К. В. Конончук (ИИМК РАН), М. И. Бажин (ИИМК РАН),
А. И. Климушина (ИИМК РАН), Т. А. Ключников (АНО «Археологическое
исследование Сибири»), А. Р. Лада (ИИМК РАН), В. М. Лурье (ИИМК РАН),
Д. С. Филимонова (ИИМК РАН), И. Ж. Тутаева (Государственный Эрмитаж)
Оформитель С. Л. Соловьёв
Корректор А. О. Поликарпова

Актуальная археология 5.

Материалы Международной научной конференции молодых ученых; ИИМК
РАН. – СПб.: Изд-во ООО «Невская Типография», 2020. – 392 с. : ил.

Сборник содержит материалы докладов, которые были представлены на Международной научной конференции молодых ученых «Актуальная археология 5». Доклады охватывают различные направления исследовательской деятельности молодых ученых. Статьи объединены в тематические разделы, посвященные междисциплинарным исследованиям, охранно-спасательным археологическим работам, вопросам систематизации, хранения и реставрации археологических коллекций, проблемам археологического источниковедения. Издание предназначено для историков, археологов, студентов и аспирантов археологических специальностей и всех интересующихся историей и археологией.

ISBN 978-5-907298-04-0

**УДК 902/904
ББК 63.4**

© ИИМК РАН, Санкт-Петербург, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Междисциплинарные исследования в археологии

Опыт и перспективы применения метода оптически стимулированной люминесценции (ОСЛ) в археологии	13
<i>Викулова Н. О.</i>	
Применение методов геометрической морфометрии для анализа форм керамических сосудов (на примере лепной посуды с Новгородского (Рюрикова) городища)	17
<i>Гублова А. А., Корнеева И. В.</i>	
Сравнительные результаты экспериментального сверления минералов полый костью при помощи бура и коловорота	21
<i>Грехов С. В.</i>	
Предварительные результаты элементного анализа красных пигментов Зарайской стоянки	24
<i>Губар Ю. С.</i>	
Методы документирования оленных камней Монголии	27
<i>Зиганишина А. А.</i>	
Итоги археозоологического изучения материалов с раскопок 2019 г. на городище Тясты Верхнедвинского района Витебской области	31
<i>Зыль А. В.</i>	
О черепе эпохи Средневековья из Ходжахана	34
<i>Кириченко Д. А.</i>	
Возможности применения геометрической морфометрии в анализе каменных артефактов	40
<i>Лада А. Р., Пугачева Е. В.</i>	
Комплексное исследование античной фасосской керамики естественно-научными методами	43
<i>Мандрыкина А. В., Терещенко Е. Ю., Хмеленин Д. Н., Антипин А. М., Кварталов В. Б., Чернобахтова Е. В., Алексеева О. А.</i>	
Зольники как объекты междисциплинарного исследования (на примере зольника Черёмуховый Куст)	46
<i>Насонова Э. Д.</i>	
Краниологические особенности кочевников раннего железного века в Оренбургской области (историографический аспект)	49
<i>Нуркенова А. Ж.</i>	

Магнитная разведка в археологии: проблемы развития и становления	52
<i>Селин А. Г.</i>	
Формирование антропологического состава населения Барабинской лесостепи в эпоху ранней бронзы	56
<i>Степанова В. С.</i>	
Использование цифровых технологий в археологических разведках	59
<i>Хаванский А. И.</i>	
К вопросу об исследовании формовочных масс археологической керамики естественно-научными методами	62
<i>Чернобахтова Е. В., Мандрыкина А. В., Терещенко Е. Ю., Яцишина Е. Б.</i>	

Наука и управление в охранно-спасательных работах

Работы по определению границ территорий объектов археологического наследия на севере Западной Сибири в свете проблемы профессионального совершенствования археологов	65
<i>Бычков Д. А.</i>	
Детские погребения могильника на стоянке Галкина-1	67
<i>Денисенко В. Л., Филатов Е. А.</i>	
База данных археологических работ по г. Кирову: платформа для создания охранной археологической зоны	71
<i>Кайсин А. О., Борисова А. М., Глазырина М. К.</i>	
Охранные археологические раскопки на территории исторического центра Сарапула в 2017–2019 гг.	77
<i>Калугина Д. А.</i>	
О современном состоянии и обеспечении государственной охраной укрепленных поселений разных эпох, расположенных на территории Белгородской области	80
<i>Костылёва А. А., Скребцова В. В.</i>	
Археологическое изучение Староромашкинского городища: основные результаты и перспектива исследований	83
<i>Купцова М. С.</i>	
Культурный слой в историческом центре г. Ростова-на-Дону и проблемы его исследования	86
<i>Нечипорук А. А.</i>	

Результаты полевых исследований на территории утраченного Спасо-Преображенского собора в Нижегородском кремле	89
<i>Сивожаелезов И. В., Свиридов А. Н., Милованов С. И.</i>	
Археологические исследования 2018–2019 гг. в районе мыса Сопочная Карга на западе Таймыра	92
<i>Степанов Н. С.</i>	

Современные подходы к систематизации, хранению и реставрации археологических коллекций

Губернская периодика второй половины XIX – начала XX в. как источник по истории региональной археологии (на примере Воронежской губернии)	96
<i>Городцова Ю. Н.</i>	
Реставрация археологического железа на материалах раскопок могильников на территории Тазовского Заполярья	98
<i>Иванова З. А.</i>	
История формирования и источниковый потенциал археологических коллекций, принятых на постоянное хранение в фонды ИИМК РАН в 2018–2019 гг.	102
<i>Конончук К. В., Филимонова Д. С., Бердник Е. С., Кубрина А. М.</i>	
Исследование видов и причин разрушения археологических объектов из керамики	107
<i>Краснова Т. Н.</i>	
Русский топор-потес из Центральной Барабы	109
<i>Ларочкин А. А., Рюмин И. В.</i>	
Исследование технологических особенностей кинжалов Сосново-Мазинского клада эпохи поздней бронзы	112
<i>Лобода А. Ю., Шишлина Н. И.</i>	
Интерактивная выставка «Лабиринты в мерзлоте» – опыт трансляции орнамента на древних берестяных изделиях	114
<i>Могрицкая В. Ю.</i>	
История образования и пополнения археологических коллекций Тюменского государственного университета, современная ситуация	117
<i>Пилькина А. А.</i>	
К вопросу сохранности и хранения палеоантропологических материалов	119
<i>Рейс Е. С., Савенкова Т. М.</i>	

Личный архив М.П. Грязнова в Музее археологии и этнографии ОмГУ как источник для изучения его деятельности	123
<i>Стяжкина О. В.</i>	
История понятия «бронзовой болезни» в археологических коллекциях	126
<i>Черных Д. Г., Курганов Н. С.</i>	

Новые результаты полевых работ и актуальные проблемы археологического источниковедения

Палеолит и мезолит

Следы как археологический источник	130
<i>Белова А. В.</i>	
Стоянка Кочкари I – новый памятник эпохи мезолита в лесостепном Поволжье (итоги исследований 2017–2019 гг.)	133
<i>Бурыгин М. А.</i>	
Новый памятник эпохи мезолита на р. Ижма Очью Катище	135
<i>Волокитина Н. А.</i>	
Наконечники культуры бrome-лингби на территории белорусской части бассейна р. Неман	138
<i>Горшков А. Д.</i>	
Мезолитические памятники Кольского полуострова: состояние источника	142
<i>Гусева Д. В.</i>	
Роль технологического анализа в изучении памятников среднего палеолита (по материалам Хотылёво I)	149
<i>Иванов Я. Д.</i>	
Верхнепалеолитические комплексы южной галереи Денисовой пещеры	151
<i>Михиенко В. А.</i>	
Орнитоморфная скульптура верхнего палеолита как археологический источник (по материалам палеолитической стоянки Мальта)	154
<i>Панкина А. И.</i>	
Коллекция А. И. Кельсиева как источник по изучению стоянки Костенки I	156
<i>Пахомов Р. В.</i>	

Коллекция орнаментированных дисков и пластин в контексте концепции престижных технологий	158
<i>Ростяженко Т. Е.</i>	
Опыт функционального исследования ударно-абразивных орудий палеолитических комплексов Горного Алтая	161
<i>Селецкий М. В., Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е.</i>	
Предварительные результаты функционального анализа скребковых орудий памятника Дам-Дам-Чешме-2 (мезолит, Восточный Прикаспий)	165
<i>Селецкий М. В., Шнайдер С. В., Алишер кызы С.</i>	
Источниковедческая информативность продуктов микропластинчатого расщепления позднего верхнего палеолита–неолита Северной Азии	168
<i>Уланов А. А.</i>	
<i>Неолит, энеолит и бронзовый век</i>	
Технико-технологический анализ керамики стоянки Сахтыш II	172
<i>Андреева О. В.</i>	
Петроглифы Щёки – новый памятник наскального искусства в горах Восточного Саяна	175
<i>Барков А. В., Матвеев В. Е.</i>	
Ранние неолитические комплексы Камско-Вятского междуречья (по материалам Кошкинской стоянки)	178
<i>Батуева Н. С., Гусенцова Т. М.</i>	
Геометрические фигуры и орнаменты в наскальном искусстве Северной Фенноскандии эпохи камня–раннего металла	181
<i>Березовская В. А.</i>	
Результаты статистического описания материалов стоянки Томское мусульманское кладбище: проблема культурно-хронологической атрибуции	184
<i>Бычков Д. А., Зограф А. А.</i>	
К вопросу изучения жилищных комплексов на памятниках позднего неолита на территории Карелии	188
<i>Васильева Т. А.</i>	
Керамика поселения Маяк 2 (Мурманская область): типология, хронология, планиграфия	191
<i>Волкова А. В., Киселева А. М.</i>	
Освоение бассейна верхней Камы в энеолите и бронзовом веке ...	195
<i>Демаков Д. А.</i>	

О климатическом факторе при переходе к неолиту в Северном Прикаспии	198
<i>Ефремов М. С.</i>	
Источниковедческий потенциал материалов поверхностных сборов (на примере заготовок кремневых серпов из Морочанского микрорегиона, Полесье)	201
<i>Киселева Е. О.</i>	
Древнейшие металлические серпы эпохи бронзы на территории Северного Кавказа	203
<i>Климущина А. И.</i>	
Соотношение дольменного и катакомбного погребального обряда: к постановке проблемы	208
<i>Кожедуб А. А.</i>	
О локальных различиях раннекатакомбного погребального обряда на Нижнем Дону	210
<i>Кожедуб А. Г.</i>	
Ямочно-гребенчатая керамика с поселения Доброе 9 на Верхнем Дону	213
<i>Куличков А. А.</i>	
Парное погребение бабинской культуры из курганного могильника Бургуста I	217
<i>Ларенок О. П.</i>	
Расположение поселений эпохи бронзы Минусинских котловин	221
<i>Лурье В. М.</i>	
Поселенческие памятники поздняяковской культуры эпохи бронзы Волго-Окского бассейна	224
<i>Марьенкина Т. А.</i>	
Одинокое погребение фатьяновской культуры в районе устья р. Оки (результаты исследований 2019 г.)	227
<i>Милованов С. И., Швецова А. А.</i>	
Связь заселения среднего бассейна Куры с естественно-географическими и экономическими факторами в период бронзы	230
<i>Наджафов Ш. Н.</i>	
История одиновской культуры в лесостепной зоне Западной Сибири	233
<i>Некраш А. А.</i>	
Рыболовство на территории Беларуси в каменном и бронзовом веках: историография проблемы	235
<i>Приставко И. Л.</i>	

О дальнейших судьбах орловской керамической традиции	238
<i>Смагина Л. А.</i>	
Ранние цивилизации на перуанском побережье, комплекс Караль: проблема анализа и интерпретации археологической литературы	240
<i>Соколовский В. А.</i>	
Первые результаты петрографического анализа неолитической керамики Среднего Поволжья	243
<i>Сомов А. В., Андреев К. М., Кулькова М. А.</i>	
Проблема выявления жилищ в раннем неолите Карелии: обзор источников	246
<i>Филиппова В. Л.</i>	
Погребения каменного века и эпохи бронзы Северной Фенноскандии	249
<i>Царицына А. Р.</i>	
Новые данные по материалам стоянки Устье Реки Кутарей в Северном Приангарье	253
<i>Чеха А. Н.</i>	
<i>Ранний железный век</i>	
Сравнение детских и взрослых погребений ранних кочевников IV–II вв. до н. э. (на примере материалов раскопок археологической экспедиции под руководством К. Ф. Смирнова)	258
<i>Астафьева В. С.</i>	
Следы обработки цветных металлов на поселениях киевской культуры Подесенья	262
<i>Бажин М. И.</i>	
Сарматские курганы Прихопёрья (результаты исследований Еланской экспедиции ВГУ в 2018–2019 гг.)	267
<i>Ивлиев А. Е., Пичкурова М. И.</i>	
Проблемы интерпретации и датирования культуры плиточных могил Приольхонья (западное побережье оз. Байкал)	271
<i>Магдеева Я. Л.</i>	
Новый памятник в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС – Ала-Тей 4	273
<i>Мурзина С. Р.</i>	
Исследования эталонного памятника киевской культуры Хотылёво 2 в Брянском Подесенье	276
<i>Рябчевский Н. Г.</i>	

Переход от бронзового века к железному в регионе Центрального Кавказа (по материалам могильника у с. Тли)	280
<i>Сташин И. А.</i>	

Античность

Зооморфные ручки сосудов I–III вв. н. э. из коллекции Анапского археологического музея	284
<i>Александрова А. И.</i>	
Структура памятника Солёный-3 в античное время (Таманский полуостров)	288
<i>Батасова А. В.</i>	
Античные святилища Боспорского царства как особые археологические объекты	292
<i>Голубкова Е. В.</i>	
Горгиппийские надгробия с изображением тени	295
<i>Евсюков С. В.</i>	
Танаис в постполемоновский период (I – первая половина II в. н. э.): выделение комплексов и их интерпретация	298
<i>Преснова Н. Н.</i>	

Средневековье

Материалы предмонгольского времени в Древнем Пенджикенте	301
<i>Аминов Ф. Ш.</i>	
Новые данные о погребальном обряде восточных славян (на примере Лысогорского могильника на северной окраине г. Воронежа)	304
<i>Арсенова Н. Е., Клещенко Е. А.</i>	
Особенности распространения наконечников стрел в культурном слое Старой Рязани	309
<i>Артамкин А. Н.</i>	
О цветовых особенностях продукции стекольной мастерской Болгара	313
<i>Близнюкова В. И.</i>	
О находке уникальной монеты Эдварда I в крепости Копорье	315
<i>Горлов К. В.</i>	
Этапы становления технологии производства железных предметов торевтики енисейских кыргызов (по материалам памятников долины р. Ус)	317
<i>Давыдов Р. В.</i>	

Печати Евфросинии Полоцкой: проблемы атрибуции	319
<i>Калбеко Л. Г.</i>	
Новое скопление петроглифов в верховьях Аулиесая на хребте Каржантау (по итогам экспедиции 2019 г.)	323
<i>Кащей О. А.</i>	
Об изучении древнерусских фибул X–XII вв. с территории Могилевского Поднепровья	327
<i>Кузина Е. В.</i>	
Особенности изготовления полых металлических пуговиц средневекового времени (из раскопок городища на плато Эски-Кермен)	330
<i>Лобода А. Ю., Антипенко А. В., Преснякова Н. Н., Терещенко Е. Ю., Яцишина Е. Б.</i>	
Находки варганов из средневековых могильников Пермского Предуралья	333
<i>Моряхина К. В.</i>	
К вопросу о декоративном оформлении орнитоантропоморфных изображений	336
<i>Муратбакиева А. Д.</i>	
Технические приемы, применяемые при строительстве средневековых жилищ Пермского Предуралья	340
<i>Половников Л. В.</i>	
Этносоциальная ситуация в Северном Прихубсугулье в XIII–XIV вв.: предварительные выводы	343
<i>Портнягин М. А.</i>	
Торсированные железные изделия из средневековых материалов Пермского Предуралья	348
<i>Смертин А. Р.</i>	
Тамги на костяных изделиях городища Анюшкар	351
<i>Шмырина М. Е.</i>	
Керамика кузнецкого варианта верхнеобской культуры	355
<i>Щербакова А. В.</i>	

Новое время

Технология изготовления керамической посуды из культурного слоя г. Челябинска XVIII–XIX вв.	358
<i>Букачѐва А. О.</i>	
Некоторые данные по палеорельефу г. Архангельска	361
<i>Зыкова М. Н.</i>	

Муравленые изразцы Енисейского острога (XVII в.). Предварительные данные	364
<i>Кудряшова К. С.</i>	
Опыт исследования стекольной мануфактуры середины XVIII – начала XIX в. (на примере археологических раскопок Ильинской Гуты)	367
<i>Курлович П. С.</i>	
Погребальные памятники позднего Средневековья и раннего Нового времени на территории городов Кирова и Слободского: картографический и топографический аспекты	370
<i>Онуфриенко Ю. А.</i>	
Информативность безынварных погребений (на примере погребальных памятников Белорусского Подвинья XIV–XVIII вв.)	374
<i>Черевко В. В.</i>	
Находки фарфоровых и стеклянных сосудов из погребений церкви Св. Георгия в Старой Ладогe (по материалам раскопок 2013–2014 гг.)	376
<i>Шатый Г. А.</i>	
Список авторов	381
Список сокращений	389

Междисциплинарные исследования в археологии

Опыт и перспективы применения метода оптически стимулированной люминесценции (OSL) в археологии¹

Викулова Н. О.

(Институт археологии РАН, г. Москва)

natasha_vikulova@mail.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-13-16

Люминесцентное датирование – это метод выявления возраста четвертичных отложений путем оценки времени последнего природного облучения (т. е. воздействия солнечного света либо высоких температур) входящих в состав отложений кварца и полевых шпатов перед их захоронением. В зависимости от типа воздействия выделяется термолюминесцентное датирование (далее – TL) и оптически стимулированная люминесценция (далее – OSL). Диапазон датирования OSL от года до 300–500 тыс. лет.

Практика применения. Люминесценция была внедрена в археологические исследования в формате термолюминесцентного метода датирования. Первый опыт применения был предпринят Мартином Эйткенем в 1964 г. при датировании керамики (Aitken, 1964).

Оптический вариант датирования открыт Дэвидом Хантли и коллегами в 1984 г. на физическом факультете Университета Саймона Фрейзера в Британской Колумбии (Канада). Метод вскоре стал использоваться лабораторией Мартина Эйткена в Оксфорде (Англия), но в течение многих лет применялся только этими двумя группами. Теперь во всем мире существуют многочисленные лаборатории, использующие оптическое датирование, однако большинство из них находится в Европе.

Значительное улучшение метода датирования OSL в последние годы делает его применимым к объектам в возрасте от 0 до 150000 лет (в некоторых случаях до 300000 и более) с точностью от 5 до 10 % (Bluszcz, 2005). Первый обзор возможностей применения люминесценции в археологии был выполнен Ричардсом Робертсом (Roberts, 1997). Современная база зарубежных исследований переполнена работами, так или иначе связанными с применением OSL в археологии. Мы условно разделили эти работы на пять блоков.

Первый блок – методический, он связан с формированием базы знаний, адаптированной для специалистов смежных наук, непосредственно связанной с качественным отбором образцов. В 2008 г. были впервые

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 19-77-10077.

изданы методические рекомендации использования OSL в археологии. Это пособие было подготовлено Г. А. Т. Даллером на базе Института географии и наук о Земле Университета Аберистута (Великобритания). Автором были продемонстрированы возможности OSL-датирования для археологических памятников разных эпох: от каменного века до Средневековья (Duller, 2008).

Второй блок, более специальный, предполагает опробование различных подходов и протоколов в работе со сложными многослойными памятниками, стратиграфия которых нарушена солифлюкционными процессами. Разработка в 2008 г. postIR- и IRSL-протоколов – была названа «полевошпатовой революцией». Это открыло возможности датирования более деформированных и древних отложений (Thomsen, 2008). На данный момент мы имеем практику датирования отложений возрастом до 600 тыс. лет.

Третий блок связан с практикой передатирования разрезов, изученных ранее с помощью радиоуглеродного метода и TL. Исследователями активно практикуется проверка радиоуглеродных датировок с помощью OSL. Замечательный пример валидности и возможности применения показывают исследования на голоценовых памятниках озера Туркан (Кения). Удалось практически синхронизировать (горизонт B) возраст OSL $4,23 \pm 0,27$ тыс. лет, который поддерживается C14, возраст $4,71 \pm 0,13$, $4,79 \pm 0,08$ и $4,70 \pm 0,06$ тыс. лет калиброванный (Gail, 2017).

В 2018 г. команда В. Гуэли из Катанийского университета (Сицилия) протестировала кросс-датирование методами TL и OSL (Gueli, 2018). Специалистами был изучен многослойный памятник Валькорренте (Катания), который был заселен в течение длительного периода, от конца неолита до раннего бронзового века. При датировании удалось добиться 95 % синхронизации данных OSL и TL, однако важно учитывать, что изученные отложения были представлены лессами.

Четвертый блок связан в целом с расширением базы объектов, отложения которых датированы с помощью OSL. Здесь можно отметить масштабные работы, выполненные командой Мирослава Мазойча (Институт археологии, Польша) для нубийского комплекса среднего палеолита пустыни Байуда в Судане Австралийской группой на первых ашельских памятниках Испании (Mendez-Quintas, 2018). Крупную работу по датированию и анализу почти полувековой работы с египетской керамикой провела команда научно-исследовательской лаборатории археологии и истории искусств Оксфордского университета (Amber, 2019).

И пятый блок исследований связан с опытом датирования, не только вмещающих отложений, но и поверхностей породы. Впервые этот метод был применен в 1997 г. Командой под руководством Лиритзиса

были датированы известняки Храма Аполлона (550 г. до н. э.) по TL 470±300 г. до н.э. (Liritzis, 1997).

Метод является деструктивным для артефакта и требует его уничтожения, что является значительной проблемой, особенно если коллекция малочисленна. При этом метод активно развивается и открывает новые перспективы. В результате новейших исследований появилась технология, называемая люминесценцией каменной поверхности (RSD). Наиболее полная методическая работа по этому методу подготовлена Е. Л. Селвуд (Sellwood, 2019).

Перспективы применения. Спустя более полувека после публикации первых результатов термолюминесцентного датирования (TL) можно сказать, что люминесцентные виды определения возраста объектов достигли расцвета, признаются научным сообществом и активно используются во всех областях археологической науки: от артефактов до антропологии и геоархеологии. Появление метода оптически-стимулированной люминесценции (OSL) и возможность исследования спектра от мономинеральных единичных зерен до полиминеральных мультяликвот существенно повысили применимость, точность и глубину датирования.

Российские исследователи активно внедряют метод OSL последнее десятилетие. Системное передатирование радиоуглеродных пороговых датировок C14 позволило поставить В. И. Астахову вопрос о корректности характеристики и масштабе каргинского термохрона на территории Сибири (Астахов, 2010).

Активные работы по датированию археологических памятников в России проводятся д. г. н. А. В. Паниным. Также им подготовлены методические рекомендации для отбора образцов (Панин, 2014). Открытие лабораторий, специализирующихся на OSL-датировании в Санкт-Петербурге (ВСЕГЕИ) и Москве (ИГ РАН и МГУ им. М. В. Ломоносова), открывает перспективы для решения фундаментальных задач геохронологии для специалистов широкого профиля, в том числе и в рамках археологической науки.

Список литературы

- Астахов В. И., Назаров Д. В., 2010. Стратиграфия верхнего неоплейстоцена севера Западной Сибири и ее геохронометрическое обоснование // Региональная геология и металлогения. № 43. С. 36–47.
- Панин А. В., 2014. Методы палеогеографических исследований: четвертичная геохронология. Учебное пособие. М.
- Aitken M. J., Tite M. S., Reid J., 1964. Thermoluminescent Dating of Ancient Ceramics // Nature. Vol. 202.

- Aitken M. J., 1998. *An Introduction to Optical Dating. The Dating of Quaternary Sediments by the Use of Photon-Stimulated Luminescence.* Oxford, New York, Tokyo.
- Bluszcz A., 2005. *OSL Dating in Archaeology. Part of the NATO Science Series: IV: Earth and Environmental Sciences book series // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. NAIIV. Vol. 42. P. 137–149.*
- Duller G. A. T., 2008. *Luminescence Dating: guidelines on using luminescence dating in archaeology // Swindon: English Heritage. P. 1–43*
- Gail M. A., Emailauthor E. K., Ndiema J. Q. G., Spencer J. W. K., Harris P. W., Kiura L., Dibble A., Lordan D. P. T., 2017. *Paleoenvironmental Reconstruction of Dongodien, Lake Turkana, Kenya and OSL Dating of Site Occupation During Late Holocene Climate Change // African Archaeological Review. Vol. 34 (3). P. 345–362.*
- Gueli A. M., Garro V., Palio O., Pasquale S., Politi G., Stella G., Turco M., 2018. *TL and OSL cross-dating for Valcorrente site in Belpasso (Catania, Italy) // The European physical Journal plus. P. 1–14.*
- Hood A. G. E., Schwenninger J-L., 2019. *Optically stimulated luminescence (OSL) dating and its application to ancient Egyptian ceramics. P. 1–12.*
- Liritzis I., Guibert P., Foti F., Schvoerer M., 1998. *The temple of apollo (Delphi) strengthens novel thermoluminescence dating method // Georaceology. Vol. 15 (5). P. 479–496.*
- Méndez-Quintas E., Santonja M., Pérez-González A., Duva M., Demuro M., Arnold L. J., 2018. *First evidence of an extensive Acheulean large cutting tool accumulation in Europe from Porto Maior (Galicia, Spain) // Journal Title Scientific Reports. Vol. 8. P. 1–13.*
- Richard G. R., 1997. *Luminescence dating in archaeology: from origins to optical // Radiation Measurements. Vol. 27. P. 819–892.*
- Sellwood E. L., Guralnik B., Kook M., Prasad A.K., Sohbati R., Hippe K., Wallinga J., 2019. *Jain Optical bleaching front in bedrock revealed by spatially-resolved infrared photoluminescence // Journal Title Scientific Reports. Vol. 8. P. 1–12.*
- Thomsen K. J., Murray A. S., Jainal M., Bøtter-Jensena Huntley D. J., Godfrey Smithand D. I., 2008. *M. L. W. Laboratory fading rates of various luminescence signals from feldspar-rich sediment extracts // Thewalt. Optical Dating of Sediments. Nature. Vol. 313. P. 105–107.*
- Wintle A., Murray M., 2006. *A review of quartz optically stimulated luminescence characteristics and their relevance in single-aliquot regeneration dating protocols // Radiation Measurements. Vol. 41. P. 369–391.*

Применение методов геометрической морфометрии для анализа форм керамических сосудов (на примере лепной посуды с Новгородского (Рюрикова) городища)¹

Гиблова А. А., Корнеева И. В.

*(Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург)*

b.vorona76@mail.ru, irunadurasova@mail.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-17-20

Часто исследователи, работающие с морфологически близкими группами керамики, сталкиваются с проблемой четкой дифференциации материала, что приводит к появлению систематизаций, неудовлетворяющих реальные потребности исследователя. Особые сложности возникают при работе с лепной керамикой, связанные с объективными особенностями технологии изготовления, представляющей на выходе большое многообразие форм, что вызывает определенные трудности при обработке данных как типологическим, так и статистическим методами.

В последнее время в археологической науке начинают появляться исследования, основанные на методах геометрической морфометрии (см. например: Громов, Казарницкий, 2014; Казарницкий, Туркина, 2015; Колосов, 2015). Последняя зародилась в недрах биологической науки, с 1980-х – 1990-х гг. применяется для исследования археологических артефактов, и имеет ряд существенных преимуществ при обработке полиморфологического материала.

Геометрическая морфометрия – это совокупность количественных и основанных на них графических методов, позволяющих сравнивать объекты непосредственно по их форме, исключая различия в размерах (Bookstein, 1991). При этом объект описывается совокупностью меток (landmark), выраженных в декартовых координатах, что позволяет избежать зависимости от линейных размеров (Волкова, Суханов, 2017). В основе аппарата геоморфологических исследований лежат понятия прокрустова пространства и эталонного объекта (reference object). Однако, несмотря на сложное математическое содержание, применение методов геометрической морфометрии доступно широкому кругу исследователей благодаря целому ряду программ, находящихся в открытом доступе (Павлинов, Микешина, 2002).

¹ Авторы выражают огромную благодарность Алексею Вячеславовичу Плохову, научному сотруднику Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, за предоставленные материалы и помощь в работе над исследованием, а также Владимиру Павловичу Колосову, младшему научному сотруднику Отдела Античного мира Государственного Эрмитажа.

Основной целью данной работы была попытка применить вышеописанные методы геометрической морфометрии для выявления границ групп форм лепных горшков с раскопок Новгородского (Рюрикова) городища, а также сравнить полученные результаты с существующей типологией лепной керамики Древнего Новгорода (Смирнова, 1976). Для обработки была составлена выборка из 200 фрагментов верхних частей горшков, сделанных без применения гончарного круга во второй половине IX – X вв. (подробнее о датировке см. Плохов, 2009). При отборе объектов для исследования учитывались сохранность и размер (не менее 3 см от уровня ребра) фрагментов. Не вошли в выборку сосуды, форма которых явно отличалась от основной массы, а также экземпляры, сильно деформированные при изначальной формовке.

В ходе работы в программе tpsDig на рисунки сосудов были нанесены метки (landmarks). На каждом из 200 объектов было выставлено по 24 метки (рис. 1а), фиксирующие профильные части формы, подверженные наибольшей изменчивости: губа, шейка, предплечье, плечо (Бобринский, 2018). Данные полученного в итоге TPS-файла были обработаны в программе MorphoJ с помощью анализа главных компонент (Реброва, 2002).

На основе полученных данных были сделаны следующие выводы. Применение методов многомерной статистики и геометрической морфометрии позволило выявить четыре основные группы сосудов, для которых определяющими характеристиками являются: плавность ребра в самой широкой части тулова, высота «шейки» относительно горла и глубина прогиба стенки (рис. 1б). Примечательно, что три из четырех групп представляют реберчатые сосуды и только одна может быть отнесена к горшкам с пологим туловом, хотя Г. П. Смирнова выделяет не менее трех типов горшков с округлым плечиком.

К первой группе относятся сосуды с прямым венчиком и четко выделенным ребром, расположенным в верхней трети горшка. Плечико сосудов слегка изогнуто, плавно переходит в невысокое горло. Данная группа соответствует типу III по классификации С. Г. Смирновой. Вторая группа включает в себя хорошо профилированные сосуды с прямым, реже отогнутым наружу, венчиком, высокой прямой шейкой и хорошо выраженным ребром, переходящим в конусообразное тулово. Ребро расположено низко, у некоторых объектов во второй или третьей четверти высоты сосуда. Данная группа соответствует типу II по С. Г. Смирновой. В третьей группе венчик отогнут наружу, невысокое горло переходит в резко выгибающееся плечико. Ребро, расположенное во второй-третьей четверти верхней части сосуда, имеет хорошо выраженный профиль. Стенка в районе перехода ребра в тулово уплощена. Горшки данной группы соответствуют типу V по классификации С. Г. Смирновой.

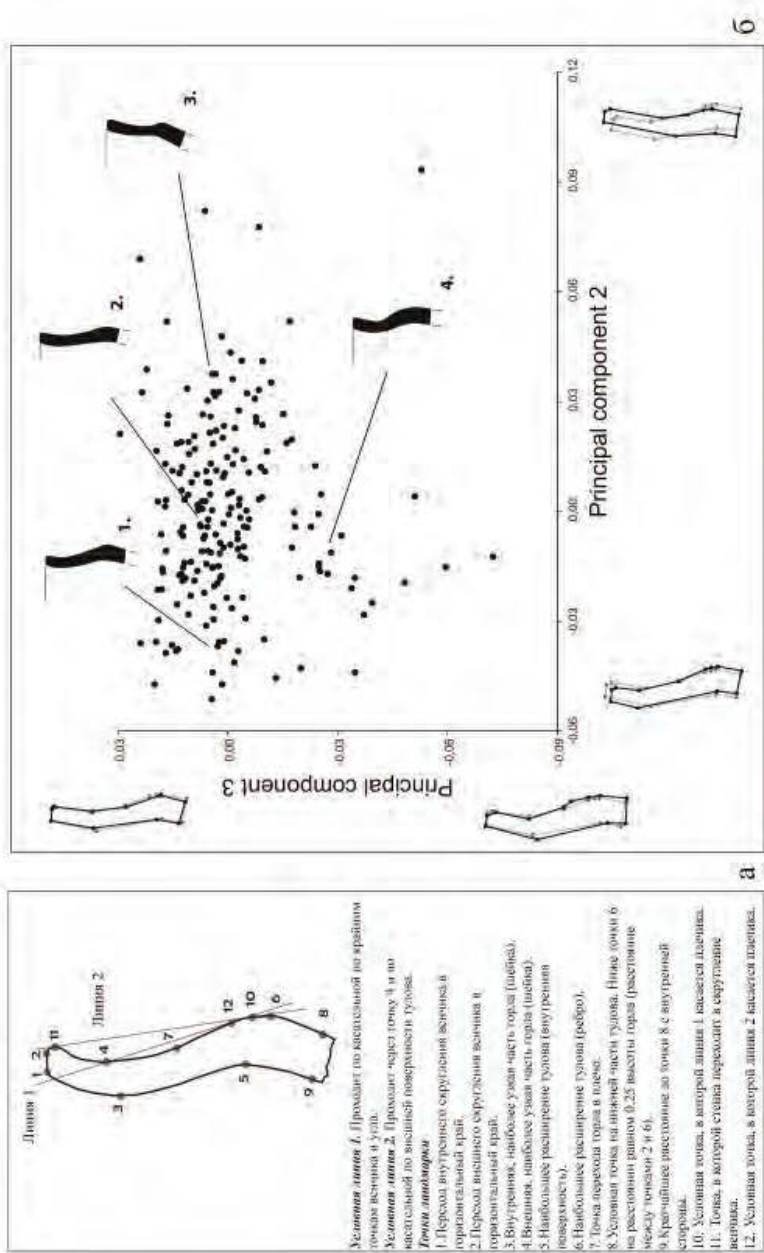

Рис. 1. Результаты геометрической морфометрии: а – расстановка точек ландарков; б – диаграмма рассеяния, демонстрирующая распределение форм венчиков

У последней группы наблюдается слегка отогнутый венчик, сглаженный переход от невысокой «шейки» к пологому, но высокому плечу. Горшки слабопрофилированные, ребро отсутствует. Большая часть сосудов группы может быть отнесена к VI типу по С. Г. Смирновой, однако встречаются и горшки близкие к типам IV и VIII. Также было выделено несколько подтипов данных групп.

Таким образом, очевидно, что выделенные нами группы горшков с Рюрикова городища в целом соответствуют существующей классификации новгородской лепной керамики. Однако наблюдается и ряд отклонений в выделении границ типов сосудов. Необходимо также учитывать, что данные результаты предварительны. Их дальнейшая обработка, включение в исследование дополнительных признаков и расширение выборки могут дать новые данные для выделения более устойчивых групп лепных сосудов.

Список литературы

- Бобринский А. А., 2018. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // *Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход*. М. С. 26–37.
- Волкова Е. В., Суханов Е. В., 2017. Возможности и пределы применения метода геометрической морфометрии для анализа форм глиняных сосудов // *КСИА*. № 248. С. 249–261.
- Громов А. В., Казарницкий А. А., 2014. Применение методов геометрической морфометрии при изучении форм керамической посуды // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. Казань. С. 143–145.
- Казарницкий А. А., Туркина И. С., 2015. Форма могильной ямы и положение скелета: опыт анализа изменчивости методами геометрической морфометрии // *КСИА*. № 238. С. 277–287.
- Колосов В. П., 2015. Эволюция форм дорического фриза. Опыт статистического анализа архитектурных деталей методами геометрической морфометрии // *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. Вып. 5. С. 169–174.
- Павлинов И. Я., Микешина Н. Г., 2002. Принципы и методы геометрической морфометрии // *Журнал общей биологии*. Т. 63, № 6. С. 473–493.
- Плохов А. В., 2009. Лепная керамика из раскопок в Великом Новгороде // *Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева*. В. Новгород, СПб., М. С. 417–431.
- Реброва О. Ю., 2002. Статистический анализ медицинских данных. Применение пакета прикладных программ STATISTICA. М.
- Смирнова Г. П., 1976. Лепная керамика Древнего Новгорода // *КСИА*. № 146. С. 3–10.
- Bookstein F. L., 1991. *Morphometric tools for landmark data: geometry and biology*. Cambridge.

Сравнительные результаты экспериментального сверления минералов полой костью при помощи бура и коловорота

Грехов С. В.

*(Муниципальное автономное образовательное учреждение
Средняя общеобразовательная школа № 1, г. Кушва)*

sergeigreh@mail.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-21-23

Экспериментальное сверление позволяет выявить технологические особенности изготовления отверстий разного диаметра, определить эффективность использования того или иного метода сверления, дать представление о том, каким образом создавались отверстия в древности. Впервые эксперимент по изготовлению отверстий большого диаметра был проведен С. А. Семёновым. На изготовление отверстия диаметром 2,4 см и глубиной 3,4 см в гальке вулканической породы им было затрачено 10 часов работы (Семёнов, 1968. С. 62–65).

На территории Урала известно свыше сотни находок изделий с отверстиями большого диаметра, чаще всего неутилитарного назначения (навершия булав, фигурные молоты, диски с гравировками). Практически все отверстия в этих изделиях выполнены с помощью полой кости. Изготовление таких отверстий возможно с помощью бура или коловорота. В данной работе представлены сравнительные результаты сверления разных минералов с помощью двух вышеуказанных способов.

В ходе экспериментов, проведенных в археологической лаборатории филиала РГППУ в Нижнем Тагиле, с помощью полой кости буровым способом было осуществлено сверление талька, талькохлорита, серпентинита, мрамора, нефрита.

Буровой способ представляет собой использование деревянного стержня с укрепленным сверлом и с поперечной перекладиной. Сверление осуществляется за счет возвратно-поступательных движений и давления на перекладину. По итогам экспериментов было установлено, что плитку мрамора толщиной 1,75 см удалось просверлить за 3 часа 29 минут. В эксперименте использовались два сверла (берцовые кости свиньи) и песок в качестве абразива. Отверстие получилось биконическим, так как сверление осуществлялось встречным способом. Диаметр отверстия с лицевой стороны составил 2,8 см, с противоположной – 2,9 см при начальном диаметре сверла 2,5 см (Канаука, 2018а. С. 45–46). Попытка просверлить плитку нефрита толщиной до 1,2 см не удалась. За 3 часа 30 минут удалось углубиться только на 0,3 см (Канаука, 2018б. С. 95). Плитка талькохлорита (тальк с большим содержанием серпентинита) толщиной 2,3 см была просверлена на глубину 1,4 см за 2 часа 11 минут.

Сверление не было закончено, так как заготовка раскололась (Канаука, 2018а. С. 45).

Автор провел серию экспериментов по сверлению мрамора, нефрита и серпентинита полый костью с помощью коловорота (коленчатого деревянного стержня с прикрепленным грузом в виде расколотого соснового полена). Это позволило выяснить эффективность использования данного метода и сравнить его с буровым. Сверление осуществлялось односторонним способом, абразивом служил мелкозернистый речной песок. Первый эксперимент был проведен на плитке мрамора размером $10,0 \times 6,2 \times 1,7$ см. Сверло имело длину 7,5 см, диаметр 3,1 см, толщину режущей кромки 0,4 см. Через 30 минут после начала сверления глубина отверстия составила 0,5 см, диаметр 3,15 см. Сверло сточилось до 6,5 см в длину. Еще через час работы глубина отверстия составляла уже 1,1–1,2 см. Диаметр отверстия увеличился до 3,3 см, а сверло по длине уменьшилось до 5,2 см.

Отверстие было закончено через 2 часа 15 минут после начала сверления. Диаметр отверстия со стороны начала сверления составил 3,4 см, с противоположной стороны 2,38 см. Сверло по длине сточилось до 4,4 см, а в диаметре до 2,45 см. Коническая высверлина имеет диаметр 1,2–1,6 см и длину 1,75 см.

Далее сверление было продолжено на плитке нефрита с размерами $11,5 \times 5,6 \times 1,1$ см. Готовое отверстие удалось получить за 11 часов 43 минуты. При этом использовались три сверла (берцовые кости свиньи) и песок. Диаметр отверстия с лицевой стороны составил 3,6 см, с противоположной – 2,3 см. Отверстие имеет коническую форму (Грехов, 2019. С. 90).

Для сверления куска серпентинита размером $8,3 \times 6,5\text{--}6,7 \times 2,6$ см использовалась свиная кость длиной 7,5 см, диаметром 3,2 см, толщиной режущей кромки 0,35 см.

На изготовление отверстия было затрачено 3 часа 31 минута. Диаметр отверстия с лицевой стороны составил 3,5 см, с противоположной стороны 2,4 см. Сверло по длине уменьшилось до 4,5 см, в диаметре до 2,25 см. Отверстие получилось коническое, с небольшими ступеньками на одной стороне. Полученная высверлина имеет диаметр 1,4 см.

Сравнение результатов сверления мрамора, нефрита и серпентинита буром и коловоротом показало большую эффективность коловорота (табл. 1). Так, плитки мрамора одинаковой толщины были просверлены буром за 3 часа 29 минут, а коловоротом – за 2 часа 15 минут.

Проведенные эксперименты показали, что при сверлении отверстий в известных на Урале фигурных молотах, булавах и каменных дисках, эффективнее было использовать коловорот.

Таблица 1. Результаты сверления мрамора, нефрита и серпентинита буром и коловоротом

Минерал	Толщина минерала, время сверления буром	Толщина минерала, время сверления коловоротом
Мрамор	1,75 см; 3 ч 29 мин	1,7 см; 2 ч 15 мин
Нефрит	0,7–1,2 см; 3 ч 30 мин, глубина 0,3 см	1,1 см; 11 ч 43 мин
Серпентинит	2,3 см; 2 ч 11 мин, глубина 1,4 см	2,6 см; 3 ч 31 мин

Список литературы

- Грехов С. В., 2019. Эксперименты по сверлению нефрита полый костью // Геоархеология и археологическая минералогия: материалы VI Всероссийской молодежной школы. Миасс, Екатеринбург. С. 88–91.
- Канаука Н. В., 2018а. Эксперименты по изготовлению отверстий большого диаметра // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции. Самара. С. 43–46.
- Канаука Н. В., 2018б. Эксперименты по изготовлению отверстий в твердых минералах // Актуальная археология 4. Комплексные исследования в археологии: Материалы Международная научная конференция молодых ученых (Санкт-Петербург, 2–5 апреля 2018 г.). СПб. С. 93–96.
- Семёнов С. А., 1968. Развитие техники в каменном веке. Л.

Предварительные результаты элементного анализа красных пигментов Зарайской стоянки¹

Губар Ю. С.

(Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск)

julfoxzzz@gmail.com

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-24-27

Зарайская стоянка является одним из опорных памятников верхнего палеолита Восточной Европы. Стоянка расположена на правом берегу р. Осетр в исторической части г. Зарайска в Московской области. Памятник был открыт в 1980 г. А. В. Трусовым, с 1994 по 2003 г. ежегодно исследовался экспедицией Института археологии РАН под руководством Х. А. Амирханова и С. Ю. Льва (Ожерельев, Лев, 2018. С. 92).

Стоянка представляет собой группу памятников (Зарайск А-Ф) (Лев, 2018. С. 84). Чаще всего она определяется как стойбище охотников на мамонтов (Амирханов, Лев, 2007. С. 22). Культурные отложения памятников очень насыщены артефактами и датируются в пределах 23–16 тыс. лет назад. Коллекцию Зарайской стоянки составляют: фаунистические остатки, каменные орудия, костные угли и «керамика». Собрана также коллекция палеолитического искусства и нательных украшений, включающая в себя скульптурные изображения женщин, бизона, ожерелье из зубов песка, ребра с гравировками (Амирханов, Лев, 2007. С. 23).

Отличительной чертой культурного слоя зарайских памятников является его окрашенность, а также присутствие четко выраженных линз красной охры. Из обширной коллекции пигментов были отобраны 10 образцов, из которых 4 имеют искусственное происхождение, а 6 – природное. Образцы представляют собой вкрапления красной и желтой охры в грунте.

Для определения элементного состава пигментов использовался метод сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионной рентгеновской спектроскопией (SEM-EDX), анализ был выполнен на сканирующем электронном микроскопе Hitachi TM3000 и элементном анализаторе Bruker Quantax 70 (оборудование ЦКП «Геохронология кайнозоя», ИАЭТ СО РАН).

Чтобы исключить наличие примесей из почвы был сделан элементный анализ грунта. В его состав входят: кислород (47,43 %), кремний (24,24 %), алюминий (8,41 %); кальций (7,46 %), железо (6,57 %), калий (2,61 %), магний (2,04 %), натрий (0,79 %), титан (0,46 %).

¹ Автор выражает благодарность научному сотруднику отдела археологии каменного века Института археологии РАН, к. и. н. Сергею Юрьевичу Льву за предоставленные материалы.

Химический состав пигментов значительно отличается от состава грунта. Кремния в образцах содержится значительно меньше (8–15 %), как и кальция (1,16–2,49 %), чем в грунте. Калий присутствует в образцах пигмента в пределах 0,40–1,50 %. В составе красителей также зафиксирован фосфор, не обнаруженный при анализе грунта. При этом его содержание не коррелирует с показателями других элементов (как привнесенных из рудного сырья, так и попавших в пигмент из почвы). Возможно, его наличие связано с использованием фосфатных руд или растолченной кости.

Из почвы в элементный состав пигмента вошли: кислород (в пределах 30–50 % присутствует во всех 10 образцах); титан (его содержание в образцах варьируется от 0,28 до 0,65 %, что характерно для почв); натрий (0,40–0,63 %). Магний (от 0,09 до 2,57 %) присутствует только в 7 образцах, вероятнее всего, однако, он также попал из почвы (рис. 1: 1).

При сопоставлении результатов анализа пигментов были выделены две группы: природные и искусственные. Критерием их выделения выступили количественные показатели (железа и алюмосиликатных примесей) (Губар и др., 2019. С. 91). На графике корреляции элементов прослеживается обратная взаимосвязь между содержанием железа и алюмосиликатных примесей (Al, Si). Там же четко прослеживаются указанные выше группы при резком отличии от них показателей образца грунта (рис. 1: 2). Для природных пигментов (обр. 3, 19, 24, 30-1, 30-2, 38), характерно содержание железа от 35,43 до 42,74 % и алюмосиликатов 12,71–22,28 %. Искусственные пигменты (обр. 29, 30, 30-3) характеризуются меньшим количеством железа (14,68–17,33 %) и сравнительно высоким содержанием алюмосиликатов (23,66–27,5 %). Не ясен тип обр. 31, находящегося между двумя группами (Fe – 29,86, Al + Si – 18,7).

Следует отметить, что анализ элементного состава образцов из Зарайской стоянки (Зарайск А) проводился ранее О. В. Яншиной, С. Ю. Львом и П. Е. Белоусовым (2017). Исследователями выполнен анализ образцов «керамики», охры, железистой конкреции из слоя, глины, культурного слоя и покровного суглинка. При пересчете содержания отдельных элементов из соединений и размещении результатов на корреляционном графике фиксируется связь результатов анализов (рис. 1: 3). В одну группу объединены искусственные пигменты, образцы керамики 1 и 2 видов, образец охры (можно предположить, что он является искусственным красителем); в другую – природные пигменты и образец железистой конкреции.

Таким образом, материалы из культурного слоя Зарайской стоянки демонстрируют использование человеком как природных пигментов, приносимых им на стоянку в виде гематитовых руд, так и искусственных,

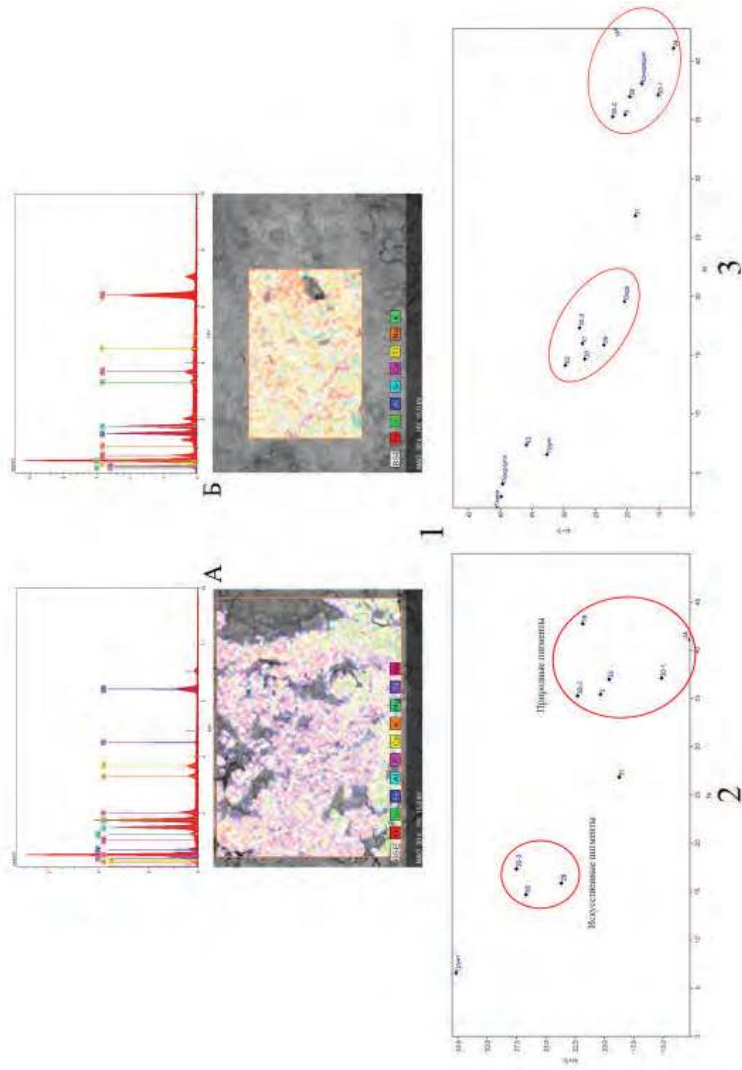

Рис. 1. Результаты элементного анализа образцов: 1 – спектры и пигментные карты типичных образцов (А – искусственный обр. 30, Б – природный обр. 19); 2 – график корреляции элементов Fe – Al + Si (образцы пигментов); 3 – график корреляции элементов Fe – Al + Si (в сравнении с образцами О. В. Яншиной и др.)

с добавлением алюмосиликатов (возможно, глины для большей вязкости). Интересным моментом является корреляция результатов анализа образцов охры и «керамики», характеризующаяся близкими количественными показателями железа и алюмосиликатов. Интерпретация данного факта требует дальнейшего изучения.

Список литературы

- Амирханов Х. А., Лев С. Ю., 2007. Новые произведения палеолитического искусства с Зарайской стоянки // Российская археология. № 1. С. 22–35.
- Губар Ю. С., Синицын А. А., Урюпов С. О., Лбова Л. В., 2019. Физико-химический анализ пигментов стоянки Костенки 14 // Древнейший палеолит Костенок: хронология, стратиграфия, культурное разнообразие (к 140-летию археологических исследований в Костенковско-Боршевском районе). СПб. С. 90–92.
- Лев С. Ю., 2018. Новые памятники палеолита в Зарайске // Записки ИИМК РАН. № 17. С. 84–96.
- Ожерельев Д. В., Лев С. Ю., 2018. Работы Зарайской экспедиции // Археологические открытия. 2016 год. М. С. 92–94.
- Яншина О. В., Лев С. Ю., Белоусов П. Е., 2017. «Керамика» Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2. С. 3–15.

Методы документирования оленных камней Монголии

Зиганишина А. А.

*(Государственный академический университет
гуманитарных наук, г. Москва)
annaalekseevnaz220@gmail.com*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-27-30

Оленные камни – стелы эпохи поздней бронзы и раннескифского времени с выбитыми на них изображениями различных предметов, символов и животных. Наиболее многочисленны оленные камни в центральной и западной Монголии, где по состоянию на 1990 г. учтено около 600 каменных стел (Волков, 2002. С. 26); число выявленных памятников продолжает расти, сведения о них рассеяны по публикациям и не сведены в единый корпус. Оленные камни важны для изучения глобальных миграций (Ольховский, 2005. С. 11), культурных представлений (Савинов, 1994. С. 92) и истории кочевых племен степной полосы Евразии; отмечается взаимосвязь оленных камней с херексурами и плиточными могилами (Худяков, 1987. С. 156–158). Необходимость

сопоставления отдельных памятников, рассеянных по обширным территориям, предполагает выполнение точного документирования стел, их археологического и ландшафтного контекста, так как «лишь тщательная и детальная фиксация создаст мощное информативное поле для объективных реконструкций» (Тишкин, 2013. С. 75).

Традиционно задача документирования оленных камней решалась аналоговыми методами: зарисовкой, эстампированием и фотографированием. Фотография имеет ряд ограничений, возможность выявления изображения по ней зависит от сохранности и материала памятника. Для облегчения прорисовки снимки делаются в процессе создания микалентной копии (Тишкин, 2013. С. 75–77). Дальнейшую работу с фотографиями существенно затрудняет их безразмерность и угловые искажения снимка, обусловленные законами оптики; при фотографировании сведения о геометрии памятника неизбежно теряются. Таким образом, все упомянутые аналоговые методы обнаруживают серьезные недостатки, уже освещавшиеся в литературе (Монна, 2018. С. 116–117), – необъективность, неточность, сложность хранения копии и перевода ее в другой формат.

С начала XXI в. в документировании оленных камней применяется трехмерное моделирование. Виртуальные копии формируются сканированием или фотограмметрической обработкой цифровых фотоснимков. Оба этих способа уже опробованы на оленных камнях разными исследовательскими группами. Например, в рамках американо-монгольского проекта «Deer Stone Project» сканером на структурированном свете за три полевых сезона было документировано 40 стел (Fitzhugh, 2008. P. 113). Практика показывает, данный метод имеет ряд критических недостатков: невозможность работы при ярком свете, низкая производительность и недостаточная детальность моделирования.

Создание 3D-модели с помощью фотограмметрической обработки фотоснимков (также метод Structure from Motion) позволяет получать виртуальные копии существенно более высокой детальности. Метод использовали исследователи во главе с Ф. Монна на камне из Цэцэн Эрэг (Monna et al., 2018), он же опробован на Тамчинском оленном камне (Казаков и др., 2019). Результатом экспериментов стала полуавтоматическая трассировка контуров выбивок на стелах путем применения к поверхности математических алгоритмов (фильтров), позволивших достаточно точно оконтурить рисунки. Следует отметить, однако, что для экспериментов были выбраны стелы с рисунками отличной сохранности.

Методика документирования, примененная в августе 2019 г. на памятниках Баян-Зурх, Нууртын-Дов, Худжирт в Ховдском аймаке Монголии нашей исследовательской группой (Русско-монгольская экспедиция под

руководством А. А. Тишкина и Т.-О. Идэрхангая), предполагала документирование собственно оленных камней, их ландшафтного и археологического контекста. Первоначально она была разработана для работы с эпиграфическими памятниками и петроглифами (Дэвлет и др., 2018; Авдеев, Свойский, 2020) и в 2016 г. опробована нами на оленных камнях Батширээта. Фотографирование осуществляется фотоаппаратом с полнокадровой матрицей высокого разрешения. Для каждой стелы собирается от 150 до 1600 фотографий, что надежно обеспечивает высокую детальность моделирования. Компактные группы оленных камней *in situ* дополнительно снимаются единым комплексом для отражения взаимного положения камней и их соотношения с элементами рельефа. Топографические привязки стел, херексуров, тюрских оградок осуществляются GNSS-приемником геодезической точности и лазерным дальномером. За четыре дня работ было документировано 29 оленных камней, контроль качества выполнялся в день съемки. На основе собранных данных к настоящему времени сформированы полигональные модели 29 камней и двух групп стел (рис. 1). Дальнейшая работа с этим материалом предполагает уточнение контуров выбивок, выявление плохо сохранившихся элементов изображений, автоматизированную прорисовку изображений, выявление участков с сохранившимся пигментом.

Рис. 1. Оленные камни близ с. Баян-Зурх (Ховд аймак, Муст сомон).
Текстурированная модель комплекса MN-043-02 и модель стелы XZ1069 без
текстуры. Составили: Е. А. Романенко, Ю. М. Свойский, А. А. Зиганшина

Опыт проекта позволяет уточнить требования к результатам документирования оленных камней. Цифровой образ памятника должен точно и детально воспроизводить геометрию камня и расположение следов пигментов, обеспечивать возможность измерений, применения к поверхности математических алгоритмов визуализации, фиксировать положение камня в пространстве, его ориентацию (для стел *in situ*) и взаимоотношение с ландшафтным и культурным контекстом.

Список литературы

- Авдеев А. Г., Свойский Ю. М., 2020. Методы документирования эпиграфических памятников Московской Руси в рамках Свода русских надписей (CIR) // Вопросы эпиграфики. М. Вып. X. С. 229–260.
- Волков В. В., 2002. Оленные камни Монголии. М.
- Дэвлет Е. Г., Ласкин А. Р., Пахунов А. С., Романенко Е. В., Свойский Ю. М., 2018. Применение алгоритмов визуализации поверхности при изучении изображений на скалах // Музеефикация историко-культурного наследия: теория и практика. Материалы III Международного научного симпозиума (Бурзянский район Республики Башкортостан, 8–9 июня 2017 г.). Уфа. С. 43–52.
- Казаков В. В., Симухин А. И., Ковалев В. С., Марнуев П. Е., Намсараев Д. В., Лбова Л. В., 2019. Тамчинский оленный камень: опыт документирования мегалитических объектов // Сибирские исторические исследования. № 3. С. 141–167.
- Ольховский В. С., 2005. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.
- Савинов Д. Г., 1994. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.
- Тишкин А. А., 2013. Выявление, документирование и изучение «оленных» камней в долине Буянта (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований. Том 7. № 1. С. 73–90.
- Худяков Ю. С., 1987. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск.
- Fitzhugh W. W., 2008. American-Mongolian Deer Stone Project: Field Report 2007. Washington, D. C.
- Monna F., Esin Y., Magail J., Granjon L., 2018. Documenting carved stones by 3D modelling — Example of Mongolian deer stones // Journal of Cultural Heritage. Vol. 34. P. 116–128.

**Итоги археозоологического изучения материалов с раскопок
2019 г. на городище Тясты Верхнедвинского района
Витебской области**

Зыль А. В.

(Белорусский государственный университет, г. Минск)

lisica-Alesia@yandex.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-31-34

В июле 2019 г. экспедицией исторического факультета Белорусского государственного университета под руководством П. С. Курлович проведены археологические раскопки городища Тясты в Верхнедвинском районе Витебской области. Городище расположено в 0,5 км к востоку от деревни, на левом берегу р. Дриса. Памятник известен в литературе по исследованиям 1981–1982 гг. В. И. Шадыро, который изучил здесь площадь в 160 кв. м. Культурный слой составляет от 0,6 до 2 м. Большинство полученных материалов исследователь соотнес с поздним горизонтом днепро-двинской культуры – I–V вв. н. э. На памятнике представлены характерные для данной культуры предметы быта, а также остеологический материал (Шадыро, 1981. С. 3–9).

Хозяйственный уклад населения Средней и Северной Беларуси вышеуказанного периода был описан А. Г. Митрофановым (1978. С. 45–55) и В. И. Шадыро (1985. С. 89–105; 2006. С. 84–98). В этих работах рассматриваются обобщенные данные о развитии скотоводства и роли присваивающих форм хозяйства – охоты и рыболовства. Отмечается преимущественно мясной характер животноводства, приводятся данные о процентных соотношениях домашних и диких животных, их видовом составе. Вместе с тем, отсутствует более детальный анализ остеологического материала, который позволил бы выяснить, с какими проблемами сталкивалось население днепро-двинской культуры в процессе занятия животноводством, его динамика. Памятники с хорошей сохранностью остеологических материалов и относительно узкой хронологией, подобные городищу в Тястах, позволяют получить новые результаты в этой области.

В 2019 г. изучена сравнимая с исследованиями 1980-х гг. площадь – 80 кв. м. Новый раскоп примыкал к раскопу 1981 г. с восточной части. В коллекцию включено 980 костных фрагментов разной степени сохранности. Из них было определено 193 (19,69 %). В верхних пластах остатки рыхлые и пористые, в более глубоких – гладкие и крепкие. Цвет костей серо-бежевый, грязно-желтый, серо-коричневый. Довольно многочисленны кальцинированные фрагменты бело-желтого и серо-белого цвета, а также частично обугленные остатки – порядка 100 ед. (10,2 %).

Часть костей хорошо определяется, но материал преимущественно фрагментирован, за исключением зубов. В связи с этим их морфометрия весьма затруднительна и имеет мало практического смысла.

Изучение остеологического материала раскопок 2019 г. выявило преобладание костей домашних животных, в основном крупного рогатого скота и свиньи домашней. Было определено следующее соотношение: 60,61 % домашних, 39,39 % диких животных от общего количества определенных остатков.

Видовое соотношение домашних животных: бык домашний (*Bos taurus taurus*) – 41,96 %, свинья домашняя (*Sus scrofa domesticus*) – 16,06 %, мелкий рогатый скот (овца (*Ovis aries*) / коза (*Capra hircus*) домашние) – 2,59 %, от общего числа определимых остатков.

При раскопках памятника в 1981 г. Н. П. Александрович были определены следующие виды домашних животных¹: бык домашний – 39,8 %, свинья домашняя – 22,6 %, овца/коза домашние – 7,6 %, лошадь – 1,1 % от общего числа определимых остатков (Шадыро, 1981. С. 8–18). Таким образом, в сравнении с коллекцией 1981 г., в остеологическом материале 2019 г. немного увеличился процент преобладания костных остатков быка домашнего, снизились показатели присутствия костей других видов, а также не было определено ни одного фрагмента лошади.

Крупный рогатый скот использовался в пищу. Некоторые фрагменты «кухонных остатков» позднее были обгрызены собаками, о чем свидетельствуют отчетливые следы их зубов на костях. В пользу того, что на памятнике употребляли в пищу мясо домашних животных, свидетельствует и то, что среди остатков попадаются кальцинированные и частично обожженные фрагменты костей, а также то, что часть остеологического материала сильно раздроблена. Среди остатков попадают и молочные зубы, а это говорит о наличии молодых особей в хозяйстве. Вероятно, часть из них также шла в пищу.

Несмотря на то что скотоводство на территории Северной Беларуси носило преимущественно мясной характер (Шадыро, 1985. С. 91), крупный рогатый скот употребляли не только в пищу. Так, среди прочих, были обнаружены зубы коровы с характерной истертостью, указывающей на то, что животное содержали до зрелого возраста и использовали для получения молока. Это наблюдение подкрепляют обнаруженные фрагменты трубчатых костей с такими характерными признаками, как сильная рыхлость, уменьшение плотности и пористость кости, сви-

¹ Искренне благодарю автора исследований В. И. Шадыро и Н. П. Александрович, выполнившую анализ, за возможность использования неопубликованных результатов остеологического анализа.

детельствующие о низком содержании кальция. В литературе ранее высказывалось предположение о том, что крупный рогатый скот кроме мяса, давал населению северобелорусских городищ и молочные продукты. Однако акцент на состоянии костей молочных животных не делался (Шадыро, 1985. С. 91; 2006. С. 88).

Н. П. Александрович по результатам исследований на городище в 1981 г. определила следующие виды диких животных: олень обыкновенный – 12 %, бобр обыкновенный – 10,5 %, косуля – 3,2 %, лось – 1,1 %, барсук – 1,1 % от общего числа определимых остатков (Шадыро, 1981. С. 9–19). Данные 2019 г. показывают несколько иной видовой состав, а также процентное соотношение остатков диких животных: лось (*Alces*) – 13,47 %, дикий кабан (*Sus scrofa*) – 7,77 %, косуля (*Capreolus capreolus*) – 1,04 %, бобр обыкновенный (*Castor fiber*) – 0,52 %, куница (*Martes*) – 1,04 %, медведь (*Ursus*) – 0,52 % от общего числа определимого материала. Фрагменты остатков лося принадлежат как минимум двум особям. Причем одно из животных, судя по обнаруженному молочному зубу, было весьма молодое. Обнаружены также мелкие фрагменты птичьих костей (гусь, утка), их процент составил 10,88 %.

Несмотря на обилие остеологического материала, во время раскопок как 1981–1982 гг., так и 2019 г., на памятнике не было найдено ни одного костяного изделия. Однако в 2019 г. была обнаружена лучевая кость крупного рогатого скота, обожженная с одной стороны. На фрагменте не отмечено следов отработки, но кость, вероятно, использовали в качестве импровизированной прихватки. Среди птичьих костей выделяется сильно заглаженный обломок трубчатой кости гуся, возможно, использовавшийся в качестве какого-то инструмента. Также можно выделить фалангу пальца лапы медвежонка с небольшим круглым, незавершенным отверстием. Вероятно, из нее планировалось сделать украшение или амулет, но кость оказалась хрупкой и дала трещину. Находки костяных пластин с отверстиями, изготовленными из ребер, были обнаружены на городище Клишино, а подвески-амулеты – на городище и селище Прудники (Шадыро, 2006. С. 39, 44).

Расположение городища вблизи реки, а также находки рыболовных крючков позволяют предположить, что существенную роль в хозяйстве его жителей играло рыболовство. Среди остеологического материала отмечены остатки рыб, но они отличаются плохой сохранностью и составили всего 4,15 % от общего количества определенных фрагментов. Установить их видовой состав крайне затруднительно, за редким исключением: среди находок 2019 г. была определена жаберная дуга щуки. Плохая сохранность рыбных костей характерна и для других памятников региона (Шадыро, 1985. С. 96–97).

В целом можно отметить, что раскопки городища Тясты 2019 г. дали богатый остеологический материал, часть из которого хорошо поддается исследованию и позволяет пополнить данные о развитии животноводства, охоты и рыболовства в хозяйственном укладе населения севера Беларуси. В дальнейшем найденные остатки можно будет использовать в еще более детальных исследованиях.

Количество найденных костных фрагментов на раскопе № 3 2019 г. в несколько раз превышает коллекцию 1981 г., в которую включено лишь 100 единиц (Шадыро, 1981. С. 8–18). Значительное количество кальцинированных и частично обугленных костных остатков, а также их сильная фрагментированность, следы от зубов собак и режущих инструментов свидетельствует о том, что жители городища активно употребляли в пищу мясо домашних животных, особенно представителей крупного рогатого скота.

Список литературы

- Митрофанов А. Г., 1978. Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.). Минск.
- Шадыро В. И., 1981. Отчет о разведках и раскопках в Верхнедвинском и Полоцком районах Витебской области в 1981 г. // Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 816.
- Шадыро В. И., 1985. Ранний железный век северной Белоруссии. Минск.
- Шадыра В. И., 2006. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.). Минск.

О черепе эпохи средневековья из Ходжахана

Кириченко Д. А.

(Центр антропологии, Институт археологии и этнографии

НАНА, г. Баку, Азербайджан)

dmakrichenko@mail.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-34-39

В феврале 2018 г. в ходе земляных работ во время строительства трубопровода SCPX (проект по расширению Южно-Кавказского трубопровода) на его 344,2 км близ села Эюблу на территории Товузского района Азербайджана был обнаружен череп хорошей сохранности и плечевая кость женщины (возраст 30–40 лет). Вероятно, палеоантропологический материал происходит из разрушенного погребения эпохи Средневековья. Краниологический материал из погребения был исследован по общепринятой в палеоантропологии методике Р. Мартина (по сокращенной программе) (Martin, Saler, 1957; Алексеев, Дебец, 1964). Патологические наблюдения

были осуществлены на основе методики, разработанной А. П. Бужиловой (Бужилова, 1995, 1998), также применялись и другие методические пособия, рекомендации и справочники (Aufderheide, Conrado, 1988; Ortner et al., 1981; Ubelaker, 1978; Waldron, 2008). Рост был вычислен по длине плечевой кости по таблицам Брейтингера и Баха (Breininger, 1937; Bach, 1965).

Череп женский (табл. 1), гипербрахикранный, сфероидной формы, характеризуется средним продольным, очень большим поперечным и очень малым на границе с малыми величинами высотным диаметрами мозговой коробки. Череп (рис. 1: 1) хамекранный, тапейнокранный. Длина основания черепа – малая. Лоб широкий, микроземный. Лицо очень высокое, широкое, ортогнатное, слабо профилированное на верхнем и хорошо профилированное на среднем уровне, по указателю – лептен. Длина основания лица – малая. Нос малый по ширине, высокий, средневыступающий, лепторинный. Орбиты среднеширокие, высокие, гипсиконхные. Антропологический тип: европеоидно-монголоидный. Рост: 157–158 см.

На черепе отмечаются следующие патологии (рис. 1: 2–3): орбитальный целлюлит на медиальных стенках орбит, абсцесс на верхней челюсти (Kiricenko, Nəsənov, 2019). Присутствуют эпигенетические признаки в виде *os suturae lambdae*. На затылочной кости отмечены две округлые остеомы.

Проведенный сравнительный анализ краниологических серий и черепов (табл. 1) эпохи Средневековья (Гинзбург, 1954; Гинзбург, Фирштейн, 1956; Залкинд, Поляков, 1960; 1962; Зезенкова, 1964) показал, что женский череп из Ходжахана имеет сходство с черепами, сочетающими в себе особенности памиро-ферганского и южно-сибирского антропологических типов. Наибольшую близость череп из Ходжахана обнаруживает с черепом женщины из племени огузов из могильника Сасык-Булак с территории Южного Казахстана, а также в меньшей мере с женским черепом из Старой Нисы с территории Южного Туркменистана.

Следует отметить, что находки черепов эпохи Средневековья, сочетающие в себе европеоидно-монголоидные особенности, в настоящее время крайне редки на территории Азербайджана.

Среди палеоантропологических находок европеоидно-монголоидных черепов следует отметить женский череп из Сельбира (средневековое городище Габала (I в. до н. э. – X/XI вв. н. э.), Габалинский район Азербайджанской Республики) (Кириченко, 2014), а также мужской череп из впускного погребения № 8 кургана № 2 из Мингечаура (Кириченко, 2013).

Антропологическое обследование современного населения Азербайджана не выявило четкой концентрации или локализации монголоидной примеси на территории республики (Касимова, 1975).

Однако европеоидно-монголоидные и монголоидные расовые черты, встречаются на территории Азербайджана, но лишь у отдельных людей.

Таблица 1. Сравнительные материалы черепов и палеоантропологических серий эпохи Средневековья ♀

№ признака по Р. Мартину	Ходжахан, Азербайджан, наст. изд.	Старая Ниса, Южный Туркменистан, XII–XV вв. (Зезенкова, 1964)	Эрсари-Баба, Туркменистан, XIV в. (Залкинд, Поляков, 1962, 1964)	Огузы, Саяк-Булак, Южный Казахстан, VIII–X вв. (Гинзбург, 1954)	Тюрки-кочевники, Центральный и Западный Казахстан (сборная), XI–XV вв. (Гинзбург, Фишгейн, 1958)	Казахстан (сборная), VI–XII вв. (Гинзбург, Трофимова, 1972)	Казахстан (сборная), XIII–XV вв. (Гинзбург, Трофимова, 1972)
1	172,8	173	171 (8)	174	171 (11)	171,6 (33)	171,1 (15)
8	151,3	-	148 (8)	146	144,6 (11)	141,7 (34)	143,8 (15)
5	91,5	-	101 (6)	97	97 (9)	96,9 (29)	97,2 (12)
9	96	-	97 (8)	87	93,1 (11)	94,3 (33)	92,8 (15)
17	120,4	-	130 (8)	120	129,2 (9)	128,9 (28)	127,8 (13)
20	123	-	-	107	112,6 (5)	113,8 (29)	111,2 (8)
40	88	-	103 (5)	97	94 (9)	93,3 (28)	93,5 (12)
45	132,2	132	130 (7)	131	132,9 (11)	131,9 (35)	132 (15)
48	76	65,5	73 (8)	73	69,4 (11)	71 (34)	68,1 (15)
51	41	41	40 (8)	42	42,4 (11)	42,3 (35)	42,2 (15)
52	36	34	32 (8)	33	34,1 (11)	33,9 (35)	33,8 (15)
54	22	24	26 (8)	27	24,6 (11)	25,2 (34)	25,1 (15)
55	53	53	49 (8)	55	51,2 (11)	51,1 (34)	50,7 (15)
77	139,9	148,9	142 (8)	139	143,5 (5)	144,7 (33)	144,4 (14)

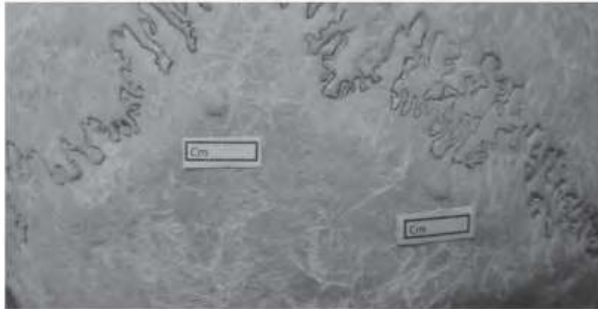
№ признака по Р. Мартину	Ходжахан, Азербайджан, наст. изд.	Старая Ниса, Южный Туркменистан, XII–XV вв. (Зезенкова, 1964)	Эрсари-Баба, Туркменистан, XIV в. (Залкинд, Поляков, 1962, 1964)	Огузы, Саянк-Булак, Южный Казахстан, VIII–X вв. (Гинзбург, 1954)	Тюрки-кочевники, Центральный и Западный Казахстан (сборная), XI–XV вв. (Гинзбург, Фириштейн, 1958)	Казахстан (сборная), VI–XII вв. (Гинзбург, Трофимова, 1972)	Казахстан (сборная), XIII–XV вв. (Гинзбург, Трофимова, 1972)
< ZM	118,9	-	137 (8)	135	132,4 (10)	133,9 (32)	132,8 (13)
75 (1)	25	-	19 (6)	22	24 (10)	22,9 (30)	22,7 (14)
8:1	87,56	-	86,5 (8)	83,9	84,6 (11)	82,3 (33)	84,1 (15)
48:45	57,4	49,6	56,1 (7)	55,7	52,3 (11)	55,4 (34)	52,1 (15)
52:51	87,8	82,9	80 (8)	78,5	80,3 (11)	80,3 (35)	80,2 (15)
54:55	41,5	45,3	53 (8)	49,1	48,2 (11)	49,4 (33)	49,5 (15)

1

2

3

Рис. 1. Женский череп из Ходжахана: 1 – общий вид черепа; 2 – орбитальный целлюлит и абсцесс; 3 – остеомы и os suturae lambdae

Список литературы

- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропометрических исследований. М.
- Бужилова А. П., 1995. Древнее население: Палеопатологические исследования. М.
- Бужилова А. П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М. С. 87–147.
- Гинзбург В. В., 1954. Материалы к антропологии древнего населения Южного Казахстана // СА. № XXI. С. 379–393.
- Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972. Палеоантропология Средней Азии. М.
- Гинзбург В. В., Фирштейн Б. В., 1958. Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана // Сборник МАЭ. Т. XVIII. С. 390–427.
- Залкинд Н. Г., Поляков С. П., 1962. Краниологические материалы из средневековых погребений Южной и Северо-Западной Туркмении // Вопросы антропологии. № 11. С. 133–143.
- Залкинд Н. Г., Поляков С. П., 1964. Материалы к характеристике средневековых кладбищ Западной Туркмении // Проблемы этнической антропологии Средней Азии. Ташкент. С. 29–36.
- Зезенкова В. Я., 1964. Краниологический материал с территории Туркмении XII в. // Вопросы антропологии. № 18. С. 125–131.
- Касимова Р. М., 1975. Антропологическое исследование современного населения Азербайджанской ССР. Баку.
- Кириченко Д. А., 2013. Воины Золотой Орды в Азербайджане по данным антропологии // Золотоордынская цивилизация. Казань. № 6. С. 106–111.
- Кириченко Д. А., 2014. К палеоантропологии Сельбира (предварительно сообщение) // Актуальная археология 2. Археология в современном мире: в контакте и в конфликте. СПб. С. 97–102.
- Aufderheide A. C., Conrado R.-M., 1998. The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology. Cambridge.
- Bach, A., 1965. Zur Berechnung der Körperhöhe aus den langen Gliedmaßenknochen weiblicher Skelette // Anthropologischer Anzeiger. № 29. P. 12–21.
- Kiriçenko D. A., Həsənov V. P., 2019. Tovuz rayonu ərazisindən təsadüfə aşkar edilmiş insan kəllə sümüyünün tədqiqinə dair:orbital sellulit // Tarix, insan və cəmiyyət. Bakı. N 1. С. 27–33.
- Martin R., Saller K., 1957. Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer Darstellung, mit Besonderer Berücksichtigung der Anthropologischen Methoden. Bd. I. Stuttgart.
- Ubelaker D. H., 1978. Human Skeletal Remains. Excavation, Analyses, Interpretation. Chicago.
- Waldron T., 2008. Paleopathology. Cambridge.

Возможности применения геометрической морфометрии в анализе каменных артефактов¹

Лада А. Р., Пугачева Е. В.

(Институт истории материальной культуры РАН;

Европейский университет, г. Санкт-Петербург)

an7onlada@gmail.com

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-40-43

Основные идеи метода геометрической морфометрии были сформулированы в начале 80-х годов XX в. Уже в следующие десять лет метод стал активно применяться для морфологического анализа биологических объектов (Казарницкий, Громов, 2014). Первые случаи его применения для анализа артефактов были связаны уже с началом XXI в.

Процесс работы с геометрической морфометрией можно условно разделить на два этапа – получение координат меток объекта и анализ полученных данных. На первом этапе на выбранных предметах ставятся метки (landmarks), которые определяют форму объекта и его ориентацию относительно точки отсчета. Далее, исходя из совокупности координат всех анализируемых объектов, формируется эталонный объект. Он имеет усредненную конфигурацию и минимально отличается по расположению меток относительно других объектов выборки. Именно относительно эталонного объекта на следующем этапе будет проводиться сравнение всех анализируемых предметов. В результате вся полученная информация по координатам меток образует математическую модель – пространство структур, которое потом формирует необходимые для анализа кендаллово и прокрустово пространства (Павлинов, Микешина, 2002). Работа на этапе получения координат меток объектов осуществляется с помощью программы TPSdig (Rohlf, 2001). Эта программа позволяет работать с графическими файлами и дает возможность расставлять и редактировать метки и полуметки.

На втором этапе анализа, работе с пространственными структурами, ключевым параметром является прокрустово расстояние – величина, которая характеризует различия между конфигурациями форм объ-

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 20-09-00233 «Хронология и культурная дифференциация палеолита Костенковской группы как основа культурно-исторических и палеодемографических реконструкций» и № 18-39-20009 «Динамика развития палеолитических индустрий Костенок в контексте глобальных климатических изменений МИС3-МИС2», и в рамках темы государственного задания № 0160-2019-0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций».

ектов в числовых значениях. Наличие количественных признаков, описывающих форму, дает возможность применять такие методы многомерной статистики, как анализ главных компонент и факторный анализ, которые также применяются при работе с линейными размерами. Основные операции по анализу данных на этом этапе осуществляются в программной среде MorphoJ (Klingenberg, 2011).

Применение геометрической морфометрии в археологии каменного века предоставляет исследователям широкий спектр возможностей, в первую очередь, непредвзято оценивать и сопоставлять форму артефактов вне зависимости от размера и, что еще более важно, материала. Примером применения геометрической морфометрии для сравнения формы артефактов разного размера и материала служит работа Августа Косты (Costa, 2010). Проанализировав двусторонне обработанные изделия из кости и камня с ашельской стоянки Капель ди Гуидо (Castel di Guido) из Центральной Италии, автор пришел к выводу о значительной степени сходства форм бифасов разного размера, изготовленных из двух принципиально разных по своим физическим свойствам материалов – камня разных пород и кости. Высокая степень сходства формы бифасов из кости и камня позволила автору интерпретировать эти данные как результат перенесения схемы изготовления орудий из камня на изделия из кости.

Другим важнейшим качеством метода геометрической морфометрии является возможность его адаптации для решения принципиально разных задач. Он может применяться и при типологическом, и технологическом анализе каменных изделий. За последние несколько лет вышла целая серия работ, где, работая с типами каменных изделий, исследователи наряду с традиционными методами анализа артефактов используют метод геометрической морфометрии (Serwatka, Riede, 2016; Ivanovaite et al., 2019).

В рамках технологического подхода геометрическая морфометрия предоставляет исследователю еще больше ресурсов для работы с формой изделия. Она дает возможность проследить динамику изменения формы артефактов на разных стадиях их изготовления, показать связь между конкретным технологическим приемом и формой предмета. Особенно хорошо для такого анализа подходят изделия, которые во время своего изготовления проходят сквозь универсальные стадии, например тонкие бифасы – от создания площадок к утончению и от изготовления преформы к формированию орудия соответственно (Adrefsky, 1998). Те же методы анализа применимы для наблюдения за меняющимися в процессе использования форму и подвергающимися ретушированию артефактами (Serwatka, 2014; Weiss et al., 2018).

Кроме наблюдения за изменчивостью формы, геометрическая морфометрия позволяет оценить ее устойчивость. Так, в своей статье авторы

эволюцией современного культурного поведения (behavioral modernity) в Южной Африке, начиная от среднего каменного века (Middle Stone Age) до неолита. При оценке степени стандартизации каменных орудий исследователи опирались на анализ массового материала (скребков, скребел, пластин и отщепов с ретушью). В итоге получилась достаточно интересная картина: стандартизация формы каменных орудий от среднего к позднему каменному веку (Later Stone Age) плавно возрастала, но затем в неолите случился удивительный рост разнообразия типов каменных орудий. Так было показано отсутствие линейной связи между стандартизацией орудий и эволюцией культурного поведения.

Таким образом, применение метода геометрической морфометрии позволяет исследователю работать с формой артефакта на разных уровнях – от типа до категории. Благодаря этому метод может использоваться и для решения локальных задач, таких как описание изменения формы изделий в рамках определенной технологии, и для задач более высокого порядка, как в случае с определением степени стандартизации каменных орудий и связи этого параметра с эволюцией культурного поведения.

Список литературы

- Громов А. В., Казарницкий А. А., 2014. Применение методов геометрической морфометрии при изучении форм керамической посуды // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань. С. 143–145.
- Павлинов И. Я., Микешина Н. Г., 2002. Принципы и методы геометрической морфометрии // Журнал общей биологии. Т. 63, № 6. С. 473–493.
- Andrefsky W., 1998. Lithics: macroscopic approach to analysis. Cambridge.
- Bookstein F. L. 1991. Morphometric tools for landmark data: geometry and biology. New York.
- Costa A. G., 2010. A Geometric Morphometric Assessment of Plan Shape in Bone and Stone Acheulean Bifaces from the Middle Pleistocene Site of Castel di Guido, Latium, Italy // New Perspectives on Old Stones: Analytical Approaches to Paleolithic Technologies. New York. P. 23–41.
- Ivanovaitė, L., Serwatka, K., Hoggard, C., Sauer, F., Riede, F., 2019. All these Fantastic Cultures? Research History and Regionalization in the Late Palaeolithic Tanged Point Cultures of Eastern Europe // European Journal of Archaeology. P. 1–24.
- Klingenberg C. P., 2011. MorphoJ: an integrated software package for geometric morphometrics // Molecular Ecology Resources. Vol. 11. P. 353–357.
- Monnier G. F., McNulty K. P., 2010. Questioning the Link Between Stone Tool Standardization and Behavioral Modernity // New Perspectives on Old Stones: Analytical Approaches to Paleolithic Technologies. New York. P. 61–81.

- Rohlf F. J., 2006. tps Utility Program. Version 1.38. Stony Brook.
- Serwatka K., 2014. Shape variation of Middle Palaeolithic bifacial tools from southern Poland: a geometric morphometric approach to Keilmessergruppen handaxes and backed knives // *Lithics: The Journal of the Lithic Studies Society*. Vol. 35. P. 18–32.
- Serwatka K., Riede F., 2016. 2D geometric morphometric analysis casts doubt on the validity of large tanged points as cultural markers in the European Final Palaeolithic // *Journal of Archaeological Science: Reports*. Vol. 9. P. 150–159.
- Weiss M., Lauer T., Wimmer R., Pop C. M., 2018. The Variability of the Keilmesser-Concept: a Case Study from Central Germany // *Journal of Paleolithic Archaeology*. Vol. 1 (3). P. 202–246.

Комплексное исследование античной фасосской керамики естественно-научными методами¹

*Мандрыкина А. В.^{1,2}, Терещенко Е. Ю.^{1,3}, Хмеленин Д. Н.³,
Антипин А. М.³, Кварталов В. Б.³, Чернобахтова Е. В.¹,
Алексеева О. А.³*

*(¹НИИЦ «Курчатовский институт», г. Москва; ²Московский
государственный университет им. М. В. Ломоносова,
физический факультет, г. Москва; ³ФНИЦ «Кристаллография
и фотоника» РАН, г. Москва)
mandrykina_av@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-43-46

Керамические изделия являются важнейшим источником информации о материальной культуре древнего населения, истории торговых и культурных связей, развитии ремесел и основанием для датирования памятников. Достаточно часто возникает необходимость уточнения локализации использованных материалов для изучения производственных центров и выявления особенностей примененных технологий. Для этого используются различные естественно-научные методы, каждый из которых дает определенный тип информации об изделии. Их комбинация позволяет всесторонне охарактеризовать керамические артефакты, взаимно уточняя или дополняя получаемые результаты (Антипин и др., 2019; Santacreu, 2014, Santos et al., 2020).

Целью настоящей работы являлось выявление характерных макро- и микроособенностей фрагментов пятнадцати керамических изделий

¹ Коллектив авторов выражает благодарность С. Ю. Монахову за предоставленные образцы.

с клеймами, относимыми к фассосским мастерским и датированными V–IV вв. до н. э. Для исследования использовался комплексный подход, разработанный в рамках гранта РФФИ офи-м № 17-29-04201 (Антипин и др., 2019; Мандрыкина и др., 2018) и включающий исследования методами: оптической (ОМ) и электронной микроскопии (растровая электронная микроскопия – РЭМ, просвечивающая растровая электронная микроскопия – ПРЭМ) в сочетании с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом (ЭРМ), рентгенофазового анализа (РФА) и масс-спектропии с индуктивно-связанной плазмой (МС-ИСП). Указанный перечень методов позволяет изучить интегральные и локальные характеристики керамического материала, а именно: морфологию, элементный и фазовый состав глиняной основы и неорганических включений. (Антипин, 2019; Мандрыкина, 2018; Santos et al., 2020).

Исследуемые образцы отбирались от изделий различных временных периодов: V в. до н. э. первая четверть (№ 41), IV в. до н.э.: начало (№ 108), первая четверть (№ 105, 106, 107, 109, 217), первая половина (№ 184), середина (№ 214), третья четверть (№ 215, 216, 218), конец (№ 173), а также образцы со спорной датировкой (№ 146, XX).

В ходе комплексных исследований были получены следующие результаты.

В исследуемых образцах отсутствует шамот, а присутствующие примеси равномерно распределены. В образцах встречаются бурый железняк, известняк, слюда и фрагменты раковин. Совместный анализ карт распределения элементов, полученных методом РЭМ/ЭРМ и оптических изображений (ОМ) шлифов образцов, позволил получить процентное содержание включений с преимущественным содержанием определенных элементов: белых (Ca), прозрачных (Si), темных (Fe). В ходе исследования методом РФА было выявлено присутствие различных минеральных фаз – все образцы показывают наличие кварца (Si). В ряде образцов присутствует значительное количество кальцита (№ 41, 105, 108, 215, 216, XX) и амфибола (№ 108, 146, 173, 184, 217, 218). В результате совместного анализа карт распределения элементов с данными РФА были выявлены сложносоставные включения: эпидот (Ca, Fe, Al, Si) и два вида слюды – мусковит (Ca, K, Al, Si) и флогопит (K, Mg, Al, Si). В образцах присутствуют минералы изоморфного ряда альбит $\text{NaAlSi}_3\text{O}_8$ – анортит $\text{CaAl}_2\text{Si}_2\text{O}_8$, имеющие пороодообразующее значение: альбит – в образцах № 41, 106, 107, 146, 175, 184, 214, 216, XX, анортит – в № 105, 108, 109, 173, 218. В некоторых изделиях обнаружены не характерные для остальных образцов фазы: клинохлор и рутил (№ 217), гематит (№ 175), и группа минералов микроклин (№ 106, 184, 215, 216) – ортоклаз (№ 215) – санидин (№ 109). Элементный состав глиняной основы (ПРЭМ/ЭРМ) включает

в себя помимо алюмосиликатной матрицы (Al, Si) следующие элементы: Na, Mg, P, Cl, K, Ca, Ti, Fe, Mn. Анализ микро- и следовых примесей в образцах (МС-ИСП) определил содержание 50 элементов: Li, B, Na, Mg, Sc, Ti, V, Cr, Mn, Fe, Co, Ni, Cu, Zn, Ga, As, Se, Sr, Y, Zr, Nb, Mo, Ag, Cd, In, Sn, Sb, Te, Ba, La, Ce, Pr, Nd, Sm, Eu, Gd, Tb, Dy, Ho, Er, Tm, Yb, Lu, Hf, Ta, W, Tl, Pb, Th, U.

Результаты анализа фазового состава образцов (РФА) позволяет сделать предварительные выводы о температуре обжига изделий. Присутствие глинистого минерала монтмориллонита в образцах № 184, 214 свидетельствует о низкотемпературном обжиге (температура не более 500° С). Сохранение фазы кальцита в образцах № 41, 105, 108, 184, 216, 217, XX указывает на температуру обжига не более 850° С. Наиболее выделяющимися по данным РФА является образец № 217.

По суммарному количеству примесей, определенных по шлифам методами ОМ и РЭМ/ЭРМ, образцы можно разделить на три группы: 2,9–5,3 % – № 106, 146, 173, 214, 215; 6,8–9,3 % – № 107, 108, 184, XX, 217, 218; 10,5–14,6 % – № 41, 105, 109, 216.

Статистический анализ главных компонент по данным МС-ИСП показывает, что исследуемые образцы можно разделить на три группы: I – № 217; II – № 214, 215; основной массив образцов сосредоточен в группе III и может быть разделен на три подгруппы – а) № 41, 105, 106, 107, 108, 109, 146; б) № 216, 218; в) 173, 184, XX. Основной фактор группировки образцов определялся содержанием Na, Mg, Ti, V, Cr, Mn, Fe, Co, Ni, Cu, Zn и рядом редкоземельных элементов (Y, Nd, Sm, Gd, Dy, Yb, Hf). Образец № 217 существенно отличается от остальных образцов и по фазовому составу.

Как можно видеть, по различным показателям образцы формируются в различные группы, но, на наш взгляд, наиболее весомыми для географической локализации являются данные о содержании редкоземельных элементов.

Список литературы

- Антипин А. М., Кварталов В. Б., Светогоров Р. Д., Серегин А. Ю., Федосеев Н. Ф., Терещенко Е. Ю., Алексеева О. А., Яцишина В. Б., 2019. Рентгеновские, синхротронные и масс-спектрометрические методы в исследовании керамических объектов культурного наследия. // Кристаллография. Т. 64, № 3. С. 484–493.
- Мандрыкина А. В., Хмеленин Д. Н., Колобылина Н. Н., Васильев А. Л., Смекалова Т. Н., Федосеев Н. Ф., Терещенко Е. Ю., Алексеева О. А., Яцишина В. Б., 2018. Исследования античной крымской керамики методами электронной микроскопии // Кристаллография. Т. 63, № 5. С. 832–841.

- Santacreu D. A., 2014. Identifying spathic calcite recipe in archaeological ceramics: possibilities and limitations // *Cerâmica*. Vol. 60. P. 379–391.
- Santos Y., 2020. An archaeometric contribution to the study of Late Classic-Hellenistic ceramics of Northern Greece // *Journal of Archaeological Science: Reports*. Vol. 29. P. 1–15.

Зольники как объекты междисциплинарного исследования (на примере зольника Черемуховый Куст)

Насонова Э. Д.

(Тюменский научный центр, г. Тюмень)

eleonora_nasonova@mail.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-46-48

Одним из объектов археологического исследования быта древнего населения являются зольники, существовавшие с эпохи бронзы по ранний железный век на территории всей лесостепной зоны Евразии. В лесостепной части Западной Сибири зольники сопровождают многие поселения эпохи бронзы и известны для памятников ирменской, федоровской и алакульской культур. Несмотря на неоднократные раскопки этих объектов, в данный момент они остаются плохо изученными как в археологическом, так и естественно-научном плане. Вероятнее всего, это связано с трудностями выявления зольников в ландшафте поселенческого комплекса, а также с разным пониманием исследователями сущности данного явления (Матвеев, Сидоров, 1985; Гершкович, 2009; Корочкова, 2009).

В связи с многообразием находок, полученных из исследованных зольников, существует необходимость в их более детальном изучении междисциплинарными методами для установления функции и способа их сооружения, и рассмотрения их в контексте получения более полного представления о жизнеобеспечении древнего населения и его традициях.

С этой целью было проведено тестовое исследование, которое включило в себя спорово-пыльцевой, фитолитный и геохимический анализы, объектов поселения Черёмуховый Куст (Тюменская обл., Ялуторовский р-н), в состав которого вошли зольник, жилище и межжилищное пространство. Археологические раскопки на памятнике были проведены В. А. Захом в 1995 г. (Зах, 1995). Данный памятник был выбран в связи с хорошей изученностью и четкой фиксацией в его структуре зольника.

Зольник 2 – округлая площадка высотой 0,2–0,3 м, размером 20 × 28 м, вытянутая длинной осью с северо-востока на юго-запад. Мощность зольника составляет 0,30–0,35 м, вероятнее всего, его формирование связано с началом существования поселения. Зольник 2 является наи-

более крупным объектом данного типа на памятнике и основным накопителем золы и отходов (керамика, кости животных). В слоях зольника были обнаружены следующие предметы: игральная кость, костяные наконечники стрел, обломок глиняной литейной формы, грузило, обломки камней со следами сработанности, изделие из расколотого зуба животного, бронзовое шило, костяная проколка.

Жилище № 2 исследовано частично, ширина 12,5 м, глубина 0,1 м. Площадь котлована, вероятно, составляла около 200 кв. м. Внутри жилища фиксируются столбовые ямки и колодец. В жилище были найдены керамика, кости животных, обломки камней со следами сработанности, костяной наконечник стрелы, два обработанных шлифовкой бараньих альчика, обломок литейной формы.

Межжилищное пространство расположено между жилищами № 1 и № 2, включало в себя столбовые и хозяйственные ямы.

Спорово-пыльцевой анализ исследуемых объектов не показал какой-либо разницы в концентрации антропогенных маркеров (непыльцевые палиноморфы, пыльца) между разными археологическими объектами, хотя изначально предполагалось, что в образцах из зольника должны присутствовать в большом количестве споры капрофильных грибов.

Интересным является большое разнообразие пыльцы трав в образцах межжилищного пространства по сравнению с остальными объектами, это можно интерпретировать двумя способами: 1) межжилищное пространство является открытым участком, и здесь осаждалось из воздуха больше пыльцы разнообразной травянистой растительности, в отличие от закрытого объекта – жилища; 2) слой, в котором были отобраны образцы, не соотносится со временем существования зольника и жилища.

Большое количество спикул губок в межжилищном пространстве и жилище, возможно, свидетельствуют о том, что эта территория затопливалась или являлась местом для очистки снастей.

По данным фитолитного анализа, проведенного А. А. Гольевой (анализ проведен в Институте географии РАН), образцы из всех объектов имеют схожий фитолитный состав, за исключением фитолитов мха, присутствующих в образцах жилища, возможно, это говорит об использовании его в обустройстве в качестве подстилки. Также мох мог расти на разложившейся древесине, которой был выложен пол жилища или упавшей внутрь жилища после его разрушения. Обнаруженные обломки фитолитов в образцах межжилищного пространства и жилища могут свидетельствовать об использовании скошенной/сорванной травы в качестве подстилки или для кормления скота. Спикулы губок были зафиксированы на участке межжилищного пространства и по результатам фитолитного анализа, что совпадает с результатами спорово-пыльцевых данных.

Полученные данные по геохимическому анализу культурных слоев (анализ проведен в Пущинском научном центре РАН) оказались сложными для интерпретации. Специфика отбора почвенных проб по генетическим горизонтам оказалась непродуктивной для археологического памятника, где требуется более частый отбор проб, чтобы зафиксировать на графике изменения геохимического состава в слоях.

Геохимический анализ показал значимые изменения в концентрации биофильных элементов только на участке зольника; в межжилищном пространстве и в заполнении жилища не выделены слои, которые могут быть геохимически маркированы как культурный слой.

На участке зольника на глубине 30 см выделены максимумы содержания оксидов фосфора и кальция, такая высокая концентрация биофильных элементов в грунте соответствует современным эталонным образцам на фермах и связана с большим количеством навоза в этом месте.

Таким образом, по итогам тестового исследования установлено, что результаты микроботанического анализа не маркировали слои зольника; геохимический анализ показал всплеск элементов, связанных со скотоводческим типом хозяйства, но в стратиграфии эта глубина не относилась к зольнику. В связи с этим можно предположить, что в данном случае стратиграфически (и возможно планиграфически) слой зольника был выделен неверно во время раскопок, либо объект, отнесенный к зольнику, имеет иной генезис и не связан с накоплением органического мусора. Тем не менее требуется продолжить дальнейшие исследования на других зольниках региона при более тщательном отборе проб на все виды анализов, чтобы объективно оценить возможности этих объектов при исследовании естественно-научными методами.

Список литературы

- Зах В. А., 1995. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск.
- Корочкова О. Н., 2009. О западносибирских зольниках эпохи поздней бронзы // РА. № 1. С. 25–35.
- Гершкович Я. П., 2009. Зольники белогрудовского типа – сложные монументальные структуры эпохи поздней бронзы // Археологический альманах. Симферополь. № 20. С. 327–332.
- Матвеев А. В., Сидоров Е. А., 1985. Ирменские поселения лесостепного Приобья // Западная Сибирь в древности и Средневековье. Тюмень. С. 29–54.

**Краниологические особенности кочевников раннего
железного века в Оренбургской области
(историографический аспект)**

Нуркенова А. Ж.

*(Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург)*

sukhamberlieva@mail.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-49-51

Сарматы – древние ираноязычные кочевые племена, обитавшие в степях Евразии с IV в. до н. э. по IV в. н. э.

Целью данной работы является анализ точек зрения, сложившихся в исторической науке на краниологические особенности кочевников раннего железного века.

С. И. Руденко (Руденко, 1918) один из первых рассматривал палеоантропологический материал ранних сарматов. Автор дает описание антропологического типа сарматов, который он определил как вариант широкоголовых европеоидов.

Палеоантропологический материал эпохи раннего железа анализировал Г. Ф. Дебец (Дебец, 1948). Он отмечал, что черепа из Прохоровских курганов не относятся к андроновскому варианту, а являются представителями другого (брахикранныго) элемента; сарматский «элемент» морфологически соотносится с памирским типом населения Семиречья.

Серийный материал по краниологии кочевников раннего железного века опубликован Т. С. Кондукторовой (Кондукторова, 1962), которая сделала вывод об участии в расогенезе сарматов Приуралья андроновского населения с территории Казахстана, не исключая участия срубного компонента.

М. С. Акимовой (Акимова, 1968) опубликованы три серии черепов IV–III вв. до н. э. разного по физическому типу населения из могильников Южного Приуралья.

В монографии М. А. Балабановой (Балабанова, 2000) собран и обобщен весь имеющийся сарматский краниологический материал на конец XX в. Автор делает выводы, что у населения VI в. до н. э. – первой половины II в. н. э. преобладал тип восточных европеоидов, при участии карасукского и андроновского населения.

В монографии В. Ю. Малашева и Л. Т. Яблонского (Малашев, Яблонский, 2008), проводится краниологический анализ серий из курганного могильника Покровка 10 позднесарматского времени, который показал неоднородность популяции и формирование ее на основе трех морфологических компонентов. Один из них имел приуральское происхождение. Две другие

группы появились в результате миграции: 1 – с территории Средней Азии или Казахстана; 2 – с Закавказья.

В монографии Л. Т. Яблонский (Яблонский, 2017) отмечал, что антропологический тип ранних восточных европеоидов был выявлен на материалах савроматского и раннесарматского времени Волго-Уральского региона. Автор предлагает гипотезу о прародине «восточных европеоидов», которая сформировалась в V–IV вв. до н. э. в Южном Приуралье с участием лесостепных культур Зауралья и Южной Сибири эпохи поздней бронзы.

В монографии А. С. Пшеничниюка (Пшеничнюк, 2012) содержатся результаты антропологического анализа, проведенного Р. М. Юсуповым и А. И. Нечвалодой. Исследователи пришли к выводу, что антропологический тип населения имел смешанное происхождение, а его сложение происходило при участии срубно-андроновского варианта и кочевников VI–V вв. до н. э. Приаралья и Семиречья, а незначительная монголоидная примесь – алтайского происхождения.

С. Ю. Фризен, А. П. Пестряков (Пестряков, Фризен, 2010; 2011) провели анализ краниологических серий VI–II вв. до н. э. Южного Приуралья. Авторами выделено два морфологических варианта в мужской серии и три в женской. Межгрупповой анализ показал близость рассматриваемой серии к сериям савромато-раннесарматского времени других регионов, что позволило сделать вывод о связи происхождения савромато-сарматского населения Южного Урала с импульсом из Южного Приаралья.

Е. П. Китов в ряде работ опубликовал материалы из сарматских могильников II–IV вв. н. э. с территории Южного Урала, Зауралья и Западного Казахстана (Китов, 2013; 2014). Имеющийся небольшой краниологический материал из могильников Южного Урала и Западного Казахстана, по мнению автора, имеет схожий тип деформации черепа. Также была отмечена близость населения позднесарматской культуры с группами Устюрта и возможные связи с оседлым населением на территории Южного Казахстана.

Таким образом, в советской антропологии сложилась гипотеза о едином антропологическом типе, сочетавшим мезо-брахикранную мозговую коробку с мезоморфным строением лицевого скелета, несколько уплощенного на верхнем уровне, при этом переносы и носовые кости резко профилированы. Антропологический тип един, независимо от территории локализации, и в его формировании участвовало срубно-андроновское население эпохи бронзы (С. И. Руденко, Г. Ф. Дебеч, Т. С. Кондукторова, М. С. Акимова).

Современные исследователи (М. А. Балабанова, Р. М. Юсупов, А. И. Нечвалода, Л. Т. Яблонский, С. Ю. Фризен, Е. П. Китов) выделяют

тип восточных европеоидов (относительно широколицые мезо-брахицефалы с уплощенным на верхнем уровне ортогнатным лицевым скелетом и умеренно выступающими носовыми костями), который выявлен на материалах савромато-сарматского времени на территории Волго-Уральского региона. Антропологический тип имел смешанное происхождение, в его формировании принимали участие срубно-андроновское население, кочевники Южного Казахстана, лесостепные культуры Зауралья и Южной Сибири эпохи поздней бронзы.

Список литературы

- Акимова М. С., 1968. Антропология древнего населения Приуралья. М.
- Балабанова М. А., 2000. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.
- Дебец Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР. М.; Л.
- Китов Е. П., 2013. Население позднесарматского периода Южного Урала и Западного Казахстана (по данным антропологии) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культур евразийских гуннов: сборник научных трудов. Челябинск. С. 521–548.
- Китов Е. П., 2014. Население позднесарматской культуры Южного Урала (по данным антропологии) // Известия Самарского научного центра РАН. № 3. С. 611–616.
- Кондукторова Т. С., 1962. Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области // Вопросы антропологии. № 11. С. 43–57.
- Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т., 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.
- Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка: некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа.
- Руденко С. И., 1918. Описание скелетов из прохоровских курганов // Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Петроград. С. 2–12.
- Фризен С. Ю., 2011. Краниология населения степного Приуралья в раннесарматское время (внутригрупповой анализ) // Вестник Дагестанского научного центра. № 40. С. 30–35.
- Фризен С. Ю., Пестряков А. П., 2010. Краниологические особенности населения Южного Приуралья раннесарматского времени // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 1. С. 46–57.
- Яблонский Л. Т., 2017. На востоке скифской ойкумены. М.

Магнитная разведка в археологии: проблемы развития и становления

Селин А. Г.

*(Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург)
drgn96rd@gmail.com*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-52-56

Сегодня мы не можем представить современную археологию без внедрения современных методов, одним из которых является магнитная разведка, позволяющая, не проводя раскопки, составить представление о памятнике. В данной работе я сосредоточусь на историографических проблемах, таких как внедрение и развитие магнитометрии в отечественной и зарубежной науке. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена отсутствием обобщающих работ историографического плана, рассматривающих проблемы, связанные с развитием магнитометрии. Работы на данную тему (Clark, 1996; Смекалова и др., 2007) сконцентрированы на техническом аспекте метода или же рассматривают только некоторые яркие примеры.

Именно попытка создания обобщающей работы историографического характера и ставилась целью настоящего исследования. Такая работа, по моему мнению, даст возможность еще с одного ракурса, на примере магнитометрии, взглянуть на процесс массового внедрения в археологию естественно-научных методов во второй половине XX в. и превращения ее из по большей части чисто гуманитарной в науку многосоставную, с внедрением множества методов из естественных наук. Также мы сможем попробовать проследить отношение археологов к новым методам в нашей стране и за рубежом, а также попытаться их сравнить. Помимо этого ввиду отсутствия, как было сказано выше, обобщающей работы историографического плана на тему магнитометрии, а также личного интереса автора к данной проблематике, целью ставилось создание такой работы как таковой.

Собрав и проанализировав основные работы по магнитометрии с момента ее появления (1950-е гг. XX в.) и до полного оформления в отдельную отрасль за рубежом (середина 1980-х гг.), можно выделить следующие характерные тезисы:

1. Лидеры в области магнитометрии – американские, английские и итальянские исследователи (Belshé, 1957; Lerici, 1961; Ezell et al., 1965), именно они стали «импортерами» метода в археологическую науку. Исследования в других странах производились в сотрудничестве с американскими или английскими университетами (Fagg, 1969).

2. Зарубежные археологи сразу увидели большой потенциал магнитной разведки, которая позволяла ускорить процесс раскопок и фиксировать различные типы объектов. Был оценен ее неразрушающий характер, позволяющий сохранить памятник и нанести его на карту для будущих исследователей. Также активно развивалась методическая часть (Fowler, 1960; Gramly, 1970; Breiner et al., 1972).

3. К середине 1980-х гг. уже полностью сформировалась методика, был накоплен огромный опыт применения магнитометрии в разных регионах мира (McGovern, 1982; Gregory, 1990). Для 1970–1980-х гг. характерен выход большого количества литературы с описанием геофизических методов в археологии.

В целом мы можем наблюдать три этапа развития магнитометрии (Журбин, 2004. С. 10). А именно: 1) экспериментальный (1950-е гг.); 2) методический (1960-е гг.); 3) производственный (1970-е гг. и далее). Автор считает данную периодизацию справедливой и для отечественной археофизики.

В отечественной науке все шло по схожему сценарию, первые работы показали перспективность метода, на базе Ленинградского отделения института археологии Академии наук (далее – ЛОИА АН) был образован геофизический отряд (Франтов, 1965; Шилик, 1965, 1968). Далее шел этап методологический, на множестве памятников были проведены работы с целью усовершенствования метода, его апробации. Примерами таких работ являются: неолитическая стоянка Вьюн (Франтов, 1965. С. 251), магнитная разведка на древнерусском городище у с. Городище (Шилик, 1965. С. 252–254), работы на целом ряде археологических объектов Крыма, интересных с точки зрения магниторазведки (Шилик, 1968. С. 123). Были исследованы следующие памятники: порт Судакской крепости в поселке Уютное, холм Тепсень (Коктебель), район гончарных печей у генуэзской крепости Чабан-Куле, устье Канакской балки в Судакском районе, средневековое сельское поселение в районе Севастополя, были проведены некоторые исследования в районе Херсона, обследованы два памятника скифского времени – городище Альма-Кермен и Заячий (Загний и др., 1971; Шилик, 1974). Также в середине 1960-х гг. масштабные археологические разведки с использованием магнитометра на протяжении нескольких сезонов проводили Г. В. Грошевой, Л. Л. Галкин, М. А. Зайончковский. Исследования проводились на различных памятниках, таких как некрополь, курган, античная и средневековая усадьба, гончарные печи, древнерусское поселение (Грошевой и др., 1967. С. 192), стоит отметить применение магнитометрии при исследовании трипольского поселения у с. Майданецкое на Украине, при помощи магнитной разведки на памятнике было выделено 1574 трипольских сооружений, многие из которых были подтверждены раскопками,

кроме того, по данным магнитной съемки был составлен подробный план поселения, который, помимо конкретной практической пользы, наглядно иллюстрировал высокие разрешающие способности магнитной разведки в археологии (Кошелев, 2005. С. 251–253), еще одним примером применение магнитометрии в СССР является комплексное исследование сельского поселения IV–III вв. до н. э. Панское I, начатое в 1970 г. Тарханкутской экспедицией. Исследователями использовалось множество методов естественных наук, в том числе и магниторазведка. Целями экспедиции была выработка комплексной методики получения информации о структуре погребенного памятника до его раскопок (Щеглов, 1977. С. 78–81). И это далеко не все примеры, список можно было бы продолжить.

Однако затем отечественные археологи потеряли интерес к магнитометрии. Это проявляется в меньшем количестве публикаций в СССР, нежели на западе, кроме того, Б. А. Колчин пишет о «скромности» достижений в области геофизических исследований. Также о кризисе свидетельствует ликвидация в 1976 г. геофизического отряда в Институте археологии (Колчин, 1980. С. 74). Причиной падения популярности магнитометрии, по моему мнению, является целый комплекс причин, в число которых входит и финансовый вопрос, и, возможно, некоторое нежелание археологов применять новые методы, ввиду прекрасной работоспособности старой методики, не подразумевающей их внедрения. Также, безусловно, повлияла некоторая сыроватость метода. Чтобы стабильно получать хорошие результаты было необходимо постоянное сотрудничество со специалистами в области физики, финансовые и временные затраты, без этого результаты так и остались бы «скромными». В целом, я считаю, что эта тема слишком глобальна, и, как мне кажется, выходит за рамки одной только магнитометрии и требует отдельного исследования, однако уже не в рамках данной работы

Таким образом, о наступлении производственного этапа говорить не приходится. В СССР геофизика не приобрела такой популярности. Тогда как на западе геофизические карты местности в некоторых странах были приравнены к археологическим и признаны объективным документом, имеющим юридическую силу в сфере охранной археологии (Смекалова, 1992. С. 2).

Список литературы

- Грошевой Г. В., Галкин Л. Л., Зайончковский М. А., 1967. Археологическая разведка магнитометром направленного действия // СА. № 3. С. 191–204.
- Журбин И. В., 2004. Геофизика в археологии: методы, технология и результаты применения. Ижевск.

- Загний Г. Ф., Круц В. А., Русаков О. М., 1971. Опыт применения протонного магнитометра в археологии // СА. № 3. С. 203–207.
- Колчин Б. А., 1980. Естественно-научные методы в Институте археологии АН СССР // КСИА. № 163. 60 лет Институту археологии. С. 68–76.
- Кошелев И. Н. Магнитная разведка археологических памятников. Киев.
- Смекалова Т. Н., 1992. Физические методы в полевой археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Смекалова Т. Н., Восс О., Мельников А.В., 2007. Магнитная разведка в археологии. 12 лет применения Оверхаузеровского градиенто-метра GSM-19WG. СПб.
- Франтов Г. С., 1965. Применение геофизических методов разведки в археологии // МИА. №129. Археология и естественные науки. С. 244–251
- Шилик К. К., 1965. Опыт применения магниторазведки на древнерусском городище // МИА. № 129. Археология и естественные науки. С. 252–255.
- Шилик К. К., 1968. Применение магниторазведки при исследовании средневековых памятников в Крыму // КСИА. № 113. Средневековые памятники Восточной Европы. С. 123–130.
- Шилик К. К., 1974. О магниторазведке гончарных печей у Чабан-Куле // КСИА. № 140. Восточная Европа в I–II тысячелетиях н. э. С. 115–120.
- Щеглов А. Н., 1977. Комплексные методы исследования в археологии // Природа. № 5. С. 78–81.
- Belshé J. C., 1957. Recent magnetic investigations at Cambridge University // *Advances in Physics*. Vol. 6 (22). P. 192–193.
- Breiner Sh., Coe M. D., 1972. Magnetic Exploration of the Olmec Civilization: Magnetic surveys have been highly successful in locating Olmec monuments at the site of the oldest known civilization in Mesoamerica // *American Scientist*, Vol. 60, N 5. P. 566–575.
- Clark A., 1996. Seeing Beneath the Soil: Prospecting Methods in Archaeology. L.
- Ezell P. L., Moriarty J. R., Mudie J. D., Rees A. I., 1965. Magnetic Prospecting in Southern California // *American Antiquity*, Vol. 31, N 1. P. 112–113.
- Fagg B., 1969. Recent Work in West Africa: New Light on the Nok Culture // *World Archaeology*, Vol. 1, N 1. P. 41–50.
- Fowler P. J. 1960. Excavations at Madmarston Camp, Swalcliffe 1957-8 // *Oxoniensia*. Vol. 25. P. 3–48.
- Glenn A., Johnston R. B., 1962. A Test of Magnetometry as an Aid to Archeology // *American Antiquity*. Vol. 28, N 2. P. 199–205.
- Gramly R. M., 1970. Use of a Magnetic Balance to Detect Pits and Postmolds // *American Antiquity*, Vol. 35. N 2. P. 217–220.
- Gregory T. E., Kardulias P. N., 1990. Geophysical and Surface Surveys in the Byzantine Fortress at Isthmia 1985-1986 // *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*, Vol. 59, No. 3. P. 467–511.

- Lerici C. M., 1961. Archaeological surveys with the Proton Magnetometer in Italy // *Archaeometry*. Vol. 4 (1). P. 76–82.
- McGovern P. E., 1982. Exploring the Burial Caves of the Baq'ah Valley in Jordan // *Archeology*. Vol. 35, N 5. P. 46–53.
- Weymouth J. W., Woods W. I., 1984. Combined Magnetic and Chemical Surveys of Forts Kaskaskia and de Chartres Number I, Illinois // *Archaeology*. Vol. 18, N 2. P. 20–37.

Формирование антропологического состава населения Барабинской лесостепи в эпоху ранней бронзы

Степанова В. С.

*(Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск)
stepanova.valeria90@gmail.com*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-56-58

Барабинская лесостепь расположена на юге Западно-Сибирской равнины в пределах Обь-Иртышского междуречья. По данным палинологии 9–8 тыс. л. н. (в бореальный период) в регионе установились климатические условия, близкие к современным (Орлова, 1990). Основные концепции заселения человеком этого региона разрабатываются по результатам раскопок археологических объектов, полученных под руководством академика РАН В. И. Молодина, и данным радиоуглеродного датирования. На их основе был выделен ряд археологических культур, реконструирован их генезис и направления культурных связей.

Согласно этим исследованиям, человек начал осваивать Барабу в верхнем палеолите (21–11 тыс. л. н.), но наиболее активно в раннем неолите (VII–VI тыс. до н. э.). На основе данных краниологии (Чикишева, 2012) и палеогенетики (Молодин и др., 2013) была предложена концепция о формировании в регионе антропологического состава населения, который в своей основе оставался практически неизменным на протяжении нескольких тысячелетий. Тем не менее определенные его флуктуации имеют место. Целью данной работы является обобщение идей по факторам наблюдаемой антропологической изменчивости в регионе в эпоху ранней бронзы.

Носители археологических культур эпохи неолита и ранней бронзы характеризуются комплексом антропологических признаков, который в полной мере нельзя отнести ни к европеоидной, ни к монголоидной большим расам. Существует точка зрения, что этот комплекс может быть отнесен к крупной таксономической категории – к северной евразийской антропологической формации (Чикишева, 2012).

Не все культуры представлены антропологическим материалом. Ямочно-гребенчатая общность (байрыкская, екатерининская, карасевская культуры) возникла, скорее всего, в эпоху позднего неолита, существовала в эпоху ранней бронзы. На территории Барабинской лесостепи памятники этих культур датированы IV – первой половиной III тыс. до н. э. (Молодин, 2001). Здесь антропологическими материалами представлена только байрыкская культура (Сопка-2/2).

Синхронно с культурами ямочно-гребенчатой общности в междуречье Оби и Иртыша существовала усть-тартасская культура (Сопка-2/3, Сопка-2/3А, Тартас-1, Усть-Тартасские курганы) (Молодин, 2001), у носителей которой появляются новые антропологические черты, связанные с привнесением компонента южной евразийской антропологической формации (Чикишева, 2012).

Ее сменяет одиновская, существовавшая в пределах III тыс. до н. э. (Молодин, 2012). К ней относятся погребально-культурные комплексы Тартас-1, Сопка-2/4, Преображенка-6, Усть-Тартасские курганы. При сохранении общей основы северной евразийской антропологической формации, краниометрические комплексы в сериях из этих могильников имеют некоторые отличия. Это свидетельствует о расширении связей с населением соседних регионов, носителями иных культурных традиций. Краниометрические особенности погребенных на могильнике Сопка-2/2 ближе к антропологическому типу людей эпохи неолита (VII–VI тыс. до н. э.), чем усть-тартасской культуры (Чикишева, 2012). Популяция с Преображенки-6 демонстрирует сходство с ботайской культурой (IV–III тыс. до н.э.) Северного Казахстана (Чикишева, Поздняков, 2019). На памятнике Усть-Тартасские курганы зафиксирован своеобразный монголоидный компонент, не имеющий аналогий в Восточной Сибири.

На наш взгляд, возможно два варианта объяснения отсутствия компонента южной евразийской антропологической формации у людей одиновской культуры: 1) произошло его «растворение» в автохтонном населении Барабинской лесостепи; 2) некрополи одиновской культуры, существовавшей на протяжении целого тысячелетия, принадлежали хронологически обособленным популяциям, которые могли отличаться по составу антропологических компонентов. Радиоуглеродные даты одиновских погребений некрополя Сопка-2/4 располагаются в рамках XXIX–XXV вв. до н. э., Преображенки-6 и Тартаса-1 – XXIII–XIX вв. до н. э. (Молодин и др., 2014). Опубликованных радиоуглеродных дат с памятника Усть-Тартасские курганы на сегодняшний день нет. Оказываясь хронологически более ранней, краниологическая серия из Сопки-2/4 по комплексу морфологических признаков ближе к неолитическим материалам. Аналогичное сходство демонстрируют и пред-

ставители ямочно-гребенчатой общности. Серии из более поздних памятников Преображенка-6 и Тартас-1 представляют антропологический тип населения, существовавшего одновременно с кротовской культурой, с носителями которой они могли обмениваться хозяйственным и культурным опытом. Видимо, одновременно они взаимодействовали и с синхронно существовавшими популяциями Северного Казахстана. Делать выводы по материалам памятника Усть-Тартаские курганы рано, так как памятник и его материалы еще активно исследуются.

Список литературы

- Молодин В. И., 2001. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 1. Культурно–хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. Новосибирск.
- Молодин В. И., 2012. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 3. Культурно–хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск.
- Молодин В. И., Пилипенко А. С., Чикишева Т. А., Ромашенко А. Г., Журавлев А. А., Поздняков Д. В., Трапезов Р. О., 2013. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н. э.: Археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Новосибирск.
- Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В., 2014. Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Т. 13, № 3. С. 136–167.
- Орлова Л. А., 1990. Голоцен Барабы (стратиграфия и радиоуглеродная хронология). Новосибирск.
- Чикишева Т. А., 2012. Динамика антропологической дифференциации населения юго-западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. Новосибирск.
- Чикишева Т. А., Поздняков Д. В., 2019. Антропологические аспекты одиновской культуры (Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 47. С. 128–139.

Использование цифровых технологий в археологических разведках¹

Хаванский А. И.

*(Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Нур-Султан)
arkaim01@yandex.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-59-61

Археологические разведки (а также археологическое обследование территорий, подлежащих хозяйственному освоению) – это один из важных видов полевых археологических работ. Зачастую их особенностью является то, что необходимо в короткие сроки провести само обследование и передать отчет заказчику. Сэкономить время и повысить точность могут помочь некоторые цифровые технологии.

Данная работа посвящена изложению опыта использования некоторых цифровых технологий (планшетного компьютера и программ) в археологических разведках и обследованиях.

Процедура подготовки и проведения полевого археологического обследования следующая.

1. Дистанционное изучение района/трассы археологической разведки/обследования на карте и спутниковых снимках. В настоящее время, на мой взгляд, оптимальной для этого является программа SASPlanet (sasgis.org), лицензия GPLv3. Последняя версия – 190707. Разработчиками программы является «Группа SAS». Программа распространяется на условиях NGU General Public License. Это дает пользователю право запускать, копировать, модифицировать и распространять данную программу с любой законной целью. Программа работает на операционных системах Windows XP/7/10. Используемая система координат – WGS 84. Во-первых, программа бесплатна и общедоступна. Во-вторых, программа имеет удобный и простой интерфейс. Овладеть программой вполне возможно за непродолжительное время. Это позволяет использовать ее каждому археологу, не будучи специалистом по IT-технологиям. Не случайно археологи при использовании GIS-программ прибегают к помощи профильных специалистов, настолько сложны эти программы. На мой взгляд, для основной массы археологов эти программы не только слишком сложны, но и слишком «мощны», их ресурс не используется в полной мере. В-третьих, SASPlanet имеет широкий набор карт различного масштаба и спутниковых снимков высокого разрешения. Спутниковые

¹ Работа выполнена по программе целевого финансирования № BR05236565 «Культура населения Казахстана от каменного века до этнографической современности по археологическим источникам».

снимки позволяют непосредственно увидеть местность и памятники, которые мы обследуем. Используется более 20 наборов картографического материала (в том числе Карты Google, Космоснимки, Яндекс.Карты, Карты Bing и т. д.).

В меню «Карты» выбираются космические снимки. Опытным путем находится наиболее крупномасштабный и качественный набор снимков. Далее визуально исследуется маршрут разведки или участок обследования. Помогает поиску наличие топографических планов могильников и поселений. На существующих на данный момент спутниковых снимках лучше всего обнаруживаются курганы. Нераскопанные поселения (жилищные впадины) читаются редко. Следы раскопок, как курганов, так и поселений обычно читаются очень хорошо. Даже после рекультивации следы раскопов выявляются весьма рельефно.

Если известны GPS-координаты ранее обнаруженных археологических памятников, а также границ обследуемого участка, то они вносятся в программу и фиксируются на цифровой карте. С помощью функции «трек» прокладывается предполагаемый маршрут обследования, а с помощью функции «метка» – определяются перспективные места для закладки шурфов (мысы рек и т. д.).

2. На перспективных для шурфовки местах ставится метка. Метку («иконку») можно сделать самому, используя любой графический редактор и внося ее потом в соответствующую папку программы SASPlanet. Выбирается категория (папка), к которой будет относиться данная метка, обозначается имя метки и при необходимости дается описание. При этом можно варьировать размер метки, цвет и размер шрифта. Важно, что при изменении масштаба карты метки масштабируются автоматически.

3. Прохождение маршрута разведки/обследования и фиксирование шурфов и археологических памятников.

Для этого метки и треки из программы SASPlanet выгружаются на планшетный компьютер, с которым и будет вестись работа в поле. Для использования на планшетном компьютере наиболее оптимальна программа «Советские карты», поскольку SASPlanet не работает на операционной системе Android, установленной на большинстве планшетных компьютеров. Программа разработана Atlogis Geoinformatics GmbH & Co.KG. Описание дается для версии 6.0.0. Технические требования: Android 2.2 и выше. Программа имеет набор карт и спутниковых снимков, при этом карты и снимки могут как постоянно загружаться из интернета, так и быть загруженными в память и использоваться уже оттуда. Используются те же картографические материалы, что и SASPlanet (Карты Google, Космоснимки, Яндекс.Карты, Карты Bing). Данная программа также использует систему координат WGS 84.

Использование планшетного компьютера в полевых условиях преследует две цели. Во-первых, он используется при ориентировании на местности. Планшетный компьютер даже чуть выше средней производительности по точности определения координат вполне может заменить GPS-приемник. Причем, в отличие от последнего, мы видим свое положение непосредственно на спутниковом снимке. Это тем более актуально для мест со сложным рельефом. Прокладка маршрута по спутниковым снимкам еще до выезда в поле в большинстве случаев помогает избежать ненужного расхода времени на преодоление внезапно выявленных препятствий и выбрать оптимальный маршрут. Во-вторых, с его помощью фиксируются GPS-координаты археологических шурфов и выявленных памятников.

4. Фиксирование археологических шурфов и зачисток.

Производится в программе «Советские карты» по алгоритму: «добавить точку» – выбор точки в «прицеле» – выбор внешнего вида метки и ее имени и описание. Причем последняя функция (в отличие от GPS-приемника) позволяет добавлять к шурфу или археологическому памятнику развернутое описание. Отдельными точками можно фиксировать элементы памятников со значительной площадью или сложной конфигурацией: архитектурные элементы городищ, начало и конец «усов» у курганов с «усами» и т. д.

5. Выгрузка полученных точек на стационарный компьютер в программу SASPlanet.

Эти данные, в числе прочих, можно использовать при создании топографических планов археологических памятников, планов участков археологического обследования с шурфами и т. д. В зависимости от цели выбирается нужная картографическая или спутниковая основа, на которую автоматически накладываются выбранные метки.

Отметим, что точность подобной съемки составляет от 2–3 до 5–6 м. Это необходимо учитывать при использовании данных программ. Если данная точность в конкретном обследовании признается приемлемой, то использование описанных технологий поможет экономить время и силы.

**К вопросу об исследовании формовочных масс
археологической керамики естественно-научными методами**

*Чернобахтова Е. В., Мандрыкина А. В., Терещенко Е. Ю.,
Яцишина Е. Б.*

*(НИЦ «Курчатовский институт», ФНИЦ «Кристаллография и
фотоника» РАН, г. Москва)*

elizaveta.chernobakhtova@gmail.com

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-62-64

Естественно-научные методы все чаще применяются для изучения археологической керамики (Tite, 2016). В частности, анализу подвергаются формовочные массы. Изучение формовочных масс археологической керамики дает информацию об использованном исходном сырье и характеристиках обжига (Tite, 2016; Waksman, 2016).

Керамический материал обладает высокой степенью неоднородности, из-за этого существует необходимость совмещения анализа на микро- и макроуровнях. На макроуровне с помощью оптической микроскопии можно определить наличие и концентрацию примесей, которые исчезают или частично разрушаются при обжиге (растительность, ракушка, кость), определить характер минеральных примесей – являются ли они естественными или искусственными. Для выявления технологических особенностей и локализации источников сырья необходимо располагать данными о геохимических особенностях местности производства, в том числе минеральном составе и присутствии тех или иных редкоземельных металлов. Такую информацию можно получить с помощью различных естественно-научных методов, используемых для определения элементного и фазового состава. Методы определения элементного состава включают: рентгенофлуоресцентный, нейтронно-активационный, масс-спектрометрический, а также энергодисперсионный рентгеновский микроанализ в электронном микроскопе. Для определения фазового состава могут использоваться методы рентгеновской, электронной и нейтронной дифрактометрии.

Например, в работе Д. А. Сантакре (Santacreu, 2016) приводятся данные по изучению керамики бронзового века с помощью комплекса методов (оптическая микроскопия, рентгенофлуоресцентный и рентгенодифракционный анализ, петрография) с целью выявления потенциала этих методов в определении такой искусственной примеси, как спарит (шпатовый кальцит). При оптических наблюдениях его можно обнаружить по белому цвету и не окатанной форме, однако за кальцит можно принять также белые, не окатанные включения кварцитового песка или других полевых шпатов. Образцы, в которых при оптическом анализе было

выявлено большое содержание спарита, при рентгенодифракционном анализе также показали значительное содержание этого минерала. Рентгенофлуоресцентный анализ этих же образцов показал высокое содержание СаО. Принимая в расчет, что некоторое количество СаО содержится в самой глине и, следовательно, возможно попадание кальция в керамику из почвы, авторы пришли к заключению, что такая комбинация методов позволяет выявлять изменения в содержании спарита в определенный хронологический период.

В отечественной науке существуют примеры исследований, объединяющих оптические наблюдения и изучение элементного и фазового состава (Тетерина, 2011; Поташева, Светов 2013; Поташева 2014; Сумманен, 2018).

В совместных работах НИЦ «Курчатовский институт» и ФНИЦ «Кристаллография и фотоника» РАН, в рамках гранта РФФИ офи-м № 17-29-04201, выполняются комплексные исследования керамических артефактов, в частности античных изделий (Мандрыкина и др., 2018; Антипин и др., 2019) и средневековой черепицы (Терещенко и др., 2020). Разрабатываемая методика включает в себя получение локальных и интегральных характеристик состава и структуры изучаемых образцов с применением оптической микроскопии, масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой и методов рентгеновской, синхротронной и электронно-микроскопической диагностики. В частности, на основе фрагментов клейменных античных амфор различных регионов разрабатывается система классификации, которая в дальнейшем будет применяться к образцам античной керамики, для которых необходимо уточнение локализации происхождения. В качестве основных сложностей, надо отметить уже упоминавшуюся существенную неоднородность образцов, возникающую в силу особенностей древних технологических процессов и высокой вариативности структуры и состава используемых материалов, в частности в глиняных пластах и естественных примесях. При этом зачастую исследователи располагают образцами крайне ограниченного объема.

Список литературы

- Антипин А. М., Кварталов В. Б., Светогоров Р. Д., Серегин А. Ю., Федосеев Н. Ф., Терещенко Е. Ю., Алексеева О. А., Яцишина Е. Б., 2019. Рентгеновские, синхротронные и масс-спектрометрические методы в исследовании керамических объектов культурного наследия // Кристаллография. Т. 64, № 3. С. 484–493.
- Мандрыкина А. В., Хмеленин Д. Н., Колобылина Н. Н., Васильев А. Л., Смекалова Т. Н., Федосеев Н. Ф., Терещенко Е. Ю., Алексеева О. А., Яцишина Е. Б., 2018. Исследования античной крымской керамики методами электронной микроскопии // Кристаллография. Т. 63, № 5. С. 832–841.

- Поташева И. М., Светов С. А., 2013. Геохимические исследования в археологии: ICP-MS анализ круговой керамики древнекарельских городищ // Труды Карельского научного центра РАН. № 4. С. 136–142.
- Поташева И. М., 2014. Гончарство древних карелов: традиционное и новое в методике изучения // Труды Карельского научного центра РАН. № 3. С. 134–140.
- Сумманен И. М., Чаженгина С. Ю., Светов С. А., 2017. Минералогия и технологический анализ керамики (по материалам средневековых памятников Северо-Западного Приладожья) // Записки Российского минералогического общества. Ч. CXLVI, № 3. С. 108–123.
- Терещенко Е. Ю., Завадская И. А., Антипин А. М., Кварталов В. Б., Мандрыкина А. В., Лобода А. Ю., Хмеленин Д. Н., Васильев А. Л., Яцишина Е. Б., Алексеева О. А., 2020. Естественно-научные исследования керамики из Эски-Кермена // Кристаллография. Т. 65, № 2. С. 320–330.
- Тетерина Т. И., 2011. Археоминералогические исследования неолитической керамики Вычегодского края // Вестник института геологии Коми научного центра Уральского отделения РАН. № 11. С. 12–15.
- Santacreu D. A., 2014. Identifying spathic calcite recipe in archaeological ceramics: possibilities and limitations // *Cerâmica*. Vol. 60. P. 379–391.
- Tite M. S., 2016. History of Scientific Research // *The Oxford Handbook of Archaeological Ceramic Analysis*. Oxford. P. 7–16.
- Waksman Y., 2016. Provenance Studies: Productions and Compositional Groups // *The Oxford Handbook of Archaeological Ceramic Analysis*. Oxford. P. 148–162.

Наука и управление в охранно-спасательных работах

Работы по определению границ территорий объектов археологического наследия на севере Западной Сибири в свете проблемы профессионального совершенствования археологов¹

Бычков Д. А.

(Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск)
bda.nsk@yandex.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-65-67

Профессиональный рост и формирование человека как специалиста невозможно без постоянного совершенствования его компетенций, вне зависимости от области его деятельности. Археология как наука и как особый вид научно-производственной деятельности в сфере услуг не является исключением. Ввиду того, что в настоящее время образовательные стандарты для данного направления подготовки утверждены только для уровня аспирантуры (Приказ...), а на уровне бакалавриата и магистратуры находятся только на стадии проектирования (Проект...), то единственным способом для получения и развития профессиональных компетенций в области археологии является самообразование. Наполнение самоподготовки специалиста напрямую зависит от того направления научно-исследовательской работы, в котором он задействован. Что в свою очередь является благоприятным условием для формирования специалистов, решающих только определенные задачи определенным образом.

Основным обстоятельством, актуализирующим данную проблему, является современная конъюнктура на рынке труда и научно-производственных услуг. Как показывает статистика выдачи открытых листов (Энговатова, 2013. С. 37–39), в современных полевых археологических работах преобладают археологические разведки в рамках Государственной историко-культурной экспертизы (далее – ГИКЭ) земельных участков, отводимых под хозяйственное освоение. Следовательно, в настоящее время наиболее всего археологи как специалисты востребованы для проведения разведочных работ и полевых исследований объектов археологического наследия на хозяйственно осваиваемых территориях.

Специфический характер таких полевых работ требует от специалиста наличия как общегуманитарных навыков, так и специальных компетенций. Резюмируя колоссальный перечень навыков и знаний, относящихся к последней категории, можно сказать, что главным должно быть умение

¹ Работа выполнена в рамках проекта НИР № 0329-2020-0007.

археолога выявлять объект археологического наследия, а в случае его отсутствия на обследуемой территории наукоёмко это обосновать. В настоящей работе предлагается рассмотреть мероприятия по определению границ территорий и технического состояния объектов археологического наследия (далее – ОАН) как отдельный вид полевых археологических работ, позволяющих совмещать в себе как научно-исследовательские, так и образовательные компоненты.

Определенный опыт был накоплен Институтом археологии и этнографии СО РАН в осуществлении таких полевых работ на территории таежной и лесотундровой зон Западной Сибири (Цыбанков и др., 2015; Дудко, 2019). В качестве главных компонентов этих работ выделяются: на «дополевом» этапе – историографический анализ и составление природно-ландшафтной характеристики изучаемой территории, в составе полевого этапа – натурное обследование вмещающего ОАН ландшафта с целью обнаружения визуально определимых археологических объектов/сооружений, геодезические работы по проведению топографической съемки территории ОАН и координированию пунктов съемочной сети, стратиграфические наблюдения с целью определения наличия/отсутствия/распространения культурного слоя, определение культурно-хронологической принадлежности полученных археологических материалов и составление отчетной документации на камеральном этапе.

Содержание работ по определению границ территорий ОАН дает четкое представление о том, что для их осуществления исполнитель должен обладать всеми основными навыками современной полевой работы от описания стратиграфического профиля до подготовки топографического плана и обоснования границ. Следовательно, вовлечение в производство этих работ людей, стремящихся развить профессиональные компетенции в области археологии – студентов разных ступеней и лет обучения, проходящих обучение на кафедрах археологии и молодых специалистов, позволит не только повысить общий уровень профессиональной компетенции среди археологов, занятых в полевой работе, но и стимулировать развитие образовательных программ в вузах, ориентируя их на потребности рынка труда.

Одним из возможных механизмов реализации данного решения видится направление студентов для прохождения учебной практики помимо стационарных экспедиций, занимающихся раскопками археологических объектов, в экспедиции, основной задачей которых является определение границ территорий ОАН. Такое решение позволяет планомерно проводить данные работы в подавляющем большинстве субъектов РФ, на которых будут обучаться будущие исполнители археологических разведок в рамках ГИКЭ путем освоения основных навыков полевой работы и знакомства «вживую» с разнообразными материалами по археологии региона.

Список литературы

- Дудко А. А., 2019. Проблемы определения границ объектов археологического наследия (работы в Пуровском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в 2017 г.) // V Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург. С. 446–448.
- Приказ Министерства образования и науки РФ от 30 июля 2014 г. № 904 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 46.06.01 Исторические науки и археология (уровень подготовки кадров высшей квалификации)». – [Электронный ресурс] URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70731890/paragraph/1:0> (Дата обращения: 14.02.20).
- Проект приказа об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 46.03.04 Археология. – [Электронный ресурс] URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/ProjFGOSVO3++/Bak3++/460304_B_3plus_17102019.pdf (Дата обращения: 14.02.20).
- Цыбанков А. А., Постнов А. В., Кениг А. В., Ломов П. К., Назаров К. Н., Батаргина И. А., 2015. Методические проблемы сохранения объектов археологического наследия, выявленных при обследовании технического состояния ОАН в Сургутском районе ХМАО-Югры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. 21. С. 601–604.
- Энгватова А. В., 2013. Сохранение археологического наследия в России: современное состояние // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 12. Вып. 3. С. 32–47.

Детские погребения могильника на стоянке Галкина-1

Денисенко В. Л., Филатов Е. А.

*(Новосибирский национальный исследовательский университет,
г. Новосибирск; ООО «Красноярская Геоархеология»,
г. Красноярск)*

paleoevrasiavaleria@gmail.com, egorphylatov@gmail.com

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-67-71

Стоянка Галкина-1 была выявлена в Енисейском районе Красноярского края на левом берегу р. Енисей, северо-восточнее с. Абалаково (Марковский, 2015). В 2018 г. проведены спасательные археологические работы на выявленном объекте археологического наследия (далее – ВОАН) «Абалаково. Стоянка Галкина-1» (Постнов и др., 2018). Работы проводились отделом спасательно-археологического отряда Института

археологии и этнографии СО РАН (далее – ИАЭТ СО РАН) и отрядом ООО «Красноярская Геоархеология». В результате археологических раскопок полностью изучен культурный слой, который содержал поселенческий комплекс и могильник (Постнов, Басова, 2019).

В первом культурном слое были найдены 14 одиночных грунтовых погребений и одно погребение по обряду трупосожжения. Верхний горизонт захоронений деформирован в результате сельскохозяйственной деятельности (вспашки). Большинство погребенных – мужчины возрастом 18–55 лет и три ребенка от 4 до 8 лет (Постнов, 2018).

Объектом данной работы является исследование трех детских погребений (№ 3, 4, 11), благодаря которым можно провести предварительный анализ погребального обряда средневекового населения региона и обозначить их отличительные черты от взрослых погребений. Определение возраста проводилось по степени прорезывания зубов (Ubelaker, 1989).

Погребение № 3. Возраст погребенного 7–8 лет (определения Рейс Е. С., н. с. ООО «Научно-производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскания» (далее – ООО «НПО АПИ»)). Антропологические останки представлены фрагментами костей черепа, фрагментами диафизов трубчатых костей и костей таза (рис. 1: 1).

Погребальный инвентарь: 34 половинки бронзовых полулунных нашивок на одежду (рис. 1: 2). В трех случаях были зафиксированы детали украшения одежды, состоящие из двух половинок бронзовых нашивок и одной стеклянной бусины, соединенных металлическим штифтом (рис. 1: 3). На некоторых нашивках сохранились фрагменты органического материала (рис. 1: 4). Также найден сильно разрушенный железный нож и неопределимые фрагменты двух железных изделий, у одного из которых сохранилась деревянная часть.

Кроме того, было обнаружено кольцо округлой формы из металлической проволоки (рис. 1: 5). Такие серьги появляются в Сибири с конца I тыс. н. э. и продолжают бытовать до позднего Средневековья (Молодин, 1979. С. 93, 95). Аналогичные кольца были найдены в средневековом могильнике Проспихинская Шивера на Ангаре (Сенотрусова, 2013. С. 286, рис. 20–29). Также в погребении обнаружены 23 стеклянные бусины и фрагменты от них (рис. 1: 6–8).

Погребение № 4. Возраст погребенного 4–5 лет (определения Рейс Е. С., н. с. ООО «НПО АПИ»)). Антропологические останки представлены фрагментами костей черепа (рис. 1: 9).

В погребении зафиксированы 17 бронзовых полулунных нашивок, аналогичных обнаруженным в погребении № 3, однако в данном погребении они найдены целыми, кроме двух изделий (рис. 1: 10). В погребении также зафиксированы железные предметы плохой сохранности.

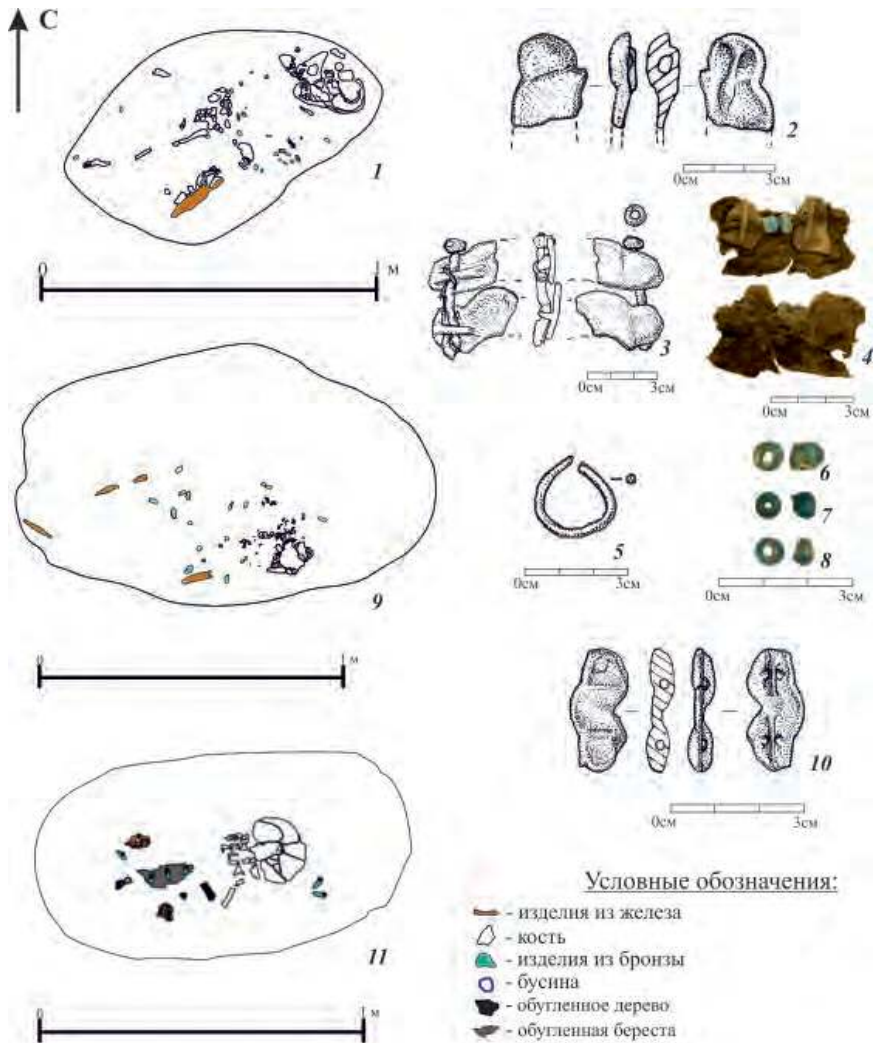

Рис. 1. Детские погребения могильника на стоянке Галкина-1.
 Погребение № 3: 1 – план; 2 – половина бронзовой полудунной нашивки;
 3–4 – деталь украшения одежды; 5 – кольцо металлическое;
 6–8 – стеклянные бусы.
 Погребение № 4: 9 – план; 10 – бронзовая полудунная бляшка.
 Погребение № 11: 11 – план

Погребение № 11. Возраст погребенного 4–5 лет (Постнов, 2018. С. 205). Антропологические останки представлены фрагментами костей черепа (рис. 1: 11). В погребении были найдены обугленные остатки дерева и фрагменты бересты, перекрывающей отдельные кости. Сопроводительный инвентарь представлен шестью бронзовыми полулунными нашивками, аналогичными найденным в погребениях № 3 и 4. Также были обнаружены неопределимые железные изделия.

Доминирующим обрядом погребения на данном могильнике было трупоположение лежа на спине в грунтовой могиле с ориентацией на восток, северо-восток. Захоронения могли быть как с использованием деревянных внутримогильных конструкций, так и без них. Важно отметить, что в погребениях взрослых анатомический порядок костяков не нарушен. Детские же погребения имеют явные следы демембрации. В погребениях № 3 и 4 часть сопроводительного инвентаря подверглась разрушению, разламыванию. В погребении № 11 была найдена обожженная береста и древесина, предположительно, ребенка перед захоронением поместили в берестяной «кокон» (Постнов и др., 2018. С. 490).

Совокупность признаков погребального обряда и сопроводительного инвентаря находит аналогии в средневековых памятниках Средней Сибири (Басова, 2016; Мандрыка, 2012) и позволяет датировать погребения эпохой Средневековья (X–XIV вв.).

Список литературы

- Басова Н. В., 2016. Предметный комплекс из погребений на стоянке Кода-2 на Ангаре // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 15. Вып. 7: Археология и этнография. С. 100–111.
- Мандрыка П. В., 2003. Средневековое городище в Енисейской тайге // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 2. Вып. 3: Археология и этнография. С. 89–91.
- Мандрыка П. В., 2012. Поселение Проспихинская Шивера-I на Ангаре // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. трудов. Красноярск. Вып. V. С. 31–42.
- Марковский Г. И., 2015. Научно-технический отчет по договору № K011-АСС-0007 ИАЭТ СО РАН – ООО «Сибирский Лес» об археологическом обследовании земельного участка, подлежащего хозяйственному освоению, предназначенного для строительства лесохимического комплекса в Енисейском районе Красноярского края. // Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Молодин В. И., 1979. Кыштовский могильник. Новосибирск.
- Постнов А. В., 2018. Отчет по открытому листу № 1355 ИАЭТ СО РАН об археологических раскопках выявленных объектов археологического наследия «Абалаково. Стоянка Галкина-1» и «Абалаково. Стоянка Галкина-2» в Енисейском районе Красноярского края в 2018 году. В 30-ти томах // Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.

- Постнов А. В., Харевич В. М., Зольников И. Д., Чертыков В. А., Ахметов В. В., 2018. Результаты спасательных археологических раскопок на стоянке Абалаково, Галкина-2 в Енисейском районе Красноярского края в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. 24. С. 491–493.
- Постнов А. В., Басова Н. В., 2019. Могильник на стоянке Галкина-1 // V Международный Северный археологический конгресс. Ханты-Мансийск. С. 455–457.
- Сенотрусова П. О., 2013. Серьги из средневекового могильника Проспихинская Шивера-IV на Ангаре // Вестник Томского государственного университета. История. № 3 (23). С. 285–288.
- Смирнов Ю. А., 1997. Лабиринт. Морфология преднамеренного захоронения: исследование, тексты, словарь. М.
- Ubelaker D. H., 1989. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. Washington, DC.

База данных археологических работ по г. Кирову: платформа для создания охранной археологической зоны

*Кайсин А. О., Борисова А. М., Глазырина М. К.
(Вятский государственный университет, г. Киров)
akai_slob@mail.ru, annalein8321@gmail.com,
rita_glazyrina1999@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-71-77

На месте первоначального поселения, на крутом западном берегу реки Вятки образовался хорошо укрепленный административный, церковный и общественный центр города – кремль. Торг был вынесен за пределы укреплений кремля, здесь, рядом со рвом, окружающим кремль, возник и стал развиваться торговый и общественный центр. В начале второй половины XVII века посад получил новые границы, расширившись к западу до современной Театральной площади. После этого Хлынов, превращенный в «стольный град» Вятской и Великопермской епархии, начал интенсивно застраиваться. Система укреплений города складывалась в течение длительного времени. По своему плану она представляла собой распространенный тип подковообразных укреплений массовых переселений, отличаясь от них тем, что была усилена устройством земляных валов и сторона, хорошо защищенная естественным рельефом – крутыми берегами Вятки и Засорного оврага (Гинский, 1976. С. 11–35).

История археологического изучения г. Кирова насчитывает несколько десятилетий. Сбор, систематизация и обобщение материалов архео-

логических раскопок, шурфовок, наблюдений, письменных источников, картографирование полученных данных дали возможность для построения модели распространения и мощности культурного слоя и реконструкции этапов освоения городской территории.

Впервые археологические работы на территории Хлыновского кремля были начаты в 1935 г. М. П. Грязновым. В 1956–1958 гг. Л. П. Гуссаковский заложил два раскопа и шесть шурфов. В 1981–1983 гг. Л. Д. Макаров заложил ряд разведочных шурфов, проследил разрез вала и слоя Хлыновского городища на протяжении 207 м (по ул. Московской), исследовал раскоп к югу от бывших архиерейских палат (Борисова, Глазырина, 2020. С. 386–387).

В течение последнего десятилетия на территории кремля проведен ряд спасательных археологических раскопок: в 2012 г. А. Л. Кряжевских на ул. Спасской, 9; в 2013 г. С. Е. Перовошиковым (Проект, 2014. С. 11–13); в 2015 г. Р. В. Матвеевым на краю склона к оврагу Засора были обнаружены остатки Покровской башни кремля. Работы М. П. Грязнова, С. Е. Перовошикова и Р. В. Матвеева не были доведены до материка (Проект, 2014. С. 11–13; Матвеев, 2016).

Археологическое изучение территории посада начинается в 1935 г. и затрагивает систему посадских укреплений, разделяющих посадскую часть и Владимирскую слободку, овраг Малая Засора, а также участки, прилегавшие к Преображенскому женскому монастырю, и приходские кладбища Покровской и Вознесенской церквей.

В 1990–2010-х гг. регулярные исследования культурного слоя посада предпринимались Е. А. Кошелевой, Н. А. Ханом, Т. А. Медведевой, А. Л. Кряжевских. В начале 2000-х гг. Е. А. Кошелева провела охранные исследования посадских укреплений. Исследована территория, прилегающая к Ильинской и Никитской проезжим башням (Кайсин и др., 2019. С. 152–153).

В 1580 г. на южном берегу Засорного оврага возникает Успенский мужской монастырь и активно застраивается Заоградная монастырская слободка. В 1989–1991 гг. в связи с реставрационными работами на территории монастыря проведены археологические исследования, прослежены следы пожарищ XVII в. и уточнены границы городского кладбища (Сенникова и др., 2018. С. 64).

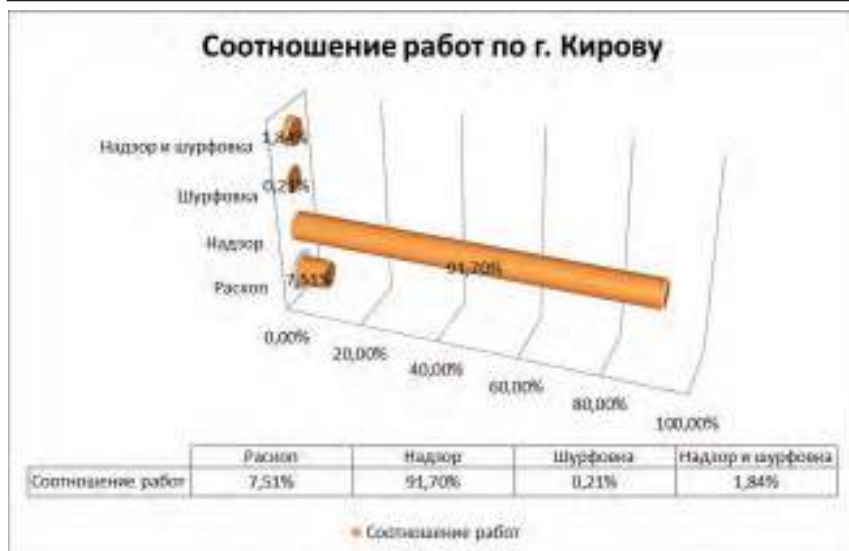
На данный момент достаточно изучены только территории вдоль р. Засоры, участки по линии земляных укреплений Большого города (посада) и внутри Малого города (кремля). Археологическое изучение 2000–2010-х гг. связано с новой застройкой города.

По ряду причин большую часть археологических работ в городе составляют надзоры, т. е. большая часть археологических данных

утеряна. Общая же площадь археологических работ составляет более 38000 кв. м (табл. 1). Были обработаны результаты 122 археологических работ за период с 1935 по 2016 г. У каждого объекта выявлены площадь и мощность, за исключением объектов, по которым информация отсутствовала. На каждый объект была сделана привязка в системе ГИС – WGS 84. Вся информация была занесена в базу данных, позволяющую понять объем проведенных в городе археологических исследований.

Таблица 1. Объемы вскрытых археологическими работами площадей

Тип работ	Общая площадь (кв. м)	Количество археологических работ
Раскоп	2917	20
Надзор	35138,25	88
Шурфовка	83	12
Надзор и шурфовка	713	2
Всего	38851,25	122

База археологических изысканий г. Кирова была создана в базе АРІ Яндекс.Карты. Данный вид базы будет иметь открытый доступ с личным паролем. В этом варианте при нажатии на любой объект археологических исследований можно будет получить краткую справку о годе проведения работ и их руководителе, мощности культурного слоя и площади объекта (рис. 1.2).

Внизу карты имеется временной маркер – лента времени, которая позволяет распределять археологические работы по годам и десятилетиям. Сейчас объекты в базе данных имеют привязку на карте. Есть разделение по цветам, обозначающим мощность слоя, при нажатии на объекты можно получить краткие сведения. Есть возможность увидеть тепловую карту археологических работ, показывающую их интенсивность и частоту в разных районах города. Также есть спутниковый вариант карты (рис. 1.1).

Кроме того, для ГИС-базы по представленным нами данным архитекторы сделали наложение разновременных построек на современную карту города, с обозначениями утраченных и сохранившихся зданий. Данная карта представлена как один из слоев.

Интерфейс базы будет поделен на две части: для любителей и профессиональных археологов и историков. При первом варианте, нажимая на любой объект, где проводилась археологическая работа, можно будет получить краткую справку: в каком году проведена работа и кто являлся руководителем, какова мощность и площадь объекта. Так же внизу карты имеется лента времени, являющаяся одним из маркеров, который позволяет выделять археологические работы по годам и десятилетиям. Во втором варианте, дополнительно к стандартной информации можно будет получить точные координаты и внешний вид места проведения археологической работы. Объект будет привязан несколькими точками, а не одной, как сейчас. Это создаст вид объекта как на археологическом плане, т. е. он сможет быть квадратным, прямоугольным и другими фигурами, какой он был в действительности. Так же в доступе будет отсканированный отчет по проведенной работе. В целом в базу можно будет добавить любой модуль по поиску.

В дальнейшем база будет перенесена на свободную геоинформационную систему QGIS Desktop, где помимо стандартной информации, можно будет получить точные координаты и внешний вид места проведения археологических исследований. Объект будет привязан в виде полигона, а не одной точкой, как на данном этапе разработки. Этот вариант обеспечит доступ к отсканированным отчетам по проведенным исследованиям.

Ценность данной работы заключается в том, что выявляется связь между всеми проведенными в городе археологическими работами разных

Рис. 1. Интерфейс «Геобазы археологических изысканий г. Кирова»: 1 – общий вид базы; 2 – окно с информацией об объекте

лет. Частота и объем археологических работ в городе велики, однако из-за отсутствия дописанных отчетов по ряду объектов (например, по Кремлю) в распоряжение ученых попадает только технический отчет, дневниковые записи или описи находок. Несмотря на то что г. Киров копался много и часто, отчеты археологов не дописаны по наиболее интересным объектам, даже территории Кремля, по различным объективным и субъективным причинам. Работы археологов не связаны между собой, что является недостатком для понимания взаимосвязи и объемов археологических работ. Археологи не обращают внимания на соседние объекты, в результате чего, общая картина археологической изученности города отсутствует. Поэтому наша работа является первой попыткой осмысления археологического изучения города.

Кроме того, любой археолог в городе, воспользовавшись базой данных, сможет заранее предположить насколько глубокий будет культурный слой на месте проведения предстоящих работ. База данных важна для разработки и реализации проекта охранно-археологической зоны г. Кирова.

Список литературы

- Борисова А. М., Глазырина М. К., 2020. Вариант модели распространения и мощности культурного слоя города Кирова по материалам археологических работ // ЛП Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 5–9 февраля 2020 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых. Пермь. С. 386–389.
- Кайсин А. О., Борисова А. М., Глазырина М. К., 2019. Некоторые итоги археологического изучения исторической части города Кирова в XX – начале XXI века // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V Международной конференции молодых ученых. М. С. 152–154.
- Матвеев Р. В., 2016. Отчет об археологических разведках на территории г. Кирова и г. Слободского Слободского района Кировской области, а также об археологических раскопках на территории Хлыновского кремля г. Кирова за 2015 г. // Архив КОГАУ «НПЦ по охране объектов культурного наследия».
- Проект границы территории выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации «Вятский (Хлыновский) кремль», 2014 // Фонды ОГАУК «НПЦ по охране объектов культурного наследия Кировской области».

- Сенникова Л. А., Кайсин А. О., Онуфриенко Ю. А., Жилина М. В., Борисова А. М., 2018. Археологические работы на территории Успенского Трифонова монастыря // Вестник гуманитарного образования. № 1. С. 61–71.
- Тинский А. Г., 1976. Планировка и застройка города Вятки в XVII–XIX веках. Киров.

Охранные археологические раскопки на территории исторического центра Сарапула в 2017–2019 гг.

Калугина Д. А.

*(Удмуртский государственный университет, г. Ижевск)
daryakalugina96@yandex.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-77-79

Сарапул – один из первых городов Удмуртского Прикамья. Заселению и освоению данной территории способствовало проникновение русских в XVI в. Сарапул представлял собой хорошо укрепленное поселение, служащее для охраны и контроля новых границ. С середины XVII в. функционировала деревянная крепость, внутри которой была церковь и «росло» первое городское кладбище. Застройка велась хаотично, учитывая близость расположения питьевой воды и рельеф местности. Основной артерией города была р. Кама; ее правый приток – р. Юрманка – была естественной северной границей села. В прибрежной части располагались озера Большое и Малое. В XVIII в. вместо разрушившейся крепости сформировалась Красная площадь, а ее главным элементом был Вознесенский собор. В 1812 г. с восточной и южной сторон собора были пристроены торговые ряды. В конце XIX в. Сарапул начали перестраивать согласно генеральному плану. Для его воплощения были проведены работы по засыпке озер и нивелировке ландшафта. Улицы вытянулись параллельно и перпендикулярно Каме. Территория вокруг центральной площади и первых прибрежных улиц начала активно застраиваться. Сначала это были деревянные усадебные постройки, а позже появились кирпичные дома зажиточных купцов.

История заселения и начального освоения города не богата письменными источниками, поэтому подробнее раскрыть ранний пласт помогают археологические материалы. Археологические раскопки начали проводиться с середины 80-х гг. XX в. под руководством Н. Л. Решетникова. При строительстве водопроводной магистрали им были обнаружены несколько могил на Красной площади – остатки первого сарапульского кладбища. В 1984 г. им впервые был зафиксирован поселенческий слой мощностью до 5 м по ул. Труда, а также обнаружен

материал XVII–XIX вв. В 1997, 1998, 2005 и 2006 гг. Н. Л. Решетниковым проводились разведочные работы на территории Красной площади, улиц Раскольниково и Труда, в связи с активными земляными работами в исторической части города. Предположительно, им были выявлены остатки рва от крепости XVI–XVIII вв.

В 2017 г. в ходе работ по благоустройству набережной в рамках проекта «Туристско-рекреационный кластер [Камский берег] Удмуртская Республика. 1 очередь. г. Сарапул» проводились земляные работы на набережной и Красной площади города. На данной территории располагаются выявленные объекты археологического наследия: могильник и поселение Сарапульское I. С мая 2017 г. сотрудниками Удмуртского госуниверситета под руководством С. А. Перевозчиковой осуществлялись археологические наблюдения и раскопки. Во время работ была зафиксирована большая часть одного из первых кладбищ Сарапула XVII–XVIII вв., изучено около 300 погребений. Погребальный обряд сарапульцев укладывается в православный канон. Частично был затронут поселенческий слой, связанный с руинированными остатками Вознесенского собора XVIII в. Рядом с торговыми рядами были изучены выгребные ямы, в которых сохранились фарфоровая, фаянсовая, стеклянная и керамическая посуда XIX – начала XX в. Раскопано несколько деревянных конструкций – подполий. В одном из них было найдено около 280 фрагментов глиняных изразцов XVII–XVIII вв. Материал из культурного слоя города представлен находками гончарной посуды XVIII–XIX вв., изразцов, различной домашней утвари, а также монет.

В 2018–2019 гг. в ходе реализации проекта «Реставрация и приспособление для современного использования памятника архитектуры регионального (Удмуртской Республики) значения «Номера П. А. Башенина», расположенного по адресу: УР, г. Сарапул, ул. Труда, д. 17» проводились археологические наблюдения под руководством С. А. Перевозчиковой. Двухэтажный деревянный дом, принадлежавший купцу Н. Н. Зылеву, на момент выполнения работ был признан аварийным и не подлежащим восстановлению. Согласно Разделу по обеспечению сохранности объектов культурного наследия (далее – ОКН) и Акту государственной историко-культурной экспертизы было принято решение снести дом, а на его месте выстроить новый с сохранением исторического облика. В результате спасательных археологических работ были исследованы остатки разрушенного дома «Номера П. А. Башенина, ориентировочно 1903 г.». Были выявлены объекты, относившиеся к памятнику до его изменения в середине XX в., информация о которых не сохранилась. Кроме того, в восточной части котлована дома археологически была зафиксирована верхняя граница террасы озера Большое, засыпанного на рубеже XIX–XX вв.

Проводившиеся в разное время раскопки затронули значительную часть старого города и впервые дали представление о мощности культурного

слоя. Археологические исследования позволили по-новому решить ряд вопросов в истории Сарапула: место и время первого поселения, расположение первого кладбища, представление о хозяйстве, культуре и промыслах поселян и др.

К сожалению, археологические исследования в Сарапуле приходится проводить, будучи буквально в «военных столкновениях» со строительными фирмами. Пользуясь отдаленным расположением города от госоргана и археологов, строительные фирмы зачастую начинают работы на территории ОКН без приглашения специалистов-археологов, не учитывая Федерального закона №73-ФЗ. Приходится опираться лишь на «дежурство» местных краеведов, которые вовремя заявляют о проведении земляных работ в городе. Именно таким образом был вовремя выявлен котлован на набережной в 2017 г., в котором строителями был нарушен пятиметровый культурный слой. И даже наличие разделов по обеспечению сохранения ОКН и заключенные договоры на проведение археологических наблюдений и раскопок не останавливают строительные фирмы от произвола. Неоднократные обращения в Агентство по охране ОКН Удмуртской Республики о нарушении культурного слоя Сарапула пока что не привели к ожидаемому положительному результату.

Список литературы

- Перевозчикова С. А., 2019. Отчет об археологических полевых работах (археологические наблюдения), проведенных в г. Сарапул (ул. Труда, 17) Удмуртской Республики осенью 2018 года // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 701.
- Перевозчикова С. А., 2018. Отчет о проведении спасательных археологических полевых работ на выявленных объектах археологического наследия «Сарапульское поселение» и «Сарапульский могильник» при строительстве объекта «Туристско-рекреационный кластер [Камский берег]. Удмуртская Республика. 1 очередь г. Сарапул» весной – осенью 2017 г. // Архив Института истории и культуры народов Приуралья (ИИКНП) УдГУ. Ф. 2. Д. 690.

О современном состоянии и обеспечении государственной охраной укрепленных поселений разных эпох, расположенных на территории Белгородской области

Костылева А. А., Скребцова В. В.

(Управление государственной охраны объектов культурного наследия Белгородской области, г. Белгород)

kostileva89@mail.ru, lerasavina05@mail.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-80-82

На территории Белгородской области числится 56 городищ, из них 39 включены в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объектов культурного наследия федерального значения, 17 являются выявленными объектами культурного наследия.

На государственную охрану 2 городища приняты в 1960 г., 4 – в 1986 г., 9 – в 1992 г., 23 – в 1997 г. (Управление...). Это укрепленные поселения, выявленные в разные годы экспедициями под руководством И. И. Ляпушкина, С. А. Плетнёвой, Б. А. Шрамко, П. Д. Либерова, Г. Е. Афанасьева, А. Г. Николаенко, А. Ф. Евминовой, И. Т. Шахова (Дьяченко, Михеев, 1992; 1993; 1995). С 2014 г. в соответствии со статьей 64 Федерального закона № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон) указанные памятники отнесены к объектам культурного наследия федерального значения.

Городища, выявляемые с начала 2000-х гг., включаются в перечень выявленных объектов культурного наследия Белгородской области (Управление ...). С 1997 г. по настоящее время лишь один объект археологического наследия, расположенный в регионе («Петропавловка городище-1»), включен в реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия (Приказ..., 2016).

К настоящему времени из 39 городищ федерального значения лишь 4 обеспечено границами территорий (3 из них внесены в Единый государственный реестр недвижимости как зоны с особыми условиями использования территории), 26 памятников – предметами охраны. Охранные обязательства утверждены в отношении собственников/пользователей 8 объектов (Управление...).

В целях определения точного местонахождения, а также оценки современного состояния памятников с 2001 по 2016 г. проведено картографирование всех стоящих на государственной охране городищ. В настоящее время из них не установлено местонахождение лишь

одного укрепленного поселения «Русская Матрёнка городище-1» предположительно, разрушено карьерами, которые были зафиксированы в непосредственной близости к памятнику еще в отчете С. А. Плетнёвой за 1963 г. (Плетнёва, 1963. С. 19, рис. 18, 18а).

С 2016 г. в целях исполнения ст. 11, 33 Федерального закона проведены мероприятия по контролю за состоянием и систематическому наблюдению в отношении 17 объектов культурного наследия (городищ).

Исходя из данных картографирования, результатов контрольно-надзорных мероприятий, а также материалов об археологических исследованиях установлено, что из 56 известных на настоящее время укрепленных поселений в аварийном состоянии находятся 5 памятников, в неудовлетворительном – 6, остальные в удовлетворительном и хорошем состоянии. Традиционно факторы разрушения связаны как с антропогенным воздействием, так и природным, в том числе:

- административная и жилая застройка зафиксирована на 3 объектах («Валуйская крепость», «Стрелецкое городище-1», «Яблонов городище-1»). Указанные крепости возникли в XVII в., и с данного периода на их основе проходило непрерывное последующее развитие городской и сельской застройки;

- территория трех городищ занята современными действующими кладбищами («Болховец городище-1», «Нежеголь городище-1», «Колтуновка городище-3»);

- разрушение оборонительных сооружений вследствие воздействия распашки зафиксировано на 6 памятниках («Городище городище-2», «Колтуновка городище-2», «Пороз городище-1», «Стрелецкое городище-2», Карпов городище-1» «Верхняя Покровка городище-2» [в настоящее время последнее выведено из сельскохозяйственного оборота и задерновано]);

- на 3 городищах фиксируются следы старых карьеров, в настоящее время не действующих («Крапивное городище-1», «Дмитриевка городище-1», «Карпов городище-1»);

- противопожарная опашка зафиксирована на 1 объекте («Большое Городище городище-1»);

- элементы современного благоустройства и установка малых архитектурных форм прослежена на 1 памятнике («Хотмыжск городище-1»);

- различного размера ямки на площадках городищ и оборонительных сооружениях прослежены на 8 памятниках, еще на 7 фиксируются следы разрушений почвенного покрова, связанные с событиями Великой Отечественной войны;

- разная по площади подрезка оборонительных сооружений и городищенских площадок обнаружена на 5 памятниках;

- на 6 объектах отмечены следы деятельности, т. н. «черных копателей».

Основным природным разрушением, фиксирующемся на памятниках, является выветривание и вымывание высоких меловых склонов городищ (выявлено на 9 объектах). Вытаптывание склонов прослежено на двух памятниках, на трех отмечены небольшие разрушения, связанные с деятельностью землеройных животных. Одно городище подвергается сезонному заболачиванию.

Список литературы

- Дьяченко А. Г., Михеев В. К., 1992. Археологические памятники Белгородской области. Государственный список № 1 (регистрационные № 1–455). Вып. 1. Белгород.
- Дьяченко А. Г., Михеев В. К., 1993. Археологические памятники Белгородской области. Государственный список № 1. Продолжение (регистрационные №№ 456–680). Вып. 2. Белгород.
- Дьяченко А. Г., Михеев В. К., 1995. Памятники истории и культуры Белгородской области. Государственный список № 1. Памятники археологии (регистрационные №№ 681–800). Вып. 3. Белгород.
- Плетнёва С. А., 1963. Отчет о работах Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской экспедиции летом 1963 г. // Архив ИА. Р-1. № 2547.
- Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 13.05.2017 № 981 «О включении выявленного объекта культурного наследия [Петропавловка городище-1], VII–III вв. до н. э.» // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219826/ (Дата обращения: 16.02.20).
- Управление государственной охраны объектов культурного наследия Белгородской области. – [Электронный ресурс] URL: <http://okn31.ru> (Дата обращения: 16.02.20).

Археологическое изучение Староромашкинского городища: основные результаты и перспектива исследований

Купцова М. С.

*(Елабужский институт Казанского [Приволжского]
федерального университета, г. Елабуга)*

malvina2711@bk.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-83-85

Староромашкинское городище – средневековый памятник домонгольской Волжской Болгарии. Памятник расположен в 17 км юго-восточнее г. Чистополя. В 500 м севернее городища находится село Старое Ромашкино, около 1 км юго-юго-западнее – трасса Казань–Оренбург (стар. «Ногайская дорога») (Нигамаев, 2017. С. 4).

В известных на данный момент письменных источниках поселения на месте городища не упоминаются. У местного населения исторического названия объекта не сохранилось, т. к. до его появления здесь в XVII в. (жители с. Старое Ромашкино – татары-мишары) эти земли некоторое время являлись «пустошью». Из-за туфлеобразной формы городища окрестное население называет его «Калюш» (калоша), хотя среди татар используется и название «Кала» (крепость, город). Указывается, что здесь раньше существовал также мост, который назывался «Кала купере» (городской мост) (Нигамаев, 2017. С. 4).

В 1989 г. памятник исследовал К. А. Руденко, который сообщает о размерах городища (110 × 230 м, подпрямоугольной формы). «В южной части городища – три вала и два рва, глубина последнего достигает 2 м, а ширина 8 м. Высота валов до 2,5 м, ширина – 8 м. В середине имеется проезд. Второй и третий валы частично разрушены (в западной части) при строительстве дамбы через реку. В северной части два вала и два рва. Наибольшая глубина рва 2 м, ширина 7 м. Валы высотой от 0,5 до 1,5 м и шириной до 11 м. Площадь памятника около 20000 кв. м. Рядом с городищем зафиксированы селища» (Руденко, 1991. С. 5).

Исследователи на основе собранного с городища подъемного материала относят памятник к числу домонгольских болгарских поселений X – начала XIII вв. и рассматривают его как часть Староромашкинского археологического комплекса вместе с расположенным в 2 км юго-западнее кладбищем «Ташбилге» (Ханское) с надмогильными камнями золотоордынской эпохи и примыкающим к городищу с юго-запада, юга и юго-востока селищем.

Начиная с 2013 г. по 2017 г., по заказу Чистопольского музейного объединения на памятнике охранно-спасательные работы проводила Елабужская археологическая экспедиция. Осмотр местности выявил, что к юго-западу

от городища, на территории между двумя оврагами, отчетливо видны следы обширного посада. Следует отметить, что общая площадь крепости и ее посадов составляла около 1 млн кв. м (100 га), где большая часть посада в данный момент занята территорией современного села. На уровне средней части городища и на западе, и на востоке видны следы бывших мостов. В настоящее время между двумя валами проходит проселочная дорога. На территории, прилегающей к валам с юга, в ходе исследований 2013 г. были выявлены многочисленные человеческие останки. Так же во время строительства дамбы и прокладки дороги здесь были часты находки человеческих костей, черепов. Согласно местным преданиям, эти останки принадлежат врагам (монголам?), которые взяли штурмом и разрушили город.

Керамический материал, обнаруженный на городище, представлен гончарной красноглиняной керамикой (I «общеболгарская» группа керамики по классификации А. Т. Хлебниковой) (Хлебникова, 1984) местного производства, которая составляет более 80 % от керамического материала, обнаруженного на памятнике. Обращает на себя внимание тот факт, что в керамическом комплексе не представлены те группы посуды, которые появились в Прикамье в предмонгольское время и распространились в золотоордынский период (XVIII группа по А. Т. Хлебниковой). Явное численное доминирование коричневой керамики над красной в общеболгарской посуде более характерно для позднего домонгольского периода.

Среди всего обилия керамического материала общеболгарской I группы выделяется традиционная лепная посуда, большой процент среди которой занимает VII группа посуды, или керамика «постпетрогром» по Е. П. Казакову (Хузин, 2011. С. 69). Данная группа посуды представляет собой лепные сосуды, в тесте которых присутствует толченая раковина. Форма сосудов – горшки и чаши, орнаментированные веревочным штампом по плечу или по горловине. Такую посуду принято отождествлять с угорским населением, пришедшим на данную территорию еще до создания Волжской Болгарии. Следующая, VIII (прикамско-приуральских истоков) группа керамики представлена в керамическом составе Староромашкинского городища 86 фрагментами (1 % от общего количества керамики). В состав теста входит шамот, в некоторых сосудах встречается толченая раковина. Формовка сосуда происходила в два этапа, нижняя часть сосуда изготовлена вручную, а верхняя – венчик – подправлена на гончарном круге. Характерная орнаментация – веревочный штамп и «набегающая волна» (однорядная) по горловине или плечу.

Вопрос об этимологической привязке VIII группы керамики является и в настоящее время актуальным. Е. П. Казаков данную группу относит к переходному виду гребенчато-шнуровой керамики (VII гр.),

сложившуюся под влиянием болгарской гончарной посуды. Он видит сходство в составе теста и некоторых орнаментах, в частности в расположении орнамента в определенных частях посуды. Если отталкиваться от точки зрения данного автора, то VIII группа должна была выделиться на материалах Елабужского городища, в керамическом комплексе которого VII группа посуды представлена более 60 % от общего количества керамики. Однако в материалах Елабужского городища VIII группа отсутствует.

Таким образом, охранно-спасательные работы, проводимые на Староромашкинском городище, несмотря на свои незначительные размеры, дали интересный результат. Во-первых, были уточнены масштабы разрушительных процессов на памятнике и определены меры по прекращению разрушений (ограничение хозяйственного использования, укрепление склонов и т. п.) Во-вторых, обнаружилось, что северо-восточная часть городища активно застраивалась в течении всего домонгольского времени жилищами, ямами-хранилищами и хозяйственными постройками. На основе находок лепной посуды прикамско-приуральских традиций, хорошо представленные в ямных сооружениях, время начала функционирования данного комплекса можно датировать X – началом XI в. Такую же датировку дают и некоторые индивидуальные находки. Верхний слой заполнения ряда ям имеет активные включения угля. Можно предположить, что поселение погибло в результате монгольского нашествия в 1236 г. Это подтверждено и находками центральноазиатского происхождения (предметы вооружения, керамический материал).

Список литературы

- Археологические памятники Центрального Закамья. Казань, 1988.
- Нигамаев А. З., 2017. Отчет об охранно-спасательных археологических раскопках на Староромашкинском городище Чистопольского района Республики Татарстан (раскоп III) в 2016 году // Архив ЛАЭ. № 32/СР-III-2016.
- Руденко К. А., 1989. Отчет о разведках в Чистопольском районе ТАССР в 1989 г. Казань // Архив ИА РАН. Р-1. № 14836.
- Хлебникова Т. А., 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии (к вопросу об этнокультурном составе населения). М.
- Хузин Ф. Ш., 2011. Исследования по булгаро-татарской археологии. Казань.

Культурный слой в историческом центре г. Ростова-на-Дону и проблемы его исследования

Нечипорук А. А.

*(Государственное автономное учреждение культуры Ростовской
области «Донское Наследие», г. Ростов-на-Дону)*

necip25@mail.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-86-88

Началом ростовского летоисчисления традиционно считается 15 декабря 1749 г., когда правительственным указом была учреждена Темерницкая таможня. Дата далеко не беспорна, а сама идея связать возникновение города с одним из мест локализации таможни имеет слабые стороны (Аваков, 2010. С. 106–107). Более убедительным в этой связи выглядит привязка к дате основания крепости святого Дмитрия Ростовского, закладка которой состоялась 23 сентября 1761 г. Рядом с ней возникли слободы (форштадты), которые впоследствии стали историческим ядром г. Ростова-на-Дону. К концу XVIII в. крепость окончательно потеряла свое стратегическое значение и в 1835 г. была упразднена. Ее территория была присоединена к городским землям и постепенно застроена. Далее Ростов уже стремительно развивался как купеческий и промышленный центр.

Крепость была поставлена на охрану в 1994 г. как «Комплекс наземных и подземных сооружений крепости святого Дмитрия Ростовского». При этом ее форштадты не внесены в перечень охраняемых объектов. Соответственно и культурный городской слой XVIII – начала XX в. в границах исторического центра не имеет охранного статуса.

В Ростове-на-Дону городская археология – направление относительно молодое и связано исключительно с новостройками. Поскольку Ростов изначально возник как крепость, то основное внимание в качестве объекта изучения традиционно привлекали фортификационные и крепостные сооружения. Более поздняя городская застройка и по сей день не обнаруживает должного интереса и исследуется лишь спорадически.

Городской культурный слой изучается в основном при исследовании крепости Дмитрия Ростовского или же городищ и могильников I–III вв. н. э., расположенных в городской черте. Таким образом, изучаются те участки, которые находятся в границах этих памятников, стоящих на охране. Это в основном застройка второй половины XIX – начала XX в. на территории крепости, а также Доломановский форштадт, расположенный в границах Темерницкого городища и его некрополя. Практически не изученным остается Солдатский и Полуденский форштадты. Нужно учитывать, что имеющиеся в распоряжении исследователей

планы крепости Дмитрия Ростовского и города XVIII–XIX вв., по большей части являются лишь проектной документацией, которая не всегда отражала реальную картину. Стихийность застройки, особенно окраинных районов, являлась характерной чертой для города на всем протяжении Нового времени.

Археологическое изучение исторического центра началось на рубеже 1990–2000-х гг. Это были по большей части наблюдения за земляными работами на участках новостроек. После вступления в силу в 2002 г. Федерального закона № 73 «Об объектах культурного наследия...» (в особенности после поправок 2013 г., в которых введен столетний рубеж древности для археологических объектов) работы в городе стали носить более регулярный характер.

Результативные охранные раскопки на территории крепости были проведены в 2000-е гг. археологической лабораторией Ростовского государственного университета и экспедицией Ростовского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), в результате которых были изучены участки валов и рвов (Казакова, Морозова, 2004. С. 164–165; Щербакова, 2006. С. 137–139; Жеребилов, 2008. С. 230–231; Ларенок, 2008. С. 214), а также целая серия объектов, располагавшихся в крепости, среди которых следует выделить солдатскую землянку-казарму и колодец (Ларенок, Ларенок, 2011. С. 315). Работы в Кировском сквере позволили изучить участок церковного подворья Покровского собора и определить расположение его некрополя (Ларенок, Ларенок, 2004. С. 119–120). Помимо крепостных объектов попутно изучались и городские напластования XIX – начала XX в.

Отдельные объекты были изучены на территории Доломановского форштадта. Так, в 2002 г. на углу ул. Шаумяна и Халтуринского пер. при изучении участка Темерницкого некрополя была, пожалуй, впервые в городе археологически исследована яма XIX в. (Рогудеев, 2007. С. 68). В 2006 г. А. И. Гармашовым на участке по ул. Серафимовича, 25, был исследован участок фундамента и прицерковных сооружений Никольской церкви XIX в. В 2017–2018 гг. экспедицией под руководством автора в ходе реконструкции ул. Станиславского (бывш. Почтовая) была выявлена целая серия различных объектов второй пол. XVIII – начала XX в., а также сохранившиеся участки проезжей части этой исторической улицы.

Однако, несмотря на то что за последние два десятка лет археологические исследования в исторической части города стали более-менее регулярными, темпы строительных работ значительно превышают их. Усугубила ситуацию отмена охранных зон для археологических объектов, что для работ в условиях городской застройки было значительным фактором в их сохранении и изучении. Негативной тенденцией в области

охраны культурных городских слоев является крайне слабый контроль за строительными работами, в первую очередь связанных с прокладкой различных коммуникаций, которые продолжают вестись без всякого учета исторического контекста зоны работ и согласований в органе охраны памятников.

Список литературы

- Аваков П. А., 2010. Памятник невежеству // Донской временник. Ростов-на-Дону. Вып. 19. С. 106–110.
- Жеребилов С. Е., 2008. Раскопки вала крепости Св. Дмитрия Ростовского у библиотеки РГУ // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Азов. Вып. 23. С. 230–231.
- Казакова Л. М., Морозова Н.С., 2004. Аварийно-спасательные работы на крепости Святого Дмитрия Ростовского в городе Ростове-на-Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Азов. Вып. 20. С. 164–165.
- Ларенок В. А., 2008. Раскопки на территории крепости в г. Ростове-на-Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Азов. Вып. 23. С. 214–226.
- Ларенок В. А., Ларенок П. А., 2004. Работы археологической экспедиции РРО ВООПИиК в 2003 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Азов. Вып. 20. С. 119–120.
- Ларенок В. А., Ларенок П. А., 2011. Предметы быта конца XVIII – начала XIX вв. из засыпки котлована солдатской казармы крепости Дмитрия Ростовского // Археологические записки. Ростов-на-Дону. Вып. 7. С. 315–332.
- Рогудеев В. В., 2007. Комплексы и отдельные находки XVIII–XIX веков // Археологические записки. Ростов-на-Дону. Вып. 5. С. 65–81.
- Щербакова Н. С., 2006. Работы на крепости Св. Дмитрия Ростовского в г. Ростове-на-Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Азов. Вып. 22. С. 137–139.

**Результаты полевых исследований на территории
утраченного Спасо-Преображенского собора
в Нижегородском кремле**

*Сивожелезов И. В., Свиридов А. Н., Милованов С. И.
(Институт археологии РАН, Москва)
ignatsivojelezov@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-89-92

В сентябре-октябре 2019 г. отдельным отрядом Волжской археологической экспедиции ИА РАН проводились охранные археологические раскопки по обеспечению сохранности объекта археологического наследия «Культурный слой города Нижнего Новгорода» на земельном участке, отведенном под воссоздание шатровой колокольни утраченного Спасо-Преображенского собора в Нижегородском кремле.

На данном участке, согласно летописным сведениям, в 1225 г., вскоре после основания Нижнего Новгорода, при князе Юрии Всеволодовиче впервые был построен каменный храм. Впоследствии этот храм многократно перестраивался. В 1350 г. на его месте закладывается большой каменный собор, освященный в честь Преображения Господня. На рубеже первых двух десятилетий XVI в. Спасо-Преображенский собор оказался внутри выстроенного по указу Василия III Нижегородского кремля.

В начале XVIII в. к западу от собора стояла деревянная колокольня. Она сгорела в городском пожаре 1715 г. По наставлению митрополита Нижегородского и Алатырского Сильвестра к юго-западу от Спасо-Преображенского собора была возведена новая каменная колокольня в виде восьмигранного столпа с шатровой крышей, простоявшая до начала XX в.

Целью археологических изысканий являлось исследование культурных напластований части площадки будущего строительного котлована и получение дополнительной информации о разрушенной колокольне.

Общая площадь исследований составила 303,05 кв. м (рис. 1).

В результате проведенных работ была локализована часть фундамента разрушенной шатровой колокольни Спасо-Преображенского собора, расположенной в северо-восточной части раскопа. Она имела размер 5,5 × 11 м. Верхняя часть конструкции состояла из выложенных вплотную друг к другу уплощенных плит белого известняка размерами 0,6 × 1,2 м. Они располагались на камнях средних размеров, уложенных рядами, с прослойками кирпичного боя. В центральной части колокольни был выявлен известковый пол и кирпичная стена шириной 0,6 м, разделяющая внутреннюю часть фундамента колокольни на западную и восточную. В ходе строительства данной колокольни была частично разрушена более ранняя конструкция, фундамент которой состоял из плотно подогнанных камней известкового бута.

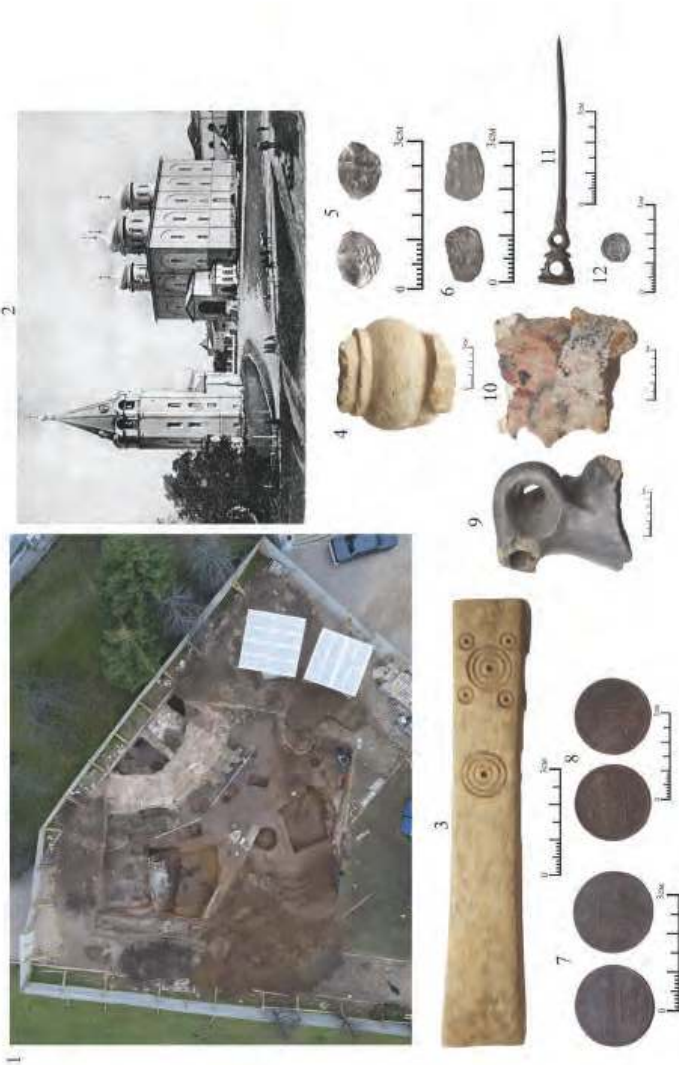

Рис. 1. Спасо-Преображенский собор: 1 – расположение раскопа с объектами; 2 – утраченная колокольня, фото начала XX в.; 3 – костяная ручка с солярным орнаментом; 4 – фрагмент каменного архитектурного элемента; 5, 6 – серебряные монеты («чешуйки»); 7, 8 – монеты Нового времени; 9 – фрагмент горла антропоморфного сосуда; 10 – фрагмент фрески; 11 – бронзовое писало; 12 – серебряная монета

Помимо обнаруженного фундамента колокольни удалось зафиксировать следы средневековых хозяйственных комплексов от усадебной застройки в верхней части Нижегородского кремля на Спасской горе, среди которых наибольший интерес представляют объекты 7 и 20. Объект 7 – яма-подполье, хронологические рамки которой восходят к XVI в., была обнаружена в западной части раскопа, имела размер 5,8 × 5,7 м. После выборки затечных слоев были выявлены контуры истлевшей деревянной конструкции прямоугольной формы, прослеживающиеся по всему периметру ямы, отстоящие от ее границ на 0,5–0,7 м. Пространство между границами ямы и контурами деревянной конструкции было заполнено желтым суглинком средней плотности (переотложенным материком), взятым из придонной части ямы в ходе ее сооружения. Данный грунт, по всей видимости, выступал в качестве забутовки, созданной во избежание оплывания границ ямы. В придонной части объекта фиксировалась группа небольших ям, одна из которых была заполнена прокаленным грунтом и служила, по всей видимости, в качестве очага для просушки всего помещения. В заполнении объекта выявлены монеты допетровской поры, золотоордынская монета, обувные подковки, костяная ручка с соляной символикой.

Объект 20 – яма четырехугольной формы, размерами 4,16 × 3,88 м со столбовыми ямами по краям. В стратиграфии разреза прослежены следующие слои: желтый суглинок плотной структуры 0,4–0,5 м; темно-коричневый суглинок плотной структуры с включением комочков светло-коричневого суглинка (переотложенный материк), угольных прослоек и мелких камней известкового туфа в придонной части. Среди находок наиболее примечательным является округлый фрагмент архитектурного элемента периода позднего средневековья.

Таким образом, в ходе раскопок впервые для этой территории Нижегородского Кремля были изучены стратифицированные культурные напластования XIV–XVII вв.

Список литературы

- Агафонов С. Л., 2008. Нижегородский кремль. Нижний Новгород.
- Ануфриева И. В., 2005. Археологические исследования на территории Нижнего Новгорода во второй половине XIX – середине XX вв. // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 9. С. 35–47.
- Грибов Н. Н., 2018. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.
- Грибов Н. Н., Лапшин В. А., 2008. Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках // Археологические вести. № 15. С. 141–156.
- Добровольский М., 1912. Путеводитель по святым местам и церковным достопримечательностям г. Н. Новгорода. Нижний Новгород. С. 1–60.

- Кирьянов И. А., 1961. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький.
- Кирьянов И. А., 1968. Нижегородский Кремль. Горький.
- Николаенко Т. Д., 2005. Нижний Новгород XIII–XV вв. по письменным и археологическим источникам // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 87–129.
- Николаенко Т. Д., 2006. Основные этапы развития Нижнего Новгорода в XIII–XVII веках // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М. С. 323–343.
- Николаенко Т. Д., 2008. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 2. М.
- Николаенко Т. Д., 2015. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 4. М.
- Смирнова Л. С., Званцева Т. З., 1991. Церкви Нижнего Новгорода, уничтоженные и уцелевшие. Краткий путеводитель по старому городу. Нижний Новгород.
- Трофимов И. В., Кирьянов И. А., 1952. Материалы к исследованию Нижегородского кремля // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. II. Крепостные сооружения Древней Руси (МИА № 31). М. С. 319–346.
- Храмцовский Н. И., 1998. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород.
- Шаболдин Я. Л., 1999. Шестистолпные храмы Нижегородского края середины XVII в. // Филевские чтения. Тезисы шестой научной конференции (Москва, 20–23 декабря 1999 г.). М. С. 139–140.
- Шумилкин С. М., Шумилкин А. С., 2010. Архитектурно-пространственное формирование Нижнего Новгорода XIII – начала XX вв. Нижний Новгород.

**Археологические исследования 2018–2019 гг. в районе
мыса Сопочная Карга на западе Таймыра**

Степанов Н. С.

*(ООО «Научно-производственное объединение
«Археологическое проектирование и изыскания», г. Красноярск)
ns230989@yandex.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-92-95

С 2016 г. совместным отрядом ООО «Научно-производственного объединения «Археологическое проектирование и изыскания» (далее – ООО «НПО АПИ») и «Красноярская Геоархеология» на территории полуострова Таймыр проводятся комплексные научно-исследовательские работы.

В 2018 г. осуществлен поиск следов древнего каменного века на западе Таймыра – осмотрены участки террас с имеющимися обнажениями чет-

вертикальных отложений, а также отмели и пляжи правобережья р. Енисей. Одним из участков выбран мыс Сопочная Карга, где в 2012 г. была найдена туша мамонта, обитавшего в каргинское время (Гусев и др., 2015). Останки мамонта с доказательствами участия древнего человека в его смерти были датированы в пределах 47–45 тыс. л. н. С14 (Pitulko et al., 2016). Отрядом был обследован берег Енисейского залива на протяжении 6 км к северу от мыса, а также берег в урочище Красный Яр. Собрана коллекция остеологического материала, среди которого, помимо позднеголоценовых костей северного оленя, встречены останки мамонта. В ур. Красный Яр найдена челюсть и фрагмент крестца ископаемой лошади. Археологического материала, свидетельствующего о заселенности территории в эпоху палеолита, обнаружено не было. Однако найденная плейстоценовая фауна косвенно подтвердила гипотезу о перспективности участка и подтолкнула отряд к идее о продолжении работ в 2019 г.

При подготовке к сезону 2019 г. была сформулирована более широкая задача: поиск памятников палеолита, изучение четвертичных отложений, сборы и определение на месте фаунистического материала, выявление прочих объектов, имеющих историко-культурную ценность.

В 2019 г. было обследовано правобережье залива от Сопочной Карги до устья р. Сариха. По пути следования выявлено, что пляж песчано-галечный, а обнажения береговых обрывов сложены супесями и суглинками, перекрытыми мощной торфянистой пачкой. В южной части маршрута фиксировались термоцирки, глубоко врезающиеся в тундру и разрушающие береговой клиф. В виду интенсивного таяния льдов, обнажаются новые толщи четвертичных отложений. Съезжающие и осыпаемые блоки грунта экспонируются на пабереге, образуя большие конусы выноса. Местами разрушение береговых уступов стабилизируется, отмечается задерновывание переотложенных блоков.

Особое внимание уделялось поиску артефактов как на поверхности пляжа, так и в толщах береговых обрывов. Производился поиск распространенного археологического сырья на Таймыре – кремня, кварцита и халцедона. Палеолитических объектов и отдельных артефактов каменного века обнаружено не было. Сборы костей дополнили коллекцию по таймырской фауне голоценового времени. Среди плейстоценового материала найдены рога северного оленя и фрагмент берцовой кости ископаемого овцебыка.

В ходе работ были выявлены памятники Нового времени: остатки двух зимовий и объект, связанный с погребальным обрядом коренного населения.

Изба Яровая расположена в 6 км к северу от Сопочной Карги. Развалины приурочены к бровке уступа, представляют собой остатки многокамерной постройки с оставшимися нижними венцами. Торцы бревен

отпилены, пазы рублены топором. Контуры клетей просматриваются в рельефе отчетливо. В северо-западной части находилась отапливаемая клеть, о чем свидетельствует остов печи. При осмотре сползших блоков грунта, содержащих в себе рубленую щепу, был найден подъемный материал: обработанная кость мамонта, тонкое оконное стекло, фрагмент кожаной обрести. Предварительная датировка: XIX – начало XX в.

Изба Мироновская расположена в 7,5 км к северу от мыса Сопочная Карга, в устье р. Мироновской. На приустьевом склоне, имеющем южную экспозицию, была осмотрена изба советского периода, сложенная из отесанных бревен в 7 венцов с двускатной крышей. Рядом, на песчаном пляже, обнаружена более ранняя постройка, фактически уничтоженная волноприбойной деятельностью залива. Постройка однослонная, с сохранившейся северной стенкой в 3 венца. Вход располагался с восточной стороны. В западной и восточной стенках сохранились лишь нижние венцы. Южная стенка уничтожена прибором. Торцы бревен и пазы рублены топором. В северо-восточном углу фиксируется развал печикаменки, сложенной из валунов. В результате расчистки сохранившихся отложений найдены: фрагменты стекла, кожаных изделий, берестяного туеса; кованые гвозди и скобы, грузила на плоских гальках, фрагмент бивня мамонта, большое количество рыбьей чешуи и костей северного оленя. Сохранность данной постройки, набор артефактов и наличие печикаменки позволяют датировать зимовье начиная с XVIII в.

Местонахождение близ оз. Долган. При осмотре северного берега оз. Долган на краю и у подножия господствующей сопки были найдены фрагменты медных пронизок, медные подвески, а также отщеп и бисер на кожаном шнурке. В борту уступа *in situ* обнаружены фрагменты органики: истлевшее дерево и прошитая кожа. Борт активно разрушается ветровой эрозией, также он пронизан криогенными трещинами, по которым происходит отслаивание блоков грунта. В заложённом шурфе было расчищено изделие из кожи, напоминающее «чехол». Размеры изделия 1,45 × 0,45 м. Чехол представляет собой сшитые между собой лоскуты ровдуги с продольными и поперечными швами. При расчистке найдены медная пронизка, 3 подвески и 2 железных ножа. Изделие с сопроводительным инвентарем является либо фрагментами одежды, либо сумки, вещи были целенаправленно погребены на песчаной сопке. Объект интерпретирован как кенотаф и отнесен к одному из видов погребального обряда. Подобные случаи захоронения вещей ненайденных людей были описаны Г. Н. Грачевой на материалах нганасан XIX – начала XX в. (Грачева, 1983. С. 107, 124).

Таким образом, на Сопочной Карге в течение двух лет проводились исследования, в результате которых выявлен ряд памятников Нового

времени, собрана коллекция костного материала, в том числе позднеплейстоценового времени. Вопрос о нахождении палеолитических объектов остается открытым.

Список литературы

- Грачева Г. Н., 1983. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX – начала XX в.). Л.
- Гусев Е. А., Молодьков А. Н., Дервянко Л. Г., 2015. Сопкаргинский мамонт, время и условия его обитания (север Западной Сибири) // Успехи современного естествознания. № 15, ч. 3. С. 432–435.
- Pitulko V. V., Tikhonov A. N., Pavlova E. Yu., Nikolskiy P. A., Kuper K. E., Polozov R. N., 2016. Early human presence in the Arctic: Evidence from 45,000-year-old mammoth remains // Science. Vol. 351. P. 260–263.

Современные подходы к систематизации, хранению и реставрации археологических коллекций

Губернская периодика второй половины XIX – начала XX в. как источник по истории региональной археологии (на примере Воронежской губернии)

Городцова Ю. Н.

*(Воронежский государственный университет; Природный,
архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье»,
г. Воронеж)*

yuliya.gorodtsova@yandex.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-96-98

Губернская периодическая печать является неотъемлемой частью источниковой базы по истории воронежской региональной археологии. К ней обращаются исследователи при подготовке материалов как в границах определенной территории (уезд, населенный пункт, географический объект), так и в соответствии с конкретным периодом или культурой.

Периодику второй половины XIX – начала XX в., из которой мы можем вычленить необходимую информацию, стоит подразделять на издания светского (для широкой общественности) и церковного характера. К первому типу можно уверенно отнести «Воронежские губернские ведомости» (далее – ВГВ), «Памятные книжки Воронежской губернии», «Дон» и «Воронежский телеграф». Второй представлен «Воронежскими епархиальными ведомостями».

В первую очередь стоит сказать о «Памятных книжках» (1856–1917 гг.), которые уже не раз использовались исследователями в своих работах. Интересующие нас сведения появляются в 1892 г. сначала в «литературном», затем в «научно-литературном» разделе, когда редактором становится С. Е. Зверев. В частности, в его публикациях обобщены сведения о находках древних каменных и бронзовых изделий на территории Воронежской губернии с 1863 по 1893 г. (Зверев, 1893).

Одной из наиболее распространенных форм проявления интереса к истории своего края у местных исследователей становится написание заметок для публикации в ВГВ (1838–1917 гг.). К анализу ВГВ как источнику по региональной археологии одной из первых приступила Е. Ю. Захарова (Захарова, 2018). Газета состояла из официального и неофициального отделов. Нас интересует последний. Просмотр номеров ВГВ позволяет сформировать более адекватное представление о наличии археологических памятников на определенной местности (при условии наличия там краеведа – любителя старины) по сравнению

с опубликованными итогами кампании 1873 г. (опрос волостных правлений по специальной анкете о древних земляных насыпях). Для примера используем Иловскую волость Бирюченского уезда. По данным из работ Л. Б. Вейнберга и А. А. Спицына (официальная археологическая статистика), на вышеуказанной территории присутствуют 4 кургана и 4 городища (Вейнберг, 1887; Спицын, 1896). Теперь детально рассмотрим заметки в ВГВ Михаила Степановича Марьевского, священника Стрелецкой слободы (она входила в Иловскую волость Бирюченского уезда). В его материалах имеется информация о 5 городищах и 17 курганах (11 из которых повреждены по разным причинам): их расположение, внешний вид, включая достаточно подробные обмеры, сведения о причинах повреждения и описание обнаруженных находок (ВГВ. 1866. № 30, 31, 33, 46, 94, 95; 1867. № 7, 8). Такая разница связана с тем, что местное население лучше знало родные места, нежели чиновники, которые отчитывались в официальных статистических отчетах.

В 1862 г. появилась первая частная газета «Воронежский листок» (издавалась до 1867 г.), позднее – газеты «Дон» (1868–1915 гг.) и «Воронежский телеграф» (1869–1918 гг.), отображавшие разнообразные стороны социально-экономической и общественно-культурной жизни Воронежской губернии. Изучение каждого номера на предмет выявления информации по истории региональной археологии имеет позитивный прогноз, так как только в «Доне» и «Воронежском телеграфе» за период с 1888 по 1905 г. было напечатано соответственно 21 и 49 заметок воронежского краеведа С. Е. Зверева (Стефан Егорович Зверев: к 150-летию со дня рождения..., 2010). Полноценный анализ еще не завершен.

Характеризуя издание церковного характера, отметим, что «Воронежские епархиальные ведомости» (1866–1917 гг.) в целом отражали события из религиозной жизни губернии. В неофициальной части номеров помещались и исторические статьи. По выпускам можно проследить становление церковной археологии, когда в 1890-х гг. появляются первые отклики на возможность создания церковного историко-археологического органа в Воронеже (Можаров, 1894; Известия и заметки, 1895).

Археологические изыскания того периода носили еще немногочисленный характер, и тем ценнее информация, получаемая нами из региональных периодических изданий. Периодика служит дополнительным источником для создания археологической карты (учет памятников и степень их сохранности, их историческая и этнографическая интерпретация); получаемые сведения помогают определить социальный статус любителей древностей на местах (государственные служащие, представители духовенства, врачи, учителя). По выпускам изданий можно проследить судьбу той или иной археологической коллекции.

Список литературы

- Вейнберг Л. Б., 1887. Городища и курганы в Воронежской губернии. Извлечено из дел Воронежского губернского статистического комитета // *Материалы для истории Воронежа и соседних губерний. Воронежские акты* / Под ред. С. Е. Зверева. Т. 1. Приложение. Воронеж. С. 412–420.
- Захарова Е. Ю., 2018. Древности Бирюченского уезда на страницах губернской периодики (1860–1870-е гг.) // *Археология восточноевропейской лесостепи: сборник материалов международной науч.-практ. конференции, посв. 80-летию со дня рождения А. Г. Николаенко* (Белгород, 14–16 декабря 2017 г.). Белгород. С. 529–540.
- Зверев С. Е., 1893. Воронежские древности. Статистические данные о находках древних каменных и бронзовых изделий в Воронежской губернии с 1863 по 1893 г. // *Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 год* / Под ред. С. Е. Зверева. Воронеж. С. 161–167.
- Известия и заметки, 1895 // *Воронежские епархиальные ведомости*. № 6. С. 265.
- Можаров Г., 1894. Археологическая наука и церковно-практические вопросы // *Воронежские епархиальные ведомости*. № 23. С. 916–932.
- Спицын А.А., 1896. Сведения 1873 года о городищах и курганах. Воронежская губерния // *Записки Императорского русского археологического общества*. СПб. Т. VIII, вып. 1-2. Новая серия. С. 286–306.
- Стефан Егорович Зверев: к 150-летию со дня рождения: указ. лит. (1885–2010). Воронеж, 2010.

Реставрация археологического железа на материалах раскопок могильников на территории Тазовского Заполярья¹

Иванова З. А.

(Тюменский государственный университет, г. Тюмень)

ivanova.zlata.alexandrovna@yandex.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-98-102

С 2013 г. на территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области под руководством А. А. Ткачева – д. и. н., заместителя директора по научной работе Института проблем освоения Севера СО РАН (далее – ИПОС СО РАН) – проводились разведывательно-поисковые работы, главной целью которых было пополнение источниковой базы и поиск опорных памятников для получения

¹ Выражаю благодарность доктору исторических наук Ткачеву Александру Александровичу и кандидату исторических наук Ткачеву Александру Александровичу за возможность использования неопубликованных материалов.

информации о культурно-исторических процессах в эпоху палеометалла и Средневековья на территории заполярной зоны Западной Сибири (Ткачев, 2019).

В 2017 г. под руководством А. А. Ткачева – к. и. н., старшего преподавателя кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (далее – ТюмГУ) – были проведены разведочные работы на правобережной приустьевой части р. Вэсакояха, притоках ручья Нумхбия-сихэри и вдоль северного берега оз. Холевто, вследствие чего были обнаружены три новых могильника эпохи Средневековья: Вэсакояха I, Вэсакояха II, Холевто I (Ткачев, 2018. С. 2).

В ходе исследования было принято решение о рекогносцировочных раскопках объекта № 2 могильника Вэсакояха II, в связи со следующими факторами: близкое расположение к крутому склону мысовидного уступа, наличие морозобойных трещин вблизи объекта и отсутствие густой растительности на поверхности зафиксированной могилы, что способствовало разрушению археологического объекта (Ткачев, 2018. С. 18). В ходе исследования погребения были обнаружены небольшие фрагменты черепной коробки с кожными покровами, а также погребальный инвентарь: бронзовая подвеска, три железных ножа (у одного из них было сильно сточено лезвие) и железный скребок для выделки шкур. В районе головы зафиксировано скопление из коррозированных обломков железа, кусочков шерстяной ткани и шкуры оленя (Ткачев, 2018. С. 19, рис. 157, 162). Данное скопление было решено взять монолитом для дальнейшей расчистки в лабораторных условиях. В результате выявлены следующие составные элементы: бронзовое кольцо (Ткачев, 2018. С. 19, рис. 167: 4), четыре железных корродированных кольца (Ткачев, 2018. С. 19, рис. 167: 5, 9–11), фрагменты оленьей шкуры (Ткачев, 2018. С. 19, рис. 167: 15–17), фрагменты шерстяной ткани с нашитыми двумя маленькими пастовыми бусинками (Ткачев, 2018. С. 19, рис. 167: 20), кожаная окантовка с нашитыми на нее тремя бронзовыми бляшками (Ткачев, 2018. С. 19, рис. 166, 167: 18, 19). Памятник датируется в пределах первой половины II тыс. н. э., а особенности погребального обряда и вещевого инвентаря позволяют отнести его к древностям кинтусовского типа нижнеобской культуры (II–III – XIII–XIV вв.).

Для реставрации были взяты 4 железных кольца. Первое кольцо сохранилось частично, реконструируемые размеры – диаметр 40 мм, толщина 3–5 мм (Ткачев, 2018. С. 21, рис. 167: 11, 168: 12); диаметр второго изделия 31 мм, толщина 5 мм (Ткачев, 2018. С. 21, рис. 167: 10, 168: 10); третье имеет овальную форму, шириной 27 мм, высотой 33 мм и толщиной 4 мм (Ткачев, 2018. С. 21, рис. 167: 9, 168: 9); четвертое сохранилось частично, реконструируемый диаметр 26 мм, толщина 4 мм

(Ткачев, 2018. С. 21, рис. 167: 5, 168: 5). Все изделия перед реставрацией имели неровную бугристую минеральную корку со следами утрат и очагами активной коррозии (рис. 1: а). С помощью магнита во всех изделиях было определено металлическое ядро, что позволило отнести данные изделия к III стадии окисления железа.

После фотофиксации и составления реставрационного задания была произведена механическая очистка предметов смахивающими движениями с помощью щетиной кисти, смоченной в этаноле. Для снятия больших коррозионных наростов и наслоений были использованы скальпель и бормашина с твердосплавной насадкой (Буршнева, 2019. С. 41–44). После этого предметы были помещены в сушильный шкаф на 2 часа при температуре 90 °С (рис. 1: б).

Следующим этапом была стабилизация предмета в 10 % растворе щелочного сульфита с применением ультразвука по методике, предложенной С. Г. Буршневой (Буршнева, 2012). Предметы были помещены в раствор щелочного сульфита ($\text{NaOH} + \text{Na}_2\text{SO}_3$) с применением ультразвуковой ванны на 30 минут, после чего были промыты под струей проточной воды с помощью щетинной кисти. Далее предметы промывались в дистиллированной воде 6 раз до достижения нейтрального уровня $\text{pH} = 7$, после чего вновь были отправлены в сушильный шкаф на 1 час при температуре 90 °С.

Рис. 1. Этапы реставрации железного кольца: а – состояние кольца до реставрационных мероприятий; б – кольцо после механической расчистки; в – кольцо после реставрации

Далее предметы были помещены во влажную камеру (в нашем случае это был бокс для проращивания рассады) на 40 часов для тестирования на активную коррозию. По истечении этого времени на предметах появились оранжевые капли активной коррозии, вследствие чего было принято решения повторить весь цикл стабилизации.

После повторного теста активной коррозии на предметах выявлено не было, поэтому они вновь подверглись сушке в сушильном шкафу при температуре 100 °С на 1 час. Далее, еще теплые предметы были проингибированы в 1 слой с помощью щетинной кисти, смоченной в 5 % растворе танина в этаноле (Буршнева, 2019. С. 56) и снова отправлены в сушильный шкаф на 30 минут при температуре 90 °С.

Консервация предметов производилась по теплой поверхности 5 % раствором Paraloid B-72 в этаноле и ацетоне (1:1) с помощью щетинной кисти (Буршнева, 2019. С. 71–72), после чего предметы были помещены под лабораторный колпак на 16 часов для сушки и пропитки.

Мастиковка неровных и открытых участков была произведена с помощью сухих пигментов (шунгит, умбра жженая, охра светлая) и 30 % Paraloid B-72 в этаноле и ацетоне (1:1) (Буршнева, 2019. С. 76–77). Сначала с помощью скальпеля пигменты были смешаны под цвет предмета, в него был добавлен Paraloid B-72, готовая смесь нанесена на открытые участки, а в конце произведена сушка мастики в течение 16 часов на открытом воздухе и при комнатной температуре.

Финальным этапом реставрации стало матирование предмета, которое было произведено похлопывающими и круговыми движениями с помощью щетинной кисти и восковой композиции (уайт-спирит, воск и микрокристаллический парафин), в которую были добавлены сухие пигменты (Буршнева, 2019. С. 79). Далее была произведена сушка мастики в течение 24 часов на открытом воздухе и при комнатной температуре (рис. 1: в).

Данные реставрационные мероприятия археологических предметов позволяют в короткие сроки стабилизировать и защитить их от дальнейшего разрушения. В дальнейшем предметы необходимо хранить в соответствии с установленным для железных изделий температурно-влажностным режимом.

Список литературы

- Буршнева С. Г., 2012. Проблемы реставрации памятников культуры и искусства // Материалы III региональной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Эрмитажной школы реставрации. Екатеринбург. С. 139–146.
- Буршнева С. Г., 2019. Реставрация археологических и этнографических предметов из железа: учебно-методическое пособие. Казань.

- Ткачев А. А., 2019. Археологические исследования на территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Отчет о полевых исследованиях в 2018 году // Архив ИПОС СО РАН.
- Ткачев А. А., 2018. Археологические исследования на территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Отчет о полевых исследованиях в 2017 году // Архив ИПОС СО РАН.

История формирования и источниковый потенциал археологических коллекций, принятых на постоянное хранение в фонды ИИМК РАН в 2018–2019 гг.¹

*Конончук К. В., Филимонова Д. С., Бердник Е. С., Кубрина А. М.
(Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург)*

*konstantinkonon@mail.ru, dasha-white21@mail.ru, bes89@mail.ru,
anastasiamakubrina@gmail.com*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-102-106

Формирование археологических коллекций Института истории материальной культуры РАН (далее – ИИМК РАН) связано с деятельностью нескольких поколений археологов. В результате ежегодных археологических работ в фондах института накапливается существенное количество материалов, невостребованных музеями в силу разных причин. Состав коллекций ИИМК РАН охватывает все основные периоды истории Евразии – от палеолита до Нового времени. Учет и хранение археологических материалов в организации нормируется рядом федеральных нормативно-правовых актов. Также в уставе ИИМК РАН содержится пункт, предусматривающий «хранение, изучение и публичное представление предметов и коллекций, являющихся частью Музейного фонда Российской Федерации (далее – РФ), а также находящихся на временном хранении с целью изучения».

Регистрация артефактов из состава археологических коллекций ИИМК РАН в Государственном каталоге Музейного фонда РФ осуществляется при помощи нескольких ступеней работы с автоматизированной информационной музейной системой КАМИС. Активное использование данной системы позволило авторам статьи в период 2018–2019 гг. принять на

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160-2019-0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций».

постоянное хранение в фонды ИИМК РАН 10 археологических коллекций, включающих 947 единиц хранения (табл. 1). При определении источникового потенциала данных коллекций анализировались исторические предпосылки их формирования. В результате удалось выделить три группы коллекций.

Первая группа включает материалы, полученные в результате раскопок, проводимых на территории республик бывшего СССР. В современных условиях, в силу политических причин, целостность таких археологических коллекций может быть нарушена. Например, коллекция «Археологические материалы Илгынлы-депе» формировалась с 1985 г. по результатам раскопок Каракумской экспедиция ИИМК РАН на поселении эпохи энеолита Илгынлы-депе (Каахкинский район республики Туркмения) (Соловьева, 2005. С. 7–13). Археологические материалы данного памятника вплоть до начала 1990-х гг. поступали в ИИМК РАН (Кирчо, 2019. С. 41). Однако в современных условиях все обнаруженные при раскопках Илгынлы-депе артефакты остаются в музеях Туркмении.

Вторая группа коллекций сформировалась в результате проведения охранных раскопок. Учитывая территориальную специфику подобных работ, большая часть полученных археологами артефактов относится к периоду Нового времени. Например, коллекция «Археологических материалов, собранных по результатам археологических раскопок участка городского квартала, прилегавшего к лютеранской церкви Святой Марии в урочище Козье Болото» состоит из типичных вещей городской бытовой культуры XVIII–XIX вв. (Еремеев, Соловьев, 2014). Сохранение и первичная систематизация археологических материалов, выявленных при охранных раскопках, позволит впоследствии сформировать новые разделы в «вещеведческой» археологии второй половины XVIII – начала XX в. Существование похожей тенденции применительно к археологическим источникам Московской Руси и ранней Российской империи описано Л. А. Беляевым (2017. С. 67–69).

В третью группу входят коллекции, сформированные в результате исследовательской деятельности отдельных археологов. Практика анализа подобного рода собраний существует в отечественной археологии (Тишкина, 2007; Толкацкая, 2015 и др.). При описании и систематизации подобных коллекций особое внимание следует уделять выявлению материалов, составленных автором раскопок (отчетов, полевых дневников, описей и т. д.). Подобная работа не только повышает источниковый потенциал коллекции, но и способствует разработке вопросов, связанных с историей археологической науки. Примером практического применения озвученного подхода может служить работа с коллекциями Е. А. Рябинына, принятыми на постоянное хранение в фонды ИИМК

Таблица 1. Археологические коллекции из фондов ИИМК РАН, принятые на постоянное хранение в 2018–2019 гг.

Наименование коллекции	Культурно-хронологическая атрибуция коллекции	Географическая локализация археологического памятника и годы проведения раскопок	Учетные номера по книгам поступлений основного и научно-вспомогательного фондов ИИМК РАН
Археологические материалы, собранные по результатам археологических раскопок участка городского квартала, прилегающего к лотеранской церкви Святой Марии в урочище Козье Болото	XVIII – начало XX в.	г. Санкт-Петербург, Сыгинская ул., д. 9, д. 11; Аптекарский пер., д. 6, лит. Б; Малая Посадская ул., д. 28/2. Раскопки С. Л. Соловьёва 2014 г.	ИИМК ОФ 1 – ИИМК ОФ 73
Археологические материалы Илгынлы-депе	Энеолит (V–VI тыс. до н. э.)	Республика Туркмения, Каахкинский район. Раскопки В. М. Массона, Н. Ф. Соловьёвой 1985–1997 гг.	ИИМК ОФ 74 – ИИМК ОФ 590; ИИМК НВФ 21 – ИИМК НВФ 30
Городище Зартепа	Кушано-сасанидский период (вторая половина III – IV в. н. э.)	Узбекистан, Сурхандарьинская область. Раскопки В. М. Массона, В. А. Завьялова 1972–1986 гг.	ИИМК ОФ 591 – ИИМК ОФ 674; ИИМК НВФ 31 – ИИМК НВФ 93
Материалы полевых исследований в Кингисеппском районе Ленинградской области, селище Неплово	XIV – XVII вв.	Ленинградская область, Кингисеппский район. Разведки С. А. Васильева 2015 г.	ИИМК ОФ 675 – ИИМК ОФ 677; ИИМК НВФ 94 – ИИМК НВФ 99
Материалы археологического обследования Ивангородской крепости	XV – начало XX в.	Ивангород, Ленинградская область. Раскопки А. В. Курбагова 2012 г.	ИИМК ОФ 678 – ИИМК ОФ 692; ИИМК НВФ 100 – ИИМК НВФ 206

Наименование коллекции	Культурно-хронологическая атрибуция коллекции	Географическая локализация археологического памятника и годы проведения раскопок	Учетные номера по книгам поступлений основного и научно-вспомогательного фондов ИИМК РАН
Находки из раскопок по адресу: г. Кингисепп, ул. Николаева д. 6, Екатерининский собор	XV – начало XX в.	г. Кингисепп, Ленинградская область, Раскопки Е. К. Блохина 2016 г.	ИИМК ОФ 693; ИИМК НВФ 210 – ИИМК НВФ 219
Коллекция находок у деревни Валговицы	XIII–XIV вв.	Ленинградская область, Кингисеппский район. Раскопки Е. А. Рябинина 1983–1984, 1986, 1988 гг.	ИИМК ОФ 694 – ИИМК ОФ 695; ИИМК НВФ 220 – ИИМК НВФ 241
Коллекция находок у деревни Великоино	XIII–XV вв.	Ленинградская область, Кингисеппский район. Раскопки Е. А. Рябинина 1983, 1985–1986 гг.	ИИМК ОФ 696 – ИИМК ОФ 699; ИИМК НВФ 242 – ИИМК НВФ 248
г. Кронштадт, Кронштадское шоссе, 33, лит А.	XVIII – начало XX в.	г. Кронштадт, Кронштадское шоссе, 33, лит А. Разведки С. А. Семенова 2016 г.	ИИМК НВФ 1 – ИИМК НВФ 20
Материалы полевых исследований в Кингисеппском районе Ленинградской области, городище Кайболово	XIX – начало XX в.	Ленинградская область, Кингисеппский район. Разведки С.А. Васильева 2015 г.	ИИМК НВФ 207 – ИИМК НВФ 209

РАН в 2019 г. Несмотря на публикацию материалов раскопок ученого у деревень Великино и Валговицы (Рябинин, 1997), качественная систематизация полученных коллекций оказалась невозможна без привлечения данных из Научного архива ИИМК РАН (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 21, 25, 27, 35, 37).

Таким образом, работа, направленная на включение коллекций ИИМК РАН в состав Музейного фонда РФ, создает условия для углубленного источниковедческого изучения археологических материалов. При этом научный потенциал любого археологического источника существенно снижается при потере информации, связанной с историей его обнаружения, перемещения и хранения.

Список литературы

- Беляев Л. А., 2017. Археология России Нового времени: Тенденции развития // Вестник Томского государственного университета. История. № 49. С. 66–70.
- Еремеев И. И., Соловьёв С. Л., 2014. Охранные археологические исследования близ лютеранской церкви Св. Марии в ур. Козье болото на Петроградской стороне // Бюллетень ИИМК РАН. С. 65–86.
- Кирчо Л. Б., 2019. Антропоморфные статуэтки периодов позднего энеолита и ранней бронзы из раскопок В.И. Сариниди на Улуг-депе (Южный Туркменистан) // Записки ИИМК РАН. № 21. С. 41–48.
- Полевой отчет Е. А. Рябинина о работе Ижорской экспедиции в 1983 г. // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 37.
- Отчет о полевых работах в Кингисеппском р-не в 1984 г. // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 35.
- Полевой отчет за 1985 г. // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 25.
- Полевой отчет за 1986 г. и опись находок // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 27.
- Полевой отчет за 1988 г. // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 21.
- Рябинин Е. А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: к истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб.
- Соловьёва Н. Ф., 2008. Антропоморфные изображения поры среднего энеолита Средней Азии (по материалам поселения Илгынлыдепе). СПб.
- Тишкина Т. В., 2007. Археологические коллекции Н. С. Гуляева в собраниях музеев России // Известия Алтайского государственного университета. № 4–2 (56). Барнаул. С. 152–156.
- Толкацкая А. С., 2017. Археологическая коллекция В. А. Могильникова в собрании Алтайского государственного краеведческого музея // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования. Барнаул. С. 2672–2683.

Исследование видов и причин разрушения археологических объектов из керамики

Краснова Т. Н.

(Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева)

tatyana.n.krasnova@gmail.com

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-107-109

Задача сохранения культурного наследия неразрывно связана с устранением причин, вызывающих разрушения и оказывающих существенное изменение структуры и внешнего вида памятников, или минимизацией их влияния на него. Правильно поставленный «диагноз» производству позволяет определить круг задач реставрации, консервации и грамотно выбрать необходимые методики, обеспечивающие аутентичность изделия и его долговременное хранение. К сожалению, этому вопросу уделяется мало внимания в научной литературе. Настоящее исследование посвящено проблеме выявления и систематизации видов и причин, вызывающих разрушение археологической керамики, связанных со всеми этапами ее производства.

Все разрушения памятников можно классифицировать как технологические и приобретенные. К первому типу могут быть отнесены все разрушения, связанные с технологией производства, отдельных его этапов или их несовершенством, включая подготовку сырьевых материалов, формирование состава керамической массы, формовку, сушку изделий, режим обжига, способы и методы декорирования. Процесс бытования связан с эксплуатацией изделия, условиями его хранения, длительным пребыванием в земле, воде или других средах, извлечением из раскопа, методами первичной обработки, реставрации и т. д. Каждый из этапов существования предмета может оставить на нем свои характерные или малозаметные следы, которые в комплексе и будут определять не только его «индивидуальную историю», но и техническое состояние на момент извлечения из раскопа или поступления на реставрацию. Необходимость классифицировать разрушения связана еще и с тем, что технологический брак, как маркер уровня развития технологии данного периода и ареала, в отличие от дефектов, приобретенных в процессе бытования изделий, не подлежит реставрации (только консервации), если только не является угрозой для дальнейшего существования памятника.

Природа керамического материала, керамические массы, как и способы их обработки, многообразны. Этот факт обуславливает большое разнообразие видов керамических изделий и, следовательно, многообразие пространственных структур с разнообразными физическими и химическими свойствами.

Работая с глиной и постепенно накапливая знания, древние мастера эмпирическим путем добивались нужного им результата. Добавление к глине веществ, изменяющих ее пластичность, вязкость, усадку, огнеупорность, и привело к созданию керамических масс и изделий из них во всем их разнообразии: от элементарного сырцового кирпича, формируемого прямо из глинистой почвы, до сложных керамических фарфоровых масс. Анализ состава керамического сырья позволяет сделать выводы о том, что развитие гончарного производства в разных регионах шло в одном направлении. Об этом свидетельствует тот факт, что в качестве добавок в исходную глинистую массу использовались близкие по химическому составу вещества (природные минералы и органические добавки) со сходными свойствами (Глушков, Бахматова, 2013. С. 29–31, Бобринский, 1999. С. 16–47; Гребенщиков, 1990. 120–138; Салугина, 2016. С. 68–71 и др.). Их количество в готовом изделии могло колебаться в широких пределах в зависимости от задач, стоящих перед древними мастерами, и тесно связано с местными природными ресурсами.

В археологической керамике наиболее часто встречаются грубые включения раковин, известняка, непромышленных крупинок других глин, минералов таких как: кровавик, измельченный гранит, тальк, кальцинированная кость и другие, которые использовались в качестве отощителей слишком жирных глин, для удобства формовки изделий. Песок в качестве добавки употребляли со времен неолита. Вместо песка гончарами неолита часто употреблялась кварцевая дресва и слюда. Иногда делались попытки добавления и других неорганических и органических примесей. Для получения легкого пористого черепка (для хранения воды) использовали уголь, толченую кору, торф, смолу, опилки, а для получения плотного, непроницаемого для жидкости черепка (для варки пищи) вводили в керамические массы такие ингредиенты, как поташ, золу, соду, поваренную соль, полевые шпаты с более низкой точкой плавления, чем основная масса, игравшие роль флюсов, которые при расплавлении заполняют поры черепка и придают ему плотность и непроницаемость, а поверхности блеск (Фармаковский, 1922).

Все перечисленные выше добавки, включая их подготовку (перемазывание, отмучивание и проч.), по-разному влияют не только на качество изделия и на его дальнейшие эксплуатационные свойства, но и в разной степени оказывают противодействие или способствуют разрушающим факторам, определяя его сохранность.

Список литературы

Бахматова В. Н., 2013. Использование естественно-научных методов в изучении неполивной керамики (на примере джукетаусской группы керамики

Волжской Болгарии) // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования. Тезисы научной конференции молодых ученых Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2013 г.). СПб. С. 29–31.

Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара. С. 5–110.

Глушков И. Г., 1996. Керамика как исторический источник. Новосибирск.

Гребенщиков А. В., 1990. Рецептуры формовочных масс в практике керамистов уральской культуры // Проблемы технологии древних производств. Новосибирск. С. 120–138.

Салугина Н. П., 2016. Идентификация раковины в составе древней керамики: критерии различения естественного или искусственного характера // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 24–27 мая 2016 г.). СПб. С. 68–71.

Фармаковский М. В., 1922. Институт археологической технологии // Известия Института археологической технологии. Вып. I, II-б. С. 1–44.

Русский топор-потес из Центральной Барабы

Ларочкин А. А., Рюмин И. В.

*(Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск)*

koshara-mac-dak@yandex.ru, irv12345@mail.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-109-112

В фондах Многопрофильного музея Новосибирского государственного педагогического университета (далее – НГПУ) находится большое количество случайных находок с территории Новосибирской области, обнаруженных местными жителями. Одной из таких находок является железный проушной русский топор-потес (Фонды Многопрофильного музея НГПУ), украшенный по полотну рядами двойных насечек и тремя луновидными штампами (рис. 1). Он был найден между селами Чебаки и Чуваши Северного района Новосибирской области местными жителями. Топор был описан в «Археологической карте Новосибирской области» (Троицкая и др., 1980. С. 102, 178, табл. XXVII), где классифицирован как русский боевой топор XVI–XVII вв. н. э.

Целью нашей работы является введение в научный оборот информации о музейном экспонате и переосмысление функционального назначения предмета исследования.

По классификации железных топоров, предложенной А. В. Даничем (2015. С. 76–77), изделие представляет собой бородавчатый широколезвийный топор с оттянутой вверх гранью. Характерной особенностью является односторонняя заточка под правую руку в сочетании с ассиметричной проушиной, в результате чего одна сторона топора абсолютно плоская. Длина лезвия – 19,5 см. Размеры проушины – длина 4 см, ширина 2,3 см; обуха – длина 4 см, ширина 3 см, высота 4,3 см. Высота топора – 15,5 см. Верхний конец лезвия имеет загиб в сторону плоской стороны. Такую изогнутую форму лезвия иногда придавали топорам для чистовой обработки бревен уже внутри сруба (рис. 1: в). Такому топору не требовалась такая большая масса, как обычному потесу, – это лишь усложнило бы работу на вертикальных поверхностях. Так, вес найденного топора составляет 585 г, когда вес обычных потесов достигает 1,5 кг.

Имеющаяся совокупность фактов не позволяет рассматривать данный топор как боевой. Исходя из односторонней заточки и одностороннего орнамента, мы считаем, что этот топор имел хозяйственное предназначение и является топором-потесом. Потес – это топор для обработки («обтесывания») бревен. Топорище (не сохранившееся) обычно подбиралось исходя из роста мастера и его удобства. Чаще всего оно было длинным, чтобы уравновешивать тяжелую рабочую часть топора при работе. С этой же целью на конце топорища находилось утолщение. Лезвие потеса всегда смещено относительно проушины. Первые подобные изделия появились в германских княжествах XIV–XV вв. (Калинкина, электронный ресурс).

Рис 1. Топор-потёс из Многопрофильного музея НГПУ:
а – вид справа; б – вид слева; в – вид сверху; г – вид сзади

Несомненно, что такие распространенные инструменты, как топоры имеют свои аналоги. Так, немецким изготовителем инструментов Йозефом Братманом в 1928 г. был издан каталог рабочих топоров, кирок, багров и прочих инструментов. В данной классификации абсолютным аналогом исследуемому топору является изделие типа Binderbeil, что в переводе означает «малый потес для стропил» (Bratmann, 1928. Р. 18). Изделие относится к классу Spanhacken – «потесы».

Орнаментация топора сложна, но условно ее можно разделить на два вида. Первый вид узора располагается в месте перехода от обуха к полотну топора и представлен двумя рядами параллельных линий, состоящих из двойных насечек. Между двумя линиями изображена четырехугольная фигура. На обухе находится орнамент в виде разно-стороннего треугольника. Второй вид орнамента локализован в нижней и средней части полотна. Узор представлен в виде композиции из нескольких дугообразных насечек, расположенных в разных плоскостях. Похожие узоры были на топорах, найденных в фондах Соловецкого государственного историко-архивного природного музея-заповедника (далее – СГИАПМЗ). Среди насечек и месяцевидных штампов, обнаруженных на топоре, не удастся выявить какого-либо определенного сюжета.

Отдельной проблемой является вопрос о датировке топора. Во-первых, хорошая сохранность топора и достаточно хорошая заточка лезвия может говорить о длительности использования в хозяйстве, вплоть до XX в. Во-вторых, была выявлена корреляция морфологии топора с типом Binderbeil, существовавшим в конце XIX – начале XX в. Исходя из этого, на наш взгляд, указанная в «Археологической карте» дата является удрененной. Вывод предварителен, точная датировка невозможна без металлографического анализа, который, судя по заплате в средней части лезвия топора, был проведен. Однако его результаты остаются неопубликованными.

Таким образом, было переосмыслено функциональное назначение проушного топора из Новосибирской области, долгое время считавшегося боевым. Мы считаем, что изделие является специализированным столлярным инструментом, предназначенным для обработки бревен или стропил. Открытым остается вопрос о датировке топора, но может быть предложена дата конец XIX–XX вв.

Список литературы

- Данич А. В., 2015. Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья // Труды камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 10. С. 71–124.

- Калинкина Т. В. Топор-потес. – [Электронный ресурс] URL: <https://ar.culture.ru/subject/topor-potyos> (Дата обращения: 07.02.20).
- Коллекционная опись археологических материалов, поступивших в 2004 г. с раскопок в северной части поселка Соловецкий, 2004 // Фонды СГИАПМЗ. Ф. КП-7949. Д. № 29.
- Коллекционная опись материалов фондохранилища отдела археологии Многопрофильного музея НГПУ № 817 // Фонды Многопрофильного музея НГПУ. Д. № 817.
- Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск.
- Bratmann J., 1928. *Kabola-Poljanaer Eisenwerke und Stahlhutte*. Berlin.

Исследование технологических особенностей кинжалов Сосново-Мазинского клада эпохи поздней бронзы¹

Лобода А. Ю., Шишлина Н. И.

*(НИЦ «Курчатовский институт», Государственный
исторический музей, г. Москва)*

lobodaau@mail.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-112-114

Сосново-Мазинский клад был найден в 1901 г. в Хвалынском районе Саратовской области. Помимо серпов и их обломков, обломка слитка, кельтов, в клада также были найдены кинжалы и обломки кинжалов. Коллекция Исторического музея состоит из 68 предметов из бронзы, общий вес клада – примерно 21 кг (ГИМ, № 43959, оп. А307/1-72). Незначительная часть коллекции хранится в Саратовском областном музее краеведения и в Хвалынском музее (серпы, кинжал) (Малов, 2019).

Предметами данного исследования стали целый кинжал (А307/63), один кинжал с отломанной рукоятью (А307/64), один кинжал, разломанный на два фрагмента (А307/65) и один фрагмент кинжала – в виде рукояти с верхней частью лезвия (А307/66), хранящиеся в коллекции Государственного исторического музея. Кинжалы и обломки кинжалов Сосново-Мазинского клада описаны в трудах многих исследователей (Спицын, 1909. С. 66; Тихонов, 1960. С. 77; Черных, 1966. С. 125; 1970. С. 51; Малов, 2019. С. 80). Данная работа посвящена метрическому и трасологическому анализу изделий, выявлению технологических особенностей их изготовления.

Метрический анализ объектов проводился по основным размерным и весовым характеристикам кинжала и обломков. Были выявлены близкие

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ офи-м № 17-29-04176.

параметры размеров основных конструктивных элементов рукояти и фрагмента лезвия обломков А307/65 и А307/66.

Трасологический анализ обломков серпов позволил выделить следы трех типов: 1) литья; 2) постлитейной обработки; 3) вероятного использования.

Следы литья были обнаружены на всех изделиях: наросты металла, облой на месте швов составной двустворчатой формы, пористость и непроливы различной интенсивности. Также были обнаружены следы остатков литейной системы (литника) на шляпке рукояти обломка А307/66. На поверхности рукоятей А307/65 и А307/66 зафиксированы идентично расположенные тонкие параллельные наросты.

На кинжале А307/63 видны следы постлитейной обработки: наверхие рукояти обработано ковкой и зашлифовано, также мелкие следы ударных инструментов идентифицированы на внутренней части ажурной рукояти. Следы удаления (обрубки) облоя обнаружены в нескольких областях на месте шва двустворчатой формы, большая часть зоны шва заполирована. На лезвии – следы использования сыпучего абразива, возможно относящиеся к следам употребления изделия.

Ни на одном фрагментированном кинжале не зафиксировано следов такой постлитейной обработки, как ковка или шлифование. На фрагментированном кинжале А307/65 обнаружены следы рубки.

На одной стороне лезвия кинжала А 307/63 прослеживается ряд однотипных мелких зарубок, возможно относящийся к этапу использования изделия.

Таким образом, метрический и трасологический анализ кинжалов и фрагментов кинжалов позволил сделать следующие выводы:

1) кинжал А307/63 – качественное изделие, обработанное после литья, со следами вероятного использования;

2) фрагментированные кинжалы (А307/64, А307/65) и обломок кинжала (А307/66) являются литейным браком;

3) характер и тип литейных дефектов на поверхности фрагментов, отсутствие следов постлитейной обработки и использования указывает на то, что после неудачной отливки эти три кинжала не использовались;

4) следы рубки, обнаруженные на кинжале А307/65, позволяют предположить, что также, как и отливки серпов, отливки кинжалов плохого качества не дорабатывались, а сразу рубились на несколько частей и использовались как вторичное металлическое сырье для литья других изделий;

5) совпадение метрических параметров и одинаковые литейные дефекты позволяют заключить, что кинжалы А307/65 и А307/66 изготовлены литьем в одной и той же литейной форме. Небольшой размер и тонкие

контуры наростов обломка А307/65 и их увеличение на рукояти А307/66 свидетельствуют о том, что первым был отлит кинжал А307/65. Но, видимо, обе отливки оказались некачественными и были приготовлены для последующей переплавки.

Список литературы

- Малов Н. М., 2019. Сосново-Мазинский клад // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 15. С. 76–704.
- Спицын А. А., 1909. Некоторые находки медного века // ИАК. № 29. С. 65–67.
- Тихонов Б. Г., 1960. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. № 90. Гришин Ю. С., Тихонов Б. Г. Очерки по истории производства в Приуралье и южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа.
- Черных Е. Н., 1966. О химическом составе металла клада из Сосновой Мазы // КСИА. Вып. 108. С. 123–131.
- Черных Е. Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. № 172.

Интерактивная выставка «Лабиринты в мерзлоте» – опыт трансляции орнамента на древних берестяных изделиях

Могрицкая В. Ю.

*(Ямало-Ненецкий окружной Музейно-выставочный комплекс
им. И. С. Шемановского, г. Салехард)
marginalkadenna@inbox.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-114-117

Археологическая коллекция Государственного бюджетного учреждения Музейно-выставочный комплекс (далее – ГБУ «МВК») содержит огромное количество артефактов из органических материалов. Это обусловлено спецификой Ямало-Ненецкого автономного округа (далее – ЯНАО): практически вся его площадь приходится на зону вечной мерзлоты, что позволяет органике сохраняться на протяжении тысячелетий. Это – предметы из дерева, кости, рога, травы, кожи, китового уса, ткани и бересты. Последний материал занимает особое место в коллекции музея, так как орнаментация на этом сырье значительно превосходит по объему все остальные вышеперечисленные материалы. Орнаменты на древних берестяных изделиях представлены на большом количестве предметов из коллекций археологических памятников разных эпох, от энеолита до периода русской экспансии на север Западной Сибири.

Автором публикации много лет ведется работа по отбору, систематизации, прорисовке и изучению данного сегмента археологических на-

ходок. На базе обширного пласта предметов этой категории коллективом музейно-выставочного комплекса было подготовлено и проведено несколько стационарных и передвижных выставок. Орнаменты с древних предметов переводятся в векторный формат и активно используются в издательской и выставочной деятельности учреждения. Один из таких меандров стал основой фирменного стиля музея.

Необходимость работы с таким редким в археологии и хрупким материалом привела к тому, что на реставрационную мастерскую музея легла огромная нагрузка. Реставратором С. В. Питухиным была разработана и опубликована авторская методика работы с археологической берестой (Питухин, 2014. С. 180–189).

Несмотря на всю свою уникальность и зрелищность, для неподготовленного или совсем юного зрителя выставка древних коробок с рисунками была тяжела для восприятия. Это потребовало поиска новых решений для трансляции музейной аудитории изобразительной традиции народов, проживавших на севере Западной Сибири сотни и тысячи лет назад. В 2018 г. автором была предложена концепция интерактивного выставочного проекта «Лабиринты в мерзлоте» для разных групп посетителей, в том числе лиц с нарушениями развития. Выставка работала в период с сентября 2019 по январь 2020 г.

Изначально проект задумывался как ориентированный только на лиц с нарушениями зрения, но впоследствии был переработан в универсальный. Он представлял собой сенсорно-игровое пространство, оформленное в виде орнаментов, взятых с древних берестяных изделий. Оригинальных археологических предметов выставка не содержала, так как ее основной целью была интерактивность и непосредственный контакт с экспонатами. Основной целью проекта стала сама возможность встречи древнего узора и современного зрителя.

В разработке игрового и сенсорного наполнения выставки было использовано около 50 изображений из следующих памятников: сакрально-производственный центр Усть-Полуй (Могрицкая, 2017. С. 127–156), Полуйский (Кардаш, 2013. С. 245–247), Надымский (Кардаш, 2009. С. 171–173, 241–245), Войкарский (Федорова, 2008. С. 16) городки, так как их коллекции орнаментированных берестяных изделий самые многочисленные и разнообразные. Усть-Полуйские орнаменты (ранний железный век) в большинстве своем представляли меандровые бордюры и сетки, изредка – изображения птиц и пушных зверей. Напротив, из коллекций городков (XIV–XVIII вв.) были взяты стилизованные антропоморфные, зооморфные и орнитоморфные изображения (рис. 1).

В итоге было разработано 16 комплектов сенсорно-игрового наполнения, в основном выполненных из дерева: тактильные панно, кубики,

пазлы, светящиеся панели, магнитные лабиринты, лабиринты-балансиры и другое. Кроме этого, пространство было дополнено обычным сенсорным оборудованием: световой стол, фибродуш, мешочки с тактильным наполнением и т. п. Всего выставка состояла из трех зон: светлая игровая, темная с люминесцентной подсветкой и зона трансляции ролика «Звук орнамента».

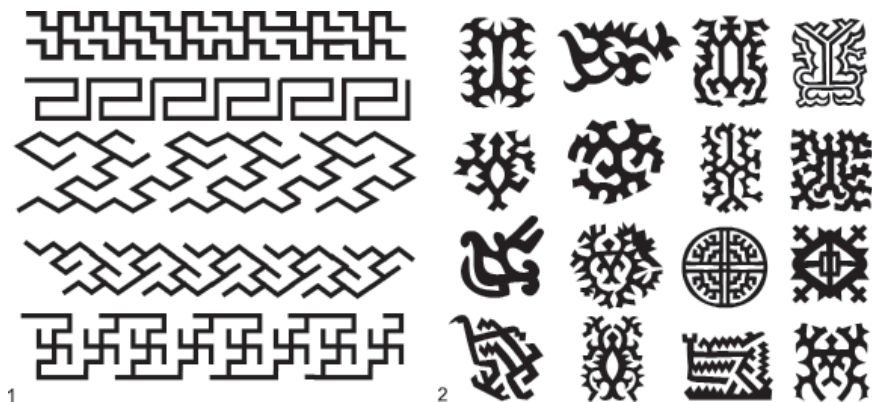

Рис. 1. Примеры изображений, взятых с изделий: 1 – Усть-Полюя; 2 – Надымский, Войкарский, Полуйский городки

Создание мультимедийного ролика с анимацией и звуком на основе пяти орнаментов стало самостоятельной яркой частью проекта. Этот необычный продукт – результат труда творческого дуэта – звукорежиссера Р. С. Курочкина и дизайнера А. Н. Мельниковой (г. Москва). За концепцию ролика была взята идея превращения графической линии в звук, авторы предприняли попытку совместить появление линий в анимации с определенными звуками: орнамент «растет» до середины видео, а затем начинает распадаться на отдельные элементы и полностью исчезает.

Кроме предметного и информационного наполнения выставки, была разработана программа занятий и мастер-классов по теме древних орнаментов. Аудитория, особенно детская, проявила высокий интерес к подобному формату подачи материала. Впоследствии выставка будет переработана в передвижной проект и продолжит экспонирование во многих муниципалитетах региона.

Список литературы

Кардаш О. В., 2009. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII в. История и материальная культура. Екатеринбург, Нефтеюганск.

- Кардаш О. В., 2013. Полуийский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург, Салехард.
- Могрицкая В. Ю., 2017. Орнаментированные берестяные изделия древнего святилища Усть-Полуй (I в. до н. э. – I в. н. э.) // Археология и история Северо-Западной Сибири: сб. науч. ст. Нефтеюганск, Екатеринбург. С. 127–156.
- Питухин С. В., 2014. Из опыта реставрации археологической бересты святилища Усть-Полуй // Наука. Общество. Человек: Вестник Уральского отделения РАН. № 1 (47). Екатеринбург. С. 180–189.
- Федорова Н. В., 2008. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник. Салехард. № 4 (41). С. 11–17.

История образования и пополнения археологических коллекций Тюменского государственного университета, современная ситуация

Пилькина А. А.

*(Библиотечно-музейный комплекс Тюменского государственного университета, г. Тюмень)
an-na241@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-117-119

В 1970–1980-е гг. XX в. во многих университетах страны начинает активно развиваться археологическая деятельность, появляются археологические лаборатории, и в этом плане Тюменский государственный университет (далее – ТюмГУ) не стал исключением. Начало этому было положено еще в 1964 г., когда, благодаря доценту кафедры всеобщей истории ТюмГУ И. Н. Сосновкину, в учебные планы была включена трехнедельная археологическая практика, которая позволила студентам улучшить свои знания в усвоении курса археологии. В то время студенты Тюменского педагогического института проходили практику в составе Уральских археологических экспедиций (далее – УАЭ), возглавляемых коллективом научных работников Уральского государственного университета (далее – УрГУ) им. А. М. Горького (руководитель археологии доцент В. Ф. Геннинг).

Первая самостоятельная экспедиция ТюмГУ была организована выпускницей Н. П. Москвиной (Матвеевой) в 1978 г. В этом же году А. В. Матвеевым на историческом факультете организуется хозрасчетная научно-исследовательская археологическая лаборатория. Материалы экспедиций этой лаборатории в дальнейшем и послужили основой для создания Музея археологии Западной Сибири.

Хотя впервые вопрос о создании археологической экспозиции был поставлен на кафедре исторического факультета еще в 1976 г., открытие

Музея археологии состоялось лишь в 1984 г., в его разработке приняли участие археологи: А. В. Матвеев, Н. П. Матвеева, Л. А. Дрябина, В. И. Семёнова (Аношко и др., 2009. С. 158).

Музей имел статус учебного, но главной его функцией являлась обработка и хранение археологических коллекций. В это время происходит масштабное накопление коллекций, они поступают в музей сразу после раскопок и не успевают обрабатываться. Уже к 1987 г. фонды музея насчитывали 60000 ед. хранения, поступивших из раскопок различных археологических памятников.

К сожалению, надо отметить, что в это время записи в книгу поступлений или инвентарную книгу не велись, археологические коллекции принимались на основании актов приема-передачи, в ряде случаев без сопроводительной документации.

На рубеже 80–90-х гг. XX в. активно работавшему и постоянно увеличивавшемуся коллективу высококвалифицированных археологов стало тесно в рамках исторического факультета. В 1990 г. создается лаборатория археологии и этнической антропологии Западной Сибири Института проблем освоения Севера (далее – ИПОС) СО АН СССР (с 1991 г. СО РАН). В результате часть археологов переходит в новую структуру Академии наук, а с ними и часть археологических коллекций.

В университете остается работать всего небольшая группа профессиональных археологов, а также молодые специалисты, закончившие к этому времени исторический факультет и выполнявшие обязанности научных сотрудников археологической лаборатории. В это время из-за незначительного финансирования возникают трудности с проведением археологической практики, сокращается объем полевых работ.

В июле 1998 г. на историческом факультете образуется кафедра истории Древнего мира и Средних веков, в штате которой, помимо Л. А. Дрябиной и В. Т. Галкиной, по совместительству стала работать Н. П. Матвеева, возобновляется археологическая практика.

В 2000 г. два музея – археологии и этнографии – объединяются и входят в состав музейного объединения университета. Фонды с этого момента были перевезены в административный корпус университета, где и находятся по сей день. В то время создаются две постоянные выставки «Древняя история юга Тюменской области» и «Культура русских юга Тюменской области».

Однако далее сложилась довольно типичная ситуация, когда заведующий музея не имеет возможности повысить его статус, исходя из весьма ограниченных возможностей финансирования, обусловленного отношением руководства, в то же время пассивная деятельность музея предопределяет в администрации представление об архаичности

этого подразделения (Муравская, 2012. С. 119). К 2017 г. экспозиция не обновлялась более 15 лет, к тому же, несмотря на обязанность систематически проводить проверку наличия и сохранности предметов, сверку музейных предметов с книгами поступлений, инвентарными книгами и другой учетной документацией, такая работа не исполняется, учет и описание археологических коллекций не производится.

Для решения назревших проблем было принято решение об объединении библиотеки и музеев университета в единое структурное подразделение – Библиотечно-музейный комплекс. В 2018 г. произошла реорганизация Музея археологии и этнографии, он вошел в отдел музейных коллекций и редких книг БМК.

Основными задачами нового подразделения стали: государственный учет музейных предметов, улучшение условий их хранения, а также повышение значения музейного потенциала ТюмГУ в научно-образовательной деятельности.

Список литературы

- Аношко О. М., Еманов А. Г., Матвеев А. В., Матвеева Н. П., Зах В. А., Берлина С. В., Костомаров В. М., Рафикова Т. Н., Серебрякова Н. П., 2009. Век железный, век каменный... Очерки становления и развития археологических исследований в Тюменском университете. Тюмень.
- Муравская С. В., 2012. Музеи высших учебных заведений: некоторые особенности существования // Вопросы музеологии. № 2 (6). С. 114–124.

К вопросу сохранности и хранения палеоантропологических материалов

Рейс Е. С., Савенкова Т. М.

*(ООО «Научно-производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскания»», Красноярск; Красноярский государственный медицинский университет, Красноярск)
orcinus.orca@mail.ru, reis_05@bk.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-119-123

У некоторых исследователей сложилось достаточно стереотипное представление о количестве получаемой информации от скелета, ограничивающейся половозрастными определениями. Потенциал же антропологического источника огромен: комплексные антропологические исследования, кроме традиционных краниологических, остеологических и одонтологических, включают в себя такие направления, как палеодемография, палеопатология, краниофенетика, остеофенетика, палеогенетика, палеопаразитология и др.

Каждая кость скелета может нести какую-либо информацию об индивиде, поэтому очень важно во время раскопок собирать все кости скелета, а если он разрушен, то и мелкие фрагменты костей.

Цель данной работы показать существующие проблемы, связанные с сохранением антропологического материала, внести некоторые рекомендации по сбору и хранению коллекций, обозначить наиболее насущные вопросы, которые требуют решения на законодательном уровне.

В настоящее время достаточное количество работ посвящено вопросам первичной обработки палеоантропологического материала в полевых условиях, в которых подробно изложены рекомендации по сбору и обработке погребений. (Мамонова и др., 1989; Пежемский, 2009; Пежемский, Синицина, 2009; Южакова, 2014). Хочется отметить важные моменты, которыми многие исследователи, к сожалению, пренебрегают: работа с палеоантропологическим материалом в перчатках как в полевых, так и в лабораторных условиях, чтобы избежать контаминации в палеогенетических исследованиях; при наличии волос на черепе необходимо производить реконструкцию прически, после чего удалять волосяной покров. А на стадии полевых исследований необходимо подробно описывать элементы погребальной ситуации. С этой целью одним из авторов данной работы был разработан бланк (рис. 1), в котором отражены сохранность и положение костяка, погребальные конструкции, инвентарь, обозначены точки нивелировочных отметок и т. д.

Немаловажным фактором сохранности антропологических коллекций являются условия их хранения. Основные положения по хранению музейных предметов и музейных коллекций отражены в Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР. Поэтому подробно останавливаться на условиях хранения мы не будем. Отметим лишь один момент. До сих пор большинство скелетов разделяются на череп (краниум) и посткраниальный скелет и хранятся отдельно друг от друга, что на наш взгляд является устаревшей методикой хранения и грубейшей ошибкой. Посткраниальные скелеты необходимо хранить вместе с черепом, не разъединяя их. Так как именно при комплексном изучении всего скелета можно избежать многих ошибок, в том числе и в определении пола и возраста.

Одна из основных проблем, с которыми приходится сталкиваться исследователям, – это отказ музеев принимать палеоантропологические коллекции по разным причинам. Хотя российское законодательство обязывает музеи принимать такого рода материалы (ФЗ-73, ст. 45.13), но по объективным причинам (в основном – это отсутствие площадей для хранения) музеи чаще всего не в состоянии принимать палеоантропологические коллекции. Особенно остро эта проблема встает при передаче массовых материалов с православных некрополей.

БЛАНК ФИКСАЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ ПОГРЕБЕЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

МЕСТО: _____ (по региону)

МОГИЛЬНИК: _____ (название)

Рассел: _____ (название) Кладчат: _____ (№ погребения)

Актур раскоре: _____

1. Характеристика сооружения	☐ Каменная ☐ Каменная кладка ☐ Прочие материалы ☐ Оштукатуренная	☐ Мозаичное покрытие ☐ Навес ☐ Неопределено
2. Форма погребальной ямы	Длина: _____ Ширина: _____ Глубина: _____	
3. Размеры погребальной ямы (скал)	Глубина: _____ Ширина: _____ Высота: _____	
4. Тип погребальной конструкции	☐ Кольцевая ☐ Кольцевая с боковыми стенками ☐ Кольцевая с боковыми стенками и сводом ☐ Кольцевая с боковыми стенками и сводом и боковыми стенками	
5. Размеры погребальной конструкции (в см)	Глубина: _____ Ширина: _____ Высота: _____	
6. Форма погребальной конструкции (скал)	☐ Кольцевая ☐ Кольцевая с боковыми стенками ☐ Кольцевая с боковыми стенками и сводом ☐ Кольцевая с боковыми стенками и сводом и боковыми стенками	
7. Вероятность повреждения погребения	☐ Нет ☐ Частично ☐ Полностью	
8. Сохранность костей (по анатомическому порядку)	1. Черепной костяк: _____ 2. Частично разрушен 3. Скелет разрушен, кости вперемешку 4. Интенсивно разрушен	
9. Характеристика погребения	☐ Прямостоячий ☐ Наклонный ☐ Наклонный с поперечной перегородкой ☐ Наклонный с поперечной перегородкой и сводом ☐ Наклонный с поперечной перегородкой и сводом и боковыми стенками	
10. Характер погребения	☐ Прямостоячий ☐ Наклонный ☐ Наклонный с поперечной перегородкой ☐ Наклонный с поперечной перегородкой и сводом ☐ Наклонный с поперечной перегородкой и сводом и боковыми стенками	
11. Положение скелета	☐ Прямостоячий ☐ Наклонный ☐ Наклонный с поперечной перегородкой ☐ Наклонный с поперечной перегородкой и сводом ☐ Наклонный с поперечной перегородкой и сводом и боковыми стенками	
12. Положение скелета	☐ Прямостоячий ☐ Наклонный ☐ Наклонный с поперечной перегородкой ☐ Наклонный с поперечной перегородкой и сводом ☐ Наклонный с поперечной перегородкой и сводом и боковыми стенками	

Рис. 1. Положение скелета в погребении

1. Череп
2. Грудная клетка
3. Поясничный отдел
4. Крестец
5. Тазовый отдел
6. Бедренная кость
7. Голень
8. Стопа

11.2. Состояние покровной ткани	☐ на правой и левой стороне груди ☐ на правой и левой стороне груди	☐ на покровных тканях ☐ на головках костей
11.3. Состояние покровной ткани	☐ на правой и левой стороне груди ☐ на правой и левой стороне груди	☐ на покровных тканях ☐ на головках костей
11.4. Состояние покровной ткани	☐ на правой и левой стороне груди ☐ на правой и левой стороне груди	☐ на покровных тканях ☐ на головках костей
11.5. Состояние покровной ткани	☐ на правой и левой стороне груди ☐ на правой и левой стороне груди	☐ на покровных тканях ☐ на головках костей
11.6. Состояние покровной ткани	☐ на правой и левой стороне груди ☐ на правой и левой стороне груди	☐ на покровных тканях ☐ на головках костей
11.7. Состояние покровной ткани	☐ на правой и левой стороне груди ☐ на правой и левой стороне груди	☐ на покровных тканях ☐ на головках костей
11.8. Состояние покровной ткани	☐ на правой и левой стороне груди ☐ на правой и левой стороне груди	☐ на покровных тканях ☐ на головках костей
11.9. Состояние покровной ткани	☐ на правой и левой стороне груди ☐ на правой и левой стороне груди	☐ на покровных тканях ☐ на головках костей
11.10. Состояние покровной ткани	☐ на правой и левой стороне груди ☐ на правой и левой стороне груди	☐ на покровных тканях ☐ на головках костей
11.11. Состояние покровной ткани	☐ на правой и левой стороне груди ☐ на правой и левой стороне груди	☐ на покровных тканях ☐ на головках костей
11.12. Состояние покровной ткани	☐ на правой и левой стороне груди ☐ на правой и левой стороне груди	☐ на покровных тканях ☐ на головках костей
11.13. Состояние покровной ткани	☐ на правой и левой стороне груди ☐ на правой и левой стороне груди	☐ на покровных тканях ☐ на головках костей
11.14. Состояние покровной ткани	☐ на правой и левой стороне груди ☐ на правой и левой стороне груди	☐ на покровных тканях ☐ на головках костей
11.15. Состояние покровной ткани	☐ на правой и левой стороне груди ☐ на правой и левой стороне груди	☐ на покровных тканях ☐ на головках костей
11.16. Состояние покровной ткани	☐ на правой и левой стороне груди ☐ на правой и левой стороне груди	☐ на покровных тканях ☐ на головках костей
11.17. Состояние покровной ткани	☐ на правой и левой стороне груди ☐ на правой и левой стороне груди	☐ на покровных тканях ☐ на головках костей
11.18. Состояние покровной ткани	☐ на правой и левой стороне груди ☐ на правой и левой стороне груди	☐ на покровных тканях ☐ на головках костей
11.19. Состояние покровной ткани	☐ на правой и левой стороне груди ☐ на правой и левой стороне груди	☐ на покровных тканях ☐ на головках костей
11.20. Состояние покровной ткани	☐ на правой и левой стороне груди ☐ на правой и левой стороне груди	☐ на покровных тканях ☐ на головках костей

Рис. 1. Положение скелета в погребении

1. Череп
2. Грудная клетка
3. Поясничный отдел
4. Крестец
5. Тазовый отдел
6. Бедренная кость
7. Голень
8. Стопа

Рис. 1. Бланк фиксации элементов погребальной ситуации

Еще один вопрос, который хотелось бы затронуть, – это работа с мощами святых. Комплексные антропологические исследования мощей с привлечением специалистов проводятся достаточно редко. Давно уже назрела необходимость в создании «специальной богословской и историко-антропологической дисциплины, которая бы носила комплексный характер и изучала все возможные аспекты бытования святых мощей» (Пежемский, 2008).

В особый блок хочется выделить проблему, связанную с палеогенетическими, гистологическими, радиоуглеродными исследованиями, при которых происходит сбор образцов костного материала. В результате нарушается целостность кости, что вступает в противоречие с Инструкцией по учету и хранению музейных ценностей. Палеоантропологический материал – это биологический материал, он требует иного подхода, по сравнению с другими коллекциями музеев. Здесь важны сохранность материалов и регламентированные инструкции, в которых бы прописывались методики забора анализов в соответствии с методиками исследований. Возможно, стоит изменить правовой статус палеоантропологических коллекций в музеях (Воробьева, Куфтерин, 2019) или передавать их в соответствующие научные институты, лаборатории, в которых имеется штат специалистов, есть возможность проводить дальнейшие исследования материалов и вводить их в научный оборот.

Список литературы

- Воробьева С. Л., Куфтерин В. В., 2019. Особенности приема и хранения антропологических коллекций: правовые аспекты и практический опыт // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сборник научных статей. Барнаул. Вып. XXV. С. 44–49.
- Мамонова Н. Н., Романова Г. П., Харитонов В. М., 1989. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях. Инструкция // Методика полевых археологических исследований. Л. С. 50–83.
- Об утверждении Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР: Приказ Министерства культуры СССР от 17.07.1985 № 290.
- Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ.
- Пежемский Д. В., 2008. Комплексное антропологическое исследование мощей святителя Арсения Елассонского // Арсений Елассонский – архиепископ Суздальский. Владимир. С. 108–121.

- Пежемский Д. В., 2009. Методика первичной обработки и консервации скелетных останков в лабораторных условиях // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1. М. С. 80–90.
- Пежемский Д. В., Синицина Н. П., 2009. Методика изъятия из саркофагов погребального инвентаря, органических материалов и скелетных останков // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1. М. С. 55–71.
- Южакова А. В., 2014. Сохранение и инвентаризация антропологического материала: к вопросу о проблеме // Материалы Международной полевой археологической школы в Болгаре. Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, Казанский (Приволжский) федеральный университет. С. 160–162.

**Личный архив М. П. Грязнова в Музее археологии
и этнографии ОмГУ как источник для изучения его
деятельности¹**

Стяжкина О. В.

*(Алтайский государственный университет, г. Барнаул)
styazhkina_olga91@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-123-126

Михаил Петрович Грязнов – выдающийся советский ученый, чей вклад в науку сложно переоценить. Он оставил после себя богатейшее наследие, существенная часть которого до сих пор слабо изучена и остается неопубликованной. Это связано, в том числе, с разобщенностью материалов по двум научным центрам. Основная часть находится в Рукописном отделе научного архива Института истории материальной культуры (далее – ИИМК) РАН (Фонд № 91). Фонд поступил на хранение в 1985 г. В настоящий момент он включает в себя около 700 дел (Васильева, 2002. С. 28). Научное наследие ученого представлено также в Фотоотделе архива ИИМК РАН. Фонд Грязнова (№ 60) был образован в 1987 г. (Длужневская и др., 2002. С. 35).

В 1985 г., после смерти М. П. Грязнова, часть его личного архива была передана в Музей археологии и этнографии Омского государственного университета (далее – МАЭ ОмГУ). Тематический анализ этих материалов

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ № 19-49-220006 «Крупные курганы элиты древних и средневековых кочевников на территории Алтайского края как объекты экскурсионно-туристической деятельности: историко-археологические и естественно-научные исследования».

был осуществлен С. Ф. Татауровым. В настоящий момент личный архив М. П. Грязнова в Музее археологии и этнографии музейного комплекса ОмГУ содержит порядка 70 дел. В октябре минувшего года автору удалось ознакомиться с ними. Архив внушительен по объему и разнообразен по составу. В большей части материалы систематизированы. Однако встречаются дела, содержащие различные материалы (как тематически, так и хронологически). Исходя из содержания фонда условно в нем можно выделить следующие группы: личные документы ученого и членов семьи; материалы собственных исследований; подборки вырезок и выписок из периодической печати и научно-популярных изданий.

Материалы исследований М. П. Грязнова представлены в основном в виде отчетов о произведенных полевых работах. Особенно подробно отражен начальный этап научного пути: первые самостоятельные фиксации археологических памятников между Бийском и Барнаулом, раскопки Тоянова городка близ Томска, работа в составе Алтайской экспедиции на памятниках археологического комплекса Ближние Елбаны. Эти отчеты отличаются лаконичностью и простотой изложения, зачастую содержат иллюстрации автора. Хотелось бы обратить внимание на документ, датированный 2 марта 1942 г. В годы Великой Отечественной войны, находясь в эвакуации в Свердловске с коллекциями Государственного Эрмитажа, сотрудником которого он являлся, Михаил Петрович продолжал заниматься наукой. Документ представляет теоретическую разработку под названием «Методика изучения первичных археологических памятников – вещей», в которой изложена методика анализа каменных, костяных, металлических изделий и керамики (Грязнов, 1942). В силу различных обстоятельств, при жизни автора работа не была опубликована. Материалы были представлены лишь в 1997 г. на одной из конференций, посвященных памяти М. П. Грязнова (Михалева, 1997. С. 98–101).

Для понимания того, как Михаил Петрович формировался в качестве ученого, что определило круг его научных интересов, необходимо учитывать обстоятельства и события, происходившие как в его жизни, так и в стране в целом. Документы личного характера (письма, телеграммы, справки) отражают основные этапы биографии и проливают свет на многие факты жизни. Такие документы содержат не только биографические сведения, но и несут отпечаток времени. Приведем лишь некоторые из них. Формулярный список о службе отца, Петра Никандровича Грязнова, дает сведения о семье. Изучив этот документ, можно указать, что Михаил Петрович родился в семье учителя Березовского городского училища, имел трех братьев и сестру (Список, 1914).

Несомненный интерес представляют данные о научной деятельности М. П. Грязнова. Так, выписка из протокола заседания Ученого совета ИИМК

им. Н. Я. Марра от 23 января 1945 г. свидетельствует о присвоении ему степени кандидата исторических наук (Выписка, 1945б), а уже 22 декабря 1945 г. Высшая аттестационная комиссия утвердила его в ученой степени доктора наук (Выписка, 1945а). Сложные периоды в жизни Михаила Петровича также находят документальное подтверждение. В 1933 г. он и еще несколько ученых были обвинены по ложному доносу в причастности к фашистской контрреволюционной организации. Михаил Петрович не признал своей вины, и в 1934 г. был осужден и выслан в Вятку (Кошелева, 2002. С. 8). Лишь в 1956 г. дело было пересмотрено и отменено в связи с отсутствием состава преступления, о чем свидетельствует справка военного трибунала Ленинградского военного округа (Справка, 1956).

Что касается подборки вырезок и выписок из газет и научно-популярных изданий, сделанных Михаилом Петровичем, то это самая многочисленная группа документов. Рассматривая эти материалы, поистине удивляешься широте его интересов. Помимо сведений по археологии, Михаил Петрович собирал информацию по материальной, духовной культуре и хозяйству народов мира, антропологии, лингвистике, палеогеографии (Татауров, 1995. С. 91).

Более детальное изучение и публикация некоторых частей личного архива позволит ввести в научный оборот материалы, дополняющие сведения о жизни и деятельности выдающегося ученого – Михаила Петровича Грязнова.

Список литературы

- Васильева Р. В., 2002. Фонд М. П. Грязнова в рукописном архиве ИИМК РАН // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы научно-практич. конф., посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Кн. I. СПб. С. 28–30.
- Выписка, 1945а. Выписка из протокола № 24 ВАК от 22.12.1945 // МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 42. Л. 30.
- Выписка, 1945б. Выписка из протокола № 5 заседания Ученого совета ИИМК им. Н.Я. Марра от 23.01.1945 // МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 42. Л. 7.
- Грязнов М. П., 1942. Методика изучения первичных археологических памятников – вещей // МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 33.
- Длужневская Г. В., Лазаревская Н. А., Медведева М. В., 2002. Научное наследие Михаила Петровича Грязнова в фотоархиве ИИМК РАН // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы научно-практич. конф., посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Кн. I. СПб. С. 35–41.
- Кошелева Е. А., 2002. М. П. Грязнов в Вятском краевом музее // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы научно-практич. конф., посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. II. СПб. С. 7–10.

- Михалева Т. В., 1997. Из золотого фонда М. П. Грязнова // IV Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Материалы науч. конф. Омск. С. 95–101.
- Список, 1914. Формулярный список о службе бывшего Инспектора народных училищ, статского советника П. Н. Грязнова // МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 49.
- Справка, 1956. Справка Военного трибунала Ленинградского военного округа // МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 42. Л. 35.
- Татауров С. Ф., 1995. Архив М. П. Грязнова в Музее археологии и этнографии ОмГУ // III Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Докл. Всерос. науч. конф. Ч. 1. Омск. С. 90–91.

История понятия «бронзовой болезни» в археологических коллекциях¹

Черных Д. Г., Курганов Н. С.

*(Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург)*

katalina.daria@gmail.com, nikolai.kurganov@gmail.com

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-126-129

Активная коррозия, приводящая к быстрому разрушению предметов из меди и медных сплавов, знакома археологам, реставраторам и работникам музеев. Данное явление зачастую именуется «бронзовой болезнью» (bronze disease) как в качестве термина профессиональных обсуждений, так и в специализированной литературе (Шемаханская, 2015).

Первые попытки описать и объяснить процессы, ведущие к разрушению артефактов из медных сплавов, появились параллельно с развитием интереса к археологическим раскопкам и коллекционированию античных бронз. В 1825 г. Дж. Дэви опубликовал наблюдения, связанные с наличием различных отложений на поверхности коллекции находок (Davy, 1826. P. 55–59). Ученый упомянул, что он никогда прежде не наблюдал соединения, которые распространились по всей монете, но более или менее смешались с коррозией другого вида, усеивая поверхность в виде небольших кристаллических возвышений. Наверное, он был первым, кто описал отличия продуктов активной коррозии от более стабильных минералов, образующих «благородную» патину.

В 1898 г. У. Фрейзер в своей статье назвал этот вид коррозии «язвенной болезнью бронз» (ulcerative disease of bronze), а также «раком бронзы» (bronze cancer) (Frazer, 1898. P. 61–62). Предполагалось, что разрушение

¹ Работа выполнена в рамках выполнения ФНИ ГАН по теме № 0160-2019-0044.

изделий из бронзы имеет живую, биологическую природу, и распространение разрушения происходит по законам развития заболеваний. Автор писал, что коррозия обладает инфекционными способностями, распространяясь, подобно «проказе», поражающей кожные покровы, через вещество металла, и медленно превращая его в аморфный порошок. Он предполагал, что «бронзовая болезнь» может передаваться с поверхностей, уже пораженных ею, тем предметам, которые еще не заражены.

В коллекциях древностей встречающееся быстрое разрушение предметов из медных сплавов стали связывать с последствием «заражения» одного предмета другим. Считалось, что очаги поражения возникают спонтанно, по непонятной причине, и затем распространяются на археологические предметы, хранящиеся в одном месте.

Интересно использование слов «кариес» (caries) и медицинского термина «гогна» (итал. «короста», «чесотка») для определения этого вида поражения бронз в исследованиях, которые представили Монд (Mond) и Кубони (Cuboni) в докладе Флорентийской академии в 1893 г. Исходя из данных статьи, археологи не понимали причины появления или возобновления этого изменения и называли явление «чумой в своих коллекциях», которая более или менее травмировала ценные для истории древности (Mond, Cuboni, 1893. P. 498–499).

Исходя из всего многообразия названий болезней, с которыми сравнивали активную коррозию на предметах из медных сплавов, вырабатывается обобщенный термин «бронзовая болезнь». Его употребление постепенно утверждается в профессиональной реставрационной лексике европейских стран в конце XIX в., когда археологи и антиквары не находили причины происхождения и возобновления активной коррозии в коллекциях древних бронз. Поражение предметов так называемыми «язвами», которыми именовали очаги активной коррозии, и распространение этих «язв» на другие объяснялось неизвестной «болезнью», которая повреждала металл, превращая его в порошкообразную субстанцию.

Труды конца XIX в. химика Ф. Ратгена внесли большой вклад в становление научного подхода в реставрации и консервации. Изначально, вполне в духе времени, им было выдвинуто предположение о микробиологическом происхождении активной коррозии. Высказывалась идея, что активное разрушение бронзовых предметов вызвано грибом (Rathgen, 1905. P. 27–28).

Позднее в своей работе, посвященной консервации археологических предметов из металлов и органических материалов, он уже называет это явление «дикой патиной».

Несмотря на то что его описание очагов коррозии наполнено многообразными сравнениями с повреждениями кожи (раны, ожоги и др.),

автор все же приблизился к современному пониманию процесса активной коррозии и причинам, с которыми они связаны (Rathgen, 1924).

Научные исследования последних десятилетий позволили подробно изучить этот процесс и выявить ряд причин его возникновения. Активное разрушение материала артефактов начинается после извлечения их из почвы и попадания в современную атмосферу, где основными причинами коррозии являются повышенная влажность, кислород воздуха и различного рода загрязнения. В настоящее время процесс объясняется тем, что хлорсодержащие вещества, попавшие в патину из засоленных почв или с морской водой, взаимодействуют с влагой и воздухом. Химические преобразования минеральных слоев сопровождаются коррозией медного сплава, если влажность воздуха поднимается до уровня 39 % и выше (Scott, 1990) (рис. 1).

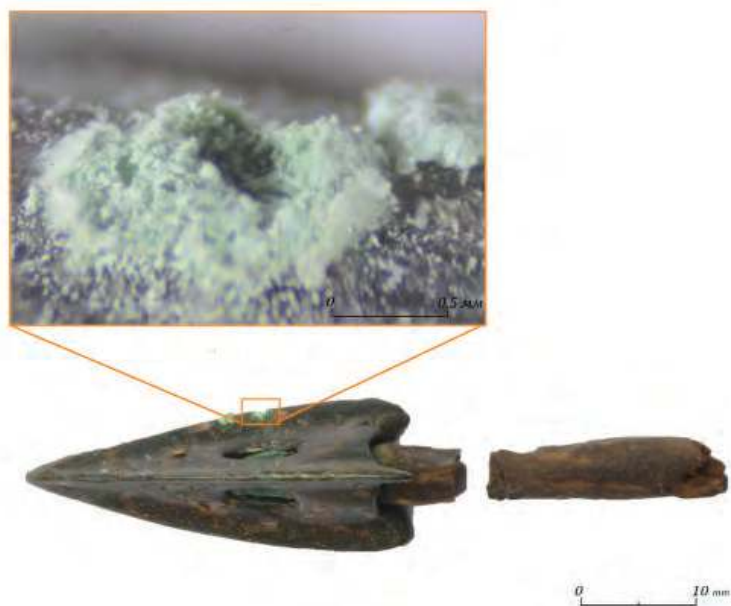

Рис. 1. Наконечник стрелы. Бронза. III–II в. до н. э. Области с активной коррозией («бронзовой болезнью») заметны по образованиям ярко-зеленых, порошкообразных минералов

Активное разрушение археологических артефактов из медных сплавов не связано с биологическими факторами. Термин «бронзовая болезнь» иногда может вводить в заблуждение. Сейчас он употребляется в научной литературе наравне с определениями «активная коррозия» и «рецидивная коррозия». Понимание истинных причин разрушения металла позволяет предпринять соответствующие действия по его консервации и обеспечить сохранность коллекций.

Список литературы

- Шемаханская М. С., 2015. Металлы и вещи. История. Свойства. Разрушение. Реставрация. М.
- Davy J., 1826. Observations on the changes which have taken place in some ancient alloys of copper // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. № 116 (2). P. 55–59.
- Frazer W., 1898. Ulcerative Disease of Bronze, or «Bronze Cancroid» // Journal of the Royal Society of Antiquaries of Ireland. N 8. P. 61–62.
- Mond C., Cuboni G. 1893. Sopra la così detta rognia dei bronzi antichi. Atti della Reale Accademia dei Lincei. Serie 5 (2). P. 498–499.
- Rathgen F., 1905. The preservation of antiquities: a handbook for curators. Cambridge.
- Rathgen F., Borrmann R., 1924. Die Konservierung von Altertumsfunden mit Berücksichtigung ethnographischer und kunstgewerblicher Sammlungsgegenstände. Handbücher der Staatlichen Museum. II. III. Teil: Metalle und Metallegierungen. Organische Stoffe. Zweite imgearbeitete Auflage, Berlin-Leipzig.
- Scott D. A., 1990. Bronze Disease: A Review of Some Chemical Problems and the Role of Relative Humidity // Journal of the American Institute for Conservation. Vol. 29, N 2. P. 193–206.

Новые результаты полевых работ и актуальные проблемы археологического источниковедения

Палеолит и мезолит

Следы как археологический источник

Белова А.В.

*(Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург)*

alinabelovateodo.com@yandex.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-130-133

Появление экспериментально-трасологического метода связано с работами Сергея Аристарховича Семёнова. В монографии «Первобытная техника», изданной в 1957 г., впервые были описаны теоретические основы методики микроанализа каменных и костяных орудий. С. А. Семёнов рассматривает следы работы как новый вид археологического источника, изучение которого позволяет говорить о функциях древних орудий не условно и приблизительно, к чему приводит изучение при помощи только типологического метода, а дает возможность выяснить действительное и конкретное назначение в хозяйстве каждого орудия, бывшего в употреблении (Семёнов, 1957. С. 12). Для микроанализа использовались бинокулярный микроскоп с увеличением в 180 раз и монокулярный микроскоп с увеличением в 300–500 раз (Семёнов, 1957. С. 30–31). Используя перечисленную технику, археологи стали впервые наблюдать следы, возникающие во время моделирования рабочей деятельности, и сравнивать их со следами на древних орудиях труда. Таким образом, основными объектами изучения в новом направлении исследований стали следы износа – результат работы с орудием (Гирия, 1997. С. 32) и следы обработки – результат намеренного воздействия на предмет с целью изменения его формы (Васильев и др., 2007. С. 195).

Первые эксперименты с целью получения сравнительных материалов для трасологического анализа под руководством С. А. Семёнова были начаты в конце 1960-х гг. Основная цель заключалась в изучении закономерностей изнашивания каменных орудий. В ходе работ стало известно, что выявленные категории и разновидности следов износа сопряжены между собой и образуют комплексы следов износа, отражающие функции орудий (Щелинский, 2017. С. 11). По С. А. Семёнову, экспериментально-трасологический анализ предполагает использование единой методики для изучения следов использования и следов обработки (включая расщепление камня), т. е. он не разграничивал трасологический и технологический

подход (Гиря и др., 2002. С. 174). Таким образом, основа формирующего метода заключалась в комплексности изучения различных видов следов на оружии.

Работы ленинградского ученого заложили фундамент для развития трасологического метода, продемонстрировав необходимость систематического проведения экспериментов и микроскопического изучения следов износа. Деятельность С. А. Семёнова получила мировое признание и множество последователей.

После перевода на английский язык монографии «Первобытная техника» (1964), изданной в Лондоне и Нью-Йорке, метод стал активно развиваться за пределами СССР. В зарубежных исследованиях он больше известен под названием «use-wear analysis» и, в отличие от отечественной трасологии, складывался в лоне различных направлений, изучающих разнообразные аспекты образования следов, например исследовались процессы выкрашивания (edge-chipping), формирование заполировки (polish) и остатков обрабатываемых материалов (residues). Среди зарубежных археологов особенный вклад в изучение следов на оружии внесли такие ученые как L. Keeley (1977; 1980), G. Odell (1981), R. Tringham (Tringham et al., 1974). Методы наблюдения за микроизносом значительно продвинулись вперед: использование стереоскопических и составных микроскопов стало обычным делом, и были задействованы специальные возможности сканирующего электронного микроскопа (Vaughan, 1985. P. 4). Кроме того, тогда же сформировались два параллельно развивающихся методологических подхода к анализу признаков следов износа: Low Power Approach (LPA), с использованием бинокля увеличением до 100 крат, и High Power Approach (HPA), применяющий микроскоп с направленным светом и увеличением более 100 крат (Голубева, 2016. С. 11).

В настоящее время развитие трасологического метода сопряжено с определением критериев методологической основы и возникновением на этой почве дискуссий между различными специалистами. Одно из противоречий заключается во взглядах археологов на систематизацию каменных артефактов. Оно является естественным следствием развития науки. С началом полевых исследований перед археологами стояла задача определить и, в частности, назвать новые культуры и выделенные типы орудий, основное внимание было сосредоточено на их морфологии, из-за чего точная функция изделий не была главной заботой в то время (Vaughan, 1985. P. 3).

Позже проявилась очевидная необходимость в соотношении уже имевшихся различных категорий каменного инвентаря и реальных поведенческих практик древнего населения. Весьма вероятно, что у первобытного человека порой не было строгого разделения функций между

различными категориями орудий, иногда он совмещал несколько функций в одном орудии или разными орудиями выполнял одну и ту же работу (Семёнов, 1957. С. 6). В связи с этим требовалась верификация накопленной информации с помощью микроанализа и экспериментов. Но стоит отметить, что именно благодаря типологическому методу были выделены большинство известных сейчас технологических форм – такие как нуклеус, скол-заготовка, пластина, леваллуазский отщеп и т. д. (Гирия, 1997. С. 22). В настоящее время при анализе каменных орудий археологи стараются учитывать сочетание морфологических, технологических и функциональных признаков.

В заключении стоит отметить, что несмотря на проблемы, связанные с развитием экспериментально-трассологического метода, он необходим для комплексного аналитического исследования индустрий каменного века. Микроанализ следов и широко развернувшиеся экспериментальные исследования моделирования технологического процесса с целью воспроизведения древних орудий и рабочих действий дали возможность нового прочтения ископаемой летописи человечества.

Список литературы

- Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. А., Вишняцкий Л. Б., Гирия Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А.Н., 2007. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.
- Гирия Е. Ю., 1997. Технологический анализ каменных индустрий. СПб.
- Гирия Е. Ю., Ресино-Леон А., 2002. С. А. Семёнов, Костёнки, палеолитоведение // Археологические вести. № 9. С. 173–190.
- Голубева Е. В., 2016. Теория и практика экспериментально-трассологических исследований неметаллического инструментария раннего железного века – Средневековья (на материалах южно-таежной зоны Средней Сибири). Красноярск.
- Семёнов С. А., 1957. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.
- Щелинский В. Е., 2017. Цели и методы изучения каменных изделий в археологических комплексах // Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб. С. 7–28.
- Keeley L. H., 1977. The functions of Paleolithic flint tools // Scientific American. Vol. 237. № 5. P. 108–126.
- Keeley L., 1980. Experimental determination of stone tool uses: A microwear analysis. Chicago.
- Odell G. H., 1981. The morphological express at functional junction: searching for meaning in lithic tool types // Journal of Anthropological Research. Vol. 37, № 4. P. 319–342.

- Semenov S. A. 1964. Prehistoric Technology: an experimental study of the oldest tools and artefacts from traces of manufacture and wear. London.
- Tringham R., Cooper G., Odell G., Voytek B., Whitman A., 1974. Experimentation in the formation of edge damage: A new approach to lithic analysis // Journal of Field Archaeology. Vol. 1. №. 2. P. 171–196.
- Vaughan P. C., 1985. Use-wear analysis of flaked stone tools. Arizona.

**Стоянка Кочкари I – новый памятник эпохи мезолита
в лесостепном Поволжье (итоги исследований 2017–2019 гг.)¹**

Бурыгин М. А.

*(Самарский государственный социально-педагогический
университет, г. Самара)
burigin.maxim@yandex.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-133-135

В 2016 г. в Самарской области в ходе разведочных работ О. В. Андреевой была найдена мезолитическая стоянка – Кочкари I. Ее исследование было начато в 2017 г. и продолжается по настоящее время (Андреев и др., 2018; Бурыгин, 2019).

Стоянка находится на правом берегу р. Сок в 1,5 км к юго-востоку от пос. Кочкари. Поселение расположено на небольшом дюнном всхолмлении, с западной и южной стороны ограниченном старицей реки Сок. Работы на стоянке проводились археологической экспедицией Самарского государственного социально-педагогического университета (далее – СГСПУ) под руководством К. М. Андреева и О. В. Андреевой. Было заложено 4 раскопа общей площадью 432 кв. м. При исследовании культурного слоя весь извлекаемый грунт просеивался.

Стратиграфия памятника представлена следующими отложениями: дерн, черная, серая и светло-серая супеси, содержавшие культурные остатки, и желтая легкая супесь (материк). Культурный слой изрыт норами землеройных животных, находки не имеют четкой привязки к литологическим слоям.

Общая коллекция артефактов составляет 2591 единицу. Кроме изделий из камня были обнаружены фрагменты керамики позднего бронзового века и эпохи Средневековья, а также кости животных. Изделий из кремня выявлено 1844 экземпляра (71 % от общего числа артефактов). В качестве сырья использовался кремь в основном серого цвета хорошего качества. В коллекции представлены 697 отщепов без ретуши,

¹ Работа выполнена за счет гранта РНФ (проект № 19-78-10001) «Этнокультурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит–энеолит)».

2 отщепа с нерегулярной краевой ретушью, а также 174 осколка кремня. Продольных сколов – 146, поперечных сколов с нуклеусов без следов вторичной обработки – 27, еще 4 продольных скола имеют регулярную или нерегулярную краевую ретушь. Также выявлено 10 отбойников из гальки, 4 фрагмента ростров белемнита, которые, возможно, использовались в качестве ретушеров и 2 абразивных камня.

Получена представительная серия пластин и их фрагментов – 650 единиц (36 % от всего каменного инвентаря): 87 с ретушью (в основном нерегулярной – 84) и 563 без следов обработки. Ретушь наносили с дорсальной (73) либо с вентральной (19) стороны по одной (67) или двум (17) краям, на 6 пластинах прослежена противолежащая ретушь. Толщина пластин варьируется от 0,1 до 0,8 см, преобладают пластины толщиной 0,2–0,4 см (79 %). Ширина пластин колеблется от 0,5 до 2,6 см, преобладают пластины шириной 0,7–1,5 см (81 %). В то же время, для изготовления орудий использовались пластины толщиной 0,2–0,7 см и шириной 0,7–2,3 см.

Нуклеусы представлены 4 типами: торцевые (12), конические (5), карандашевидные (1) и бессистемного скалывания (5). Орудийный комплекс насчитывает 117 экземпляров (около 6 % от общего количества кремня). Скребки представлены изделиями концевого типа на пластинах и продольных сколах с округлым (25) и прямым (12) и со скошенным (2) рабочими краями, также найден нуклевидный скребок (1). Выделяется комбинированное орудие проколка-скребок с прямым рабочим краем. Весьма выразительной категорией орудий являются угловые резцы на пластинах (41) и на сколах (4), также выявлены краевые резцы на пластинах (6) и один двойной резец на пластине, срединные резцы на продольном (1) и на поперечном (2) сколах. Обнаружены 6 проколов на пластинах и продольных сколах, с ретушированными продольными гранями, и один обломок острия проколки на пластине. Скобели изготовлены на продольных сколах (2) и на куске кремня (1). Также имеются 2 прямолезвийных ножа и 2 саблевидных ножа на плитке кремня. Деревообрабатывающие орудия представлены: долотами (2), теслами (2) и топорами (2), также в коллекции присутствуют 5 заготовок деревообрабатывающих орудий.

Было проведено радиоуглеродное датирование по почве памятника: верхняя часть светло-серой супеси получила дату 7277 ± 100 ВР, ее средняя часть – 7500 ± 80 ВР, основание культурного слоя на контакте с материком – 8122 ± 100 ВР. Также была датирована кость животного (крупное полорогое, тур или бизон), получена дата 7632 ± 100 ВР. Таким образом, примерное время обитания мезолитического населения на стоянке может быть отнесено к середине VII тыс. до н. э. (Бурьгин, 2019).

Ближайшие аналогии комплекс Кочкари I находит в материалах стоянки Красный Яр I лесостепного Поволжья. Их объединяет относительно низкий показатель пластинчатости обоих комплексов и типологически ограниченный орудийный набор. Меньшее сходство наблюдается с коллекциями стоянок Чекалино II и Старо-Токская из-за более высоких показателей пластинчатости и типологическому набору последних. Сравнение стоянки Кочкари I с материалами раннего неолита региона (елшанской культурой) не позволяет выявить близких аналогий, так как на неолитических стоянках использовался преимущественно кремль красных, желтых, коричневых и др. оттенков плохого качества. На большинстве стоянок пластинчатость комплексов не превышает 7 %, количество орудий на пластинах – 10 % (Андреев, 2015).

Список литературы

- Андреев К. М., 2015. Характеристика раннеолитической кремневой индустрии елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17, № 17 (3). С. 198–211.
- Андреев К. М., Андреева О. В., Бурыгин М. А., 2018. Некоторые итоги исследований стоянки Кочкари I в 2018 году // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 20, № 3 (2). С. 455–460.
- Бурыгин М. А., 2019. Стоянка Кочкари I – новый памятник эпохи мезолита в лесостепном Поволжье // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V Международной конференции молодых ученых. М. С. 14–16.

Новый памятник эпохи мезолита на р. Ижма Очью Катище

Волокитина Н. А.

*(Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар)
anjis@rambler.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-135-138

Стоянка Очью Катище расположена на правом берегу р. Ижма в 2,8 км на юг от пос. Том Ижемского района Республики Коми. В 2017 г. в одноименном урочище на лесной дороге, проходящей по гривке второй боровой террасы, был обнаружен подъемный материал (Волокитина, 2017). Расстояние до берега р. Ижма – 0,5 км. В 2018 г. на памятнике были проведены разведочные раскопочные работы, в двух шурфах, расположенных на расстоянии 200 м друг от друга, были обнаружены на-

ходки предположительно с единой датой. В одном из шурфов количество находок составило 15 экз. (предметы из кремня) каменных изделий, в другом – 158 экз. (предметы из кремня) и многочисленные фаунистические остатки (свыше 200 фрагментов костей животных). В 2019 г. на месте шурфа со скоплением был заложен раскоп 5 × 6 м. Стоянка, как и все остальные т. н. боровые, имеет неглубокое залегание находок, приуроченных к белесому подзолу (лесная почва) и верхам иллювиального горизонта. Последний имеет ярко-желтый цвет за счет окислов солей железа, поэтому многие находки из него имеют соответствующий налет. Лесная дорога, проходящая по стоянке, повредила верхний слой подзола, там отсутствует моховой покров, образовался т. н. серый дорожный слой, в котором также были обнаружены находки. Находки из дорожного, белесого и иллювиального горизонтов составляют единый комплекс.

Большое количество фаунистических остатков (свыше 1000 фрагментов), обнаруженных на стоянке, является редким исключением из обычного состояния сохранности фауны на археологических памятниках северо-востока Европы, расположенных на боровых террасах. Все кости кальцинированные, что объясняет их удовлетворительную сохранность. По большей части это мелкие кости или фрагменты крупных трубчатых костей. На данный момент определены бобр, лось, северный олень, птицы как крупные, так и мелкие (определение П. А. Косинцева). Есть фрагменты обработанного рога, а обломок крупной трубчатой кости имеет серию нарезок. Имеются кости с погрызами. Обращает на себя внимание факт отсутствия костей рыб.

Находки расположены овальным пятном 4 × 2,5 м, вытянутым с юго-запада на северо-восток. Наибольшая концентрация находок наблюдается на оконечностях пятна. Явных следов очага не выявлено. Отмечается совместное залегание каменных артефактов и фаунистических остатков.

В общем числе находок из камня (756 экз.) всего лишь несколько экземпляров из сланца и кварцито-песчаника, остальные из кремня. В коллекции присутствуют нуклеусы в завершающей стадии расщепления, нуклеусы-резцы, резцы на сечениях пластин, резцовые отщепки, комбинированные орудия, усеченные пластины, скребки, скребла. Имеются обушковые формы. Найдена очень крупная трапеция (рис. 1). Обращает на себя внимание наличие на стоянке Очью Катище большого количества сечений и фрагментов очень крупных пластин. Серией представлены короткие проксимальные сегменты и сечения крупных пластин с нерегулярной краевой ретушью и мелкими резцовыми сколами.

Присутствие в большом количестве крупных и очень крупных пластин, в том числе неправильных и их обломков, имеющих нерегулярную ретушь, наличие нуклеусов в завершающей стадии расщепления и нук-

леусов-резцов является характерной чертой мезолитических горизонтов многослойного памятника Вылыс Том 2, расположенного в 2 км севернее (Волокитин, Волокитина, 2016).

Рис. 1. Стоянка Очью Катище. Трапеция

Существенно, что на Очью Катище процент предметов со вторичной обработкой также высок, как и на памятнике Вылыс Том 2. Это дает основание предполагать связь между двумя этими памятниками, а, следовательно, даты мезолитических горизонтов памятника Вылыс Том 2 около 8,7 тыс. С14 лет назад (Волокитин и др., 2014) должны распространяться на стоянку Очью Катище.

Список литературы

- Волокитин А. В., Панин А. В., Арсланов Х. А., 2014. Многослойный археологический памятник Вылыс Том 2 и формирование долины р. Ижмы в голоцене // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. № 3. С. 42–46.
- Волокитин А. В., Волокитина Н. А., 2016. Место каменной индустрии 3 и 4 культурных горизонтов памятника Вылыс Том 2 в мезолите Приуралья //

XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 9–12 февр. 2016 г.). Пермь. С. 86–90.
Волокитина Н. А., 2017. Археологические исследования в Ижемском районе Республики Коми в 2017 году // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 20-й научной конференции. Т. XX. Сыктывкар. С. 156–159.

Наконечники культуры бромме-лингби на территории белорусской части бассейна р. Неман

Горшков А. Д.

(Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси,

г. Минск)

ales.harshkou.arch@gmail.com

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-138-142

Информация о материалах культуры бромме-лингби на территории Беларуси в литературе появилась еще в 60-е гг. XX в. (Очерки, 1970. С. 35). Что касается белорусской части бассейна р. Неман, то первое упоминание можно отнести к 80-м гг. XX в., когда началось исследование памятника Красносельский 5. В обобщающих работах информация о памятниках с материалами рассматриваемой культуры появилась только в конце 1990-х гг. (Чернявский и др., 1996; Чернявский, 1997). В дальнейшем этот вопрос нашел отражение в работах В. С. Обуховского, Е. Г. Калечиц (Абухоўскі, 2003; Obuchowski, 2009; Калечиц и др., 2010).

Целью статьи является анализ наконечников, характерных для культуры бромме-лингби, на территории белорусской части бассейна р. Неман.

На данный момент в рассматриваемых границах можно выделить 12 памятников, в коллекциях которых присутствуют материалы культуры бромме-лингби (Горшков, 2020). Из 12 пунктов мы имеем 14 наконечников. Все они, за исключением местонахождения Лихачи «Остров Салацкий» и артефакта, найденного на территории Гродненского района без конкретной привязки, были выявлены на памятниках, которые исследовались и хорошо известны в археологической литературе.

Изученные артефакты разделены на три группы, исходя из способа оформления черешка. Данный подход был использован А. Фишером и О. Нильсеном для анализа наконечников со скоплениями на стоянке Бромме (Fisher, Nielsen, 1987. P. 30).

Группа 1 (7 артефактов, рис. 1: А). Черешок оформлен с помощью крутой дорсальной ретуши, пятка заготовки остается нетронутой либо слегка модифицируются выступающие части карниза. Прослеживается ударный бугорок (рис. 1: 3–7, 10–11).

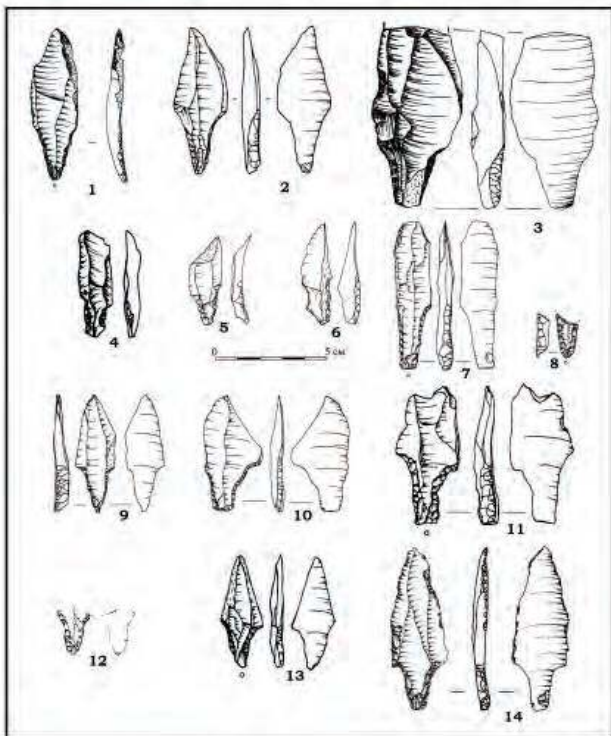
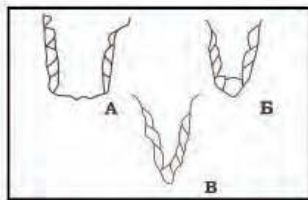

Рис. 1. Карта памятников культуры бромме-лингби: 1 – Бершты 2; 2 – Волька 8А; 3 – Кавальцы 1; 4 – Кавальцы 2; 5 – Красносельский 5; 6 – Красносельский 7; 7 – Лихачи «Остров Салацкий»; 8 – Гродненский район.

Формы черешков: А – группа 1; Б – группа 2; В – группа 3.

Наконечники: 1 – Бершты 2; 2 – Волька 8А; 3, 4 – Кавальцы 1; 5, 6 – Кавальцы 2; 7–11 – Красносельский 5; 12 – Лихачи «Остров Салацкий»; 13 – Красносельский 7; 14 – Гродненский район

(1, 4, 14 – рисунки А. Горшкова; 2 – рисунок О. Ткачёва;

3, 5–13 – рисунки В. Обуховского)

В качестве заготовок были использованы как продукты расщепления, полученные с одноплощадочных нуклеусов: вторичная ребристая пластина (рис. 1: 3), пластина (рис. 1: 5), пластинчатый отщеп (рис. 1: 10); так и снятые с двухплощадочных монофронтальных нуклеусов: вторичная ребристая пластина (рис. 1: 6) и пластины (рис. 1: 4, 7, 11). Размеры артефактов: длина – от 4,6 см до 6,8 см; ширина – от 1,6 до 3,2 см; толщина – от 0,6 до 1,1 см. Острия у всех, кроме одного экземпляра (рис. 1: 3), сформированы в дистальной части заготовки. В одном случае острие подправлено полукрутой ретушью (рис. 1: 7).

Группа 2 (4 артефакта, рис. 1: Б). Черешок оформлен с помощью крутой дорсальной ретуши, пятка заготовки частично убирается аналогичной ретушью, окончание черешка как бы скругляется. Прослеживается ударный бугорок (рис. 1: 1, 8, 12, 14).

В качестве заготовок были использованы: пластина, снятая с одноплощадочного нуклеуса (рис. 1: 14); пластина, снятая с двухплощадочного монофронтального нуклеуса (рис. 1: 1). Еще два артефакта фрагментированные (рис. 1: 8, 12). Размеры артефактов: длина – от 7,0 до 6,7 см; ширина – от 2,2 до 2,5 см; толщина – от 0,6 до 0,7 см. Острие у целых экземпляров сформировано в дистальной части заготовки. На теле одного наконечника присутствует полукрутая нерегулярная ретушь на вентральной и дорсальной стороне (рис. 1: 14).

Группа 3 (3 артефакта, рис. 1: В). Черешок оформлен с помощью крутой дорсальной ретуши, пятка и ударный бугорок заготовки удален во время оформления черешка. Могут присутствовать одна-две фасетки, случайно полученные во время оформления черешка на вентральной поверхности (рис. 1: 2, 9, 13).

В качестве заготовок были использованы пластины, снятые с одноплощадочных нуклеусов. Размеры артефактов: длина – от 3,7 до 6,6 см; ширина – от 1,5 до 2,3 см; толщина – от 0,5 до 0,7 см. Острие сформировано в дистальной части заготовки, в одном случае немного подправлено полукрутой ретушью (рис. 1: 9).

Сырье. Все наконечники сделаны из кремня мелового генезиса, с пятнистой структурой, прозрачного на просвет, цвет варьируется от светло-серого до темно-серого. Желвачная корка близкого с сырьем цвета встречена только на одном артефакте толщиной 0,2 см (рис. 1: 1). Исходя из места размещения стоянок и местонахождений, можно примерно определить откуда использовалось сырье.

Так, наконечники со стоянок Красносельский 5 и 7 сделаны на местном кремне, характеристики которого аналогичны добываемому в шахтах эпохи позднего неолита – бронзового века (Гурина 1976. С. 68–69). Артефакты данного типа с территории Гродненского района (Кавальцы 1, 2, Бершты 2,

Лихачи «Остров Салацкий», случайная находка с этого района) сделаны из кремня, который по внешним характеристикам схож с сырьем из отложений около г. Гродно (Горшков, 2019). Что касается артефакта с памятника Волька 8А, то он сделан из типичного для белорусского Полесья сырья, которое встречается здесь в моренных (?) отложениях. На этом сырье базируется большинство памятников каменного и бронзового веков этой территории.

Исходя из проанализированного материала, можно сделать следующие выводы:

- наконечники с территории белорусской части бассейна р. Неман находят полные аналогии в комплексах памятников культуры бромме-лингби на территории Дании, Швеции (Fisher, 1987; Fisher et al., 2013. P. 153);

- все наконечники (как и материалы культуры бромме-лингби в коллекциях, где были наконечники) сделаны из местного сырья, что может говорить о миграции традиций с Западной Европы и существование их на изучаемой территории.

Список литературы

- Абухоўскі В. С., 2003. Засяленне тэрыторыі Беларускага Панямоння ў X–V тыс. да н.э. // *Культура Гродзенскага рэгіёна: праблемы развіцця ва ўмовах поліэтнічнага сумежжа*: навук. пр. С. 182–188.
- Гаршкоў А. Д., 2019. Вывучэнне выхадаў крамяневай сыравіны каля г. Гродна // *ARS LONGA: “навуковыя дасягненні і перспектывы” (90-годдзю Інстытута гісторыі НАН Беларусі прысвячаецца)*. Тэзісы II канферэнцыі малых даследчыкаў Інстытута гісторыі НАН Беларусі (Мінск, 4-5 красавіка 2019 г.). Мінск. С. 15.
- Горшков А. Д., 2020. Памятники с материалами культуры бромме-лингби на территории белорусской части бассейна реки Неман // *Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез. Международная конференция. Тез. докл. М.* С. 36–37.
- Гурина Н. Н., 1976. Древние кремнедобывающие шахты. Л.
- Калечыц А. Г., Коласаў А. У., Абухоўскі В. С., 2010. Палеалітычныя помнікі Беларусі: (культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц). Мінск.
- Очерки по археологии Белоруссии. 1970. Ч. 1. Минск.
- Чарняўскі М. М., Кудрашоў В. Я., Ліпніцкая В. Л., 1996. Старажытныя шахцеры на Росі. Мінск.
- Чарняўскі М. М., 1997. Помнікі лінгбійскай культуры // *Археалогія Беларусі*: У. 4 Т. 1. Каменны і бронзавыя вякі. Мінск. С. 31-35.
- Fisher A., Nielsen O., 1987. Senistidens boplads ved Bromme. En genbearbejdning af Westerby's og Mathiassen's fund // *Aarboger for Nordisk Oldkyndighed og Historie* Kobenhavn. P. 5–42.

Fisher A., Donahue R., Neinemeier J., Lykke-Andersen, H., 2013. Late Palaeolithic Norre Lyngby – a northern outpost close to the West coast of Europe // *Quartar*. Vol. 60. P. 137–162.

Obuchowski W., 2009. *Materiały paleolityczne i mezolityczne z Zachodniej Białorusi*. Warsaw.

Мезолитические памятники Кольского полуострова: состояние источника

Гусева Д. В.

*(Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург)
darya.guse@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-142-149

Начало изучению мезолитических памятников Кольского полуострова было положено экспедицией Государственной академии истории материальной культуры (далее – ГАИМК) под руководством Б. Ф. Землякова в 1935 и 1937 гг., когда были открыты 12 стоянок на полуострове Рыбачий (Земляков, 1940). В 1960–1970-е гг. КолАЭ (далее – Кольской археологической экспедицией) ЛОИА АН СССР под руководством Н. Н. Гуриной было зафиксировано большинство мезолитических стоянок, известных в регионе. Основная их часть была открыта в 1965, 1969, 1972–1973 гг. в ходе ширококомасштабных разведок на северном и южном побережьях Кольского полуострова. В этот же период в центре и в юго-западной части полуострова серия мезолитических памятников была исследована Мурманской археологической экспедицией Института языка, литературы и истории Карельского научного центра (далее – ИЯЛИ КарНЦ) АН СССР под руководством А. В. Анпилогова (Пессонен, 1978) (табл. 1; рис. 1). Со второй половины 1970-х гг. КолАЭ сосредоточилась на раскопках широкими площадями памятников неолита и эпохи раннего металла, разведки резко сократились.

К середине 1980-х гг. на Кольском полуострове было открыто 72 мезолитических памятника, большинство из которых расположено на полуостровах Средний и Рыбачий и в северо-западной части региона. Эти материалы легли в основу обобщающих работ В. Я. Шумкина (1986) и Н. Н. Гуриной (1989). На основании типологического анализа и геоморфологических данных (прежде всего высоты морских террас) 15 стоянок были отнесены к раннему мезолиту, 13 – к среднему, 44 – к позднему. Необходимо отметить, что лишь на 17 памятниках были проведены раскопки, общая вскрытая площадь составила 1502 кв. м

(Шумкин 1984, табл. III). При анализе считались эквивалентными материалы, полученные в результате раскопок и сборов подъемного материала. Коллекции были крайне малочисленны, обычно насчитывали несколько десятков, реже сотен предметов (Шумкин, 1986а. С. 17). На базе этих материалов В.Я. Шумкину удалось разработать классификацию каменного инвентаря мезолита Кольского полуострова, предложить модель заселения и освоения региона, развития его культуры (Шумкин, 1986).

За последовавшие 30 лет изменились как исследовательские подходы, так и источниковая база изучения мезолита. В результате проведения разведок в нескольких районах северного побережья были открыты новые памятники: на Рыбачьем полуострове (Шумкин, 1986б. С. 12–14), в районе Кильдинского пролива (Мурашкин, Колпаков, 2019. С. 670), в Териберской губе (Шумкин и др., 2009. С. 78–79). Общее количество известных мезолитических памятников достигло 90 (табл. 1, рис. 1).

Многие из открытых в последние 30 лет памятников были раскопаны широкими площадями. На стоянке Пост II в Дроздовской губе в 1984–1986 гг. исследовано 416 кв. м и получена одна из самых больших коллекций каменного инвентаря – 5168 предметов (Шаяхметова, 1996). В 2014–2016 гг. КолаЭ были проведены раскопки на стоянках Гусиный 4–7, в том числе были изучены остатки жилищ раннего мезолита (Мурашкин, Колпаков, 2019. С. 671–673). Жилища, как правило, представляют собой полузамкнутые комплексы, чем обусловлена перспективность их исследования. В силу активного выветривания и медленного процесса почвообразования на территории Фенноскандии таких объектов известно очень мало. К примеру, на всей территории Норвегии к настоящему времени были изучены остатки 150 мезолитических жилищ, при том что только за последние 15 лет было реализовано порядка 25 крупных, в том числе спасательных, проектов (Fretheim, 2017. P. 17, fig. 1.3).

Формирование нового источника предполагает возможность применения новых методов его анализа. Коллекция, собранная в результате раскопок стоянок Гусиный 4, 5, 7, насчитывает порядка 4000 предметов, из которых около 300 составляют пластины и их фрагменты. Это открывает возможности для проведения технологического анализа материала, который предполагает наличие обширных, статистически достоверных выборок. До настоящего времени такой анализ был применен только к коллекции пластин стоянки Пост II (Мурашкин, 2007). Предварительное изучение материалов стоянок Гусиный 4, 5, 7 позволило сделать вывод об их принадлежности к кругу памятников с восточной пластинчатой индустрией и сходстве с мезолитическими культурами лесной зоны Восточной Европы, прежде всего Бутовской (Мурашкин, Колпаков, 2019. С. 679–680).

Таблица 1. Мезолитические памятники Кольского полуострова.
 Вид работ: Рс – раскопки, Рз – разведки, Сб – сборы, Ш – шурфы

№	Памятник	Год	Вид работ	Коллекция (шт)	Вскрытая площадь (кв. м)	№	Памятник	Год	Вид работ	Коллекция (шт)	Вскрытая площадь (кв. м)
1	Эйна-губа	1937	Рз	–	–	46	Печенга-2	1972	Сб	213	–
2	Цип-Наволок-4	1937	Сб	121	–	47	Западная Лица-2	1972	Сб	70	–
3	Цип-Наволок-6	1937	Сб	256	–	48	Западная Лица-3	1972	Сб	764	–
4	Цип-Наволок-7	1937	Сб	243	–	49	Западная Лица-5	1972	Сб	41	–
5	Цип-Наволок-10	1937	Сб	336	–	50	Нялъявр	1973	Сб	34	–
6	Цип-Наволок-10а	1937	Сб	3	–	51	Гусиный-4	2005, 2014-2015	Рс	873	118,5
7	Цип-Наволок-12	1965	Сб	73	–	52	Гусиный-5	2005, 2015	Рс	965	80
8	Цип-Наволок-13	1965	Сб	92	–	53	Гусиный-6	2005, 2016	Рс	14244	16
9	Цип-Наволок-14	1965	Сб	158	–	54	Гусиный-7	2005, 2015	Рс	251	42

№	Памятник	Год	Вид работ	Коллекция (шт)	Вскрытая площадь (кв. м)	№	Памятник	Год	Вид работ	Коллекция (шт)	Вскрытая площадь (кв. м)
10	Цип-Наволок-15	1965	Сб	203	–	55	Кильдинский пролив-2	2005, 2007	Сб	6	–
11	Большая Мотка-1	1935	Сб	64	–	56	Зарубиха-2	2005, 2016	Рз	–	–
12	Большая Мотка-2	1935	Сб	29	–	57	Зарубиха-9	2005, 2016	Рз	–	–
13	Большая Мотка-6	1965	Рс	190	20	58	Могильное-3	2005, 2007	Рз	–	–
14	Большая Мотка-7	1935		1332	?	59	Орловка-6	2008	Рз	–	–
15	Большая Мотка-17	1965	Сб	23	–	60	Орловка-7	2008	Рз	–	–
16	Большая Мотка-19	1965	Сб	40	–	61	Рында-12	1973	Сб	100	–
17	Большая Мотка-22	1965	Рс	133	20	62	Красная-1	1973	Сб	289	–
18	Большая Мотка-22а	1935	Рс	485	40	63	Зологая-6	1974	Сб	1014	–

№	Памятник	Год	Вид работ	Коллекция (шт)	Вскрытая площадь (кв. м)	№	Памятник	Год	Вид работ	Коллекция (шт)	Вскрытая площадь (кв. м)
19	Малая Волоковая (Перьярви-2)	1972, 2012	Сб, ш	118	–	64	Харловка-9	1974	Сб	694	–
20	Вайда-1	1972	Сб	376	–	65	Морская-1	1977	Сб	221	–
21	Вайда-2	1972	Сб	70	–	66	Морская-2	1977	Сб	86	–
22	Пяве-1	1986	Сб	?	–	67	Пост II	1984–1986	Рс, Ш	5168	416
23	Пяве-2	1986	Сб	?	–	68	Чёрная-1	1978	Сб	1673	–
24	Пяве-3	1986	Сб	?	–	69	Лумбовка-1	1969	Сб	275	–
25	Пяве-4	1986	Сб	–	–	70	Лумбовка-2	1969	Сб	70	–
26	Восточный-1	1986	Сб	–	–	71	Лумбовка-3	1969	Сб	32	–
27	Восточный-2	1986	Сб	–	–	72	Пялица-1	1971	Сб	152	–
28	Долгая Щель-1	1972	Сб	13	–	73	Пялица-8	1971	Рс	2530	24
29	Долгая Щель-1а	1972	Сб	88	–	74	Пялица-13	1971	Сб	733	–
30	Долгая Щель-2	1972	Сб	68	–	75	Пялица-14	1971	Сб	843	–
31	Долгая Щель-2а	1972	Сб	103	–	76	Кузомень-22	1979	Сб	243	–

№	Памятник	Год	Вид работ	Коллекция (шт)	Вскрытая площадь (кв. м)	№	Памятник	Год	Вид работ	Коллекция (шт)	Вскрытая площадь (кв. м)
32	Растиниemi	1972	Сб	83	–	77	Голье горы-3	1928, 1969	Сб	2442	–
33	Амбарная-1	1972	Сб	90	–	78	Кольца-1	1972	Рс	875	142
34	Амбарная-2	1972	Сб	119	–	79	Кольца-2	1972	Рс	166	72
35	Патсойки	1965	Рс	55	40	80	Лувеньга-1	1971	Сб, Ш	55	–
36	Шуонийоки-1	1973	Сб	1177	–	81	Нива-13	1972	Рс	204	148
37	Шуонийоки-2	1973	Рс	710	44	82	Нива-14	1972	Рс	1037	236
38	Шуонийоки-3	1973	Сб	66	–	83	Нива-18	1972	Рс	1111	156
39	Шуонийоки-4	1973	Сб	303	–	84	Нива-19	1972	Рс	562	96
40	Шуонийоки-5	1974	Рс	289	16	85	Каменное озеро-2 (Каменная-2)	1973	Сб	221	–
41	Шуонийоки-6	1974	Рс	2342	100	86	Нивка	1969	Сб	25	–
42	Куэтсьяр-1	1973	Сб	4	–	87	Нивка (могильник)	1969	Рс	?	?
43	Куэтсьяр-2	1973	Сб	15	–	88	Уйма	1969	Сб, Ш	–	–
44	Куэтсьяр-3	1973	Сб	10	–	89	Серебрянская-1	1969	Рс	–	56
45	Колосйоки-1	1973	Рс	442	36	90	Серебрянская-3	1969	Рс	–	248

Рис. 1. Распространение мезолитических памятников на Кольском полуострове

Список литературы

- Гурина Н. Н., 1989. Мезолит СССР. М.
- Земляков Б. Ф., 1940. Арктический палеолит на севере СССР // СА. № 5. С. 107–143.
- Мурашкин А. И., 2007. Технология получения кремневых пластин на мезолитической стоянке Пост II // РА. № 4. С. 109–120.
- Мурашкин А. И., Колпаков Е. М., 2019. Мезолитические стоянки Кильдинского пролива и проблема заселения Кольского полуострова в каменном веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 64, №. 2. СПб. С. 666–682.
- Песонен П. Э., 1978. Мезолитические памятники Кандалакшского берега // Мезолитические памятники Карелии. Петрозаводск. С. 94–160.
- Шаяхметова Л. Г., 1996. Пост II – мезолитическая стоянка на северо-восточном побережье Баренцева моря // Древности Русского Севера. Вологда. №. 1. С. 43–52.
- Шумкин В. Я., 1984. Каменная и костяная индустрия мезолита – раннего металла Кольского полуострова: Дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Шумкин. В. Я., 1986а. Мезолит Кольского полуострова // СА. №. 2. С. 15–33
- Шумкин В. Я., 1986б. Отчет о работе Североморского отряда Заполярной экспедиции ЛОИА АН СССР за 1986 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. № 133.

- Шумкин В. Я., Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., 2009. Исследования Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН в Мурманской области (район Териберской губы Баренцева моря) // Записки ИИМК РАН. № 4. С. 77–80.
- Fretheim S. E., 2017. Mesolithic dwellings: An empirical approach to past trends and present interpretations in Norway. PhD Thesis. Trondheim.

Роль технологического анализа в изучении памятников среднего палеолита (по материалам Хотылево I)

Иванов Я. Д.

*(Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург)
yadivanov66@gmail.com*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-149-151

Технологический анализ широко применяется в палеолитоведении. Специалисты обращаются к нему, стремясь дополнительно обосновать свои выводы о памятнике и его назначении в прошлом. Часто сталкиваясь с недостаточным количеством или полным отсутствием выразительного материала среди находок, например из-за особенностей конкретного участка стоянки, определенной сырьевой стратегии ее обитателей и др., исследователи признают невозможность полноценного использования типологического анализа для построения своих концепций, поэтому технологический анализ становится основой для их рассуждений, что мы можем увидеть на большом количестве примеров с территории Восточной Европы в публикациях.

Интересным примером использования методов технологического анализа является работа С. А. Кулакова, посвященная проблеме выделения хостинской зубчатой мустьерской культуры. Внимание исследователя привлек тот факт, что эта культура выделяется на небольшом проценте палеолитических стоянок Туапсинско-Сочинского Причерноморья (Кулаков, 2017. С. 79), а основой для выделения является индустрия одной стоянки. С помощью технологического анализа, а именно анализа последовательностей сколов на дорсальных поверхностях изделий, автором были получены выводы о том, что высокий процент орудий на памятнике выделялся из-за большого процента псевдоизделий, то есть предметов, подверженных естественным повреждениям, что в последствии подтверждалось экспериментально (Кулаков, Гиря, 2017).

Многokrатно к технологическому анализу обращается А. Е. Матюхин при исследовании многослойного памятника Бирючья Балка 2. Сочетая элементы технологического и типологического анализа, автор приходит

к выводу о том, что Бирючья Балка 2 – стоянка-мастерская, на которой осуществлялась и хозяйственная, и производственная деятельность (Матюхин, 1994. С. 34). В последствии, при более широком изучении памятника, исследователь обращается к работам Ф. Борда (F. Bordes) и его гипотезе о связи леваллуа с обилием сырья (Матюхин, 2012. С. 209), но автор идет дальше, распространяя эту связь на индустрии с пластинами и общую «технологическую изобретательность и творчество» и обращая внимание на обратные процессы, когда при меньшей доступности сырья (из-за холодных периодов и др.) изменяется модель поведения и технология индустрий. Изменения окружающей среды автором рассматриваются как менее значимые для развития индустрий с пластинами.

Реконструкция стратегии поведения по данным технологического анализа также раскрывается у А. В. Колесника. Обитатели стоянок среднего палеолита Донецкого региона не создавали больших сырьевых запасов, носили с собой небольшое количество орудий и заготовок, при этом перемещаясь с ними в основном на расстояния до 50–60 км. Это во многом определяло расселение групп, и значение сырьевого фактора сравнивается автором с пищевым (Колесник, 2017. С. 83), дополнительно указывается, что в некоторых регионах, как и в Донецком, все среднепалеолитические стоянки связаны именно с выходами сырья. Похожая «ранцевая» стратегия отмечается автором на среднепалеолитических памятниках палеолита Крыма и стоянке Сухая Мечетка, где частично изделия изготавливались не из местных материалов, частично из местных, и использовались там же, частично изготавливались и уносились – автором делается вывод о том, что это основные пути утилизации сырья. Многие из этих данных получены автором благодаря использованию метода ремонтажа – приема сборки продуктов расщепления с целью восстановления его характера (Васильев и др., 2007. С. 183).

Все эти примеры могут подчеркнуть, что более широкое применение технологического анализа к изучению среднепалеолитических памятников позволяет получить гораздо больше информации не только о самих каменных изделиях и их технологии расщепления, но и проследить естественные повреждения, понять характер стоянки, реконструировать стратегии поведения, а также многое другое. Это позволяет нам думать, что использование разработок других исследователей и применение технологического анализа к материалам многослойного комплекса среднепалеолитических памятников Хотылево I (Культурная география палеолита..., 2019. С. 34), значительно улучшит понимание этого памятника и его особенностей как мастерской-стоянки.

Список литературы

- Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. А., Вишняцкий Л. Б., Гиря Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А. Н., 2007. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.
- Колесник А. В., 2017. Кремнеобрабатывающее производство Большого Донбасса в каменном веке: Дис. ... докт. ист. наук. СПб.
- Кулаков С. А., Гиря Е. Ю., 2017. К вопросу о «зубчатых орудиях» в свете экспериментальных данных (по материалам Ахштырской пещерной стоянки, Северо-Западный Кавказ) // Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб. С. 65–77.
- Кулаков С. А., 2017. К вопросу о выделении и определении «хостинской мустьерской культуры» на Северо-Западном Кавказе // Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб. С. 77–85.
- Культурная география палеолита Восточно-Европейской равнины: от микока до эпиграветта, 2019. Путеводитель конференции – полевого семинара / Отв. ред. К. Н. Гаврилов, А. К. Очередной, М. Н. Желтова. М.
- Матюхин А. Е., 1994. Палеолитические мастерские в бассейне нижнего Дона // Археологические вести. Вып. 4. С. 25–37.
- Матюхин А. Е., 2012. Бирючья балка 2: Многослойный палеолитический памятник в бассейне Нижнего Дона. СПб.

Палеолитические комплексы южной галереи Денисовой пещеры

Михиенко В. А.

*(Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск)
volnavvv@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-151-153

Денисова пещера – это опорный памятник для изучения палеолита Алтая, древнейший в регионе после стоянки Карамы. Объект состоит из предвходовой площадки, центрального зала, восточной и южной галерей, в которых в разные годы проводились комплексные археологические исследования. Стратиграфические разрезы на разных участках коррелируются между собой несмотря на то, что имеют ряд различий, связанных с особенностями осадконакопления на памятнике (Природная среда..., 2003).

С 2017 года археологические работы ведутся в южной галерее пещеры (Деревянко и др., 2017). Исследования здесь уже проводились ранее с 1999 по 2004 г., в результате чего были обнаружены археологические материалы от эпохи среднего палеолита до развитого Средневековья (Деревянко и др., 1999, 2000).

Среднепалеолитический пласт иллюстрируют отложения слоев 22–19, 14 и 12. Первоначальный этап заселения человеком пещеры отражают каменные индустрии из слоев 22 и 21. Технологию первичного расщепления этого периода характеризуют преимущественно ядрища радиального принципа раскалывания. Изделия с вторичной обработкой включают зубчатые, выемчатые и шиповидные формы различных модификаций, скребла, а также вентрально утонченные и базально тронкированные сколы (Шуньков и др., 2019а, 2019б).

Слои 20, 19, 14 и 12 имеют схожие характеристики, отражают единый развитый среднепалеолитический комплекс. Первичное расщепление характеризуется радиальными, параллельными плоскостными и представленными в небольшом количестве леваллуазскими ядрищами. Орудийный набор в целом повторяет формы из нижележащих отложений. В то же время появляются леваллуазские острия, а также верхнепалеолитические орудия.

Верхнепалеолитический комплекс южной галереи представлен слоями 9 и 11. Каменная индустрия данного комплекса характеризуется утилизацией радиальных, параллельных и подпризматических форм. Орудийные формы отражают сочетание среднепалеолитических и верхнепалеолитических типов. Наиболее яркие верхнепалеолитические формы: угловые многофасеточные резцы, тронкированно-фасетированные изделия, концевые скребки различных модификаций, три удлиненных листовидных фрагмента и два целых бифаса из слоя 11, концевой скребок высокой формы на пластине, пластинки с притупленным краем, проколка на пластинке, фрагментированный листовидный и два плоско-выпуклых бифаса из слоя 9 (Деревянко и др., 2017, 2018).

В коллекции находок из южной галереи встречаются и костяные орудия. Впервые в результате исследований 2017 и 2018 г. в комплексах среднего и начальной стадии верхнего палеолита были выявлены слабо модифицированные орудия. В слое 11 было обнаружено 6 посредников, ретушер и костяное скребло. В результате раскопок 2019 г. коллекция орудий пополнилась костяными ретушерами. Все орудия были обнаружены в отложениях среднепалеолитического слоя 12 (17 шт.): 9 целых и 8 фрагментированных форм (Боманн и др., 2017, 2018; Козликин и др., 2019).

Дополняют коллекцию предметы неутилитарного назначения из слоя 11, выполненные из зубов и трубчатых костей животных, бивня мамонта, раковин моллюсков, а также на мягком поделочном камне. Всего в южной галерее обнаружено около 57 подобных изделий, среди которых: костяная игла, наконечники, лопаточка, ложило, шилья, изделие с пазом, браслет, кольца, бусины, подвески, пронизки, фрагменты кости с орнаментом, фрагменты диадемы, а также зооморфная скульптура (Деревянко и др., 2018).

Список литературы

- Боманн М., Козликин М. Б., Плиссон Х., Шуньков М. В., 2017. Слабо модифицированные костяные орудия раннего верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. С. 50–54.
- Боманн М., Федорченко А. Ю., Козликин М. Б., Плиссон Х., Шуньков М. В., 2018. Костяные орудия среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIV. С. 32–36.
- Деревянко А. П., Молодин В. И., Шуньков М. В., Анойкин А. А., 1999. Археологическое изучение голоценовых слоев Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. С. 348–353.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Анойкин А. А., Ульянов В. А., 2000. Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VI. С. 93–98.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б., Федорченко А. Ю., Чеха А. М., Шалагина А. В., 2017. Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса в южной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. С. 103–107.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б., Федорченко А. Ю., Чеха А. М., Михиенко В. А., 2018. Новые данные по каменным инструментам среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIV. С. 82–86.
- Козликин М. Б., Михиенко В. А., Францева Е. А., Шуньков М. В., 2019. Костяные ретушеры из Денисовой пещеры: новые материалы // Теория и практика археологических исследований. № 4. С. 7–14.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К., Барышников Г. Ф., Малаева Е. М., Ульянов В. А., Кулик Н. А., Постнов А. В., Анойкин А. А., 2003. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск.
- Шуньков М. В., Козликин М. Б., Федорченко А. Ю., Михиенко В. А., Чеха А. М., Чеха А. Н., 2019а. Каменные инструменты среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры: материалы 2019 года. Т. XXV. С. 299–305.
- Шуньков М. В., Козликин М. Б., Михиенко В. А., 2019б. Каменные инструменты среднего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры: материалы раскопок 2003 года // Теория и практика археологических исследований. № 1. С. 51–59.

Орнитоморфная скульптура как археологический источник (по материалам палеолитической стоянки Мальта)¹

Панкина А. И.

*(Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск)
pankina1995b@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-154-156

Изучение первобытного искусства непосредственно связано с проблемами развития культуры человека современного типа, происхождения языка, а также реконструкции социальной и духовной жизни в каменном веке. В современной методике исследования палеоискусства разработаны строгие теоретические и практические подходы, позволяющие избежать «защорения» древнейшего материала современным прочтением.

Изображение животного является одной из центральных тем искусства верхнего палеолита, представленной как в наскальной живописи, так и в мобильной пластике. Если говорить о территории Сибири, то здесь наиболее распространенным вариантом изображения животных становится именно мобильная скульптура. Коллекция позднепалеолитической мальтинской культуры (Прибайкалье, Северная Евразия) представляет серию изображений птиц (21 экземпляр).

Многочисленные исследования мальтино-буретской орнитоморфной пластики, анализ семантики образа птицы, как правило, строятся на проведении этнографических параллелей. Одной из версий является трактовка скульптур как личных амулетов, используемых как подвески и имеющих непосредственную связь с солярной и небесной символикой (Формозов, 1980. С. 73–78; Шмидт, 2006. С. 58–61).

Современные исследования с применением технологического и трасологического анализов, изучение археологического контекста расположения скульптур, стилистический анализ и определение видов животных методом биологической классификации позволили по-новому подойти к вопросу интерпретации изображений птиц.

Коллекция орнитоморфной пластики мальтино-буретской культуры делится на две группы: серийные изделия с идентичными морфологическими, технологическими и стилистическими особенностями и индивидуальными изделиями, отличными по морфологии, технологии производства и детализации. Согласно технологическому анализу, эти две группы имели в своей основе разные типы заготовки: серийные изделия выполнены

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФ № 18-78-10079 «Разработка технологий и информационной системы документирования и научного обмена археологическими данными».

на отщепах и пластинах, индивидуальные – на заготовках типа бруска. Производство заготовки определенного типа не имело случайного характера и представляло собой стандартизированный технологический процесс (Lbova, Volkov, 2015. P. 20).

В коллекции встречаются изделия разной степени завершенности: от предметов с признаками «полной завершенности» (оформлены детали, отверстие для подвешивания, шлифовка и перекрывающая ее полировка) до грубых заготовок с едва намеченными основными деталями и с отсутствием каких-либо следов использования. Встречаются изделия с признаками не доведенной до завершенного состояния скульптуры (ГЭ, инв. № 370–743) (Информационная система «Искусство Мальты»): основные детали выполнены и имеют определенную форму (голова: конусовидная, ромбовидная, овальная; хвостовая часть: овальная, круглая, трапециевидная), однако отсутствуют второстепенные детали (ножки), наличие керна в хвостовой части (первоначальный этап подготовки углубления для последующего создания отверстия).

Изделия имеют разные признаки утилизации: например, у морфологически завершенного изделия (ГИМ, инв. № 1820–194) отсутствуют следы подвешивания или контакта с мягким органическим материалом. С другой стороны, в коллекции есть изделие с обломанным отверстием, которое использовалось и после поломки (ГИМ, инв. № 1822–624) (Информационная система «Искусство Мальты»).

Согласно методу палеобиологической классификации, наличие стилистических особенностей (различное соотношение длины шеи к туловищу) у идентичных морфологически и технологически скульптур могут указывать на принадлежность изображенных птиц к разным видам водоплавающих (лебеди, утиные, гагаровые). Палеоорнитологические исследования подтверждают проживание данных видов в позднем плейстоцене на территории Приангарья находками остеологических материалов на многочисленных сибирских памятниках (Мартынович, 2006. С. 11–13).

Вероятная многовариативность использования фигурок подтверждается особенностями распределения находок по памятнику. Скульптуры птиц встречаются в разных жилищно-бытовых ситуациях: в погребении детей, в свободной зоне (Песцовая площадка), в жилищах и в отдельных конструкциях (Липнина, 2002. С. 182–184).

Таким образом, отмеченные особенности технологического производства, следов использования, расположения скульптур на памятнике, особенности стилистики и биологической принадлежности позволяют сделать несколько выводов относительно их смыслового характера. В первую очередь, доказано отсутствие случайности в производстве тех или иных изделий, жестко обусловленных стандартом производства. Во-вторых,

можно констатировать наличие у носителей мальтино-буретской культуры потребности в повторении изображений птиц определенной формы (вероятно, разных биологических видов). Имеются достаточные основания выделять несколько вариантов использования орнитоморфных скульптур, что позволяет предположить и наличие разных смысловых нагрузок.

Список литературы

- Информационная система «Искусство Мальты». [Электронный ресурс] URL: <http://malta.artemiris.org> (Дата обращения: 14.02.20).
- Липнина Е. А., 2002. Мальтинское местонахождение палеолитических культур: современное состояние изученности и перспективы исследования. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Мартынович Н. В., 2006. Позднечетвертичные птицы из пещерных местонахождений Южной Сибири (Алтае-Саянская горная страна). Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.
- Шмидт И. В., 2006. Изобразительное творчество в палеолите Северной Азии: методики интерпретаций (историографический аспект): Дис ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Формозов А. А., 1980. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.
- Lbova L., Volkov P., 2016. Processing Technology for the Objects of Mobile Art in the Upper Paleolithic of Siberia (the Malta Site) // Quaternary International. Vol. 403. P. 16–22.

Коллекция А. И. Кельсиева как источник по изучению стоянки Костёнки 1

Пахомов Р. В.

*(Воронежский государственный университет, г. Воронеж)
romapachomov77@yandex.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-156-158

Среди памятников эпохи верхнего палеолита особое место занимает стоянка Костёнки 1, с которой началось изучение Костёнковско-Борщевского района. Первые сведения о ней связаны с именем И. С. Полякова (Рогачев, 1957. С. 10–11), но немалую роль в их конкретизации сыграл хранитель Политехнического музея А. И. Кельсиев, проведший раскопки в Костенках с 9 по 17 августа 1881 г. с целью пополнения палеолитических коллекций музея (Кельсиев, 1883. С. 158). Им было заложено 7 раскопов, в 4 из которых обнаружены находки из камня и кости. В общей сложности количество кремневых изделий со следами «целесообразной отделки», включая различные сколы («обивки»), составило около 510 предметов

(Кельсиев, 1883. С. 163, 168). Все они, по мнению ученого, содержали признаки палеолитической эпохи (Кельсиев, 1883. С. 170). Эта коллекция кремневых находок и стала предметом нашего исследования.

Первоначальная ее классификация, предложенная А. И. Кельсиевым в соответствии с работами И. С. Полякова и зарубежных ученых-археологов, включала следующие формы: ядрища, «осколки, обивки (простой кремневый щебень, получавшийся от раскалывания желваков), орудия (ножи), скребки, острия (длинные, тонкие, прямые, иногда искривленные осколки), а также булыжные голыши» (Кельсиев, 1883. С. 170–174). При этом, в отличие от И. С. Полякова, он не выделял в отдельную форму наконечники (Кельсиев, 1883. С. 170). В целом данная коллекция, по мнению ученого, отражала собирательский характер хозяйственной деятельности палеолитических людей (Кельсиев, 1883. С. 177).

Начало XX в. стало периодом многочисленных открытий палеолитических стоянок на территории Европы (Ла Ферраси в Дордони, грота Ментоны и др.). Сопоставив данные, полученные из них, с костёнковскими материалами, П. П. Ефименко предложил новую типологию каменной индустрии Костёнок 1. Ему удалось выделить такие основные формы каменных изделий, как пластинки, скребки обыкновенные и вогнутые, проколки, пластинки с оббитым концом, микролитические формы, резцы, острия, отбойники и нуклеусы (Ефименко, 1915. С. 19–22). При этом он указывал, что они грубее и массивнее европейских аналогов.

В настоящее время коллекция А. И. Кельсиева хранится в фондах отдела археологических памятников Главного исторического музея (далее – ГИМ) под описью А132. Всего предметов в ней содержится 485. Еще А. И. Кельсиев и П. П. Ефименко осветили подробно вопрос, касающийся материала. Основным являлся черный меловой кремь; шесть изделий были созданы из цветного; десять оказались кварцевые. Кремни коллекции в большинстве своем патинизированы, и лишь местами, в виде более темных пятен, проглядывался натуральный цвет (Ефименко, 1915. С. 18). Значительная часть предметов помимо патины была покрыта коркой. В качестве основных заготовок для орудий послужили пластины, их фрагменты и отщепы. Приемы вторичной обработки включали в себя различные виды ретуши и сколы.

Говоря о роли данной коллекции, можно согласиться с оценкой А. И. Кельсиева, что она, наравне с находками 1873 г. у Гонцов, Карачарова и материалами И. С. Полякова, составила не только самые первые археологические предметы палеолитической эпохи, но и первоначальные свидетельства о хозяйственной деятельности человека на территории Восточно-Европейской равнины (Кельсиев, 1883. С. 174). Кроме того, предметы данной коллекции отразили особенности каменной индустрии,

существовавшей на данной территории, что позволило П. П. Ефименко и Г. Шмидту говорить о возможной датировке памятника (Ефименко, 1915. С. 24–25).

Непосредственная работа с коллекцией позволила прийти к заключению, что коллекция А. И. Кельсиева хорошо вписывается в контекст костёнковско-авдеевской культуры. Все характерные для нее орудия, а именно наконечники с боковой выемкой, ножи костёнковского типа, пластинки с притупленным краем, а также остря, резцы, изделия с резцовым сколом и ретушью, орудия с подтеской (некоторые близки к долотовидным изделиям) там присутствуют. Вместе с этим данные изделия являются ценным источником для более полного освещения сторон материальной культуры верхнего слоя Костёнок I.

Список литературы

- Ефименко П. П., 1915. Костёнковская палеолитическая стоянка // Ежегодник Русского антропологического общества. №5. С. 13–26.
- Кельсиев А. И., 1883. Палеолитические кухонные остатки в с. Костёнках Воронежского уезда // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. 9, № 2, 3. С. 154–180.
- Рогачев А. Н., 1957. Многослойные стоянки Костёнковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. Вып. 59. М., Л. С. 9–134.

Коллекция орнаментированных дисков и пластин в контексте концепции престижных технологий

Ростяженко Т. Е.

*(Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск)
miss.oldman2017@yandex.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-158-160

Теоретические основы роли обмена и престижной экономики в архаических обществах были заложены рядом трудов известных социологов и экономистов XIX–XX вв.: Торстейна Веблена, Франса Боаса, Бронислава Малиновского, Марсея Мосса и Маршалла Саллинза (Веблен, 1984; Боас, 1926; Малиновский, 2004; Мосс, 1996; Саллинз, 1999). Основоположником концепции престижных технологий считается канадский антрополог Брайан Хейден (Лбова, Табарев, 2010).

В то время как цель практических технологий – выполнение практических задач, престижные технологии нацелены на демонстрацию богатства, успеха, силы. Их цель состоит в выполнении одной из со-

циальных задач, таких как привлечение новых людей в группу, дополнительной рабочей силы и союзников, а также объединение членов социальных групп через проявления успеха (Hayden, 1998). Основная цель престижных технологий заключается в том, чтобы максимально использовать дополнительный труд для создания предметов, которые будут привлекать людей к тому, кто ими обладает, из-за восхищения его экономическими, эстетическими, техническими или другими качествами (Owens, Hayden, 1997). Разумное использование этого дополнительного труда для создания большего количества предметов могло бы значительно повысить их привлекательность (и их владельцев) для других. Объекты, которые становятся таковыми, становятся привлекательными для других людей, и те начинают хотеть их (нередко для того, чтобы использовать их только для собственного удовольствия или самоуважения, а не для публичного экспонирования) (Hayden, 1998). Однако большинство престижных объектов хранятся для их демонстрации на периодических важных событиях. В то же время некоторые предметы могут быть использованы для ежедневного обмена. Также существует важный подкласс предметов престижа, предназначенных исключительно для их уничтожения или для безвозвратной потери при первом и единственном использовании (Owens, Hayden, 1997).

Материалы эталонного местонахождения Мальта являются одним из классических примеров археологии позднего палеолита Сибири (Герасимов, 1931; Каменный век..., 2001). Изделия из кости, бивня, рога и поделочного камня включают коллекцию дисков и пластин, которые можно выделить в особую группу. Она представлена семью орнаментированными предметами, которые можно классифицировать по типу заготовки, форме и характеру элементов орнамента (зигзаги, «ямки», С-образные знаки). Предметы хранятся в трех крупнейших музеях страны: Государственном Эрмитаже, Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого и Государственном историческом музее.

По типу заготовки предметы делятся на бруски – 2 экз., отщепы – 1 экз. и пластины – 3 экз. При этом на все предметы, кроме Большой Мальтинской пластины, орнамент нанесен исключительно на лицевую сторону.

В коллекции выделяется три формы пластин, дисков и стержней: подпрямоугольная со сглаженными углами – 2 экз., подквадратная – 3 экз., подовальная – 1 экз. В первую группу входит Большая Мальтинская пластина, покрытая с одной стороны спиральями, составленными из рядов лунок, и крупная пластина с пятью рядами С-образных знаков на лицевой стороне. Группа предметов подквадратной формы включает три диска. Первые два имеют схожий зигзагообразный орнамент, третий диск

покрыт двумя рядами С-образных элементов, дополненных «ямками». Подовальная форма характеризуется одним диском, с лицевой стороны покрытым С-образными знаками и отдаленно напоминающим ракушку.

Существует две наиболее обоснованные точки зрения по поводу интерпретации данных предметов. М. М. Герасимов рассматривал мальтинские диски как предметы-украшения (Герасимов, 1931). В. Е. Ларичев считал, что орнаменты на мальтинских пластинах служат счетной календарно-астрономической системой (Ларичев, 1986).

Таким образом, мальтинские диски и пластины можно отнести как минимум к трем индикаторам престижных технологий в археологических контекстах: украшения, выполненные с особым искусством, предметы из богатых погребений и счетные приспособления. Технологический анализ показывает, что на производство предметов были затрачены значительные временные и трудовые ресурсы. Мальтинские диски выполнены стилистически однородно и систематично, демонстрируют устойчивые способы декорирования. Формы, размеры и типы орнаментации позволяют сделать предположение о том, что мальтинские диски и пластины предназначаются для определенной группы людей или слоя общества, а значит являются предметами престижного характера.

Список литературы

- Боас Ф., 1926. Ум первобытного человека. М.; Л.
- Веблен Т., 1984. Теория праздного класса: экономическое исследование институций. М.
- Герасимов М. М., 1931. Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные): результаты работ 1928/29 г. Иркутск.
- Ларичев В. Е., 1986. Мальтинская пластина из бивня мамонта. Новосибирск.
- Лбова Л. В., Табаров А. В., 2010. Культура, искусство, ритуал. Происхождение и ранние этапы. Новосибирск.
- Малиновский Б., 2004. Аргонавты западной части Тихого океана. М.
- Мосс М., 1996. Общества, обмен, личность. М.
- Салинз М., 1999. Экономика каменного века. М.
- Hayden B., 1998. Practical and Prestige Technologies: The Evolution of Material Systems // *Journal of Archaeological Method and Theory*. Vol. 5, №. 1. P. 1–55.
- Owens D., Hayden B., 1997. Prehistoric Rites of Passage: A Comparative Study of Transegalitarian Hunter-Gatherers // *Journal of Anthropological Archaeology*. Vol. 16. P. 121–161.

Опыт функционального исследования ударно-абразивных орудий палеолитических комплексов Горного Алтая¹

Селецкий М. В., Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е.

*(Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск)
archmax95@gmail.com*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-161-164

Ударно-абразивные орудия составляют разнообразную по облику категорию артефактов, используемых для совершения операций по расщеплению, шлифованию, дроблению, измельчению или перетиранию минерального и органического сырья – отбойники, ретушеры, наковальни, абразивы, терочки, песты и т. д. Подобные предметы обычно не имеют следов преднамеренного видоизменения поверхности, но располагают признаками износа, возникшего в результате утилизации (Beaune, 1989; Степанова, 2015). В последние годы данной категории каменного инвентаря уделяется все большее внимания в контексте изучения древних технологий верхнего и среднего палеолита Горного Алтая (Славинский и др., 2017; Козликин и др., 2019).

Предлагаемое исследование было направлено на выявление и функциональный анализ ударно-абразивных инструментов ($n = 51$) в комплексах среднего и верхнего палеолита опорных памятников Денисова пещера (слои 12–15 восточной галереи – $203 \pm 14 - 120 \pm 11$ кал. тыс. л. н.; слои 11.1 и 9 восточной галереи – 50–29 кал. тыс. л. н.), Чагырская пещера (слои 6в1/1, 6в2/1, 6в2/2 – 59–49 кал. тыс. л. н.), Кара-Бом (культурный горизонт ВП2 – 47 кал. тыс. л. н.). Определение функций артефактов базировалось на данных экспериментов, трасологического анализа и 3D-моделирования. Изучение следов утилизации проводилось при помощи микроскопа Альтами СМ0745-Т с увеличением $\times 7 - \times 45$. Для трехмерного моделирования использовался сканер структурированного подсвета «RangeVision Pro 5m», сведение и редактирование моделей осуществлялось в программах ScanCentre, RangeVision ScanMerge и GeoMagic.

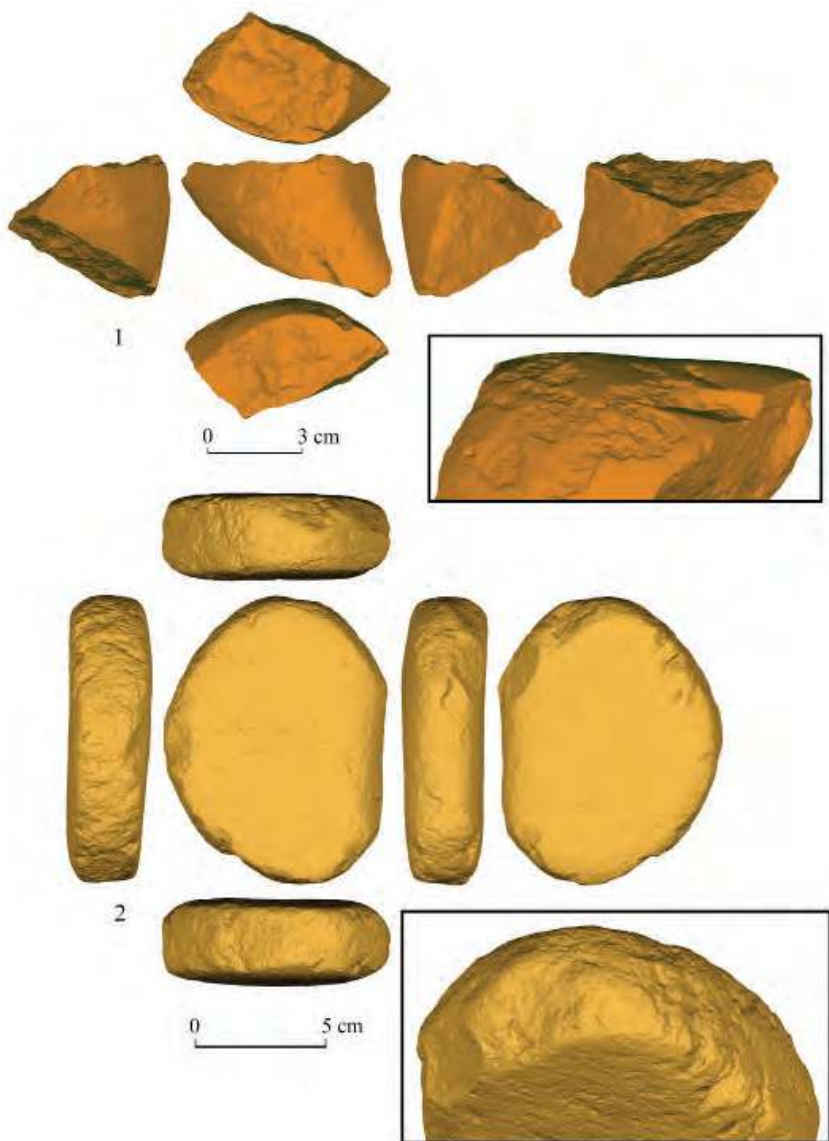
В результате анализа в коллекции среднепалеолитических комплексов восточной галереи Денисовой пещеры было выявлено 17 ударно-абразивных инструментов из галек крупнозернистых песчаников, гранита, жильного кварца и афировых эффузивов: ретушеры ($n = 12$), отбойники для расщепления камня ($n = 4$) и кости ($n = 1$). Для ретушеров характерна одна вытянутая подпрямоугольная (75 %), реже – две или три широкие / узкие

¹ Экспериментально-трасологическое исследование ударно-абразивных орудий проведено при финансовой поддержке проекта РФФИ № 18-09-40100, 3D-моделирование артефактов выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00041.

овальные рабочие зоны со следами слабой забитости, выкрошенности, удлиненными выбоинами округлой формы и линейными следами (рис. 1: 1). На торцах отбойников прослежены узкие овальные (75 %) или широкие вытянутые подпрямоугольные (25 %) рабочие поверхности со следами интенсивной забитости, выкрошенности, глубокими округлыми выбоинами и выщерблинами, а также негативами одиночных крупных сколов. Слабая забитость, сглаженность поверхности и линейные следы, заходящие на прилегающие ребра, характерны для подпрямоугольной рабочей зоны отбойника для расщепления кости; выбоины и выщерблины на этом орудии не выявлены (Селецкий и др., 2019).

В коллекции Чагырской пещеры было выявлено 20 ударно-абразивных орудий из галек мелкозернистого песчаника и гранита сильной окатанности: ретушеры ($n = 17$) и отбойники ($n = 3$). Для ретушеров характерна одна вытянутая подпрямоугольная (76,5 %) или три узких овальных по форме (23,5 %) рабочих зоны со следами округлых выбоин и выщерблин. На широком вытянутом подпрямоугольном (66,7 %) или узком овальном (33,3 %) рабочих участках отбойников зафиксированы следы сильной забитости, выкрошенности, а также глубокие округлые выбоины, сопровождаемые одним или несколькими негативами крупных утилизационных сколов.

В результате исследования выборки из 11 ударно-абразивных орудий горизонта ВП2 стоянки Кара-Бом были выделены терочники ($n = 4$), ретушеры ($n = 3$), отбойники ($n = 2$) и песты ($n = 2$). В качестве орудий использовались гальки тонкозернистых осадочных и среднезернистых магматических пород с массивной текстурой, высокой степени окатанности. Терочники обладают уплощенными рабочими зонами подпрямоугольной формы со следами сильной сглаженности, редкими негативами мелких сколов, при практически полном отсутствии выщерблин и выбоин. На отдельных участках этих орудий прослежены следы естественного выкрашивания породы по слоистости, напоминающие линейные зарубки или забитость (рис. 1: 2). Линейные следы расположены на узких сторонах терочников, ориентированы параллельно, что указывает на возвратно-поступательную кинематику; на широких сторонах орудий следы утилизации отсутствуют. Для пестов характерны рабочие поверхности с признаками слабой забитости на сглаженной вершине гальки и линейными следами, которые распространяются от нее к прилегающим поверхностям. В зоне глубоких округлых выбоин и выщерблин отмечены негативы сколов, возникших в результате прямых ударов. При увеличении $\times 10$ – $\times 40$ на рабочих участках пестов и терочников прослежены мельчайшие частицы минерального пигмента красного цвета. Выявленные ретушеры и отбойники стоянки Кара-Бом обладают комплексом следов утилизации, которые в целом соответствует признакам износа на орудиях этих типов с других алтайских стоянок.

*Рис. 1. Ударно-абразивные орудия палеолитических комплексов Алтая:
 1 – ретушер для производства каменных орудий (Денисова пещера,
 восточная галерея, слой 14); 2 – терочник для обработки минерального сырья
 (Кара-Бом, культ. гор. ВП2)*

При анализе коллекций из верхнепалеолитических слоев восточной галереи Денисовой пещеры были зафиксированы ретушеры ($n = 2$) и отбойники ($n = 1$) из галек крупнозернистого песчаника сильной окатанности. Выявленные ретушеры обладают одной широкой подпрямоугольной или тремя узкими овальными рабочими зонами со следами слабой забитости, выбоинами и выщерблинами овальной формы, а также единичными негативами крупных сколов, при отсутствии признаков выкрошенности и линейных следов. На узкой овальной рабочей поверхности отбойника прослежены следы сильной забитости и выкрошенности, которые сочетаются с двумя негативами крупных сколов.

В результате проведенного исследования были получены новые данные о типах и функциональном назначении каменных ударно-абразивных орудий верхнего и среднего палеолита Горного Алтая. Установлено, что немодифицированные каменные артефакты в изученных комплексах среднего палеолита Алтая представлены, преимущественно, ретушерами и отбойниками. В контексте индустрии верхнего палеолита стоянки Кара-Бом были выявлены терочники и песты, что позволяет более полно раскрыть технологический контекст производства минеральных пигментов. Во всех рассматриваемых случаях для ударно-абразивных инструментов использовались гальки из ближайших к стоянкам аллювиальных источников (рр. Ануй, Урсул и Чарыш).

Список литературы

- Козликин М. Б., Михиенко В. А., Францева Е. А., Шуньков М. В., 2019. Костяные ретушеры из Денисовой пещеры: новые материалы // Теория и практика археологических исследований. № 4. С. 7–14.
- Селецкий М. В., Колясникова А. С., Харевич В. М., Колобова К. А., 2019. Экспериментальное моделирование расщепления кости по материалам сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 25. С. 238–244.
- Славинский В. С., Рыбин Е. П., Белоусова Н. Е., Федорченко А. Ю., Хаценович А. М., Анойкин А. А., 2017. Специфический способ подготовки зоны расщепления нуклеусов в начальном верхнем палеолите Южной Сибири и Центральной Азии // Stratum Plus. № 1. С. 221–244.
- Степанова К. Н., 2015. Классификация ударно-абразивных орудий верхнего палеолита (по материалам стоянок Русской равнины) // Записки ИИМК. № 11. С. 7–21.
- Beaune S. A., 1989. Essai d'une classification typologique des galets et plaquettes utilisés au Paléolithique // Gallia Préhistoire. Т. 31. Р. 27–64.

Предварительные результаты функционального анализа скребковых орудий слоя 5 «низ» памятника

Дам-Дам-Чешме-2 (мезолит, Восточный Прикаспий)¹

Селецкий М. В., Шнайдер С. В., Алишер кызы С.

(Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск)

archmax95@gmail.com

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-165-168

Территория Восточного Прикаспия занимает ключевое место для понимания миграции древних популяций с территории Ближнего Востока в Центральную Азию. Одним из наиболее значимых памятников здесь является многослойная стоянка Дам-Дам-Чешме-2, где представлены культурные слои от эпохи мезолита до бронзового века. Грот Дам-Дам-Чешме-2 расположен близ г. Балканабат, на юго-восточном склоне горного хребта Большой Балхан, обращенного к Каспийскому морю.

На современном этапе исследований проведен детальный технико-типологический анализ мезолитических материалов Дам-Дам-Чешме-2, в результате чего была пересмотрена их атрибуция. Согласно новым данным, индустрия этой стоянки может быть отнесена к единому кругу археологических комплексов с геометрическими микролитами Среднего Востока и Памиро-Алая. Также была реконструирована технология расщепления и высказано предположение, что грот использовался в качестве кратковременного лагеря для обработки охотничьей добычи (Алишер кызы и др., 2020). С целью верификации последнего тезиса нами был проведен функциональный анализ скребков слоя 5 «низ» изучаемого памятника.

Данное исследование базировалось на данных экспериментально-трасологического анализа, в основе которого лежит изучение следов износа и обработки на поверхности древних артефактов (Семёнов, 1957; Семёнов, Коробкова, 1983; Волков, 1999; Федорченко, 2016). Исследование скребков на макроуровне ($\times 8$ – $\times 40$) осуществлялось при помощи микроскопа Альтами СМ0745-Т с косым освещением, на микроуровне – посредством металлографического микроскопа Olympus ВНМ ($\times 40$ – $\times 500$). Лабораторные изыскания дополнялись моделированием процессов обработки шкур, кости и дерева при помощи экспериментально воссозданных орудий и сколов из кремня, что позволило дополнить коллекцию эталонов ИАЭТ СО РАН.

¹ Экспериментально-трасологическое исследование проведено при финансовой поддержке проекта РФФИ № 20-39-70020.

Большую часть каменных орудий слоя 5 «низ» грота Дам-Дам-Чешме-2 составляют скребки (60 экз.; 20 %). Описание скребков проведено в соответствии с типологическим определением, предложенным для концевых скребков туткаульской линии развития каменных индустрий финального плейстоцена – раннего голоцена Памиро-Алая (Шнайдер, 2015). Скребоквые орудия подразделяются на следующие категории: скребки концевые с узким выпуклым лезвием (14 экз.), скребки с узким лезвием (13 экз.), скребки с прямым лезвием (2 экз.); скребки с ретушью на 3/4 периметра (4 экз.); боковой скребок; двойной скребок; микроскребки (23 экз.) и вентральные скребки (2 экз.). Скребки оформлялись в основном на отщепах (37 экз.), медиально-дистальных частях пластин (16 экз.) и технических сколах (7 экз.).

Проведенный трасологический анализ показал, что для обработки шкур и кожи (40 экз.; 66,6 %) использовались скребки разных форм и размеров, но, преимущественно, использовались изделия с выпуклым краем (скребки с узким выпуклым краем). На рабочих поверхностях изделий наблюдаются (рис. 1): тусклая заполировка; линейные следы, направленные перпендикулярно краю; сглаженность и истертость края.

Для скобления кости (8 экз.; 13,2 %) применялись в основном скребки с прямым лезвием (микроскребки, скребки с прямым лезвием, вентральные скребки), на которых обнаружены следы яркой заполировки и многоступенчатая перпендикулярно направленная выкрошенность.

Скобление дерева (2 экз.; 3,4 %) осуществлялось концевым скребком с узким выпуклым лезвием и микроскребом, на которых наблюдаются: менее яркая заполировка, по сравнению с костью; бессистемные перпендикулярно направленные крупные фасетки выкрошенности.

Для резания свежей кости (1 экз.; 1,7 %) использовался концевой скребок с прямым лезвием, где обнаружены: яркая заполировка, наблюдаемая только на кромке лезвия; однонаправленные мелкие фасетки и линейные следы, направленные параллельно краю.

В качестве проколки для обработки шкуры или кожи (1 экз.; 1,7 %) применялся микроскребок с узким лезвием, где ретушь придавала рабочему краю конвергентную форму, на котором фиксируются: слом в ходе утилизации, тусклая заполировка и сглаженность ребер, прилегающих к краю; мелкие однонаправленные фасетки выкрошенности (рис. 1).

Для резания мяса (1 экз.; 1,7 %) использовался концевой скребок с широким слабовыпуклым лезвием, на котором зафиксированы: мелкие фасетки выкрошенности; тусклая заполировка, распространяющаяся за пределы кромки затупленного лезвия.

К категории функционально неопределимых (7 экз.; 11,7 %) отнесены три концевых скребка и четыре микроскребка, по причине повреждения и/или слома рабочего края.

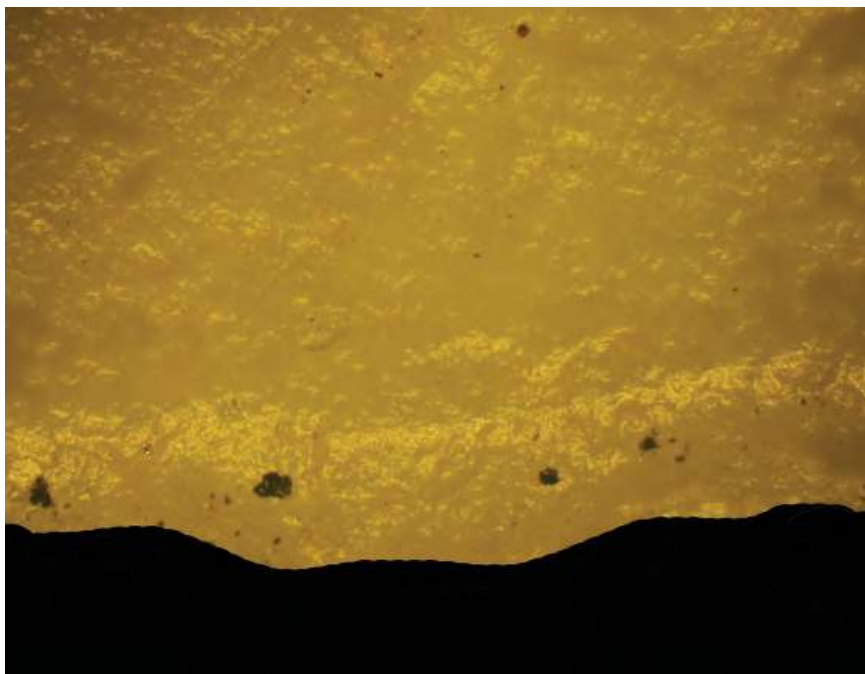

Рис. 1. Концевой скребок со следами от скобления шкуры/кожи (№ 464, стоянка Дам-Дам-Чешме-2, слой 5 «низ»). Увеличение 200 крат. Olympus BHM + Canon EOS 5D mark IV + Helicon Focus. (Фото автора)

В результате проведенного исследования было установлено, что основной функцией скребковых орудий выступала выделка шкур. Значительно реже орудия со скребковой морфологией использовались для скобления кости и дерева, резания дерева, обработки мяса и прокалывания шкур животных. Прослежена тенденция использования выпуклого рабочего края скребковых орудий для скобления шкур, прямого края – для обработки кости, дерева и резания мяса. Учитывая значительную долю импортированных орудий в комплексах и малое количество нуклеусов, мы предполагаем, что данный грот использовался как кратковременный охотничий лагерь для обработки добычи.

Список литературы

Алишер кызы С., Шнайдер С. В., Колобова К. А., Кривошапкин А. И., 2020.
Новые данные по мезолиту Восточного Прикаспия: каменная индустрия

- грота Дам-Дам-Чешме-2 (по материалам раскопок А. П. Окладникова) // *Stratum plus*. № 1. С. 257–278.
- Марков Г. Е., 1966. Грот Дам-Дам-Чешме-2 в Восточном Прикаспии // *СА*. № 2. С. 104–125.
- Окладников А. П., 1949. Изучение древнейших археологических памятников Туркмении // *КСИИМК*. Вып. 28. С. 67–71.
- Окладников А. П., 1953. Изучение памятников каменного века в Туркмении (по данным работ IX отряда ЮТАКЭ в 1952 г.) // *Известия АН ТССР*. Вып. 2. С. 3–22.
- Семёнов С. А., 1957. Первобытная техника // *МИА*. № 54.
- Семёнов С. А., Коробкова Г. Ф., 1983. Технология древнейших производств. Л.
- Федорченко А. Ю., 2016. Экспериментально-трасологическое исследование скребков поздней ушковской культуры (Центральная Камчатка) // *КСИА*. Вып. 243. С. 16–32.
- Шнайдер С. В., 2015. Туткаульская линия развития в мезолите западной части Центральной Азии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Источниковедческая информативность продуктов микропластинчатого расщепления позднего верхнего палеолита–неолита Северной Азии¹

Уланов А. А.

(Научно-исследовательская лаборатория археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, г. Иркутск)

ulanov.alexandr1998@gmail.com

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-168-171

Проблематика микропластинчатого расщепления, как одна из важнейших составляющих комплексов финального верхнего палеолита–неолита, находится в фокусе исследования каменного века Северной Азии с начала XX в. Б. Э. Петри в качестве критериев выделения неолита выделял в том числе «нуклеусы-скребки» и микропластины (Савельев, 1991). В диссертации В. А. Лынши вкладышевая техника фигурирует как критерий выделения мезолита (Лынша, 1980). В периодизационной схеме, разработанной Ю. А. Мочановым и С. А. Федосеевой (верхний палеолит–бронзовый век) морфотипологическая характеристика микронуклеусов является одним из признаков, характеризующих культуры–этапы. При этом микропластинчатое расщепление не являлось ведущим признаком

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-78-10084.

для установления связей между культурами (Мочанов и др., 1983). В результате абсолютного датирования комплексов дюктайского и сумнагинского облика на Нижнем Витиме, доказана невалидность якутской периодизационной схемы для этого региона. Технично-типологические различия синхронных комплексов объяснялись как результат разнородного характера деятельности на стоянке, сезонности и т. д. (Инешин, Тетенькин, 2005). Микропластинчатое расщепление выступило одним из ведущих признаков типологии комплексов позднего плейстоцена – раннего голоцена на Нижнем Витиме (Тетенькин, 2018).

Изучение адаптационных стратегий и их связи с микропластинчатым расщеплением развивалось в рамках другой парадигмы – процессуальной археологии. Основной работой в этом направлении стала статья Теда Гебела (Ted Goebel) «Микропластинчатая адаптация и реколонизация Сибири в позднем верхнем плейстоцене». В работе были поставлены три вопроса: 1) когда микропластинчатые технологии впервые появились в Сибири? 2) каково их происхождение? 3) каким образом можно охарактеризовать адаптацию древнего населения в период позднего плейстоцена? Одним из выводов стала характеристика микропластинчатых индустрий, как способствующих мобильности и их взаимосвязь с охотой на средних и крупных млекопитающих (Goebel, 2002). Установление времени появления и происхождения микропластинчатых технологий в рамках этой концепции становится одним из важнейших вопросов, поскольку позволяет установить окружающие условия, вызвавшие необходимость адаптации.

Вопрос о времени возникновения микропластинчатого расщепления в Северной Азии является актуальным для исследователей, работающих в различных парадигмах (Гладышев, Табаров, 2018; Gómez Coutouly, 2018).

Изучение функций композитных орудий осуществляется как методами трасологии, так и посредством контекстуального анализа. В рамках исследования адаптивных стратегий микропластины воспринимаются в первую очередь как составная часть наконечников копий (Suzuki, 1992; Goebel, 2002). Однако отдельные исследования говорят о гораздо более широком круге функций. Существует гипотеза, основанная на контекстуальном анализе, согласно которой основной функцией микропластин в Северном Центральном Китае в раннем дриасе являлась изготовление сложных предметов одежды (Yi et al., 2013). Эти результаты интерпретируются как адаптация к холодному, ариднему климату. Для стоянки на о. Жохова на основании трасологического анализа были выделены орудия шести функций (Гиря, Питулько, 2003). Анализ следов износа на изделиях со стоянки Среднее озеро V (Западная Чукотка) позволил Н. Н. Кононенко выделить комплекс орудий на микропластинах и реберчатых сколах семи функций (Федорченко, 2019). Использование микропластин как составной части вкла-

дышевых наконечников метательного вооружения также подтверждается экспериментально-трасологическим методом (Elston, Brantingham, 2008; Wood, Fitzhugh, 2018).

Различия между тремя направлениями определяются как парадигмами, так и методами исследования. В рамках изучения региональной специфики представлены исследования, находящиеся в палеоэтнологической, культурно-типологической и эшелонированной парадигмах. В результате микронуклеусы предстают одним из типов, использующихся для характеристики культур, культур-стадий и периодов. В рамках экспериментально-трасологической парадигмы функции микропластин исследуются наряду с функциями остальных орудий и практически не обособляются от них (Гиря, Питулько, 2003; Федорченко, 2019). Таким образом, информативность микропластинчатого расщепления в рамках этих направлений не превышает информативности других категорий артефактов. Работы в рамках процессуальной парадигмы отличаются наибольшей информативностью продуктов микропластинчатого расщепления как археологических источников.

Список литературы

- Гиря Е. Ю., Питулько В. В., 2003. Предварительные результаты и перспективы новых исследований стоянки на о. Жохова: Технологическо-трасологический аспект // Естественная история российской восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. М. С. 74–84.
- Гладышев С. А., Табаров А. В., 2018. Микропластинчатое расщепление в раннем верхнем палеолите Монголии // *Stratum plus*. № 1. С. 339–351.
- Инешин Е. М., Тетенькин А. В., 2005. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме // Социогенез в Северной Азии. Иркутск. Ч. 1. С. 96–104.
- Лынша В. А., 1980. Мезолит юга Средней Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А., Алексеев А. Н., Козлов В. И., Кочмар Н. Н., Щербакова Н. М., 1983. Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олекмы. Новосибирск.
- Савельев Н. А., 1991. Вклад Б. Э. Петри в изучение сибирского неолита // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск. С. 75–92.
- Тетенькин А. В., 2018. Археология позднего верхнего палеолита и мезолита Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. Барнаул. № 2. С. 182–186.
- Федорченко А. Ю., 2019. Трасологические исследования комплексов позднего плейстоцена и раннего голоцена Северо-Восточной Азии. История и современное состояние // Вестник Томского Гос. Ун-та. Томск. № 60. С. 175–185.

- Elston R. G., Brantingham P.J., 2002. Microlithic Technology in Northern Asia: A Risk-Minimizing Strategy of the Late Paleolithic and Early Holocene // Archaeological Papers of American Anthropological Association. Vol. 12, № 1. P. 103–116.
- Goebel, T., 2002. The “microblade adaptation” and recolonization of Siberia during the Late Upper Pleistocene // Archeological Papers of the American Anthropological Association. Vol. 12. P. 117–131.
- Gómez Coutouly Y. A., 2018. The emergence of pressure knapping microblade technology in Northeast Asia // Radiocarbon. Vol. 60, № 3. P. 1–35.
- Suzuki Chuji, 1992. Distributional approach to microlithic culture of Japanese Archipelago: geography, fauna, flora and population // The origin and dispersal of microblade industry in Northern Eurasia. International conference. Sapporo. P. 185–190.
- Wood J., Fitzhugh B., 2018. Wound ballistics: The prey specific implications of penetrating trauma injuries from osseous, flaked stone, and composite inset microblade projectiles during the Pleistocene/Holocene transition, Alaska U.S.A. // Journal of Archaeological Science. V. 91. P. 104–111.
- Yi M., Barton L., Morgan C., Liu D., Chen F., Zhang Y., Pei S., Guan Y., Wang H., Gao Xi., Bettingerf R. L., 2013. Microblade technology and the rise of serial specialists in north-central China // Journal of Anthropological Archaeology. Vol. 32, № 2. P. 212–223.

Неолит, энеолит и бронзовый век

Технико-технологический анализ керамики стоянки Сахтыш II¹

Андреева О. В.

*(Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара)
olgayer@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-172-174

Стоянка Сахтыш II расположена в окрестностях древнего оз. Сахтыш в Тейковском районе Ивановской области. В находках памятника представлена керамика различных эпох: верхневолжская, ямочно-гребенчатая, волосовская, сетчатая (Костылева, 1984. С. 47–49; 1994. С. 53–54).

Нами были рассмотрены образцы керамики, относящиеся к верхневолжской и волосовской культуре. Микроскопическому изучению было подвергнуто 57 образцов (венчики и орнаментированные стенки от разных сосудов) из коллекции стоянки Сахтыш II. Каждый изученный сосуд – совокупность определенных навыков труда гончара.

Исследование технологии производства посуды проводилось по методике, разработанной А. А. Бобринским и развитой Ю. Б. Цетлиным, И. Н. Васильевой, Н. П. Салугиной (Бобринский, 1978; Бобринский, Цетлин, Васильева, Салугина, 1999). В ходе изучения керамики под микроскопом выявляются следы работы гончара, представленные в изломе сосуда и на его поверхностях (Бобринский, 1999). Интерпретация технологических следов производится путем их сравнительного анализа с известными признаками приемов работы древних гончаров, а также с сериями эталонов, созданных в Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства (Васильева, Салугина, 2008. С. 156–159).

Гончарное производство имеет четкую структуру, в которую включены три стадии и двенадцать ступеней производства (Бобринский, 1999). В исследовании основной упор делается на рассмотрение первой стадии (подготовительной). В рамках данной стадии изучаются ступени: 1) отбор исходного пластичного сырья, 2) добыча исходного сырья, 3) обработка исходного сырья, 4) составление формовочных масс.

Исходным пластичным сырьем (ИПС) называются природные материалы, которые могли применяться в качестве самостоятельного пластичного сырья для изготовления посуды (Бобринский, 1999, Васильева, 2015).

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-78-10001 «Этно-культурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит-энеолит)».

С. 16–23). В изготовлении верхневолжской и волосовской керамики использовались два вида пластичного сырья: глины и илестые глины (табл. 1).

При составлении формовочной массы (ФМ) к исходному пластичному сырью добавляют различные искусственные примеси. В качестве искусственных добавок в изученной керамике были выделены следующие: шамот (Ш), органический раствор (ОР), дробленая раковина (ДР) и пухеро птицы (ПП) (табл. 1).

Таблица 1. Исходное пластичное сырье и Формовочные массы керамики стоянки Сахтыш II

ИПС +	Илистая глина в увлажненном состоянии		Глина в увлажненном состоянии		ИТОГО
	Незапесочен.	Запесоченное	Незапесочен.	Запесоченное	
Верхневолжская культура					
ОР	6	2	-	-	8 (28 %)
ОР+ДР	9	2	3	-	14 (48 %)
ОР+Ш	2	1	-	-	3 (10 %)
ОР+ДР+Ш	3	-	-	1	4 (14 %)
	20 (69 %)	5 (17 %)	3 (10 %)	1 (4 %)	29(100 %)
Волосовская культура					
ОР+ПП	6	2	-	-	8 (29 %)
ОР+ДР+ПП	20	-	-	-	20 (71 %)
	26 (93 %)	2 (7 %)	-	-	28(100 %)
ВСЕГО	46 (81 %)	7 (12 %)	3 (5 %)	1 (2 %)	57(100 %)

Гончары, изготавливавшие верхневолжскую керамику, для лепки отбирали илестую глину, посуда в 86 % (25 сосудов) случаев изготовлена из данного сырья, также преобладает посуда из незапесоченного сырья 79 % (23 сосуда).

На ступени подготовки ФМ керамики верхневолжской культуры выделено четыре традиции: 1) ОР 28 %; 2) ОР + ДР 48 %; 3) ОР + Ш 10 %; 4) ОР + ДР + Ш 14 %.

Для создания волосовской керамики использовалась исключительно илестая глина, при этом в 93 % (26 сосудов) случаев пластичная, без включений видимого песка либо с единичными песчинками.

Население волосовской культуры применяло две традиции для подготовки ФМ: 1) ОР + ПП 29 % (8 сосудов); 2) ОР + ДР + ПП 71 % (20 сосудов).

Делая вывод, можем заметить, что население стоянки Сахтыш II в разные эпохи для изготовления сырья отбирало преимущественно незапесоченную илестую глину. Сырье гончарами использовалось только

в естественном увлажненном состоянии, следов дробления в изученных образцах не было выявлено. В волосовской керамике в ФМ отсутствует примесь шамота, что может свидетельствовать об архаичности данной традиции и ее исчезновении к периоду энеолита на данной территории. При этом у волосовского населения стоянки Сахтыш II появляется традиция добавления пуха и пера водоплавающих птиц в ФМ. По мнению В. В. Сидорова, данная примесь характерна для днепровской керамической традиции, которая в результате смешения населения проявляется в волосовской керамике (Сидоров, 2012. С. 81–82).

Список литературы

- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
- Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара. С. 5–109.
- Васильева И. Н., Салугина Н. П., 1999. Экспериментальный метод в изучении древнего гончарства // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара.
- Васильева И. Н., Салугина Н. П., 2008. Некоторые итоги 18-летней работы Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале (III). М. С. 156–159.
- Васильева И. Н., 2015. О выделении видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики и их ареалах в эпоху неолита (по материалам Поволжья) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. М. С. 16–23.
- Костылева Е. Л., 1984. Остатки раннеолитической верхневолжской культуры на стоянке Сахтыш II // КСИА. № 177. С. 47–52.
- Костылева Е. Л., 1994. Раннеолитическая керамика верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 1. С. 53–57.
- Сидоров В. В., 2012. Локальные варианты волосовской культуры // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 8. С. 77–83.
- Цетлин Ю. Б., 2012. Древняя Керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.

Петроглифы Щеки – новый памятник наскального искусства в горах Восточного Саяна

Барков А. В., Матвеев В. Е.

(ООО «Научно-производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскания», г. Красноярск)

barkovalex@bk.ru, rasty05@mail.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-175-178

Летом 2018 г. отрядом ООО «НПО «АПИ» проводились разведочные работы в восточной части Курагинского административного района, расположенной в междуречье рек Кизир и Казыр (Кизир-Казырский район, далее – ККР).

В ККР включают территорию бассейнов рек Казыр и Кизир и прилегающие к ним горные массивы Восточного Саяна. В ландшафтном отношении район представляет собой горную тайгу, переходящую к западу в лесостепь. Район на западе примыкает к Минусинской котловине, с севера ограничен Канским белогорьем, с юга отделяется хребтом Ергак-Таргак-Тайга и его отрогами от Тоджинской котловины, с востока граничит с Агульскими Белками. Таким образом, ККР может рассматриваться как транзитный регион между территориями Минусинской котловины, Тувы, Тофаларии (Леонтьев, Леонтьев, 2009. С. 6–9).

Известные памятники археологии приурочены к нижнему течению рек Кизир и Казыр, нижнему и среднему течению их крупных притоков в западной части ККР. Восточная горно-таежная часть района в силу ландшафта и природных условий в научной литературе отмечалась как малоперспективная. Так, в 1948 г. по итогам проведенной разведки П. Е. Чернявский писал: «Местность к востоку от слияния Казыра и Кизира представляла собой в древности сплошную тайгу, которая, видимо, была мало или совершенно не заселена человеком» (Леонтьев, Леонтьев, 2009. С. 4).

Важным представляется открытие авторами в 2018 г. памятника наскального искусства, расположенного в труднодоступном районе верхнего течения р. Казыр, на расстоянии не менее 100 км на восток от ближайших известных археологических памятников. Объект получил наименование выявленный объект археологического наследия (далее – ВОАН) «Казыр. Петроглифы Щеки».

Наскальные рисунки расположены на левом берегу реки в северо-восточной части небольшого залива, на выходе из порога Щеки, на отвесном скальном уступе высотой около 8 м. Скальный уступ является южной оконечностью восточного склона ущелья, формирующего порог. Уступ сложен гранитами и граносиенитами беллыкского гранитоидного

комплекса. Плоскость с рисунками имеет юго-западную экспозицию, расположена в центральной части уступа с углом наклона около 90°. Плоскость покрыта сетью трещин и лишайниками, фиксируются отколотые блоки породы, многочисленные современные надписи.

На плоскости было зафиксировано три рисунка, расположенных на высоте 1,6–2,0 м от современной дневной поверхности (рис. 1). Все рисунки образуют единую композицию, выполненную охрой. Сохранность рисунков плохая. Целостность фигур нарушена трещинами плоскости, современными гравировками и выбоинами. Правая часть фигур покрыта лишайником, при визуальном осмотре не видна.

Рис. 1. Петроглифы Щёки. Фотография плоскости с изображениями

Фиксация рисунков осуществлялась бесконтактным методом (зеркальным фотоаппаратом при естественном освещении). В связи с плохой сохранностью изображений, при постобработке фотографий был применен метод цветовой фильтрации, разработанный в процессе документирования росписей Каповой пещеры (Миклашевич, Солодейников, 2013), а также статистический плагин программы ImageJ – Dstretch (Decorrelation stretch). Данная методика была апробирована на Шалаболинской писанице (Заика, Солодейников, 2018). Проведенная постобработка позволила частично выделить фрагменты фигур животных даже под слоем лишайника, а также более точно зафиксировать не пораженную им поверхность изображений.

Верхнюю и среднюю части плоскости занимают два силуэтных изображения копытных животных (олений?), ориентированных в правую сторону (на юго-восток). Оконечность морды верхнего и правая половина нижнего животного скрыты под слоем лишайника. Оба изображения насыщенного темно-красного цвета, размерами 16 × 10 см, выполнены в аналогичной стилистике. Фигуры имеют трапециевидное туловище, короткий задранный хвост, холка приподнята и образует горб. Шеи – прямые и удлиненные, вытянуты вперед и вверх. Продолговатый силуэт головы венчает единичный отросток (ухо?). Каждая пара конечностей показана одной линией, диагональной и в нижней части вогнутой вовнутрь. Ниже изображений животных проведена параллельная их движению прямая линия. Она имеет размеры 12 × 2 см и отличается меньшей яркостью и интенсивностью цвета.

Вопрос культурно-хронологической атрибуции изображений на данный момент однозначно не решен. Прямых аналогий среди выполненных охрой изображений на сопредельных территориях не найдено. Стилистически сходные изображения зафиксированы на Атамановской писанице на Среднем Енисее, «Шаман-камне» на горе Оглахты в Минусинской котловине, писанице Манзя в Нижнем Приангарье. Изображения копытных с Атамановской писаницы и «Шаман-камня» выполнены выбивкой и в контурном стиле, однако имеют отдельные сходные черты в изображении ног и форме туловища. Памятники датируются исследователями карасукской культурой поздней бронзы (Заика и др., 2010; Есин, 2013). Изображение копытного на писанице Манзя демонстрирует отдельные сходные черты в изображении ног и головы, выполнено охрой в силуэтно-контурном стиле и датируется исследователями эпохой поздней бронзы (Ключников, Заика, 2002). Однако, несмотря на наличие стилистических аналогий среди приведенных выше наскальных рисунков поздней бронзы, рассматриваемые нами рисунки имеют определенное своеобразие и нуждаются в дальнейшем изучении.

Список литературы

- Есин Ю. Н., 2013. Петроглифы «Шаман-камня» (гора Оглахты, Хакасия) // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (5). С. 66–81.
- Заика А. Л., Матвеев В. Е., Тхтерекоев А. С., Матвеев Е. Е., 2010. Атамановская писаница (предварительное сообщение) // Енисейская провинция. Вып. 5. С. 57–61.
- Заика А. Л., Солодейников А. К., 2018. Красочные изображения на западном участке Шалаболинской писаницы (предварительные результаты исследований) // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Вып. 8. С. 56–66.
- Ключников Т. А., Заика А. Л. 2002. Анималистические изображения эпохи бронзы в наскальном искусстве Нижней Ангары // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул. С. 63–65.
- Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н., 2009. Памятники археологии Кизир-Казырского района. Кемерово.
- Миклашевич Е. А., Солодейников А. К., 2013. Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере Кавказской писаницы в Минусинской котловине) // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (5). С. 176–191.

Ранние неолитические комплексы Камско-Вятского междуречья (по материалам Кошкинской стоянки)¹

Батуева Н. С., Гусенцова Т. М.

*(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет г. Пермь; АНО НИИ культурного и природного наследия, г. Санкт-Петербург)
nadiabat@yandex.ru; ddut@mai.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-178-181

Кошкинская стоянка расположена на правом берегу р. Вятки, в 0,5 км от ее современного русла на первой надпойменной террасе небольшой речки (старицы) высотой 3–5 м в Арбажском районе Кировской области. Исследовано более 700 кв. м культурного слоя. Памятник заселялся в эпохи камня (мезолит, неолит), бронзы и раннего Средневековья. К раннему неолиту относятся остатки 9 жилых сооружений и 30 ям. Коллекция раннего неолита состоит из мелких фрагментов керамики от более 10 развалов сосудов и свыше 8000 каменных изделий. Для

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019.

ранненеолитического комплекса характерны сосуды с прямыми или слабо профилированными венчиками и небольшими плоскими днищами, иногда с закраиной. Толщина стенок – 0,5–0,7 см, днищ – 1,0–1,2 см. Цвет сосудов светло-желтый, обжиг слабый. Внешняя поверхность заглажена либо залощена. Внутренняя поверхность черепков также гладкая. Сосуды слабо орнаментированы. Мотивы узора состоят из горизонтальных рядов треугольных наколов, насечек, тонких проколов – ямок, нанесенных под венчиком. По формам сосудов и орнаментальным композициям посуда Кошкинской стоянки сходна с керамикой раннего этапа волго-камской и елшанской культур. По материалам ранненеолитического комплекса получены радиоуглеродные даты, позволяющие датировать ее в пределах середины – второй половины VI тыс. до н. э. (Гусенцова, 2000. С. 306–310).

Для ранненеолитической керамики Кошкинской стоянки было выполнено микроскопическое изучение исходного пластичного сырья (далее – ИПС) и формовочных масс (далее – ФМ). Изучение технологии изготовления сосудов было проведено в рамках историко-культурного подхода, разработанного А. А. Бобринским и основанного на методике бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании (Бобринский, 1978; 1999).

Производственные процессы в гончарстве делятся на три стадии, каждая из которых состоит из четырех ступеней. В связи с большой фрагментарностью посуды, нами были исследованы лишь две ступени гончарного производства, касающиеся отбора и подготовки исходного пластичного сырья и составления формовочных масс.

Микроскопическому анализу подверглись фрагменты от 8 сосудов.

Изучение 1–2 ступеней (Бобринский, 1978) показало, что гончарами использовались для изготовления посуды глины (25 %) и илистые глины (75 %). При этом сырье отбиралось в незапесоченном или слабозапесоченном состоянии (87 %). В одном случае использовано запесоченное сырье – глина (13 %). При анализе было отмечено замешивание исходного сырья только в естественно увлажненном виде. Для изучения навыков составления формовочных масс (ФМ) проанализированы данные о рецептах ФМ. По составу рецепты делятся на две группы (Цетлин, 2012. С. 68–75).

К первой группе, с несмешанным двухкомпонентным составом, относятся сосуды с рецептами: «глина + шамот» (1 сосуд – 13 %) и «илистая глина / глина + органический раствор» (6 сосудов – 74 %).

Ко второй группе, со смешанным многокомпонентным составом, относится рецепт: «глина + органический раствор + дробленая глина» – он встретился в 1 случае (13 %).

Проведенные исследования керамики раннего этапа волго-камской культуры (таких памятников как Левшинская стоянка, Чашкинское Озеро VIII),

позволили выявить следующие черты: использование в качестве ИПС незапесоченных илистых глин и глин в естественно увлажненном состоянии. Для составления рецептов ФМ использовались рецепты: «ИПС + шамот» и «ИПС + шамот + органический раствор» (Батуева, 2018. С. 8–10).

Сравнительный анализ полученных результатов посуды Кошкинской стоянки и керамики памятников волго-камской культуры показал сходство в применении исходного сырья – илистые глины и глины, в формовочных массах использовались рецепты «ИПС + шамот», «ИПС + органический раствор» (Батуева, 2018. С. 8–11). Исключением является использование при изготовлении посуды Кошкинской стоянки в одном случае состава «ИПС + органический раствор + дробленая глина». Данный рецепт встречается в посуде развитого этапа камской неолитической культуры (Батуева, 2017. С. 15–21). Особенностью посуды Кошкинской стоянки является частое использование в качестве искусственной примеси органического раствора и редкое – шамота. Возможно, такой состав формовочных масс маркирует начальный этап формирования керамической традиции волго-камской культуры в Камско-Вятском междуречье.

По внешним признакам – форме некоторых сосудов, слабой орнаментации наколами – посуда Кошкинской стоянки сходна с керамикой елшанской культуры, поэтому нами был проведен сравнительный анализ с посудой этой культуры.

Сходство проявляется в широком использовании илистых глин в качестве исходного сырья (Васильева, 2011. С. 70–81). При этом важно, что в обоих керамических комплексах фиксируется распространение рецепта ФМ «ИПС + органический раствор» (Васильева, 2011. С. 70–81). Таким образом, посуда Кошкинской стоянки имеет морфологические признаки посуды волго-камской культуры, однако по технологии, в частности по составлению формовочных масс, ближе к елшанской неолитической культуре.

Возможно, посуда елшанской культуры могла быть одним из основных компонентов для формирования керамических традиций волго-камской культуры. Одним из подтверждений этому является сходство в представлении о ИПС и составлении рецептов ФМ елшанской культуры и посуды Кошкинской стоянки.

Список литературы

- Батуева Н. С., 2017. Технично-технологический анализ керамики камской культуры // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета ПГГПУ. Пермь. С. 15–21.
- Батуева Н. С., 2018. Некоторые итоги изучения накольчатой керамики на территории Прикамья // XXI Уральское археологическое совещание. Самара. С. 8–11.

- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
- Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара. С. 5–109.
- Васильева И. Н., 2011. Раннеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (46). Новосибирск. С. 70–81.
- Гусенцова Т. М., 2000. Комплекс с накольчато-прочерченной керамикой Кошкинской стоянки на правобережье р. Вятки // Тверской археологический сборник. Вып. 4, т. 1. С. 306–310.
- Цетлин Ю. Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.

Геометрические фигуры и орнаменты в наскальном искусстве Северной Финноскандии эпохи камня–раннего металла

Березовская В. А.

*(Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург)
vassa_ber@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-181-184

На территории Северной Норвегии, Швеции, Финляндии, Кольского полуострова и Карелии в настоящее время зафиксировано около 300 памятников наскального искусства каменного века (Gjerde, 2010. P. 178), выбитых на поверхности скалы (петроглифы) или нанесенных красной краской (писаницы). В отдельную группу входят геометрические композиции – изображения, состоящие из многоугольников, углов, последовательностей прямых и изогнутых линий. Ключевой особенностью таких писаниц и петроглифов является невозможность точно их интерпретировать, с уверенностью соотнести с реально существовавшими предметами и явлениями материального мира (Helskog, 2014. P. 95; Колпаков, 2019. С. 63).

Геометрические мотивы встречаются на следующих памятниках: Канозеро, Пяйве и Онежское озеро в России; Алта (Alta), Бардал (Bardal), Форсельв (Forselv), Вик (Vik), Вистнесдален (Vistnesdalen), Холтос (Holtås), Хонхаммер (Honhammer), Руксесбакти (Ruksesbakti), Трондтвейт (Trondtveit) и Ниельв (Nyelv) в Норвегии; Фангхьорн (Fångsjön) и Гаскаврре (Gaskavrre) в Швеции; Виттрэск (Vitträsk) в Финляндии. Все они относятся

к V–II тыс. до н. э. Кроме того, некоторые композиции имеют сходство с орнаментацией костяных и каменных изделий, найденных на поселениях этого времени на Кольском полуострове и в Северной Норвегии.

Среди геометрических композиций Северной Фенноскандии следует различать фигуры и орнаменты. Последние отличаются от первых ритмичностью и повторяемостью элементов.

В группе геометрических фигур территориально наиболее широко распространены композиции, состоящие из прямоугольной рамки с вписанными в нее расходящимися из центра углами или многоугольниками и, в некоторых случаях, «бахромой» из коротких косых линий по внешнему краю (рис. 1: 1). 12 таких фигур обнаружено на памятниках Альта, Бардал, Вистнесдален, Вик и Холтос в Норвегии и Виттрэск в Финляндии.

Рис. 1. Петроглифы Фенноскандии: 1 – Виттрэск (Kare, 2000. P. 100); 2, 6, 7, 8, 9, 11 – Альта, Северная Норвегия (URL: <https://www.altamuseum.no>); 3 – Канозеро (Колпаков, 2014. С. 100, рис. 7); 4, 5, 10 – Форсельв (Hallström, 1938. P. 55); 12 – Трондтвейт (Hallström, 1938. Pl. XLVI)

Другой распространенный мотив – изображения ромбов и прямоугольников с заполнением в виде параллельных друг другу или пересекающихся прямых и фрагментов многоугольников (рис. 1: 4–6). Десять подобных фигур зафиксированы на памятниках Форсельв, Бардал и Альта в Северной Норвегии.

Среди фигур, встречающихся на нескольких памятниках, также надо отметить изображения, условно называемые «каплевидными фигурами» (Helskog, 2014. С. 95) (рис 1: 2). Наибольшее их количество (14) зафиксировано среди петроглифов Альты, также по одному изображению встречено на памятниках Холтос в Норвегии и на Онежском озере в России.

Ряд фигур зафиксирован только на одном памятнике и не встречается на других. Это изображения «колес» на Канозере (6 изображений) (рис. 1: 3) (Колпаков, 2014. С. 96–104) и описанные К. Хельскогом «сети» (6 изображений) (рис. 1: 7), «когти животных» (7 изображений) (рис. 1: 8) и «амулеты» (4 изображения) (рис. 1: 9) в Альте (Helskog, 1988. Р. 99–101).

В группе орнаментов наиболее распространены раппортные композиции, составленные из вписанных друг в друга и многократно повторяющихся четырехугольников (рис. 1: 9). 8 таких композиций найдено на Пяйве и Канозере на Кольском полуострове, в Альте, Хонхаммере, Форсельве, Хелле в Норвегии и Фангхьорне в Швеции. Таким орнаментом или его элементами декорированы костяные и каменные орудия из памятников Маяк II, Усть-Дроздовка-3, Харловка 1-6 на Кольском полуострове и Грессбаккен Недре Вест в Северной Норвегии середины III – середины II тыс. до н. э. (Березовская, 2018. С. 146–150).

Остальные орнаментальные мотивы встречаются единично и не образуют типологических групп, но иногда схожи с геометрическими фигурами среди петроглифов и писаниц Фенноскандии или с орнаментацией орудий из памятников этого региона. К орнаментам можно отнести ряд соединенных друг с другом ромбов из Альты (рис. 1: 11), последовательность из незавершенных пятиугольников с острыми углами и общими боковыми сторонами (рис. 1: 12), а также фризовые композиции среди писаниц Руксесбакти в Норвегии и Гаскаврре в Швеции.

Основным связующим звеном между разными группами изображений среди петроглифов, писаниц и орнаментом костяных орудий является часто повторяющийся мотив расходящихся из одной точки по четырем направлениям вписанных друг в друга углов. Такой элемент встречается как в качестве самостоятельного изображения, так и в качестве заполнения отдельных геометрических фигур, орнаментов, тел животных (например, в Вингене в Северной Норвегии) (Hallström, 1938. Pl. VI).

Список литературы

- Березовская В. А., 2018. Периодизация орнаментов на костяных изделиях эпохи камня – раннего металла Северной Фенноскандии // Актуальная археология 4. Комплексные исследования в археологии. Материалы Международной научной конференции молодых ученых: Тез. докл. (Санкт-Петербург, 2–5 апреля 2018 г.). СПб. С. 146–150.
- Колпаков Е. М., 2014. «Кресты» и «Колеса» в петроглифах Фенноскандии // Археологические вести. № 20. С. 96–104.
- Колпаков Е. М., 2019. Геометрические фигуры Фенноскандии // Знаки и образы в искусстве каменного века. Международная конференция: Тез. докл. (Москва, 27–29 ноября 2019 г.). М. С. 63–64.
- Gjerde J. M., 2010. Rock art and Landscapes Studies of Stone Age rock art from Northern Fennoscandia. A dissertation for the degree of PhD. Tromsø.
- Kare A., 2000. Rock Paintings in Finland // Myanndash. Rock art in the Ancient Arctic. Rovaniemi. P. 88–127.
- Hallström G. 1938. Monumental art of Northern Europe from the Stone Age. I. The Norwegian localities. Stockholm.
- Helskog K., 1988. Helleristningene i Alta: spor etter ritualer og dagligliv i Finnmarksforhistorie. Alta.
- Helskog K., 2014. Communicating with the world of being. The World Heritage rock art sites in Alta, Arctic Norway. Oxford & Philadelphia.
- Alta rock art museum. – [Электронный ресурс] URL: <https://www.altamuseum.no/en/the-rock-art-of-alta> (Дата обращения: 14.02.2020).

Результаты статистического описания материалов стоянки Томское мусульманское кладбище: проблема культурно-хронологической атрибуции¹

Бычков Д. А., Зограф А. А.

*(Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск;
Томский государственный университет, г. Томск)
bda.nsk@yandex.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-184-187

В окрестностях г. Томска известен ряд поселенческих и погребальных комплексов финала эпохи камня, первые из которых были открыты в конце XIX в. (Ожередов, Яковлев, 1993. С. 121–128). В основном данные объекты были обнаружены на правобережной террасе р. Томь от устья р. Басандайки до устья р. Самуськи. Результаты исследований не-

¹ Работа выполнена в рамках проекта НИР № 0329-2020-0007.

которых из них – поселения Баранчуково озеро, могильника на Старом Мусульманском кладбище, Томского могильника, Басандайской неолитической стоянки – легли в основу существующих схем историко-культурного развития территории Нижнего Притомья в конце каменного века (Комарова, 1952; Матющенко, 1960, 1969; Аникович, 1969; Косарев, 1982). Тем не менее присутствует несогласованность данных схем ввиду разницы в применяемых исследователями методик и в полноте информации об объекте исследования. Следовательно, при наличии нескольких схем отсутствует общая согласованная характеристика данного периода в истории изучаемой территории. Данная проблема актуализируется в связи с выявлением новых археологических объектов в правобережье р. Томи.

Стоянка Томское мусульманское кладбище (далее – ТМК) была выявлена осенью 2019 г. в результате проведения археологических полевых работ на южной оконечности г. Томска, в окрестностях Лагерного сада. В шурфе размерами 2×3 м на глубине 0,35–0,75 м от современной дневной поверхности в культурном слое мощностью 0,2–0,4 м были обнаружены продукты расщепления камня в количестве 373 экз. В качестве сырья для расщепления обитателями стоянки использовался кремнистый кварцитовидный песчаник. В составе полученной коллекции выделяются такие категории предметов, как заготовки (20 экз., 5,4 %), дебитаж (41 экз., 11 %) и отходы (312 экз., 83,6 %).

Заготовки разделяются по форме на треугольные, прямоугольные, трапециевидные и овальные на отщепах (рис. 1). Также к категории заготовок отнесены медиальные и дистальные части пластин. В категорию дебитажа входят сколы треугольных и трапециевидных форм. Из категории отходов выделяются сколы, продуцируемые операциями по оформлению и утоньшению заготовок. Характерной особенностью данных категорий сколов являются вариативность оформления ударных площадок: естественные с множественными микротрещинами и изъязнениями или прямые, слегка вогнутые в плане, без деформаций. Это наблюдение навело на мысль, что для расщепления и оформления заготовок использовались разные техники.

В процессе исследования была проведена серия опытов по расщеплению используемого на стоянке сырья посредством твердого и мягкого отбойников, мягкого посредника, отжима при помощи ручного ретушера и типа «костыль». Опытные образцы сколов, полученных при использовании твердого отбойника и мягкого посредника, имеют схожесть по ряду морфометрических параметров со сколами оформления и дебитажем со стоянки ТМК. Следовательно, можно предположить, что для получения сколов-заготовок обитателями стоянки использовался твердый отбойник, а для придания им заданной формы применялись как мягкие посредники, так и инструменты для отжима.

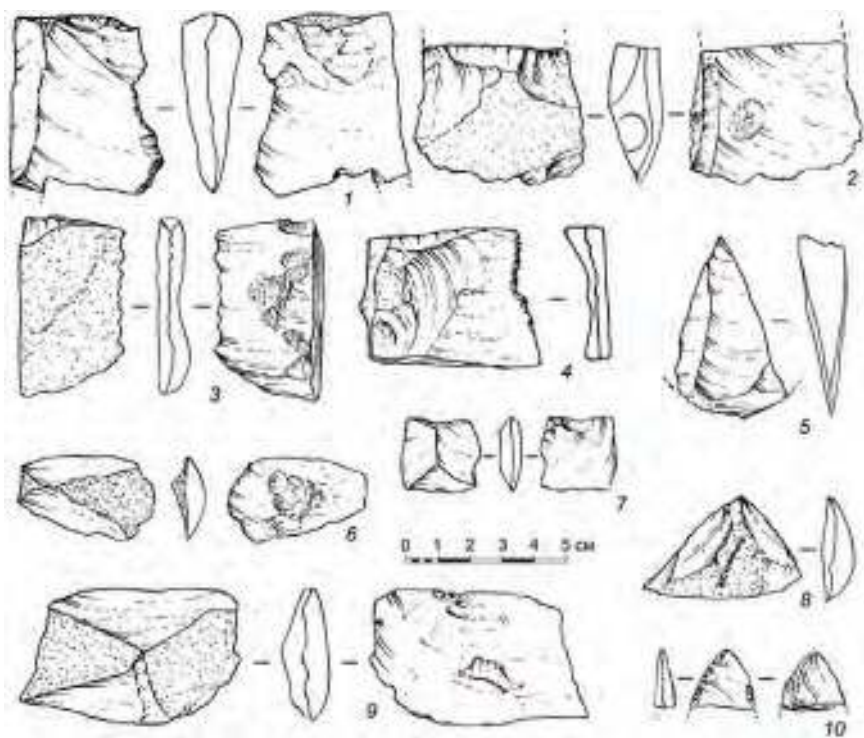

Рис. 1. Продукты расщепления камня со стоянки Томское мусульманское кладбище: 1, 2, 3, 4 – прямоугольные заготовки на отщепках с отсечением краев; 6, 7, 9 – сколы с ортогональным и перпендикулярным оформлением дорсальной части; 5, 8, 10 – сколы и их фрагменты со вторичной обработкой

Однако полученные выводы об используемой древним населением стоянки технологии обработки камня не позволяют однозначно решить вопрос о культурно-хронологической атрибуции полученного материала. Во-первых, в материалах стоянки отсутствуют оформленные орудия, по аналогиям с которыми можно было бы установить данную принадлежность. Во-вторых, в предметных комплексах ближайших объектов этой эпохи отсутствуют продукты расщепления, которые могли бы содержать технологически значимую информацию в виде морфометрических характеристик. В-третьих, для каменных индустрий рубежа конца каменного века и эпохи палеометалла на территории Нижнего Притомья выделяется только единственная эпохальная характеристика – отжимная покры-

вающая ретушь. Вместе с этим отсутствуют технологические критерии для определения более конкретной хронологической или культурной привязки каменного инвентаря.

Итогом проведенной работы является постановка проблемы о затруднении в соотнесении хронологической принадлежности продуктов расщепления камня, выявленных на стоянке ТМК, с временем бытования каменных изделий с близлежащих археологических объектов этой эпохи. Тем не менее перспектива в решении этой проблемы видится в сравнении морфометрических характеристик заготовок и сколов оформления с негативами снятий на каменных орудиях из материалов Нижнего Притомья. Реализация данной перспективы рассматривается посредством не только статистического анализа, но и натуральных экспериментов с использованием аутентичной сырьевой базы.

Список литературы

- Аникович М. В., 1969. О культурной принадлежности неолитических памятников Верхнего Приобья // Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск. С. 62–64.
- Комарова М. Н., 1952. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. I. М. С. 7–50.
- Косарев М. Ф., 1982. Некоторые вопросы этнической истории западной Сибири в эпоху бронзы // СА. № 2. С. 81–95.
- Матющенко В. И., 1960. Вопросы датировки томских неолитических памятников // Уч. зап. Томского гос. ун-та. № 35. С. 200–215.
- Матющенко В. И., 1969. О сложении верхнеобской неолитической культуры // Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск. С. 60–61.
- Ожередов Ю. И., Яковлев Я. А., 1993. Археологическая карта Томской области. Т. 2. Томск.

К вопросу изучения жилищных комплексов на памятниках позднего неолита на территории Карелии

Васильева Т. А.

*(Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск)*

tattya@list.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-188-191

На территории Карелии выявлено свыше 460 впадин на более чем 120 памятниках эпохи неолита – энеолита. Из них порядка 160 были определены как жилищные (Археологические памятники..., 2007).

К позднему неолиту отнесено 67 жилищных впадин, среди которых 1/3 часть связана с эталонными памятниками изучаемого периода Вигайнаволок I и II. Поселения обследованы Г. А. Панкрушевым на площади 3076 кв. м в 1964–1966 гг. на западном побережье Онежского озера, в 9 км к югу от г. Петрозаводска (Панкрушев, 1964; 1965; 1966). Именно здесь впервые выявлен уникальный комплекс на площади 8000 кв. м и проведены масштабные раскопки. В результате исследования 20 впадин на поселении Вигайнаволок I получена представительная коллекция материалов, содержащая более 30 тыс. фрагментов керамики, порядка 7 тыс. изделий из камня, включая изделия из глины и меди (рис. 1: 1).

Жилищные постройки на поселениях эпохи неолита являются наиболее значимыми объектами для решения различных исследовательских задач. С целью изучения пространственно-временной динамики в планировке и размещении жилищ позднего неолита определены следующие задачи: выявление основных тенденций развития древнего домостроительства с учетом топографического расположения поселения, планиграфического и стратиграфического распределения находок внутри построек и за их пределами, анализ данных коллекционных списков с обозначением распределения каждой находки.

Поселение Вигайнаволок I принято считать двуслойным, содержащим нижний более ранний слой с ямочно-гребенчатой керамикой и верхний более поздний – с ромбо-ямочной керамикой. В результате изучения полевой документации и сравнительно-типологического анализа керамики стало возможным выделение 11 неолитических (с ямочно-гребенчатой керамикой) и 14 поздненеолитических (с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой) жилищ.

Поздненеолитические жилища-полуземлянки занимают всю исследованную площадь памятника Вигайнаволок I (рис. 1: 2). Это основное поселение. Оно распространяется от северо-западной его части и тянется

вдоль древнего берега озера. Жилища – однокамерные постройки квадратной формы, углубленные на 0,3–0,8 м. Из 14 жилищ у шести площадь не определена, у остальных восьми она варьирует от 28 до 100 кв. м. Наиболее распространены жилища площадью около 80 кв. м. Выход обозначен только в одном случае на юго-восток, можно предположить, что использовались наземные входы; кострища располагались как в жилищах, так и за их пределами.

По планиграфическим и стратиграфическим наблюдениям можно выделить ряд особенностей. Замечено, что на отдельных участках исследованных площадок высокая степень концентрации находок на 1 кв. м, порядка 50, что может указывать на круглогодичный характер функционирования сооружения, в том числе в течение длительного периода.

Пространство между постройками характеризуется наличием значительного количества шлифовальных плит, орудий из камня, отходов производства, что позволяет интерпретировать эти участки как площадки мастерские, используемые, вероятно, в теплые периоды (раскоп I 1965 г.).

В раскопе II 1965 г. отмечается скопление находок у входа жилища, где представлено значительное количество керамики и обломков шлифовальных плит. Стоит отметить, что за пределами сооружения в южной части раскопа вместе с ранее указанными находками в значительном количестве встречены деревообрабатывающие орудия из сланца, абразивный инвентарь, инвентарь для охоты и рыболовства, что свидетельствует об активном использовании площадки памятника в различные периоды (сезонно) и, видимо, круглогодично.

В раскопе II 1966 г. основной материал находился за пределами жилища, представляющего собой четырехугольную в плане постройку, размерами 8 × 4 м, где на 1 кв. м приходится всего две находки. В центральной части жилищной ямы зафиксирована линза грязно-серого гумусированного песка, в которой встречаются угольки, но кострище не обнаружено. За пределами жилища пять маленьких кострищ диаметром 30–40 см и толщиной зольной прослойки 3–5 см., в пределах которых отмечено значительное количество находок, включающих не только керамику, но и обломки шлифовальных плит, орудия. Примечательно, что находки встречены только в западной части постройки, в северо-западном углу жилища обнаружена костяная игла и грузило, а в юго-западном – две глиняные скульптурки, примыкающие к линзе красного песка. К западу от жилища, у кострища, также найдена глиняная скульптурка. Возможно, постройка имела особое значение и использовалась в течение непродолжительного времени (рис. 1: 3). В раскопах III и IV 1966 г. площадка между постройками содержала значительное количество шлифовальных плит и сланцевых орудий, могла применяться в качестве мастерской.

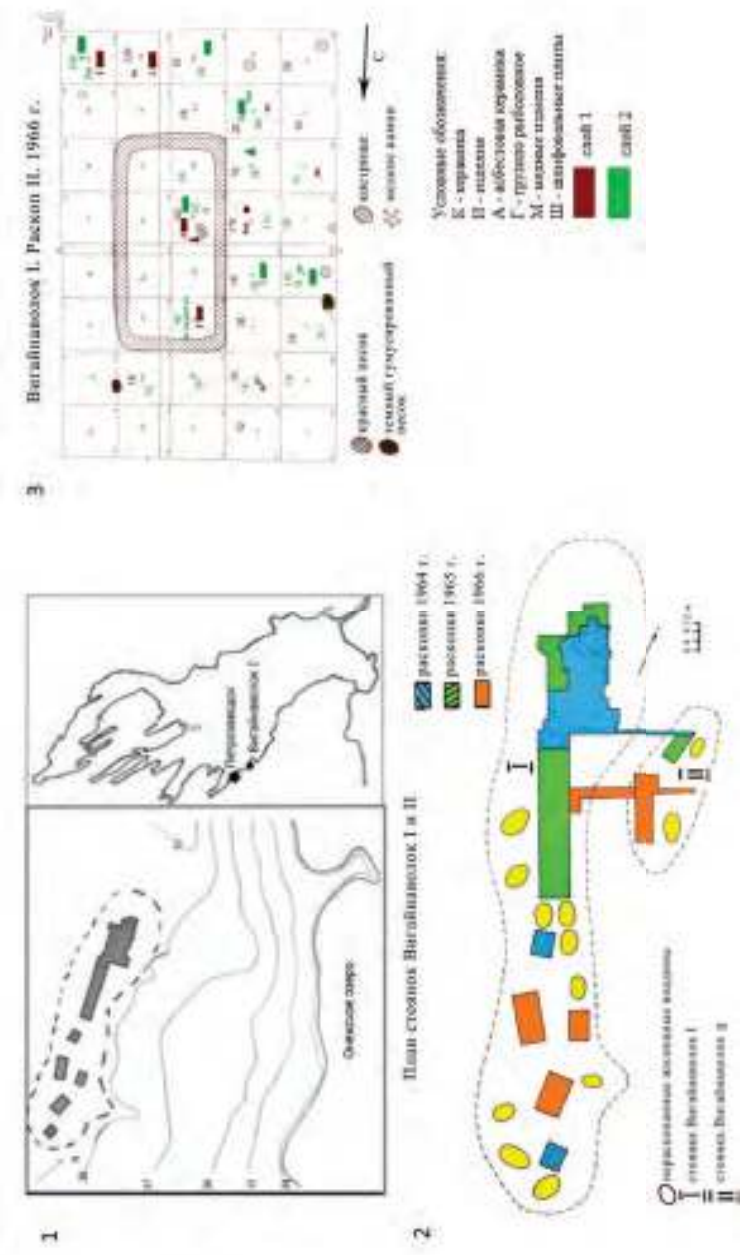

Рис. 1. Поселение Выхайнаволоки I: 1 – расположение памятника; 2 – план стоянок Выхайнаволоки I и II; 3 – план раскопа II 1966 г.

Показательно распределение находок на границе поселений Вигайнаволок I и Вигайнаволок II, отсутствие находок свидетельствует о хронологическом интервале между поселениями.

Таким образом, в результате стратиграфических и планиграфических наблюдений удалось проанализировать данные раскопок 1960-х гг. и выявить особенности исследованных жилищных впадин позднего неолита, а также подойти к вопросу реконструкции пространственно-временных особенностей заселения площадки поселения Вигайнаволок I.

Список литературы

- Археологические памятники Карелии: Каталог / Под ред. С. И. Кочкуркиной. Петрозаводск, 2007.
- Панкрушев Г. А., 1964. Отчет о работе Онежской археологической экспедиции в Карелии в 1964 г.; Альбом к отчету // Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. № 130, 131.
- Панкрушев Г. А., 1965. Отчет о работе Карельской археологической экспедиции в 1965 г.; Альбом к отчету // Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. № 169, 170.
- Панкрушев Г. А., 1966. Отчет о работе Южно-Карельской археологической экспедиции в 1966 г.; Альбом к отчету // Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. № 179, 180.

Керамика поселения Маяк 2 (Мурманская область): типология, хронология, планиграфия¹

Волкова А. В., Киселева А. М.

*(Санкт-Петербургский государственный университет;
Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург)
aliekсандра_volkova_97@mail.ru, aliakiseleva@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-191-194

Поселение Маяк 2 располагается на северном побережье Кольского полуострова, в Дроздовской губе Нокуевского залива. Раскопки памятника на площади 1032 кв. м проводились в 1979–1984 гг. Кольской археологической экспедицией Ленинградского отделения Института археологии (далее – КолАЭ ЛОИА) АН СССР под руководством Н. Н. Гуриной. Благодаря сохранности фаунистических остатков и изделий из кости и рога, а также многочисленной коллекции артефактов он является одним из важнейших в Северной Фенноскандии. Было выявлено 18 объектов –

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Костяной и роговой инвентарь позднего неолита – раннего железного века Северной Фенноскандии: динамика развития» № 17-31-01070.

жилищ, очагов, ям и, возможно, погребений (Киселева, 2019). На основании 14 радиоуглеродных дат памятник датируется 4730–1430 calBC (Гурина, 1997. С. 138; Мурашкин, Карпелан, 2013). Анализ распределения разновременной керамики позволяет проследить динамику освоения участка на протяжении неолита – раннего железного века.

Коллекция памятника насчитывает 51788 предметов, в том числе 2619 фрагментов керамики. По подсчетам Н. Н. Гуриной из них 445 – неолитической и 2174 – эпохи раннего металла (Гурина, 1997. С. 56, 65). Подсчеты В. Я. Шумкина отличаются: всего – 3094 фрагмента (617 – неолитической и 2477 – эпохи раннего металла) (Шумкин, 1984. Табл. XXIII, XXXI). По наблюдениям Н. Н. Гуриной, неолитическая керамика концентрировалась в юго-западной части раскопа в 1–2 горизонтах и в центральной части в 3–4 горизонтах. Керамика эпохи раннего металла концентрировалась в центральной части раскопа 1–2 горизонтах и в северо-восточной части раскопа. По распределению керамики производилось датирование комплексов (Гурина, 1997. С. 57–58).

Согласно полевым описям, коллекция керамики насчитывала 2186 инвентарных номеров и 3075 фрагментов. На настоящий момент идентифицировано 1612 фрагментов: 519 – неолитических, 710 – эпохи раннего металла; 383 – неопределенных. На основе технологических, морфологических и орнаментальных критериев (см. Холкина, 2016. С. 58–72) 696 фрагментов объединено в 136 условных сосудов.

Тип Сярайзниemi (Säräisniemi) 1 (далее Сяр 1) – 444 фрагмента, из них 327 объединены в 50 условных сосудов. Характерна примесь дресвы; толщина стенок – 5–18 мм. Полный профиль сосудов не реконструируется, но в коллекции представлено нескольких округлых и уплощенных донцев. Профили венчиков – прямые, прямые с утолщением, скошенные внутрь. Основа декора – сочетание различных гребенчатых оттисков, естественных и рамчатых штампов с глубокими ямками; последние имеют подчиненное значение. Эта керамика существовала в раннем и среднем неолите – 5300–4400 (3800) calBC – на востоке Северной Норвегии, в Северной Финляндии и на Кольском полуострове (Carpelan, 2004; Nordqvist, 2018. P. 58, tab. 1). На поселении Маяк 2 керамика Сяр 1 концентрируются в южной части в 1–2 горизонтах и в юго-западной части в 1–4 горизонтах (рис. 1).

«Поздненеолитическая» керамика (выделена по примеси органики и раковины) – 74 фрагмента, из них 45 объединены в 6 условных сосудов. Толщина стенок – 3–12 мм; венчики прямые и отогнутые наружу. Орнаментация состоит из неглубоких ямок и оттисков тонкой гребенки. Наибольшее сходство этой группы прослеживается с типом Залавруга I, распространенным 3500–2900 calBC в Северной Карелии и Финляндии

(Мурашкин, Карпелан, 2013). На поселении Маяк 2 «поздненеолитическая» керамика выявлена в центральной части в 1–3 горизонтах, отдельные фрагменты – в западной и восточной частях (рис. 1).

Тип Ловозеро – 642 фрагмента, из них 257 объединены в 74 условных сосуда. Отощителем служит асбест, реже стеатит, слюда, шерсть, органика в чистом виде или комбинациях. Толщина стенок 4–14 мм; венчики прямые, отогнутые наружу, утолщенные. Основные мотивы орнамента – косая сетка из прочерченных линий, горизонтальный ряд косых насечек, наколов. Встречаются сосуды без орнамента. Это самый распространенный в Северной Фенноскандии тип керамики в период 2000–700 calBC (Мурашкин, Карпелан, 2013). На поселении Маяк 2 керамика типа Ловозеро концентрируется в западной и восточной части в 1–2 горизонтах (рис. 1).

Тип Вардой (Vardøy) – 9 фрагментов, объединенных в 1 условный сосуд. Примесью является асбест. Толщина стенок 5–7 мм; венчики прямые. Внешняя поверхность фрагментов имеет сетчатые отпечатки. Ареал ее распространения – Северная Норвегия и Швеция, север Кольского полуострова. Тип появляется около 1300 calBC и сосуществует с типом Ловозеро примерно до 700 calBC (Carpelan, 2004). На поселении Маяк 2 посуда типа Вардой выявлена в пределах концентрации керамики типа Ловозеро в восточной части в 1–2 горизонтах (рис. 1).

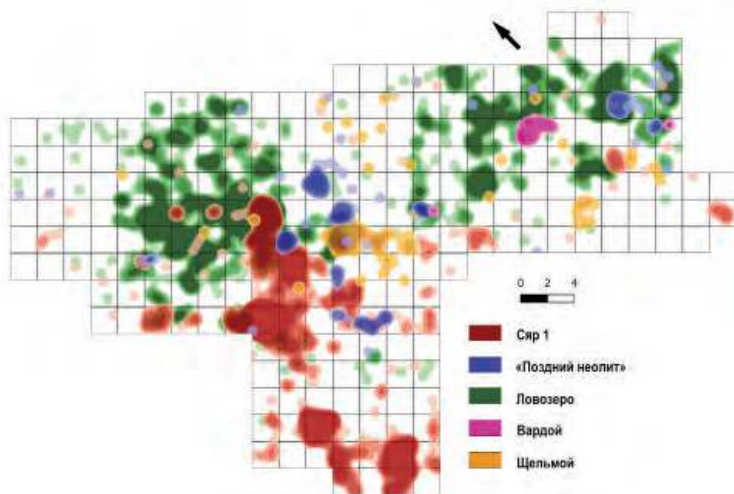

Рис. 1. Распределение керамики различных типов на поселении Маяк 2

Тип Щельмой (Kjelmóy) – 57 фрагментов; 54 из них объединены в пяти условных сосудов. Примесь – асбест, слюда. Толщина стенок 3–8 мм (венчиков от 4 до 10 мм). Профиль венчика всегда прямой, с резким утолщением наружу. Орнамент выполнен прорезанными линиями, в одном случае оттисками «полой трубочки». Керамика Щельмой в раннем железном веке – 700 calBC – 300 calAD – была распространена от побережья Северной Норвегии до центральной части Кольского полуострова (Мурашкин, Карпелан, 2013). На поселении Маяк 2 этот тип выявлен в центральной части в 1–4 горизонтах (рис. 1).

Список литературы

- Гурина Н. Н., 1997. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.
- Киселева А. М., 2019. Поселение Маяк 2 на Кольском полуострове – новые данные и интерпретации // V Северный археологический конгресс: Тез. докл. Ханты-Мансийск. С. 90–91.
- Мурашкин А. И., Карпелан К., 2013. Периодизация эпохи раннего металла Кольского полуострова на основании изучения керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции. СПб. С. 200–207.
- Холкина М. А., 2016. Керамика эпохи раннего металла восточной части Финского залива: Дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Шумкин В. Я., 1984. Каменная и костяная индустрия мезолита – раннего металла Кольского полуострова: Дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Carpelan С., 2004. Environment, archeology and radiocarbon dates. Notes from Inari region, Northern Finnish Lapland. // *Iskos* 13. Early in the North. Helsinki. P. 17– 45.
- Nordqvist K. 2018. The Stone Age of North-Eastern Europe 5500–1800 calBC. Bridging the gap between the East and the West: Academic dissertation to be presented with the assent of the Doctoral Training Committee of Human Sciences. Tampere.

Освоение бассейна верхней Камы в энеолите и бронзовом веке¹

Демаков Д. А.

*(Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет, г. Пермь)
demakov-denis@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-195-198

Район исследований представлен бассейном верхней Камы, а именно: самой Камой – от западной границы Пермского края и до г. Березники, такими крупными реками, как Вишера, Колва, Чусовским озером, а также множеством маленьких рек, речная сеть которых полностью охватывает всю северную часть Прикамья. На данный момент в регионе известно 20 и 24 памятника энеолита и бронзового века соответственно (Памятники истории... , 1996). Из них 17 памятников являются однослойными (10 эпохи бронзы и 7 энеолитических). На 8 памятниках встречаются как энеолитические культурные слои, так и слои эпохи бронзы.

Изучаемый временной промежуток включает в себя период голоцена примерно с середины атлантика и до конца суббореала. После 5–4,5 тыс. радиоуглеродных (С14) л. н. глобальное потепление в северном полушарии сменилось похолоданием, которое наиболее отчетливо проявилось в средних и высоких широтах Земли, что вызвало изменение в составе и распространении растительных сообществ и привело к активизации горного оледенения (Борисова, 2014. С. 11).

В результате этого наблюдается резкое уменьшение осадков, что позволяет определить средний суббореальный период голоцена как ксеротермический. У многих рек Восточно-Европейской равнины снизилась водность, уменьшилась кривизна излучин, разветвленные реки стали меандрировать, поймы перестали затапливаться и превратились в первые надпойменные террасы (Копытов, 2016. С. 84).

Энеолитические памятники расположены тремя скоплениями – 12 памятников в районе р. Березовки и Чусовского озера (рис. 1), 6 памятников на территории Чашкинского старичного образования и 2 памятника находятся на правом берегу р. Колвы. Большая их часть (17 памятников) относится к гаринской археологической культуре, 3 памятника принадлежат новоильинской культуре.

На берегу Чусовского озера расположен самый северный памятник новоильинской археологической культуры – стоянка Поздеевское Озеро II.

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019.

Это озеро образовалось в позднем плейстоцене в результате Печорско-Камского спиллвея. Его можно связать с путем миграции энеолитического населения из бассейна Камы в бассейн Печоры (Демаков, 2019. С. 16).

Для памятников гаринской культуры характерно низкое расположение по отношению к уровню водоема. Расположение памятников и обнаружение орудий, прямо и косвенно связанных с рыболовством, свидетельствуют о том, что лов рыбы начинает играть все большую роль в хозяйственном укладе гаринского населения (Демаков, 2019. С. 16–17).

Рис. 1. Памятники энеолита и бронзового века: 1 – Долгое озеро I, поселение; 2 – Долгое озеро II, поселение; 3 – Чащевое веретъе I, поселение; 4 – Васюковское II, поселение; 5 – Васюково I, поселение; 6 – Чирва I, поселение; 7 – Чирва II, поселение; 8 – Чирва III, поселение; 9 – Поздеевское Озеро II, стоянка; 10 – Бани I, стоянка; 11 – Ларевка I, стоянка-селище; 12 – Ларевка II, поселение

На территории Среднего Предуралья не фиксируются археологические культуры, которые можно отнести к эпохе ранней бронзы, т. к. вплоть до первой половины II тыс. до н. э. существовала гаринская энеолитическая культура. Поэтому самые ранние памятники датируются средней бронзой и относятся к турбинско-сейминскому типу (Лычагина, 2013. С. 107).

В бассейне верхней Камы памятники данного типа не обнаружены. Здесь известны только памятники поздней бронзы. Они распределены следующим образом: 11 памятников непосредственно располагаются в долине Камы, 9 привязаны к озерной котловине Чусовского озера, 3 расположены на р. Колва, один расположен вдали от крупных рек и озер. Памятники находятся как непосредственно на берегу водоемов, так и в отдалении от него, расположены как на низких, пойменных берегах, так и на коренных берегах и береговых террасах.

В ходе работы удалось выделить 3 скопления памятников данного периода – 9 памятников расположены в районе Чусовского озера и р. Березовки (рис. 1), 4 памятника в районе п. Курган – д. Усть-Уролка, 4 памятника в районе п. Затон. На части памятников, расположенных в районе Чусовского озера (например, поселения Чирва I–III), встречаются материалы трех археологических культур позднего бронзового века – лебяжской, гамаюнской и ерзовской (Денисов, 1969). Видимо, на этой территории происходило культурное взаимодействие между населением Припечорья, Среднего Зауралья и Северного Прикамья.

Хозяйство ерзовцев может быть охарактеризовано как охотничье-рыболовческое при достаточно развитом придомно-пастушеском скотоводстве, привнесенном черкаскульцами и, в более раннее время, турбинцами. На ряде поселений найдены обломки плит зернотерок и каменные песты для растирания зерен (Лычагина, 2013. С. 107). Однако данный тип хозяйства характерен для южных территорий распространения ерзовской культуры, на северных памятниках следов скотоводства неизвестно.

Перейдем к выводам. Преобладающей группой энеолитических памятников в бассейне верхней Камы являются поселения гаринской археологической культуры. Они расположены близко к урезу воды, характеризуются уклоном в рыболовство и появлением металлургии. Эпоха бронзы представлена памятниками позднего бронзового века, которые несут в себе следы трех археологических культур – ерзовской, лебяжской и гамаюнской. Для них характерно сочетание охоты и рыболовства. Наличие многослойных памятников, несущих в себе слои как энеолита, так и эпохи бронзы, может говорить нам о схожих стратегиях освоения бассейна верхней Камы. Уникальным в этом плане является район Чусовского озера и р. Березовой, где сконцентрированы памятники как энеолита, так и бронзы.

Список литературы

Борисова О. К., 2014. Ландшафтно-климатические изменения в голоцене // Известия РАН. Сер. геогр. № 2. С. 5–20.

- Демаков Д. А., 2019. Особенности расположения памятников гаринской, новоильинской и борской культур в бассейне верхней и средней Камы // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия *Stydiahistorica*enium. № 1 (15). С. 12–19.
- Денисов В. П., 1969. Свидетели древности — камень, бронза, железо // На западном Урале. Вып. 5. С. 312–327.
- Копытов С. В., 2016. Пространственно-временная изменчивость геосистем долины верхней Камы: Дис. ... канд. геогр. Наук. Пермь.
- Лычагина Е. Л., 2013. Каменный и бронзовый век Предуралья. Пермь.
- Памятники истории и культуры Пермской области, 1996. Т. I. Ч. I. Материалы к археологической карте Пермской области. Пермь.

О климатическом факторе при переходе к неолиту в Северном Прикаспии

Ефремов М. С.

*(Самарский государственный социально-педагогический
университет, г. Самара)
mishellgrut@gmail.com*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-198-200

Территория Северного Прикаспия занимает важное место в изучении проблемы неолитизации Восточной Европы. Однако разработка вопроса о климатическом факторе при переходе к неолиту долгое время была затруднена малочисленностью памятников. Лишь на стоянке Каиршак III исследователям предоставилась возможность провести междисциплинарные исследования. Геологические и палинологические материалы со стоянки Каиршак III позволили констатировать преобладание пыльцы травянистых и кустарниковых растений. В основном — это пыльца полыни (около 80 %) (Лаврушин и др., 1998. С. 48–51). По мнению специалистов, распространение маревых и полыни характерно для степи и полупустыни, а увеличение доли пыльцы этих растений связано с аридизацией климата. Максимальный уровень аридизации, по версии исследователей, приходится на 7200 лет ВР, что явилось естественным рубежом перехода к неолиту (Козин, 2002. С. 7).

В 80-е годы XX в. для памятников раннего неолита Северного Прикаспия радиоуглеродные даты были единичны. В связи с этим хронологическая граница между эпохами мезолита и неолита на данной территории оставалась дискуссионной. За последние 12 лет были получены серии новых радиоуглеродных дат. Исходя из них, материалы стоянки

Каиршак III укладываются в рамки последней четверти VII тыс. до н. э. (в калиброванных значениях). На новой раннеолитической стоянке Байбек в Северном Прикаспии получены сходные с Каиршаком III палинологические данные. В образцах также наблюдается доминирующее количество пыльцы травянистых и кустарников растений семейства маревых и полыни (Выборнов и др., 2018. С. 497–499). Что касается возраста, то массив радиоуглеродных дат позволяет определить время существования стоянки началом VI тыс. до н. э. (Выборнов и др., 2016. С. 50–51). Таким образом, кроме данных по стоянке Каиршак III, исследователи теперь располагают другой очень важной информацией для близкого по времени памятника Байбек. Это позволяет не только реконструировать палеогеографический фон развития носителей каиршаковского типа на всем протяжении раннего неолита в Северном Прикаспии, но и установить более достоверные хронологические рамки.

Человеческие сообщества всегда зависели от климата и были вынуждены адаптироваться к его изменениям, поэтому климат должен был отразиться и на способах выживания, то есть на технологии и хозяйстве. Большое число стоянок каиршаковского типа с культурными слоями и жилищами, значительным количеством находок, достаточно крупными размерами сосудов заставляет усомниться, что пик аридизации был в интервале 6200–6000 лет до н. э.

В то же время есть стоянки Кугат IV и Кулугайси с датами 6600–6500 лет до н. э. Культурные слои на них не выражены, находки малочисленны. Это свидетельствует о временном характере памятников. Ряд черт отличает их каменный инвентарь от материалов каиршаковского типа: высокая степень пластинчатости каменного комплекса, микролитовидный характер пластин, обработка пластин мелкой крутой ретушью со спинки, большой процент геометрических микролитов, наличие среди них параллелограммов, присутствие микрорезцов и пластин с косоретушным концом. Иначе говоря, кугатский инвентарь сохраняет мезолитический облик. Керамических сосудов крайне мало, и они небольших размеров. Важно отметить, что в Северном Прикаспии отсутствуют стоянки, которые датируются 6400–6300 лет до н. э. Необходимо учитывать и то, что ниже культурного слоя на стоянке Каиршак III залегал эоловый песок, свидетельствующий об аридизации. Следовательно, появление керамики произошло до начала аридизации. С этого момента начался переходный период от мезолита к неолиту.

В периоды ухудшения ландшафтно-климатических условий, особенно во время внезапного изменения климата в сторону похолодания или аридизации, происходит перераспределение плотности населения, консолидация в местах наиболее благоприятных для проживания, и, как следствие,

усложнение социальной структуры общества. Кроме того, наблюдается совершенствование технологий изготовления орудий труда и способов ведения хозяйства (Кулькова, 2007. С. 329). В данном случае естественное развитие было прервано климатической катастрофой и оттоком части населения из рассматриваемого региона именно вследствие аридизации. Затем климатическая ситуация становится более благоприятной, что позволяет вновь занять эти ландшафтные ниши.

Таким образом, новые археологические, палинологические и радиоуглеродные данные позволяют скорректировать хронологические рамки, а также уточнить роль климатического фактора при переходе от мезолита к неолиту на территории Северного Прикаспия.

Список литературы

- Выборнов А. А., Барацков А. В., Гречкина Т. Ю., Кулькова М. А., Зайцева Г. И., Поснерт Г., 2016. Радиоуглеродные данные по неолиту Северного Прикаспия // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. Смоленск. С. 48–61.
- Выборнов А. А., Гречкина Т. Ю., Спиридонова Е. А., 2018. Новые палинологические данные о стоянке Байбек // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. № 3 (2). С. 497–501.
- Козин Е. В., 2002. Неолит Северного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Кулькова М. А., 2007. Климатические катастрофы в раннем и среднем голоцене и их влияние на древние сообщества // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: матер. конф., посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН (Санкт-Петербург, 9–12 апреля 2007 г.). СПб. С. 316–333.
- Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Сулержицкий Л. Д., 1998. Геолого-палеологические события севера аридной зоны в последние 10 тыс. лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара. С. 40–65.

Источниковедческий потенциал материалов поверхностных сборов (на примере заготовок кремневых серпов из Морочанского микрорегиона, Полесье)

Киселева Е. О.

(Белорусский государственный университет, г. Минск)

hheinzbrausewind@gmail.com

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-201-203

Материалы поверхностных сборов составляют значительную часть археологических фондов. Источниковедческий потенциал таких коллекций неоднократно становился предметом обсуждения. Существует два полярных подхода к осмыслению находок: подъемные материалы рассматриваются в качестве надежных археологических источников; материалы поверхностных сборов считаются непригодными для каких-либо интерпретаций.

Интерес автора к данной проблематике возник в связи с необходимостью анализа кремневых артефактов, происходящих из Морочанского региона. Этот регион находится на севере Зареченского района Ровенской области Украины. На заболоченных участках в верхнем течении р. Припять, близ сел Морочно и Сеньчицы, расположена группа кремнеобрабатывающих мастерских. Эти памятники относятся к категории узкоспециализированных мастерских по изготовлению бифасиальных вкладышей серпов (Березанская, 1972. С. 98–99).

Первые памятники в окрестностях деревни Морочно были открыты белорусским археологом В. Ф. Исаенко в 1981 г. (Исаенко, 1981. С. 13–15). Вплоть до 1991 г. он проводил регулярные разведки в регионе. Результатом его многолетних работ стало выявление 11 памятников, в том числе 6 памятников производственной деятельности. Некоторые из них были частично повреждены в результате действия природных и антропогенных факторов. Исследователем осуществлялся только сбор подъемного материала. Судя по информации, приведенной в полевых отчетах, В. Ф. Исаенко практиковал селективный подход к формированию коллекций: им собирались исключительно макролитические орудия и их заготовки, а также и изделия со вторичной обработкой (Исаенко, 1981. С. 15).

Наиболее многочисленные категории находок – продукты дебитаж – оставались неучтенными (Исаенко, 1981; 1986; 1989; 1990; 1991). Даже несмотря на несовершенство методики полевых исследований, к 1991 г. коллекция на одном только памятнике Морочно 8 составила порядка 20000–25000 артефактов (из них около 4000–5000 орудий) (Исаенко, 1991. С. 1).

В 1989 г. к археологическому изучению региона приступили украинские специалисты – Л. Л. Зализняк и Г. В. Охрименко. Они не ограничились

разведками и провели раскопки на памятнике Морочно 8 (Исаенко, 1991. С. 4).

Кроме того, исследователи внесли изменения в археологическую номенклатуру, объединив памятники Морочно 8 и Морочно 9 в один и дав ему название «Люботынь-3» (по названию урочища, расположенного возле деревни Морочно) (Исаенко, 1991. С. 4). В результате раскопок, при осуществлении которых применялась методика просеивания культурного слоя, были найдены многочисленные артефакты мезолитического времени. Л. Л. Зализняк и Г. В. Охрименко, подобно своему белорусскому коллеге, собирали только отдельные категории кремневого инвентаря: нуклеусы, пластины, изделия со вторичной обработкой. При этом они не выявили заготовок серпов (Зализняк, 1991. С. 143). В.Ф. Исаенко объяснил этот факт тщательностью проведенных в предыдущие годы поверхностных сборов (Исаенко, 1991. С. 5).

Коллекции, происходящие с одних и тех же памятников, но полученные в результате применения различных методик полевой работы, существенно разнятся. Материалы, собранные В. Ф. Исаенко, поступили в фонды Института истории Национальной академии наук Беларуси. Систематизация и научная обработка этого представительного собрания кремневых артефактов – задача, которая вплоть до настоящего времени не была в полной мере выполнена. Тем не менее В. Ф. Исаенко неоднократно подчеркивал исключительную значимость этой группы памятников (Исаенко, 1990. С. 6). Именно морочанские находки легли в основу разработанной исследователем типологии серпов белорусского Полесья (Исаенко, 1994. С. 9–20).

В заключение следует отметить, что источниковедческий потенциал коллекции заготовок кремневых серпов из Морочанского микрорегиона имеет ограниченный характер. Рассмотрению материалов В. Ф. Исаенко в качестве полноценного источника препятствует ряд факторов: повреждения культурного слоя памятников, многократное заселение территории региона на протяжении от мезолита до железного века и вытекающее из этого смешение материалов; селективный подход к отбору артефактов, несовершенство методики полевой работы (отсутствие фиксации находок, малоинформативные отчеты).

Вместе с тем, несмотря на указанные обстоятельства, изучение материалов морочанских мастерских позволит реконструировать технологию изготовления кремневых бифасиальных серпов. Является перспективным рассмотрение проблем культурной и хронологической атрибуции материалов. Изучение кремневого сырья, из которого были сделаны артефакты, будет способствовать идентификации импортных изделий на территории Беларуси.

Будущие исследования должны охватывать ряд основных направлений. Представляется целесообразным проведение дополнительного архео-

логического изучения памятников, однако основное внимание должно быть уделено обработке коллекций кремневых артефактов на современном методическом и методологическом уровне. Самые значительные результаты могут быть получены при использовании метода анализа последовательности сколов (scar-pattern analysis).

Список литературы

- Березанская С. С., 1972. Средний период бронзового века в Северной Украине. Киев.
- Зализняк Л. Л., 1991. Население Полесья в мезолите. Киев.
- Исаенко В. Ф., 1994. Кремневые серпы Полесья // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 5. Минск. С. 9–20.
- Исаенко В. Ф., 1981. Отчет о полевых исследованиях 1981 года // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп 1. Арх. № 767.
- Исаенко В. Ф., 1986. Отчет о полевых работах в 1986 году Припятского отряда // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп 1. Арх. № 1004.
- Исаенко В. Ф., 1989. Отчет Припятского отряда археологической экспедиции о полевых обследованиях 1989 года // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 1178.
- Исаенко В. Ф., 1990. Отчет о полевых исследованиях 1990 г. Припятского археологического отряда // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп 1. Арх. № 1470.
- Исаенко В. Ф., 1991. Отчет Припятской группы, изучающей каменный век Полесья в сезон 1991 года // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп 1. Арх. № 1469.

Древнейшие металлические серпы эпохи бронзы на территории Северного Кавказа¹

Климушина А. И.

*(Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург)
elizavetaklim21@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-203-207

Одним из важных событий в истории северокавказского металлопроизводства было начало изготовления металлических серпов. Как показали недавние исследования, эти орудия предназначались не только для жатвы зерновых культур, но и для заготовки сена для стойлового содержания скота (Бочкарев, 2012. С. 207). Их широкое распространение приобрело важное экономическое значение. Поэтому во многих реги-

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме № 0184-2019-0004.

онах Европы начали их массовое изготовление (Трансильвания, Нижнее Подунавье и т. д.). К числу таких регионов относится и Северо-Западный Кавказ. Во второй половине II тыс. до н. э. серпы здесь стали самой распространенной категорией металлических изделий. По последним данным их известно уже около двух сотен. Они составляли основную часть продукции прикубанского очага металлургии и металлообработки (Иессен, 1951. С. 108–111). Таким образом, можно утверждать, что с началом массового производства серпов, этот очаг был ориентирован на обслуживание очень широкого круга потребителей. Эта новая организация металлопроизводства формировалась на протяжении длительного времени. Ее истоки восходят еще к эпохе средней бронзы, когда и появились первые металлические серпы.

Эти ранние серпы А. А. Иессен объединил в костромской тип, названный по одноименному кладу (Иессен, 1935. С. 96–97). Этот клад стал основой для выделения позднейшего этапа эпохи средней бронзы на территории Северного Кавказа и предкавказских степей. Костромские серпы открывают большую серию однофункциональных орудий, получивших широкое распространение на Северо-Западном Кавказе во второй половине II тыс. до н. э. Их сменяют серпы т. н. позднекубанской серии (Иессен, 1951. С. 108–111). От этих последних они отличаются целым рядом признаков.

Главным отличительным признаком костромских серпов является способ крепления их рукояти. В отличие от позднекубанских серпов они снабжены не стержнем, а коротким черенком, подтреугольной или прямоугольной формы. Все они имеют равномерно изогнутую спинку, без резкого ее перегиба. Иногда край спинки утолщен или укреплен невысоким валиком. В ряде случаев по нему нанесен ряд насечек. Ширина клинков по всей длине орудия одинаковая. Некоторые из серпов имеют поперечные и продольные изгибы клинков. Их длина по диагонали варьирует в пределах от 19 до 25/26 см. Ширина клинков колеблется в интервале от 2 до 4 см. Вес серпов – от 176 до 240 г.

По данным визуального обследования костромские серпы были литыми. Для их производства, по всей видимости, использовались двустворчатые глиняные формы. На одной створке помещался негатив, а вторая служила крышкой. В отличие от позднекубанских серпов, их литник располагался со стороны черенка. После отливки изделия подвергались значительной кузнечной обработке. В частности, клинкам придавался продольный и поперечный изгиб, спинка иногда укреплялась насечками. Как показали анализы, значительная часть серпов отлита из мышьяковой бронзы (Черных, 1966. С. 40–42, табл. 3).

В настоящее время нами учтено 27 экземпляров целых костромских серпов и около 20 их обломков. Большая их часть найдена в кладах:

Костромской клад, клад из пещеры Майкопского округа, Второй Натухаевский, Большое Садовое (Иессен, 1951; Новичихин, 2013; Kłoczko, 2014). Реже серпы встречаются в погребениях (Отраденское погребение, могильник Усть-Джегутинский) (Сафронов, 1974; Нечитайло, 1978). Есть также единичные случайные находки (ст. Надежная Отраденского района, район Пятигорья, район Новая Хортица) (Пелих, Олейничев, 2001; Дергачев, Бочкарев, 2002).

Новые материалы показали, что серпы, объединенные А. А. Иессеном в костромской тип, не однородны и представляют собой целую группу. В ней можно выделить два типа (рис. 1). Между собой они отличаются главным образом по форме черенка. К первому типу, собственно костромскому, относятся орудия с треугольной формой черенка, ко второму – с прямоугольной. У этих последних иногда в черенке пробито отверстие. По характерной находке второй тип может быть назван натухаевским.

Костромской тип представлен большим количеством находок. В целом и фрагментированном виде их сейчас известно около 30 экземпляров. Почти все они происходят с территории Закубанья (Костромской клад, клад из пещеры в Майкопском округе, случайные находки из ст. Надежной Отраденского района и из ст. Натухаевской Анапского района) (Иессен, 1935. С. 96–97; 1951. С. 108, рис. 54; Пелих, Олейничев, 2001. С. 12–15, рис. 1; Новичихин, 2012. С. 8, рис. 2: 1). Один серп найден в районе Пятигорья (по данным А. А. Спицына), еще один – в районе Запорожья – Новая Хортица (Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 115, табл. 39: 521). Между собой серпы костромского типа также отличаются степенью изгиба спинки и еще некоторыми деталями. К числу последних можно отнести насечки на спинке орудий. По меньшей мере этот признак встречается на 8 экземплярах (5 серпов – клад из пещеры в Майкопском округе, два серпа из Костромского клада, 1 серп – случайная находка в ст. Надежной). У подавляющей части этих орудий есть четко выделенный уступ при переходе от лезвийной части к черенку. В плане черенок имеет подтреугольную форму, в поперечном сечении – прямоугольную. Конеч черенка приострен.

К натухаевскому типу принадлежат серпы со средним или сильно изогнутым клинком, выделенным черенком прямоугольной формы, отделенным от лезвия небольшим изгибом или уступом. Также, как и у серпов костромского типа, степень изгиба их спинки варьирует. Следует также отметить, что их важным признаком является продольный изгиб клинков. Этот тип сейчас известен в количестве четырех экземпляров. Он распространен на сравнительно небольшой территории: два серпа происходят из Второго Натухаевского клада (Анапский район Краснодарского края), еще два – из клада Большое Садовое (Бахчисарайский район,

Крым) (Новичихин, 2012. С. 4, рис. 1: 2–3; Kłoczko, 2014. С. 168, рис. 1). На трех серпах натухаевского типа черенок снабжен отверстием, с помощью которого, вероятно, дополнительно крепилась рукоятка.

Известно еще два серпа костромской группы из т. н. Отрадненского погребения. Они не укладываются в предложенную нами классификацию. По некоторым признакам (прямоугольная форма черенка и плавный переход от клинка к черенку) отрадненские серпы ближе стоят к орудиям натухаевского типа. Однако их отличает более узкий черенок. В будущем, с появлением новых материалов, они, возможно, составят новый тип.

Рис.1. Схема классификации серпов костромской группы

Благодаря ряду комплексных находок, может быть установлена хронология серпов костромской группы. Первый тип представлен в Костромском кладе, который является самым характерным памятником одноименного этапа. Согласно современным представлениям, он датируется посткатакомбным временем, т. е. самым концом эпохи средней бронзы (конец III – начало II тыс. до н. э.). Возможно, к более раннему времени, привольненскому этапу, следует относить два серпа из отрадненского погребения. Хотя достоверность этого памятника сейчас невозможно подтвердить, весь его инвентарь указывает на сравнительно раннее время (Сафронов, 1974. С. 298, рис. 75: 1). Отрадненские серпы также выглядят весьма архаично. По форме они стоят ближе всего к куро-аракским серпам (Кушнарева, Чубинишвили, 1970. Рис. 42: 27, 30, 31). Натухаевский тип серпов, судя по составу комплекса из клада Большое Садовое, также может быть датирован концом привольненского – началом костромского этапов. На это указывают типы ножей и топоров этого комплекса.

Судя по времени и ареалу распространения, серпы костромской группы могут принадлежать к северокавказской культуре на позднем этапе ее

развития (Марковин, 1994. С. 274, табл. 83: 9). Но вопрос этот остается открытым из-за недостатка фактических данных. Наиболее вероятными прототипами серпов костромской группы могли быть металлические серпы куро-аракской культуры (Кушнарева, Чубинишвили, 1970. Рис. 42, 27, 30, 31). На это указывает их общее типологическое сходство. Особенно важно отметить одинаковый способ крепления рукояти, плавно изогнутую спинку и некоторые другие детали. При решении вопроса происхождения костромских серпов нужно также принимать во внимание хронологический приоритет куро-аракской культуры.

Таким образом, серпы костромской группы являются первыми металлическими серпами Северо-Западного Кавказа. С них начинается традиция изготовления жатвенных орудий на этой территории.

Список литературы

- Бочкарёв В. С., 2012. К вопросу об использовании металлических серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. СПб. № 2. С. 194–214.
- Дергачев В. А., Бочкарёв В. С., 2002. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинёв.
- Иессен А. А., 1935. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Известия ГАИМК. Вып. 120. С. 7–237.
- Иессен А. А., 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. № 23. С. 75–124.
- Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970. Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н. э.). Л.
- Марковин В.И., 1994. Северокавказская культурно-историческая общность // Археология СССР. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М. С. 254–286.
- Нечитайло А. Л., 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев.
- Новичихин А. М., 2012. Второй Натухаевский клад металлических изделий бронзового века и новые находки бронзовых серпов в Западном Закубанье // Историко-археологический альманах. № 11. С. 4–11.
- Пелих А. Л., Олейничев С. С., 2001. Новая находка серпа «костромского» типа // Восьмые чтения по археологии Средней Кубани. С. 12–15.
- Сафронов В. А., 1974. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. Вып. 7. С. 23–306.
- Черных Е. Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М. (МИА. № 132).

Соотношение дольменного и катакомбного погребального обряда: к постановке проблемы

Кожедуб А. А.

*(Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)
die.lichte.nacht@gmail.com*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-208-210

Дольменная археологическая культура широко распространена на территории Западного Кавказа и представлена монументальными мегалитическими постройками, сложенными из плит и блоков. Дольмены Западного Кавказа уже более двухсот лет являются предметом исследований российских и зарубежных археологов. Однако лишь во второй половине XX в. ряд исследователей отметили некоторое сходство погребального обряда дольменной и степной раннекатакомбной культур. В. Я. Кияшко отмечал сходство в позе и ориентировке погребенного, конструкциях погребального сооружения и особенностях микроритуала, что наводило на мысль о возможности преемственности традиций дольменной культуры с населением Приазовья эпохи ранней бронзы (Кияшко, 1979. С. 49–50). Однако ведущий исследователь дольменной культуры В. И. Марковин критически оценивал данную возможность, акцентируя внимание на том, что памятники дольменного типа встречаются во многих странах мира, в то время как катакомбная культура распространена лишь в Восточной Европе (Марковин, 2004. С. 52–53).

До недавнего времени слабая изученность погребальных ритуалов дольменной и раннекатакомбной культур не позволяла провести в полной мере их сравнение. Однако в настоящий момент количество обнаруженных и изученных памятников катакомбной и дольменной культур дает возможность на новом уровне поднять данный вопрос. В. Я. Стеганцева, проводя исследования погребальных комплексов на обширной территории от гор Западного Кавказа до степной части Восточного Приазовья, отмечает следующие общие черты дольменов и катакомб: многократное использование погребальной камеры, архитектурное устройство погребальных сооружений (насыпь, наличие двух камер, сходство внутренних конструкций входных шахт катакомб и притворов дольменов, заслоны входа в камеру, рисунки на стенах), сходные строительные приемы с использованием узких долотообразных орудий. Данные признаки сходства указывают на общую идею двухкамерного погребального сооружения, выполненного в различных природных условиях из разных материалов (Стеганцева, 2010. С. 123–130). Создается впечатление, что при выкапывании катакомб в суглинке использовались те же способы и орудия, что и при сооружении каменных дольменов.

На это указывают прямоугольная или трапецевидная форма камеры с четко выраженными углами, косые и прямые следы орудий, которыми тесали землю, как камень. В данном случае ряд исследователей считает, что подобное сходство в погребальных обрядах может быть вызвано не прямой миграцией носителей дольменной культуры в Приазовские степи, а «миграцией идеи» (Кияшко, Кияшко, 1992).

Исследования последних лет дают новый материал для сравнения погребальных обрядов дольменной и раннекатакомбной культур. Если в исследованиях В. И. Марковина неразграбленные дольмены с сохранившимися останками погребенных и инвентарем составляли единичные случаи (Марковин, 1997), то в ходе раскопок последних лет нетронутые дольмены обнаруживаются значительно чаще. В 2012 г. в русле р. Шепси у южной границы Туапсинского района Краснодарского края был обнаружен неразграбленный дольмен с останками около 20 человек, в котором прослеживалась последовательность совершения погребений, что служит свидетельством использования данного дольмена как склепа (Трифонов и др., 2013. С. 37–38). Практика подзахоронений также была распространена в раннекатакомбной культуре.

Во время исследования археологического комплекса Шушук в Майкопском районе республики Адыгея было вскрыто более 20 погребальных объектов, под каждым из которых находилось 1–2 погребальных сооружения дольменного типа. В неразграбленных погребениях обнаружены останки до 14 человек, что также может свидетельствовать о вторичном характере погребений. Кроме того, была обнаружена керамика с ручками, аналоги которой можно встретить в раннекатакомбной культуре (Эрлих, 2019. С. 205–207).

Таким образом, обширный накопленный за последние годы материал исследований дольменной и раннекатакомбной культур, а также новые методы датировки, такие как радиоуглеродный анализ, позволяют по-новому взглянуть на поднятый более полувека назад вопрос: существует ли сходство дольменного и катакомбного погребальных обрядов и, если да, то в чем оно заключается?

Список литературы

- Кияшко А. В., Кияшко В. Я., 1992. К вопросу о связях племен Подонья – Приазовья и Кавказа в бронзовом веке // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону. С. 3–8.
- Кияшко В. Я., 1979. Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы: Тезисы докл. конф. (Донецк, 3-6 декабря 1979 г.). Донецк. С. 49–50.

- Марковин В. И., 1997. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.
- Марковин В. И., 2004. Дискуссионные проблемы в изучении дольменов Западного Кавказа // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа: Сборник статей. М., С. 49–61.
- Стеганцева В. Я., 2010. Еще раз о сходстве погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Восточном Приазовье и на западном Кавказе // Записки института истории материальной культуры. № 5. С. 123–136.
- Трифонов В. А., 2013. Дольмен «Шепси» и ранние формы коллективных мегалитических гробниц на Северо-Западном Кавказе в эпоху бронзы // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. Тез. докл. круглого стола, посвященного памяти Н. Я. Мерперта (Москва, 5–7 февраля 2013 г.). М. С. 37–38.
- Эрлих В. Р., 2019. Финал бронзового века в предгорьях Северо-Западного Кавказа – постдольменный горизонт. Новые данные // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Мат. межд. конф. (Санкт-Петербург, 18–22 ноября 2019 г.). Т. II. СПб. С. 205–207.

О локальных различиях раннекатакомбного погребального обряда на Нижнем Дону

Кожедуб А. Г.

*(ООО «Археологическое научно-исследовательское бюро»,
г. Ростов-на-Дону)*

lugalzagessi@yandex.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-210-213

Возросший интерес к погребальному обряду бронзового века степей Восточной Европы не удивителен. Ведь за последние десятилетия раскопки курганных могильников велись повсеместно, и накопленный материал дает возможность пересмотреть и дополнить разработанные ранее концепции. Это касается и территории Нижнего Подонья, где в эпоху средней бронзы была распространена катакомбная культура.

В поздний период катакомбной культуры локальные различия были ярко выражены и послужили причиной разделения ее на варианты. Это, в свою очередь, дало возможность для сравнительной характеристики этих вариантов, например, на материалах катакомбных культур манычского круга (Власкин, 2010). Что касается раннекатакомбного периода на территории Нижнего Дона, то различия в обряде проявляются прежде всего в особенностях левобережных и правобережных погребальных комплексов.

Основными признаками погребального комплекса являются: 1) положение в кургане; 2) тип погребальной конструкции; 3) поза и ориентировка костяка; 4) элементы ритуала; 5) состав и расположение инвентаря. Именно по этим критериям будет проведена сравнительная характеристика.

Кратко изложим некоторые предварительные выводы. Одним из самых известных различий является расположение катакомб по дуге в курганах правобережья Нижнего Дона, что на левобережье практически не встречается. Эта особенность достаточно хорошо изучена (Чечина, 2019). Как известно, в раннекатакомбный период на Нижнем Дону наиболее распространены Т-видные катакомбы с заплечиками и наклонным желобом во входной яме. Они наиболее распространены на правобережье Нижнего Дона. Что касается левобережья, то здесь помимо Т-образных катакомб повсеместно встречаются Н-видные катакомбы с узким лазом и ассиметричные, то есть с угловым входом. Ориентировкам погребенных по сторонам света в последнее время уделяется особое внимание, как важнейшему критерию погребального обряда. Локальные особенности ориентировок заметил еще С. Н. Братченко, но рассматривались они в основном в связи с размещением катакомбы в кургане (Братченко, 1976. С. 16–19).

В дальнейшем было обращено внимание на ориентировку погребенных в катакомбах. В катакомбах ориентировка определялась выходом из камеры, к которому был развернут умерший (Кияшко, 2002). Автор этой концепции, А. В. Кияшко, основывал свои выводы на изучении структуры: «погребальное сооружение – поза – ориентировка». Он подробно проанализировал региональные тенденции погребального обряда для основных регионов распространения катакомбной культуры на всем промежутке ее существования.

М. В. Андреева на базе восточноманычской катакомбной культуры доказала, что ориентировка погребенных по сторонам света может считаться важнейшим индикатором стоящего за археологической общностью религиозно-идеологического и этнического единства (Андреева, 2010. С. 171–172). Что касается раннекатакомбной культуры, то А. В. Кияшко подробно охарактеризованы общие направления развития ее погребального обряда, в том числе локальные особенности Дон-Донецкого региона. (Кияшко, 1999). Новые данные подтверждают тенденции ориентировки погребенных на юг и восток на правобережье Дона и на север и запад – на левобережье. Для ранних катакомб на обоих берегах Дона характерна слабая скорченность костяков. При этом прослеживается увеличение скорченности на поздних периодах катакомбной культуры (рис. 1).

В инвентаре катакомб левобережья Нижнего Дона распространены молоточковидные булавки, которые в катакомбах правобережья практически не встречаются.

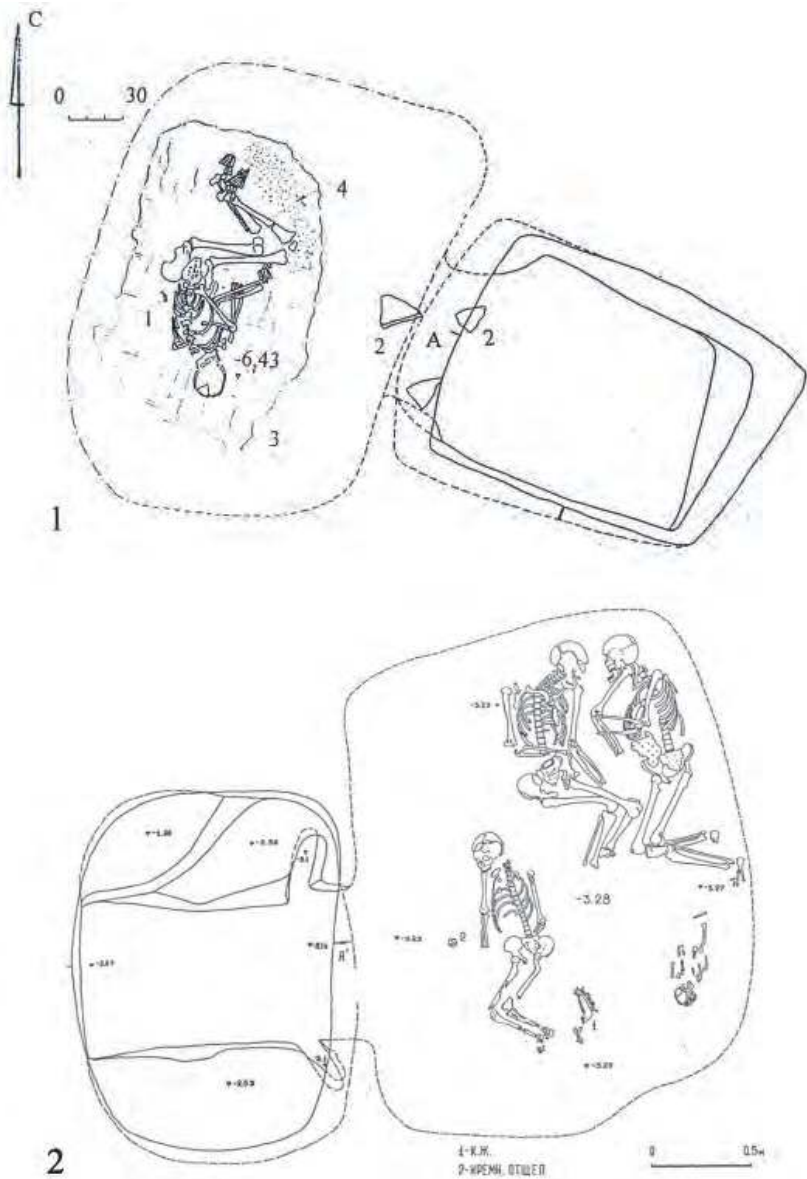

Рис. 1. Катакомбные погребения: 1 – правобережье (Чатал-Оба-I п. 7);
 2 – левобережье (Дубовский I к. 8, п. 6)

В докладе будут использованы комплексы из курганов, исследованных в последние десятилетия. Отчеты этого периода более информативны, особенно при передаче деталей ритуала и инвентаря. Они содержат антропологические и палеозоологические определения. Показательно использование в ритуале охры и мела на всем протяжении раннекатакомбного периода. Интересной особенностью является наличие коричневого тлена в правобережных комплексах. В заключении делается вывод, что перечисленные выше отличия имели сквозной характер от раннекатакомбного до позднедонецкого периода.

Список литературы

- Андреева М. В., 2010. Особенности организации курганного пространства в погребальном обряде восточноманьчской катакомбной культуры // КСИА. № 224. С. 171–185.
- Братченко С. Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.
- Власкин Н. М., 2010. Сравнительная характеристика катакомбных культур маньчского типа эпохи средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Кияшко А. В., 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград.
- Кияшко А. В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград.
- Чечина А. Ю., 2018. Особенности формирования подкурганного пространства в период средней бронзы на территории правобережья Нижнего Дона // Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. Тез. докл. круглого стола (Москва, 3–5 декабря 2018 г.). М. С. 81–83.

Ямочно-гребенчатая керамика с поселения Доброе 9 на Верхнем Дону¹

Куличков А. А.

(ООО «Экспертиза Черноземья», г. Липецк)

kulichkov.aleks@yandex.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-213-217

Поселение Доброе 9 открыто А. А. Клюкойтем в 2014 г. Им была сделана зачистка на берегу р. Воронеж шириной 2 м у южной окраины с. Доброе Липецкой области (рис. 1: 1) (Клюкойть, 2014). В 2017–2019 гг. изучением памятника занимался Р. В. Смольянинов совместно с автором данной статьи. На разрушаемой части поселения раскопками вскрыта

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-49-480004 и гранта Фонда президентских грантов № 19-2-018793.

площадь 98 кв. м памятника. В раскопе были выявлены материалы эпох неолита VI–IV тыс. до н. э. (среднедонская неолитическая культура, гребенчато-ямочная, ямочно-гребенчатая и накольчато-ямочная керамика), энеолита IV тыс. до н. э. (среднедонецкая и репинская культуры), бронзы III тыс. до н. э. (воронежская культура), раннего железного века (начало I тыс. н. э.) и древнерусского времени XII–XIV вв. (Куличков, 2017; 2018; Султанова, 2019). Данная работа посвящена публикации ямочно-гребенчатой керамики с поселения Доброе 9.

Раскопы разбивались в единой сетке с разведочной зачисткой 2014 г. и ориентированы по линии берега р. Воронеж. Стратиграфия едина для всего памятника: 0–0,1 м – дерн; 0,05–0,10 – 0,35–0,55 м – темно-серая супесь; 0,35–0,55 – 0,95–1,00 м – коричневая супесь; 0,95–1,00 – 1,15–1,30 м – серая супесь; 1,15–1,30 – 1,60 м серый суглинок. Материк – светло-серая глина.

В ходе полевых исследований 2018 и 2019 гг. было найдено 174 фрагмента от 11 лепных сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией (рис. 1: 5–7). Данные материалы были приурочены к слою серой супеси, залежали на глубине 1,1–1,3 м от дневной поверхности. Сосуды относительно крупных размеров, с наибольшим диаметром сохранившихся фрагментов 32–38 см, при толщине стенок 5–7 мм. Семь сосудов открытой формы (рис. 1: 5), а четыре – прямостенных (рис. 1: 6). Края всех венчиков закруглены (рис. 1: 5–6). Единственное найденное днище сосудов округлое, утолщенное (рис. 1: 7).

Вся поверхность сосудов орнаментирована. Доминирующим элементом орнамента являются ямочные вдавления овальной и круглой формы с коническим или цилиндрическим дном, расположенные в шахматном порядке (рис. 1: 5–7). Тулово некоторых сосудов украшено гребенчатыми оттисками, поставленными в один горизонтальный ряд. Под венчиком одного из сосудов имеется жемчужный пояс, состоящий из двух горизонтальных рядов жемчужин (рис. 1: 5).

В качестве исходного пластического сырья (далее – ИПС) данной керамики использовалась ожелезненная илистая глина. В единичной концентрации встречены органические остатки в виде полостей от выгоревшей растительности: листьев, стебельков растений (рис. 1: 2–4). Сырье среднезапасоченное, с кварцевым песком размером 0,2–0,4 мм в концентрации 1:6 – 1:7 (рис. 1: 2–4), единично встречаются частицы окатанного песка размером до 1 мм (1–3 вкл. на кв. см) (рис. 1: 2–3). ИПС шести сосудов содержит твердые окатанные железистые частицы размером 1–3 мм (рис. 1: 3–4). Еще в двух фрагментах керамики найдены непромешанные фрагменты высокопластичной глины белого цвета (рис. 1: 3). ИПС всех ямочно-гребенчатых сосудов использовалось в естественном увлажненном состоянии, признаков дробления не зафиксировано.

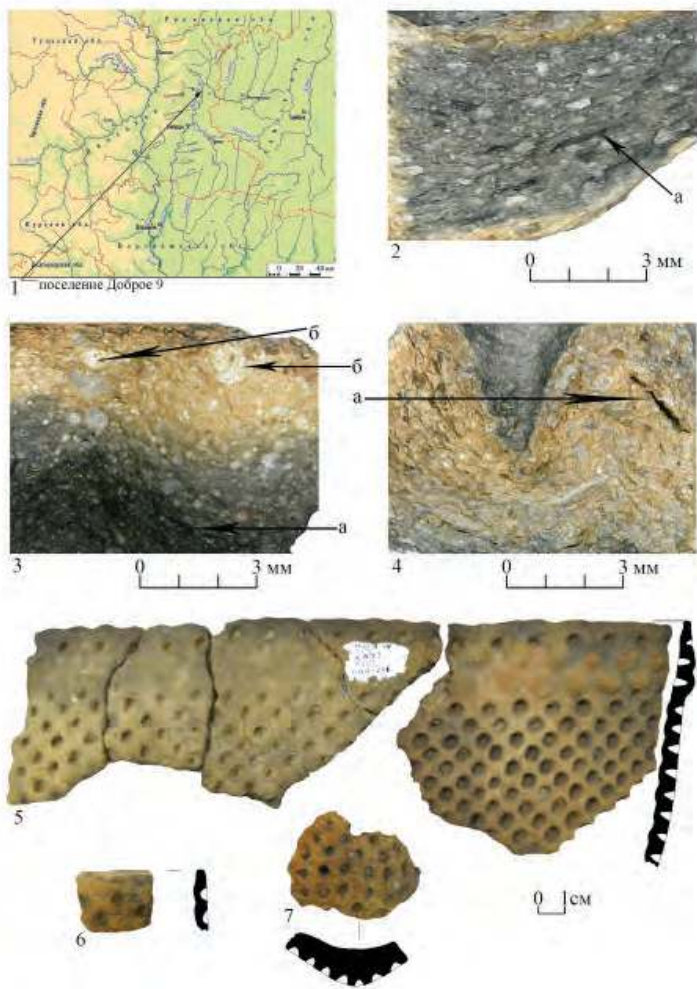

Рис. 1. Поселение Доброе 9: 1 – местоположение поселения Доброе 9 на карте; 2–4 – микроснимки изломов ямочно-гребенчатой керамики (а – полости от выгоревших растений; б – частицы высокопластичной глины); 5–7 – ямочно-гребенчатая керамика

Выявлены признаки конструирования сосудов лоскутным налепом. Строительным элементом служили лепешкообразные лоскутки различных размеров от 2×2 до 3×3 см, которые накладывались по траектории близкой к спиралевидной. Выявлено два способа обработки поверхностей: 1) внешняя поверхность заглажена грубо выделанной кожей, а внутренняя – расчесана пучком травы; 2) внешняя поверхность заглажена грубо выделанной кожей, а внутренняя – расчесана жестким гребенчатым штампом.

Механическая прочность сосудов средняя. Окраска изломов фрагментов сосудов двухслойная. Полученные данные позволяют предполагать костровый обжиг с недостаточной продолжительной выдержкой при температурах каления – 650–700 °С. Слои неравномерные по толщине, границы между ними размыты. Это свидетельствует о том, что сосуды долгое время после обжига оставались на месте обжига.

Следует отметить, что технология изготовления, орнаментация и формы ямочно-гребенчатой керамики с поселения Доброе 9 достаточно однородны. Данную керамику на Верхнем Дону по аналогии с подобной посудой Волго-Окского междуречья в калиброванных значениях можно датировать первой половиной IV тыс. до н. э. Для слоя позднего этапа поселения Воймежное 1 получена дата 5100 ± 70 (4000–3710 лет до н. э.) ГИН-6867, а для аналогичных материалов с Ивановского 3 – 5100 ± 70 ВР (4000–3710 лет до н. э.) ЛЕ-1976 (Энговатова, 1998. С. 245). На Верхнем Дону подобная посуда датируется этим же временем. Получена серия радиоуглеродных дат по материалам стоянок Университетская 3 – 5080 ± 125 ВР (4250–3600 лет до н. э.) ЛЕ-1013, Ямное – 4850 ± 90 ВР (3950–3350 лет до н. э.) КИ-16634, 4790 ± 80 ВР (3710–3360 лет до н. э.) КИ-16636 (Сурков, Скоробогатов, 2012. С. 67), Подзорново – 4770 ± 60 ВР (3660–3370 лет до н. э.) ЛЕ-725, Курино 1 – 5225 ± 90 ВР (4319–3802 лет до н. э.) КИ-13313 (Smolyaninov et al., 2017).

Список литературы

- Клюкойть А. А., 2014. Отчет о проведении разведочных работ в среднем течении р. Воронеж на территории Добровского, Грязинского и Липецкого районов Липецкой области в 2014 году // Архив ИА РАН. Р-1.
- Куличков А. А., 2017. Отчет о разведочных исследованиях в бассейне р. Воронеж в пределах Добровского района Липецкой области, Мичуринского района Тамбовской области в 2017 году // Архив ИА РАН. Р-1.
- Куличков А. А., 2018. Отчет к открытому листу № 1927 об археологических исследованиях на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Доброе 9» в Добровском районе Липецкой области в 2018 году // Архив ИА РАН. Р-1.

- Султанова М. В. Отчет об археологических раскопках выявленного объекта археологического наследия Доброе 9, поселение по открытому листу № 1211-2019 в Добровском районе Липецкой области // Архив ИА РАН. Р-1.
- Энговатова А. В., 1998. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Вып. 3. С. 238–246.
- Smolyaninov R., Skorobogatov A., Surkov A., 2017. Chronology of Neolithic sites in the forest steppe area of the Don River // Documenta Praehistorica. XLIV. Ljubljana, Slovenia. P. 192–202.

Парное погребение бабинской культуры из курганного могильника Бургуста I¹

Ларенок О. П.

*(Ассоциация «Южархеология», г. Ростов-на-Дону)
ksanalare@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-217-220

Финал эпохи средней бронзы на территории Нижнего Дона преимущественно представлен памятниками днепро-донской бабинской культуры. На данный момент на этой территории изучено значительное количество погребений указанной культуры. Они отличаются некоторыми характерными особенностями.

Так при раскопках курганного могильника Бургуста I в 2017 г. было обнаружено парное погребение бабинской культуры (курган 5, погребение 10) (Ларенок, 2018. С. 53–54). Оно перекрывало основное женское захоронение, относящееся к этой же культуре, к раннему этапу ее развития (Ларенок, 2017. С. 74–79). По наблюдениям Р. А. Литвиненко погребения с 2–3 костяками составляют только 3,3 % от общего числа погребений бабинской культуры (Литвиненко, 2011. С. 112). Описанное погребение является достаточно редким явлением, так как в курганных могильниках преобладают одиночные захоронения (Литвиненко, 2011. С. 112). Яма этого погребения была перекрыта деревянными плахами. Удалось проследить, что они были уложены поперек длинной оси ямы и ориентированы по линии северо-восток – юго-запад. Также с данным погребением было связано жертвоприношение барана (по определению к. б. н., археозоолога Ю. Я. Мягковой). Так называемое «чучело» обнаружено на погребенной почве под первой насыпью (рис. 1: а).

¹ Работа выполнена по Гранту РФФИ № 20-09-00469А «Культурно-историческое развитие Тамани и Восточного Крыма в конце III – начале I тыс. до н. э. в свете археологических открытий XXI века».

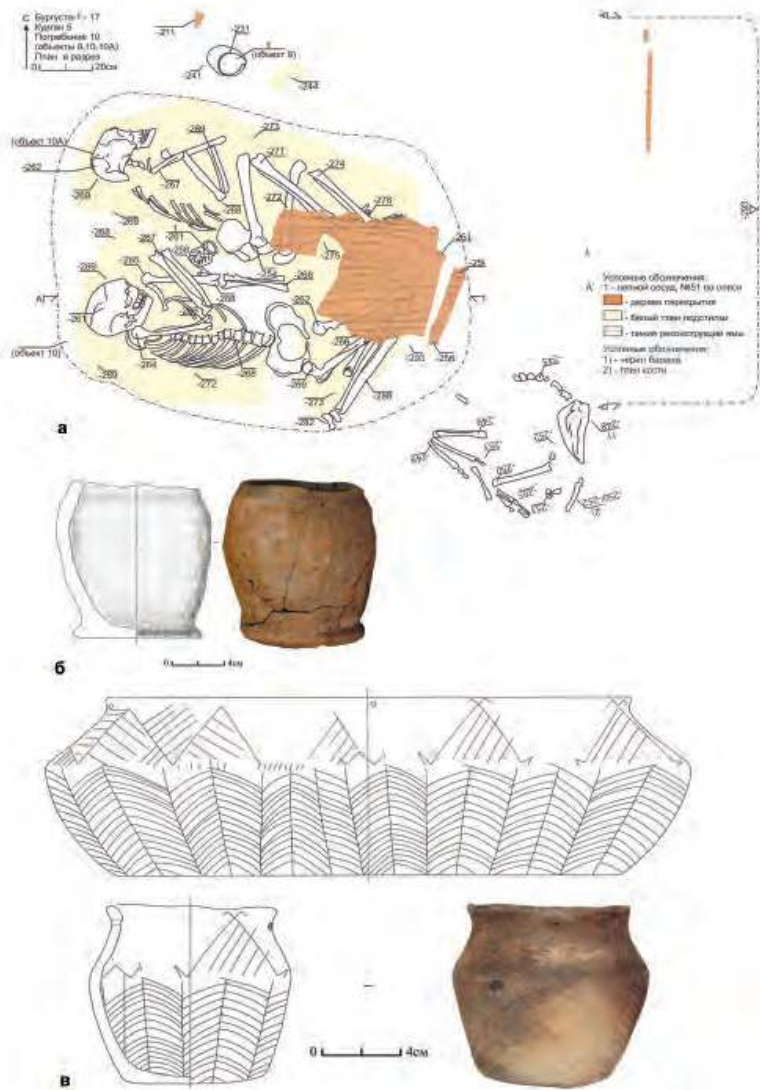

Рис. 1. Погребение из курганного могильника Бургуста I: а – план погребения № 10 кургана № 5 КМ Бургуста I; б – баночный сосуд (№ п/о 50); в – орнаментированный сосуд (№ п/о 51)

Костякам из погребений были присвоены условные обозначения «А» – для северного и «Б» – для южного. По антропологическим данным оба погребенных были мужского пола (по определению к. и. н., антрополога Е. Китова). Они лежали в скорченном положении, головами на запад (рис. 1: а). Под ними на дне могильной ямы сохранились остатки подстилки в виде белого тлена.

Сопутствующий инвентарь состоял из двух лепных сосудов. Первый из них – баночный, цилиндрической формы, неорнаментированный (рис 1: б). Он лежал на краю деревянного перекрытия у края могильной ямы. Под ним прослеживалось пятно белого тлена камыша. Схожие по форме баночные сосуды преимущественно были распространены в степной части ареала Бабино и изредка – в лесостепной части (Шарафутдинова, 1987. С. 38). При классификации керамического комплекса Бабино Э. С. Шарафутдинова отнесла сосуды такого облика к пятому типу. Отличительной их особенностью является наличие небольшой закраины у дна (Шарафутдинова, 1987. С. 32, 33, рис. 2: 5–20). При этом было отмечено, что этот тип чаще всего встречается на памятниках Правобережья (Шарафутдинова, 1987. С. 32).

Второй сосуд находился у левого локтевого сустава костяка «Б». Это небольшой горшочек усеченно-биконической формы. Он был украшен ассимметричным елочным орнаментом. Под венчиком просверлены два сквозных отверстия, возможно, предназначенные для подвешивания сосудов (рис 1: в). Согласно классификации Э. С. Шарафутдиновой, подобные сосуды составляют первый тип. В него включены горшки разных размеров с характерным орнаментальным узором и биконическим профилем (Шарафутдинова, 1987. С. 31–32). Аналогичные сосуды получили распространение преимущественно на территории днепро-донской бабинской культуры, а также частично, по некоторым соответствиям, в других локальных вариантах (Литвиненко, 2011. С. 114, 120). Такие богато украшенные горшки считаются характерным типом раннего этапа бабинской культуры (Литвиненко, 2002. С. 79).

Наиболее схожие по орнаментации и форме сосуды были найдены в могильнике у с. Николаевка (курган 8, погребение 6) (Березанская, Отрощенко и др., 1986. С. 26, рис 8: 3). А также на памятниках Компанейцы, около г. Днепропетровска и Садовое, Белозерского района Херсонской области (Березанская, Отрощенко и др., 1986. С. 32–33). Территориально ближайшая аналогия была найдена в комплексе I/1 у с. Лакедемоновка Миусского полуострова (Ильюков, Казакова, 1988. С. 34).

Особый интерес представляет погребение, обнаруженное в могильнике Губниха 3 (4(11)/10). Это парное погребение с аналогичным орнаментированным сосудом, костяной пряжкой и кремневым отщепом. Сходство

проявляется в стилистике нанесенного на сосуд орнамента. Отличительной особенностью горшка из Губнихи является наличие налпных шишечек по всему ребру сосуда (Куштан, 2013. С. 107, рис. 58: 1–4).

Таким образом, подтверждается датировка парного погребения из курганного могильника Бургуста I ранним этапом развития бабинской культуры. Этот вывод подтверждает мнение о небольшом временном промежутке между этим погребением и основным женским (№ 11) (Ларенок, 2017. С. 74–79).

Список литературы

- Березанская С. С., Отрошенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н., 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.
- Илюков Л. С., Казакова Л. М., 1988. Курганы Миусского полуострова. Ростов-на-Дону.
- Куштан Д. П., 2013. Південь лісостепового подніпров'я за доби пізньоїбронзи // Археологический альманах. Вып. 29. С. 86–90.
- Ларенок О. П., 2017. Уникальный женский комплекс бронзового века из раскопок курганного могильника Бургуста I // Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока. Ростов-на-Дону. С. 74–79.
- Ларенок О. П., 2018. Группа погребений культуры многоваликовой керамики из курганного могильника Бургуста I в Красносулинском районе Ростовской области // Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. Тезисы докладов круглого стола (Москва, 3–5 декабря 2018 г.). М. С. 53–54
- Литвиненко Р. А., 2002. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и проблемы бронзового века бассейна Дона // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж. С. 76–85.
- Литвиненко Р. А., 2011. Культурный круг Бабино: название, таксономия и структура // КСИА. № 225. С. 108–123.
- Шарафутдинова Э. С., 1987. Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья: Межвуз. сб. науч. тр. Днепрпетровск. С. 27–46.

Расположение поселений эпохи бронзы Минусинских котловин¹

Лурье В. М.

(Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург)

verqa@list.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-221-224

Минусинские котловины занимают особое географическое положение в Южной Сибири. Они представляют собой обширную межгорную впадину, где сочетаются различные природно-географические ландшафты: альпийские луга, высокогорная тундра, лиственничные леса, тайга в предгорьях и горных районах; степи на равнинных участках, приуроченных к широким долинам Енисея и его притоков.

Благодаря такому разнообразию природных ландшафтов, в Минусинских котловинах сложились благоприятные условия для развития скотоводческого хозяйства с включением охоты и рыболовства.

Малоснежные зимы с сильными ветрами, сдувавшими снег с открытых пространств, позволяли вести круглогодичный выпас скота. Для поселений в это время года могли выбираться защищенные от непогоды неглубокие лога.

Анализ расположения поселений является важным аспектом в изучении бытовой культуры: выбор конкретной природной зоны для поселений зависит от сложившейся системы хозяйства, и наоборот, местонахождение памятника влияет на особенности быта. Распространение культур эпохи бронзы на Среднем Енисее связано с расселением «ранних кочевников» (по Д. Г. Савинову), которые имели сложившуюся систему хозяйства и стремились занимать наиболее удобные экологические ниши (Савинов, 2019. С. 95).

Исследование поселений является наиболее слабо изученной тематикой для Минусинских котловин: на этой территории для всей эпохи бронзы их известно всего лишь около 50. Обобщение данных об их местоположении поможет в дальнейшем обнаружить новые памятники.

Все рассматриваемые памятники располагаются около водоемов, преимущественно, на первых надпойменных террасах и правых берегах рек, которые возвышаются над уровнем воды и редко затапливаются.

Древнее население, проживавшее в бассейне такой крупной реки, как Енисей, не могло не заниматься рыбной ловлей. Это подтверждают

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV – I тыс. до н. э.)».

находки рыболовных принадлежностей, костей рыб и изделий из них, а также изотопный анализ коллагена костей человека, показывающий содержание рыбы в рационе (Svyatko et al., 2013).

Поселения афанасьевской и окуневской культур расположены в предгорьях и горных долинах и фактически не встречаются в степных зонах (рис. 1; Вадецкая и др., 2014. Рис. 201). На многих из них обнаружены материалы обеих культур, что подтверждает их размещение в одних и тех же природных ландшафтах. Такое же местоположение памятников характерно для афанасьевской культуры Горного Алтая, где это связано с вертикальной системой кочевания, когда летом скот выпасали на высокогорных лугах, а зимой – в долинах, на речных террасах и южных склонах, откуда сдувался снег. При этом перекочевка могла занимать всего несколько дней (Шульга, 2012). Вероятно, похожая система могла существовать и в Минусинских котловинах, однако, наоборот, летом скот выпасался в долинах рек, а зимой – в горах на склонах сопок.

Памятники андроновской (федоровской) культуры практически не известны в южной части Минусинских котловин, что может быть следствием того, что носители этой культуры появились на Среднем Енисее с севера, через лесостепной коридор, и их экспансия была остановлена в районе современного г. Абакан (Поляков, 2009. С. 91–93). Эти памятники, в отличие от более ранних, располагаются в степной зоне и привязаны к крупным водоемам, по берегам которых находятся обширные пастбища (рис. 1). Такие условия благоприятны для выпаса большого стада с преобладанием крупного рогатого скота. Также заселение степных пространств неразрывно связано с появлением повозок, запряженных лошадьми, и началом освоения верховой езды, которое произошло уже в эпоху поздней бронзы.

Надо отметить, в Минусинских котловинах не были обнаружены андроновские жилые сооружения, несмотря на то, что они хорошо изучены в Казахстане и Западной Сибири. Возможно, известные на данный момент поселения использовались только летом как кратковременные стоянки для выпаса скота, а постоянные жилища располагались в каких-то других зонах и еще только будут обнаружены.

В эпоху поздней бронзы поселения располагались в тех же природных ландшафтах, что и андроновские (федоровские) (рис. 1), из чего можно сделать вывод о существовании сходных систем хозяйства в это время. Учитывая, что культура эпохи поздней бронзы имеет андроновские корни (Поляков, 2009), такое предположение кажется весьма логичным.

Итак, все поселения эпохи бронзы Минусинских котловин расположены вблизи от водоемов. Памятники афанасьевской и окуневской культур тяготеют к предгорьям и горным долинам, а андроновского времени и эпохи

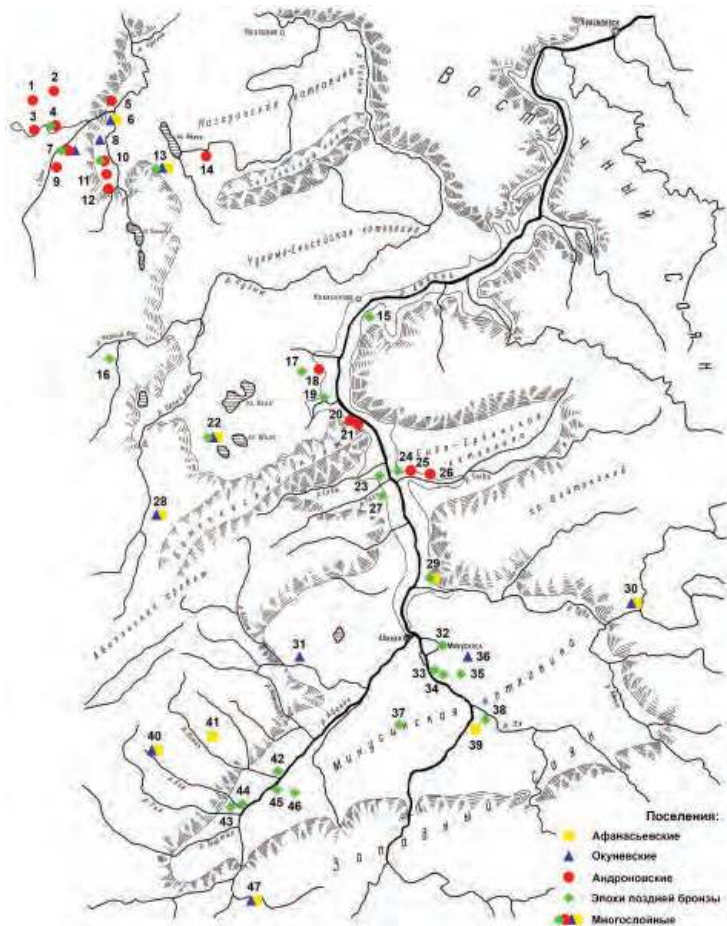

Рис. 1. Поселения эпохи бронзы Минусинских котловин: 1 – Песчаное III; 2 – Песчаное I; 3 – Егорьевский мыс; 4 – Тамбар; 5 – Ингольский ключ; 6 – Дубинино VI; 7 – Аштыл; 8 – Кадат VI; 9 – Шушуль; 10 – Кадат III; 11 – Березовский ручей; 12 – Обьюл; 13 – Гляден VIII; 14 – Косоголь; 15 – Улазы; 16 – Устинкино II; 17 – Сарагаи; 18 – Ключи; 19 – Каменный Лог I; 20 – Карасук V; 21 – Батеневская протока; 22 – Итколь III; 23 – Ярки; 24 – Каменка IV; 25 – Сыда IV; 26 – Белоярск; 27 – Солонцы; 28 – Све-Таг; 29 – Тепсей X, XII; 30 – Ирба; 31 – Сагархая; 32 – Три версты от Минусинска; 33 – Кривая VI; 34 – Полосатая гора; 35 – Лугавская II; 36 – Вьюжное; 37 – Борки; 38 – Шушь; 39 – Мочеркина гора; 40 – Читыгол I, II, III; 41 – Усть-Кюг; 42 – Тунчух; 43 – Бырганов IV; 44 – Торгажжак; 45 – Маткечик; 46 – Сидорин ложок; 47 – Куйбышево I

поздней бронзы – к степным зонам. Такое изменение в местоположении поселений может быть связано со сменой системы скотоводства – переходом к большому стаду с преобладанием крупного рогатого скота и освоением лошади.

Список литературы

- Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф., 2014. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул.
- Поляков А. В., 2009. К проблеме взаимосвязи карасукской культуры и памятников андроновской общности на Среднем Енисее // Записки ИИМК РАН. № 4. С. 90–109.
- Савинов Д. Г., 2019. Ранние скотоводы восточной части евразийских степей (в свете «Антропологии движения» А.В. Головнева) // Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты: программа и тезисы докладов V Международного симпозиума «Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты». Новосибирск. С. 94–97.
- Шульга П. И., 2012. О хозяйстве афанасьевцев Горного Алтая // Афанасьевский сборник 2. Барнаул. С. 204–209.
- Svyatko S. V., Schulting R., Mallory J. P., Murphy E. M., Reimer P. J., Khartanovich V. I., Chistov Y. K., Sablin M. V., 2013. Stable isotope dietary analysis of prehistoric populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia: a new chronological framework for the introduction of millet to the eastern Eurasian steppe // Journal of Archaeological Sciences. № 40. P. 3936–3945.

Поселенческие памятники поздняяковской культуры эпохи бронзы Волго-Окского бассейна

Марьенкина Т. А.

(Институт археологии РАН, г. Москва)

marjenkina.tanya@yandex.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-224-227

На археологической карте Волго-Окского бассейна известно около 250 поздняяковских поселений, из которых археологическими раскопками исследовано 35 (рис. 1). Древние жители предпочитали для расселения удобные места, в которых и фиксируются скопления археологических памятников (Витенкова, 2012. С. 159).

По топографическому расположению примерно две трети поздняяковских поселений находятся на первой надпойменной террасе или на коренном берегу, около трети в высокой пойме и лишь отдельные памятники на

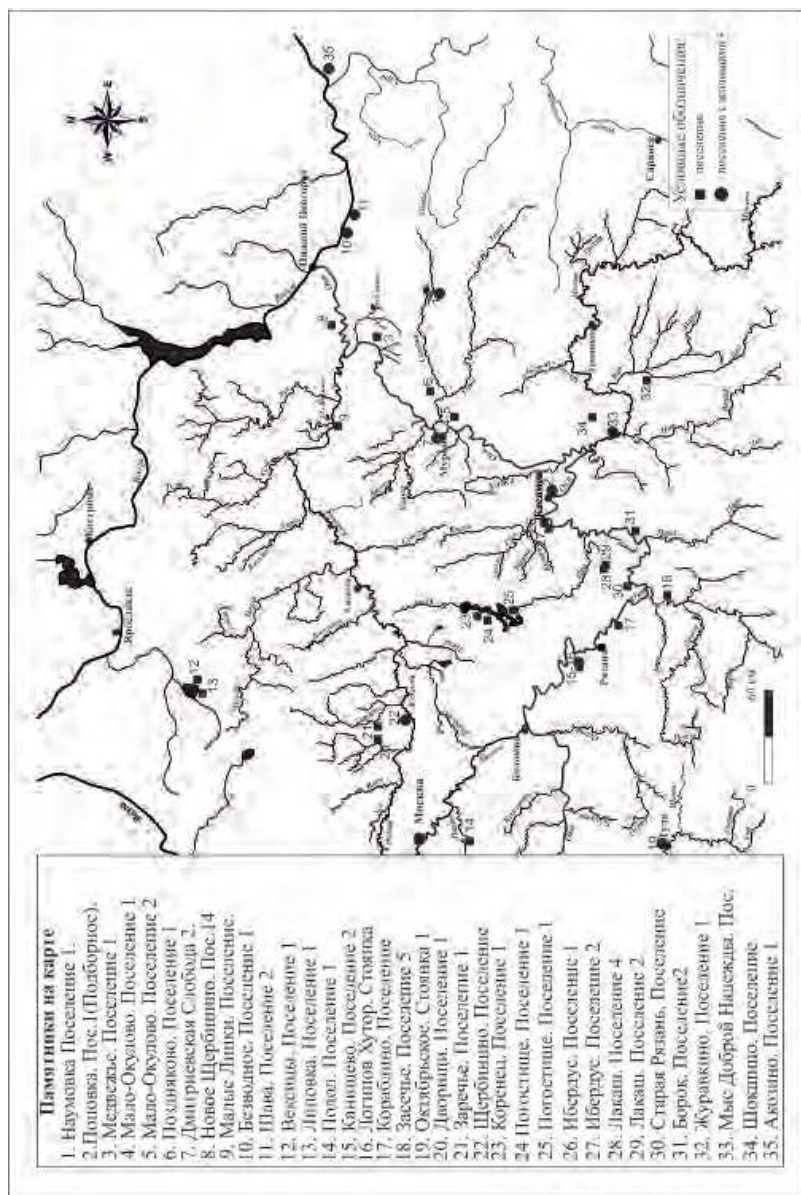

Рис. 1. Карта исследованных раскопками поздняяковских поселений

второй надпойменной террасе. По размерам поселенческие памятники поздняяковской культуры разделяются на малые, средние и большие. Большинство поздняяковских поселений имеют небольшой культурный слой, иногда не превышающий 20–35 см. Культурный слой обычно темного цвета, за счет содержания большого количества угля в нем. Наличие археологических находок разных эпох в культурном слое делит памятники на многослойные и однослойные.

На исследованных поздняяковских поселениях прослежены два типа жилищ: наземные постройки и полуземлянки, основания которых лишь незначительно углублены в материк. В плане конструктивных особенностей, большинство из жилищ имело столбовую конструкцию, прямоугольную форму, небольшое заглубление в грунт, средние или большие размеры, наличие тамбура, выход в сторону водоема. Кровля – крыша могла быть и плоской, и коньком (Черников, 1965. С. 6). Некоторые жилища имели двускатную кровлю, вход также перекрывался такой же двускатной крышей (Бадер, 1948. С. 49). Характерно отсутствие следов канавок для стока воды или следов от стропил и скатов, крыша не достигала земли (Зеленцова, 2007. С. 38). Четкого разграничения между жилыми и хозяйственными постройками нет.

Внутри жилища обычно находилось несколько очагов для приготовления пищи и один для ритуальных целей (Черников, 1970. С. 8). В жилище приходилось принимать противопожарные меры, ограждать кострища камнями, которые обеспечивали полноту сгорания (Сидоров, 2008). Помимо очажных ям, в постройках выделяются ямы, выкопанные в грунте, расположенные вдоль внутренних стен, служившие для обогрева помещения (Жульников, 2003. С. 21), и хозяйственные ямы, предназначенные для хранения продуктов. Внутри домов были перегородки, об этом свидетельствуют ряды столбовых ям (Бадер, 1948. С. 49), а также отдельно стоящие сосуды, которые располагались в центральной части помещения, довольно далеко от стен и очагов. Это является косвенным свидетельством наличия перегородок внутри жилища, следы которых не сохранились (Зеленцова, 2007. С. 8). По длительности бытования жилища могли быть круглогодичными или сезонными.

На поздняяковских поселениях помимо жилищ, кострищ, хозяйственных ям и остатков ограды, встречаются производственные объекты по обработке кремня (поселение Щербинино) (Кравцов, 2012. С. 73) и выплавке руды (поселение Дмитриевская Слобода 2). Особенностью жизни поздняяковских племен является близкое расположение поселений и могильников; также исследованы погребения на поселениях, в непосредственной близости от жилищ.

Несмотря на длительную историю изучения поселений поздняяковской культуры, остается не решенным множество проблем. К ним относятся проблемы планировки поселений, топографическое расположение памятников и система хозяйства поздняяковцев.

Список литературы

- Бадер О. Н., 1948. Раскопки Подборновской стоянки и поздняя культура на Оке // Историко-археологический сборник Института краеведческой и музейной работы. М. С. 48–56.
- Витенкова И. Ф., 2012. Карелия в начале эпохи металла (памятники с ромбовидной керамикой). Петрозаводск.
- Жульников А. М., 2003. Древние жилища Карелии. Петрозаводск.
- Зеленцова О. В., 2007. Отчет об охранных археологических раскопках могильника Дмитриевская Слобода и поселения Дмитриевская Слобода 2 в зоне строительства мостового перехода через р. Оку с обходом г. Муром // Архив ИА. № 54333.
- Кравцов А. Е., Азаров Е. С., Бабкина Е. В., Марьенкина Т. А., Модин Р. Н., 2015. Поселение и могильник Щербинино – археологический памятник мезолита – бронзового века и Средневековья в Подмосковной Мещере (некоторые результаты исследования культурного слоя) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М. Вып. 11. С. 20–76.
- Сидоров, В. В., 2009. Реконструкции в первобытной археологии. М.
- Черников В. Ф., 1965. Отчет о раскопках поздняяковского поселения Наумовка Арзамасского района Горьковской области // Архив ИА. Р-1. № 3080.

Одинокое погребение фатьяновской культуры в районе устья р. Оки (результаты исследований 2019 г.)

Милованов С. И., Швецова А. А.

(Институт археологии РАН, г. Москва; Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Н. Новгород)

milovan@bk.ru, asendriy@mail.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-227-230

В 2019 г. при раскопках средневекового селища Кузнечиха-3 на территории г. Нижнего Новгорода было изучено одинокое погребение фатьяновской культуры (рис. 1).

Могильная яма имела подпрямоугольную форму с закругленными углами и была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Размеры ямы 2,4 × 1,2 м, глубина 65–70 см. Стенки практически отвесные, дно ровное. Юго-восточная стенка имела расширение. Вероятно, в погребении находилась деревянная конструкция. О ее наличии свидетельствует поперечная канавка, расчищенная в центральной части могильной ямы. Также в процессе разбора заполнения погребения в его нижней части были зафиксированы прослойки плотного темно-серого суглинка, которые в плане образовывали прямоугольную форму.

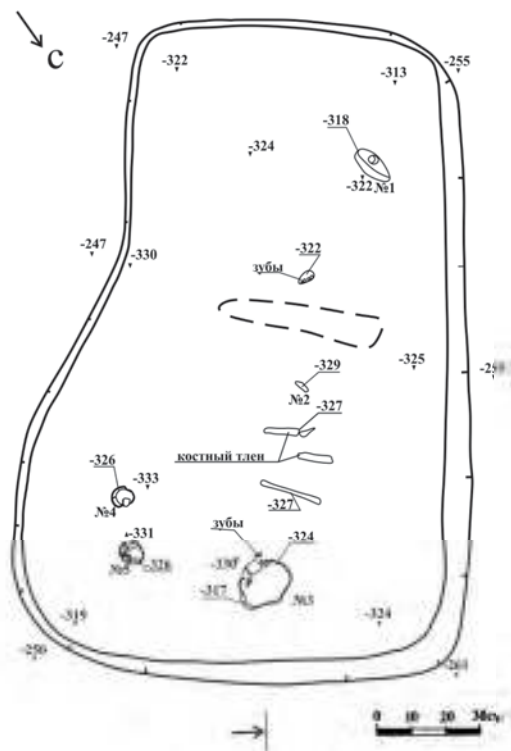

Рис. 1. План погребения и погребальный инвентарь: 1 – каменный топор, 2 – кремневый скребок, 3–5 – керамические сосуды

Костяк погребенного не сохранился, за исключением эмали зубов. Челюсть находилась в центральной части погребения. Несколько фрагментов зубов было обнаружено в области ног, под большим сосудом, куда они, очевидно, были перемещены грызунами. Так же были зафиксированы отпечатки костей ног. Судя по их расположению, покойный был погребен в скорченном положении на правом боку головой на юго-запад. В состав погребального инвентаря входили три керамических сосуда, расположенных в ногах покойного, кремневый скребок, находившийся в районе пояса, и каменный сверленный топор-молот, расположенный за головой.

Топор имеет усеченно-коническую форму обуха с зауженным выпуклым срезом (рис. 1: 1). Обухок не выражен, отверстие расположено в центральной части. Кремневый скребок изготовлен на пластине и имеет скошенное на правую сторону лезвие, покрытое по всему периметру мелкой крутой и полукрутой ретушью (рис. 1: 2). На противоположной рабочей краю стороне имеются небольшие выступы для крепления рукоятки.

Все керамические сосуды круглодонные с конической формой нижней части тулова и небольшими слегка вдавленными округлыми уплощениями на дне. Крупный сосуд характеризуется высоким расширяющимся к устью горлом, плавно переходящим в округлые плечики (рис. 1: 3). Орнаментация отсутствует, за исключением слабо различимого оттиска перевитого шнура, расположенного в месте перехода горла сосуда в плечо (связан с технологией изготовления сосуда). Один из миниатюрных сосудов имеет высокое раструбообразное горло и очень низкие, едва намеченные, округлые плечики (рис. 1: 4), другой – более короткое раструбообразное горло, переходящее в округлые покатые плечики (рис. 1: 5). Тулово каждого из сосудов и внутренняя сторона горла залощены. Оба сосуда декорированы в области горла. В качестве орнамента использовался инструмент, оставляющий одиночные продолговатые вдавления. В одном случае оттиски образуют два мотива: горизонтальный ряд вертикальных отрезков (расположен под венчиком) и вертикальный ряд близко расположенных друг к другу вертикальных отрезков (многократно повторяется по всему горлу). Во втором случае один мотив – зигзаг, ограниченный сверху и снизу горизонтальными рядами двоянных вертикальных отрезков. Все сосуды изготовлены из ожелезненных глин с примесью шамота и мелкой растительной органики.

Все три сосуда из погребения Кузнечиха-3 находят близкие аналогии в материалах погребений двух фатьяновских могильников – Фатьяновского и Волосово-Даниловского, принадлежащих к ярославской группе памятников (Крайнов, 1964. Табл. 10, № 14–15, 19, 20; Крайнов, Гадзяцкая, 1987. С. 87, 91, 100, 102, 103, 106, 108, 112). Оба могильника относятся к позднему этапу развития фатьяновской культуры и датируются временем близким к середине II тыс. до н. э.

Для фатьяновской культурной общности характерно строгое соблюдение погребальной обрядности, проявлявшееся, во-первых, в расположении покойного и сопровождавшего его инвентаря внутри могильной ямы, а во-вторых, в составе набора инвентаря, который соответствовал полу, возрасту и статусу погребенного. В связи с этим, даже при отсутствии сохранившегося костяка, оказывается возможным определить половую принадлежность покойного. Наличие среди погребального инвентаря каменного сверленного топора свидетельствует о том, что покойный был мужчиной (Крайнов, 1964. С. 24; 1972. С. 193). Подтверждением того, что захоронение было мужским, является также положение костяка на правом боку.

Выявление новых материалов представляет важную информацию для понимания процессов расселения и освоения населением фатьяновско-балановской общности территории Среднего Поволжья.

Список литературы

- Крайнов Д. А., 1964. Памятники фатьяновской культуры: Ярославско-Калининская группа. М.
- Крайнов Д. А., 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья: фатьяновская культура, II тыс. до н. э. М.
- Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С., 1987. Памятники фатьяновской культуры: Ярославское Поволжье. М.

Связь заселения среднего бассейна Куры с естественно-географическими и экономическими факторами в период бронзы

Наджафов Ш. Н.

*(Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, г. Баку)
shamil_necetov@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-230-232

Исследование крупных поселений бассейна средней Куры периода бронзы дает основание утверждать, что древнее население данной территории в IV–III тыс. до н. э. стояло на пороге развития ведущих отраслей хозяйства, а главным показателем этого процесса стало развитие торгово-экономических отношений. Появление в бассейне Куры в этот период больших поселений площадью в 3–4 га указывают на историческую необходимость этого динамичного развития, и они стали первичными культурно-экономическими центрами заселения.

Материальные источники, обнаруженные на памятниках бассейна средней Куры, позволяют в некоторой степени восстановить хозяйственную и общественную структуру древнего общества бассейна средней Куры.

Выгодные естественно-географические условия и климат Гянджа-Газахского региона, а также богатые наземные и подземные ресурсы очень помогли культурному развитию местных племен, заселивших эти земли в период бронзы.

Археологические материалы периода бронзы, обнаруженные на памятниках Гянджа-Газахского региона, свидетельствуют о ведущей роли земледелия в экономическом развитии местных племен в отмеченный период. Пахотные земли, как и в прежние времена, находились вблизи поселений, но с распространением более совершенных железных орудий и сошного земледелия в период средней бронзы и поздней бронзы–раннего железа, площади пахотных участков были значительно расширены. На основе археологических материалов было определено, что уже в конце бронзового века пахотные участки и пригодные для земледелия земли вокруг крупных поселений были полностью освоены местными жителями (Абибуллаев, 1982. С. 114). Скорее всего, пригодные для богарного земледелия предгорные участки Гянджа-Газахской области также были освоены. Несомненно, что расширение пахотных земель было связано с ростом населения. Этот фактор очень ясно отражается в топографии, планировке и группировке поселений того периода (Джавахишвили, 1973. С. 129). Наряду с равнинами и долинами рек с большими и средними бассейнами, заселялись также предгорные и горные зоны. Поселения, где продолжалось проживание, в конце периода бронзы превращались в крупные пункты с плотным населением (поселения Гельери, Мусакой, Ганлы Тойре, Сарвантепе).

Исследование в регионе кура-араксской, а позже культуры периода средней бронзы, показало, что абсолютное большинство пригодных к земледелию участков были заселены разными племенами (Абибуллаев, 1982. С. 84–85). Со средней бронзы начинается заселение горной территории региона, и возникают временные поселения. Можно сказать, что в этот период предгорные и равнинные зоны заселялись, как правило, земледельцами, горные и яйлажные зоны – скотоводческими племенами. Земледелие и скотоводство, ставшие причиной ряда важных изменений в развитии общества периода бронзы, создали условия для формирования сознания отдельных социальных групп и соответственно общественного сознания. Кура-араксская культура, наряду с общими свойствами, в ходе своего развития в регионе подверглась в некоторой степени и процессу локализации (Исмаилзаде, 2008. С. 221). Это демонстрируют отличительные признаки Гянджа-Газахской, Кедабекской и Нагорно Карабахской керамики.

На втором большом этапе развития периода бронзы произошли абсолютно новые качественные изменения в экономической и общественной жизни племен, занимающихся как земледелием, так и скотоводством (Крупнов, 1964. С. 32; Массон, 1976. С. 74). Как отрасль хозяйства появляется полукочевое скотоводство. Кочевавшие в жаркие летние месяцы

в горы племена, строили постоянные лагеря на пригодных участках. Это свидетельствовало об ускоренном темпе заселения горных территорий (Формозов, 1957. С. 17–18). В качестве примера можно упомянуть поселение Чобандашы, расположенное на территории Акстафинского района. Племена же, занимающиеся земледелием, заселяясь в равнинных и предгорных зонах, создавали качественно новые области занятости.

Наличие крупных стад скота, богатых запасов зерна приводило к межплеменным столкновениям, что естественно отражалось на внешнем виде поселений. Поселения начинали максимально наращивать свою оборонительную способность. Поселения с оборонительными фортификациями и сооружениями возникли именно в период бронзы (Исмаилзаде, 2008. С. 234–235). Жители региона, обладающие совершенной строительной техникой, в качестве строительного материала использовали сырцовый кирпич, глинобит, камень, камыш. Иногда оборонительные сооружения подкреплялись также четырехугольными башнями. В этот период, а также в конце периода бронзы наряду с постоянными поселениями, имеющими оборонительные сооружения и ограды, создавались также сезонные поселения. Избыток населения указывает на широкое распространение в поселениях периода бронзы жилищ полуземляного типа (поселение Ястытепе) (Nəcəfov, 2017. S. 18).

В конце периода бронзы и начале железа продуктивные отрасли хозяйства местных жителей, основанные на земледелии и скотоводстве, вступают на новый этап своего развития. Рост населения, расширение постоянных экономических связей и обмен между племенами ускоряли заселение территорий.

Список литературы

- Абибуллаев О. А., 1982. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку.
- Джавахишвили А. И., 1973. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V–III тыс. до н. э. Тбилиси.
- Исмаилзаде Г. С., 2008. Азербайджан в системе раннебронзовой культурной общности Кавказа. Баку.
- Крупнов Е. И., 1964. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // СА. № 1. С. 26–44.
- Массон В. М., 1976. Экономика и социальной строй древних обществ. Л.
- Формозов А. А., 1957. О времени и исторических условиях сложения племенной организации // СА. № 1. С. 13–22.
- Nəcəfov Ş. N., 2017. Tunc dövründə orta Kür hövzəsinin məskunlaşmasının təbii-coğrafi şəraiti (Gəncə-Qazax bölgəsi əbidələri üzrə etnoarxeoloji tədqiqat) // Azərbaycan arxeologiyası. № 2. S. 8–21.

История одиновской культуры в лесостепной зоне Западной Сибири

Некраш А. А.

*(Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск)
a.nekrash@g.nsu.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-233-235

Памятники одиновской культуры к настоящему моменту открыты на территории Тюменского Приишимья, Тюменского Притоболья и Барабинской лесостепи. История исследования этого культурного образования охватывает более полувека, с момента открытия в 1965 г. Одиновской стоянки в Викуловском районе Тюменской области. Историю исследования можно разделить на два этапа.

I этап – накопление материала и определение культурной специфики (1965–2008 гг.). Впервые на своеобразии материалов одиновского типа обратили внимание Р. Д. Голдина и Л. Я. Крижевская. Исследователи начали раскопки поселения Одино в 1965 г. Была получена первая С14 дата (3180 ± 70 л. н.) и впервые высказано предположение о своеобразности обнаруженного комплекса на фоне андроновской культуры (Голдина, Крижевская, 1971. С. 72–77).

В обобщающей работе М. Ф. Косарев выделяет одиновский тип керамики и отмечает, что самый ранний одиновский комплекс обнаружен на поселение Шапкуль VI в Нижнем Притоболье. Автор считал, что хронология поселения Шапкуль VI затрагивает первую треть II тыс. до н. э. или XVIII–XVII вв. до н. э. (Косарев, 1981. С. 59–62).

В Барабинской лесостепи на памятниках Венгерово-1А, Кама-2, Каргат-6, Марково-2, Новочекино-5, Сопка-3А В.И. Молодиным обнаружена керамика, сопоставленная с выделенным М. Ф. Косаревым одиновским типом. Впервые была выдвинута идея объединения памятников Приишимья и Центральной Барабы в единую одиновскую культуру из-за наличия общих черт: уменьшение количества каменного инвентаря, обнаружение костей домашних животных, своеобразная форма и орнаментация керамических сосудов. Хронология определялась в пределах начала II тыс. до н. э. (Молодин, 1985. С. 27–35).

Кирюшин Ю. Ф., анализируя материалы Томско-Тымского Приобья, рассматривал отдельные элементы одиновской культуры. Сосуды по орнаментации им разделены на три группы: 1) орнаментированные отступающей палочкой (или лопаточкой); 2) орнаментированные насечками (горизонтальные или вертикальные линии, прямоугольники, ромбы); 3) орнаментированные рядами вдавлений гребенчатым штампом. Датировка – первая половина II тыс. до н. э. (Кирюшин, 2004. С. 13–28).

II этап – создание обобщающих работ по одиновской культуре и проведение систематических междисциплинарных исследований (2008 г.). Одиновскую культуру как отдельное культурное образование выделил В. И. Молодин в статье 2008 г. Им выявлено несколько культуроопределяющих признаков: специфичные поселенческие и погребальные комплексы, своеобразная керамика и инвентарь, территориальная локализация памятников, помещение небольшого количества сосудов или фрагментов керамики в погребальные комплексы и в специальные ямы. Хронологические рамки охватывают первую половину III тыс. до н. э. (Молодин, 2008. С. 9–13).

Погребальная практика подробно проанализирована В. И. Молодиным по полностью раскопанному одиновскому могильнику Сопка-2/4А (Молодин, 2012). В основном встречаются одиночные и парные захоронения. Инвентарь скуден, изредка в погребения помещали керамический сосуд, охру и бересту. В отдельных случаях изделия могли вообще не присутствовать в могиле, но находиться в «земляной яме» непосредственно рядом с погребальной камерой.

На этом этапе исследования начинается системное внедрение методов естественных наук для изучения материалов одиновской культуры. Массовое применение $C14$ датирования позволило построить внутреннюю хронологию культуры, по результатам палеоантропологических и палеогенетических исследований выявлены особенности развития популяции носителей одиновской культуры. На основании одонтологических, археологических и изотопных данных проведена попытка реконструкции структуры питания. Определено, что значительную долю рациона занимал животный белок, потребление углеводной пищи было умеренным, почти нет «пищевых» стрессов. Для индивидов из могильника Тартас-1 характерно более частое потребление углеводов. У индивидов из памятника Преображенка-6 выявлены специфичные патологии: кариес (много углеводов в пище), гипоплазия эмали зубов (недостаточность пищевых ресурсов) (Молодин и др., 2013).

Таким образом, на I этапе изучения одиновской культуры происходило накопление материалов и выделение отдельного типа керамики. Впервые материалы этой культуры обнаружены в Тюменском Приишимье. Начинается активное изучение поселенческих, ритуальных и погребальных комплексов. Методы естественных наук применялись единично и не носили системного характера.

Второй этап начинается с 2008 г., с того момента как В. И. Молодин выделил одиновскую культуру как особое культурное образование. В исследовании одиновской культуры важное место занимает системное использование естественно-научных методов: $C14$ датирования, палеоантропологии, палео-

генетики, изотопный анализ и др. На основании междисциплинарного синтеза данных различных наук публикуется ряд обобщающих работ, в которых формируется концепция одиновской культуры.

Список литературы

- Голдина Р. Д., Крижевская Л. Я., 1971. Одино – поселение эпохи ранней бронзы в западносибирском лесостепье // КСИА. Вып. 127. С. 72–77.
- Кирюшин Ю. Ф., 2004. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул. С. 13–28.
- Косарев М. Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М. С. 59–62.
- Молодин В. И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск. С. 27–35.
- Молодин В. И., 2008. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург. С. 9–13.
- Молодин В. И., 2012. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Т. 3. Новосибирск.
- Молодин В. И., Пилипенко А. С., Чикишева Т. А., 2013. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи V–I тыс. до н. э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. (Интеграционные проекты СО РАН; Вып. 46). Новосибирск.

Рыболовство на территории Беларуси в каменном и бронзовом веках: историография проблемы

Приставка И. Л.

(Белорусский государственный университет, г. Минск)

pristavko.ivan@mail.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-235-237

Исследователи обратились к проблематике рыболовства древнейшего населения современной территории Беларуси во второй половине XIX в. Вплоть до 1930-х гг. основное внимание авторов уделялось публикации единичных материалов поверхностных сборов. Реконструкции занятий рыбной ловлей в эпоху первобытности опирались преимущественно на этнографические аналогии (Tyszkiewicz, 1871. S. 85–93; Lubomirski, 1882. S. 176–178; Татур, 1892. С. 44, 165; Данилевич, 1896. С. 41; Szukiewicz, 1901. S. 12; Сeħak-Ноłубowiczowa, 1936. S. 10–11).

Новый этап в истории изучения проблемы связан с открытием памятников с хорошо сохранившимися органическими материалами на севере Беларуси. В 1934 г. начало их изучению положил К. М. Поликарпович. Полученные коллекции включали многочисленные костяные и роговые орудия рыбной ловли каменного – бронзового веков (Палікарповіч, 1940.

С. 44–46; 1953. С. 32; Чарняўскі, 2007. С. 7). Обработке коллекций помешала начавшаяся Великая Отечественная война.

В послевоенное время, в условиях разворачивания полевых археологических исследований во всех регионах республики, начался активный рост источниковой базы. В 1960-х – 1980-х гг. М. М. Чернявским, В. Ф. Исаенко, Е. Г. Калечиц на памятниках Подвинья, Полесья и Поднепровья были собраны представительные коллекции орудий рыбной ловли. Специалисты разработали классификации изделий, а также, используя сравнительно-типологический метод, провели культурно-хронологическую интерпретацию материалов (Чернявский, 1991. С. 91–95; Исаенко, 1991. С. 96–106; Калечиц, 1991. С. 107–108). Исследователи также предложили реконструкции хозяйственной деятельности древнейших рыболовов Беларуси.

В 1990-е гг. к рассмотрению проблематики первобытного рыболовства обратились Э. А. Ляшкевич, Н. Н. Кривальцевич. Авторы ввели в научный оборот новые находки, связанные с рыбной ловлей, а также систематизировали накопленную к тому времени информацию (Ляшкевич, 1994. С. 70–74; Кривальцевіч, 1996. С. 147–168).

На современном этапе развития науки наблюдается возрастание интереса исследователей к тематике древнего рыболовного промысла. Отдельным аспектам этой темы посвящены работы М. М. Чернявского, Э. А. Ляшкевич, А. Н. Вашанова (Чарняўскі, 2001. С. 71–78; 2007; Вашанов, 2019. С. 5–15; Charniauski, 2019). Специалисты используют в своих работах технологический, трасологический, экспериментальный методы, привлекают данные радиоуглеродного датирования.

К настоящему времени в наибольшей степени исследована проблематика рыболовства древнего населения Кривинского торфяника (Подвинье) и Погост-Загородского региона (Западное Полесье). Актуальной задачей является увеличение источниковой базы, прежде всего за счет поиска новых памятников – торфяниковых стоянок. Разработаны региональные классификации орудий, однако единая классификационная схема, которая бы объединяла находки со всей территории Беларуси, отсутствует. На современном этапе исследований атрибутирована только часть известных находок. В недостаточной степени разработана хронология изделий. В подавляющем большинстве случаев датировка опиралась на результаты сравнительно-типологического анализа. Актуальной задачей является использование естественно-научных методов датирования. Исследователи, как правило, интерпретируют материалы, обращаясь к этнографическим аналогиям. Сделаны только первые шаги в применении экспериментально-трасологических методов. Перспективным направлением исследований представляется реконструкция древнейших способов рыбной ловли. Полученные данные будут способствовать определению значения рыбной

ловли в системе экономики населения территории Беларуси в каменном – бронзовом веках.

Список литературы

- Вашанаў А. М., 2019. Касцяныя і рагавыя вырабы сярэдняга галацэну з тэрыторыі Беларускага Пабужжа // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. № 30. С. 5–15.
- Данилевич В. Е., 1896. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев.
- Исаенко В. Ф., 1991. Древнее рыболовство в Полесье // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л. С. 96–106.
- Калечіц Е. Г., 1991. Древние орудия рыболовства Посожья // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л. С. 107–108.
- Крывальцэвіч М. М., 1996. Касцяныя і рагавыя вырабы каменнага веку з возера Вячэра // З глыбі вякоў. Наш край: Вып. 1. Минск. С. 147–168.
- Ляшкевіч Э. А., 1994. Рыбалоўныя прылады з неалітычнай стаянкі Асавец 2 // Весці АН Бел. № 2. С. 70–74.
- Палікарповіч К. М., 1953. Прылады першабытнага рыбалоўства // Беларусь. № 1. С. 32.
- Поликарпович К. М., 1940. Торфяниковые стоянки Кривина и Осовец в БССР. Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 6–7. С. 44–46.
- Татур Г. Х., 1892. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии и ее археологическое значение. М.
- Чарняўскі М. М., 2007. Касцяныя і рагавыя вырабы на паселішчах Крывінскага тарфяніку (неаліт – бронзавы век). М.
- Чернявский М. М., 1991. Древнейшие рыболовные орудия Северной Белоруссии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л. С. 91–95.
- Lubomirski J. T., 1882. Ościenie rybitwie znalezione nad Uświąt // Wiadomości Archeologiczne. T. IV. S. 176–178.
- Tyszkiewicz K. H., 1871. Wilija i jej brzegi: pod względem hydrograficznym, historycznym, archeologicznym i etnograficznym. Drezno.
- Shukevich V., 1901. Szkice z archeologii prehistorycznej Litwy, cz.1. Epoka kamienna w guberni Wileńskiej. Wilno.
- Cehak-Hołubowiczowa, H., 1936 Zabytki archeologiczne województwa Wileńskiego i Nowogródzkiego. Wilno.
- Charniauski M., Maljutina A., Lyashkevich E. Fishing practices at the Kryvina Peat Bog as evidenced by the material culture of Asaviec 2 settlement (2008–2017 field seasons) // Quaternary International. ScienceDirect. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2019.06.001>.

О дальнейших судьбах орловской керамической традиции

Смагина Л. А.

*(Самарский государственный социально-педагогический
университет, г. Самара)*

kurbatovaludmila.if@gmail.com

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-238-240

Изучение неолита степного Поволжья долгое время оставалось затруднительным из-за отсутствия качественных источников. Лишь в 1968 г. была исследована стоянка Орловка, по материалам которой была выделена новая культура – орловская. Позднее ее эталонным памятником стала Варфоломеевская стоянка.

В энеолитический период в регионе появляется прикаспийская культура. В этой связи актуальной становится проблема дальнейшего развития орловской керамической традиции. В орнаментации прикаспийской посуды произошла смена накольчато-прочерченной традиции на гребенчато-прочерченную (Васильев, 1981. С. 71). А. И. Юдин выделяет период неонеолита и относит прикаспийскую культуру к этому этапу. На рубеже V–IV тыс. до н. э. в степи Нижней Волги начинает проникать северное лесостепное население и приносит с собой традицию гребенчатой орнаментации керамики. В результате происходит трансформация орловской культуры в раннеэнеолитическую прикаспийскую (Юдин, 2004. С. 161). Процесс сложения прикаспийской культуры на основе орловской подвергался сомнению В. В. Ставицким (Ставицкий, 2013. С. 207).

Если рассматривать типологию керамических традиций позднеорловского и прикаспийского населения, то очевидны различия. Характерной чертой прикаспийской керамики является «воротничковое» утолщение венчика (Юдин, 2004. С. 170), а орловской – наплыв с его внутренней стороны. Прикаспийская керамика орнаментирована в технике гребенчатого штампа, а орловская – накольчато-прочерченной. Различны и орнаментальные композиции. Для посуды орловской культуры характерны сложные сочетания зигзагообразных линий и рядов отступающего накола. Прикаспийская керамика украшена рядами гребенчатого или зубчатого штампов, а в качестве разделителя зон выступают прочерченные линии. На ряде памятников Нижнего Поволжья обнаружено несколько сосудов синкретического типа, сочетающих признаки орловской и прикаспийской культур. Одни исследователи интерпретируют это как доказательство перехода от неолитической к энеолитической традиции, а другие специалисты видят в этом только признаки их сосуществования и взаимодействия.

Датировки, полученные по прикаспийским материалам региона, укладываются в интервал 4700–5000 лет до н. э. Однако имеющиеся на

сегодняшний день самые поздние даты орловской культуры не превышают хроноинтервала 5625–5265 лет до н. э.. Что касается совместного залегания разнокультурных типов керамики, то необходимо учитывать, что на Варфоломеевской стоянке есть несколько жилищ, которые прорезают нижние слои (Юдин, 2004. С. 7). Вполне допустимо, что в таких условиях материалы из разных культурных горизонтов могли смешаться.

Полученные данные по орловской и прикаспийской гончарной технологии указывают на то, что керамические традиции населения энеолитической культуры уходят корнями в неолитическое гончарство рассматриваемого региона (Васильева, 2008. С. 45). Поэтому решение вопроса о происхождении энеолитических культур должно быть связано в первую очередь с ареалом предшествовавших культур прочерченно-накольчатой керамики. Изучение керамики верхнего слоя Варфоломеевской стоянки, относящегося к переходному нео-энеолитическому периоду, выявило полное отсутствие сосудов, изготовленных из илов, что свидетельствует об изживании представлений об илах в среде населения Варфоломеевской стоянки (Васильева, 2012. С. 17). Доминантными на этом этапе становятся традиции использования илистых глин (62 %) и глин (38 %), а также приема добавки к ним примеси дробленой раковины (Выборнов и др., 2018. С. 15). Гончарство всех групп населения стоянки в это время находилось на уровне археогончарства.

В результате изучения новых памятников неолита и энеолита Нижнего Поволжья Алгай и Орошаемое было зафиксировано наличие единичных сосудов из ила (Выборнов и др., 2018. С. 13). Очевидно, что процесс перехода к новому сырью (илистым глинам и глинам) был неравномерным и растянутым во времени, даже в рамках одной культуры и общности, что подтверждает его эволюционный характер.

Традиции изготовления основной части керамики поселения Орошаемое находят аналогии в гончарстве орловского неолитического населения и хвалынского энеолитического населения Поволжья. Обращает на себя внимание значительная близость гончарной технологии населения неолитической орловской и энеолитических прикаспийской и хвалынской культуры (Васильева, 2002. С. 30).

Таким образом, вопрос о дальнейшей судьбе орловской керамической традиции пока не может быть решен однозначно. Однако можно предположить, что керамическая традиция орловской культуры нашла свое продолжение в энеолитических культурах данного региона.

Список литературы

Васильев И. Б., 1981. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев.

- Васильева И. Н., 2002. О технологии керамики I Хвалынского могильника // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара. С. 15–49.
- Васильева И. Н., 2008. О технологии изготовления керамики Орловской стоянки // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара. С. 40–47.
- Васильева И. Н., 2012. Технология керамики Варфоломеевской стоянки // Археология восточно-европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9. Саратов. С. 5–22.
- Васильева И. Н., Выборнов А. А., 2016. Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье // Поволжская археология. №3 (17). С. 104–123.
- Выборнов А. А., Васильева И. Н., Кулькова М. А., Филиппсен Б., 2018. О времени появления и динамике распространения древнейших керамических традиций в степном Нижнем Поволжье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4; История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23, № 2. С. 6–16.
- Ставицкий В. В., 2013. Проблема происхождения прикаспийской культуры // Археология Восточно-Европейской степи. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10. Саратов. С. 205–211.
- Юдин А. И., 2004. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов.

**Ранние цивилизации на перуанском побережье,
комплекс Караль: проблема анализа и интерпретации
археологической литературы**

Соколовский В. А.

*(Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск)
v.sokolovskii@g.nsu.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-240-243

Комплекс Караль (Caral) находится в долине р. Супе и относится к культуре Норте-Чико (Norte-Chico) или Караль-Супе (Caral-Supe), локализованной в одноименном районе на севере центральной части побережья Перу. Площадь участка составляет 165 акров, что делает его одним из самых крупных на всем тихоокеанском побережье Южной Америки. В российской археологической литературе встречаются упоминания о Карале, но детального анализа происхождения, эволюции и особенностей социальной организации этого феномена еще не сделано (Берёзкин, 2013; Табарев, 2006).

Караль был обнаружен американским археологом Полом Косоком (Paul Kosok) в 1948 г., но тогда комплексу не было уделено пристального внимания (Shady et al., 2001). В 1994 г. перуанские археологи под руководством Рут Шейди Солис начали археологические раскопки на тер-

ритории Караля. В 2000 г. на раскопки были приглашены американские археологи Джонатан Хаас и Уинифред Кример. В 2001 г. исследователи опубликовали результаты углеродного датирования волокон шикры (shicra): она была датирована 4090 л. н. (2627 г. до н. э.) (Atwood, 2005). Согласно радиоуглеродному анализу, Караль датируют 4,9–4,6 тыс. л. н. (Shady et al., 2001). Последующие публикации в прессе освещали только роль американских археологов, что привело к острому конфликту между ними и Р. Шейди, длящемуся и сегодня. Одним из ключевых споров между исследователями является определение статуса Караля как государства и цивилизации.

Государство, согласно Р. Шейди, – это политическое образование, в котором в обществе есть избыточное производство основных продуктов, и члены которого организованы в социальные слои с различным статусом, определяющим долю при распределении ресурсов. Власть в таком обществе пользуется принудительными мерами (Shady, 2003).

Р. Шейди считает долину Супе самым ранним государством на территории всех Анд, а Караль ее столицей. Исследовательница опирается на принцип многоуровневой иерархии поселений, основанный на распределении и размерах памятников, вложении рабочей силы в монументальную архитектуру, расположении поселений и доступе к стратегическим элементам инфраструктуры (Shady, 2006). Свои доводы Р. Шейди подкрепляет двумя аргументами: 1) наличие торговых отношений с сопредельными территориями: при раскопках Караля, расположенного в 23 км от моря, были найдены останки рыб и морепродуктов, а также семена хлопчатника (*Gossypium barbadense*). Жители Караля могли менять морепродукты на хлопок, который нужен для изготовления рыболовных сетей (Shady, 2006); 2) наличие предметов престижной экономики, найденных в погребениях, таких как останки съедобных моллюсков (*Spondylus*), прибывших с побережья современного Эквадора (расстояние до Караля составляет 1300 км). Наличие таких предметов указывает на дифференцированный доступ к товарам, что свидетельствует о социальной стратификации (Shady, 2008). Система обмена между побережьем и внутренними районами расширилась и включила группы, которые располагались в других частях центральных Анд. Элиты Караля создали систему господства и прямого контроля над сопредельными территориями благодаря развитию религиозного культа. Это объясняется сходной по стилю монументальной архитектурой во всем регионе (Shady, 2006).

Хаас Дж. и У. Кример отмечают то, что нет никаких вещественных доказательств существования государства. Они отмечают двусмысленность термина «государство», которое дала Р. Шейди: ее определение может включать в себя весьма широкий спектр обществ по типу вожеств,

которые существовали на различных территориях. Исследователи из США указывают на отсутствие гегемонии Караля над сопредельными территориями. Дж. Хаас и У. Кример упрекают Р. Шейди в том, что она не помещает Караля в контекст большого массива археологической литературы о древнем Перу (Haas et al., 2006).

Хаас Дж. отмечает: 1) быструю эволюцию и формирование культурной сложности на территории Караля в сравнении с другими районами мира; 2) отсутствие археологических данных о военном происхождении Караля и Норте-Чико при имеющихся свидетельствах о взаимодействиях с другими территориями (Haas et al., 2006), что противоречит теории об образовании государств из родственных групп, для защиты ресурсов (Haas et al., 2005).

Таким образом, согласие в выводах отсутствует из-за разных подходов к изучению, отказа в сопоставлении выводов и подкрепляется старой «враждой» исследователей. Независимый анализ археологической литературы может являться более точным в определении статуса Караля как государства или цивилизации. Сегодня, применимость этих терминов неправомерна из-за специфики комплекса и отсутствия археологических данных, которые могут стать достаточными аргументами в применении этих терминов.

Список литературы

- Берёзкин Ю. Е., 2013. Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.
- Табарев А. В., 2006. Введение в археологию Южной Америки. Анды и тихоокеанское побережье. Учебное пособие. Новосибирск.
- Atwood R., 2005. A Monumental Feud // *Archaeology*. Vol. 58, №. 4 (July/August 2005). P. 18–25.
- Haas, J., Creamer W., Ruiz A., 2005. Power and the Emergence of Complex Societies in the Peruvian Preceramic // *Foundations of Power in the Ancient Andes* / ed. Kevin Vaughn, Dennis Ogburn, and Christina Conlee. Arlington: American Anthropological Association. P. 37–52.
- Haas, J., Creamer W., 2006. Crucible of Andean Civilization: The Peruvian Coast from 3000 to 1800 BC // *Current Anthropology*. Vol. 47. P. 745–775
- Shady R., 2003. Los orígenes de la civilización y la formación del estado en el Perú: Las evidencias arqueológicas de Caral-Supe // *La ciudad sagrada de Caral-Supe: Los orígenes de la civilización andina y la formación del estado prístino en el antiguo Perú*. Lima. P. 93–100.
- Shady R., 2006. La Civilización Caral: Sistema Social y Manejo del Territorio y sus Recursos. Su Trascendencia en el Proceso Cultural Andino // *Boletín de Arqueología*. PUCP. Vol. 10. P. 59–90.

Shady R., 2008. America's First City? The Case of the Archaic Caral // *Andean Archaeology III: North and South*. New York. P. 28–66.

Shady R., Haas J., Creamer W., 2001. Dating Caral, a Pre-ceramic Site in the Supe Valley on the Central Coast of Peru // *Science*. Vol. 292 (5517). P. 723–726.

Первые результаты петрографического анализа неолитической керамики Среднего Поволжья

Сомов А. В., Андреев К. М., Кулькова М. А.

(Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург)

*somov.anatoly@gmail.com; konstantin_andreev_88@mail.ru;
kulkova@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-243-245

На сегодняшний день в лесостепном Поволжье исследователями выделяются две археологические культуры, относящиеся к эпохе неолита. К раннему неолиту относятся материалы елшанской культуры, которая характеризуется слабоорнаментированными или неорнаментированными сосудами (Андреев, Выборнов, 2017. С. 52–57). Развитой и поздний неолит представлен средневожской культурой, керамика украшена накольчатым, гребенчатым и зубчатым орнаментом, а также ногтевидными насечками (Выборнов, 2008). Для проведения петрографического анализа, осуществленного М. А. Кульковой в лаборатории Российского государственного педагогического университета (далее – РГПУ) им. А. И. Герцена, было отобрано 47 образцов неолитической керамики с памятников лесостепного Поволжья.

Неорнаментированная (слабоорнаментированная) группа (9 образцов). Керамика плотная, фрагменты как тонкостенные, так и толстостенные. Внешние поверхности бежевого цвета, заглажены, иногда покрыты отмученной глиной. Излом имеет черный цвет. Образцы изготовлены из тощих глин гидрослюдистого (5) или смектитового (3) состава. Один образец изготовлен из жирных глин смектитового состава. Во всех сосудах отмечаются остатки выгоревшей растительности (округлые поры до 1 мм) и ожелезненные глинистые пеллиты. В одном образце, помимо вышеописанных включений, наблюдается содержание обломков раковины. Установлено, что в составе всех образцов в качестве отощителя выступал песок (П) (0,2–0,7 мм), состоящий из включений кварца, сланца, кремня, плагиоклаза, эффузив и диорит. Все зерна хорошей окатанности. В 4 образцах фиксируется наряду с П включение шамота (Ш), размер которого

колеблется от 1 до 3 мм. Обжиг осуществлялся костровым способом, температура которого колебалась в пределах 650/700–700/800 °С. Данный процесс имел в основном кратковременный, реже долговременный (2 из 9 образцов) характер, который происходил в окислительной среде.

Накольчатая группа (10 образцов). Керамика плотная, толщина фрагментов варьируется от 6 до 11 мм. Внешние поверхности заглажены, иногда покрыты отмученной глиной. Внешняя и внутренняя зоны бежевого, а центральная часть – черного цвета. Керамика изготовлена из тощих глин смектитового (7) или гидрослюдистого (3) состава. Также наблюдается содержание железненных комочков глины или железненных глинистых пеллит размером 0,5–2,0 мм. В состав отощителя практически всех образцов входил П (состоящий преимущественно из кварцита, плагиоклаз, сланца и кремня, частицы которых имеют хорошую окатанность), в двух образцах фиксируется П + Ш (размер обломков 1,0–1,4 мм). Стоит отметить, что в одном образце отощитель не использовался. Обжиг осуществлялся костровым способом, температура которого в основном составляла 650–700 °С. Данный процесс имел кратковременный характер и происходил преимущественно в окислительной среде.

Посуда с ногтевидными насечками (8 образцов). Керамика плотная, толщина фрагментов варьируется от 5 до 12 мм. Внешние поверхности преимущественно бежевого или коричневого цвета, заглажены, зачастую покрыты отмученной глиной. Центральная часть образцов – черного или серого цвета. Образцы изготавливались из тощих глин смектитового (4) или гидрослюдистого (4) состава. В большинстве образцов фиксируются обломки раковин, размерами от 0,3–0,5 до 6 мм. Наблюдаются также незначительные остатки невыгоревшей растительности, глинистые железненные пеллиты и песчаные конгломераты. У половины образцов в качестве отощителя выступает исключительно П, а в остальных случаях фиксируется П + Ш (1–3 мм). Обжиг костровой, кратковременный в окислительной среде, осуществляющийся при температуре 650–700 °С, в двух образцах раковина частично разложилась, ввиду чего допустимо предположить, что обжиг мог достигать температуры 850 °С.

Керамика с зубчатым и гребенчатым штампом (20 образцов). Сосуды в основном тонкостенные (до 8 мм), но не редки и толстостенные фрагменты (от 9 до 12 мм). Керамика плотная, внутренняя и внешняя поверхности заглажены, цвет в основном бежевый или светло-коричневый. Центральная часть зачастую имеет черный цвет. Керамика изготавливалась из тощих (16) или жирных (4) глин смектитового, гидрослюдистого, гидрослюдисто-карбонатного и каолинового состава, в которых преобладают включения кварца и плагиоклаз, значительно реже наблюдаются раковины, сланец, диорит и др. У 1/3 образцов фиксируется

содержание остатков невыгоревшей растительности, в меньшей степени глинистые ожелезненные пеллиты и песчаные конгломераты. В качестве отошителя преобладает П (10), а также П + Ш (5). Но стоит отметить, что в данной группе в качестве отошителя прослеживается появление новых субстратов: Ш (2), Ш + дробленая кость (ДК) (1), П + измельченная растительность (Р) (1). Обжиг костровой или происходил в невыдержанной среде при температуре 650–850 °С, окислительный и кратковременный.

Таким образом, образцы изготавливались преимущественно из тощих глин, значительно реже из жирных. В состав отошителя практически всех образцов входил П, а также примесь П+Ш. Стоит отметить, что в керамике с зубчатым и гребенчатым штампом фиксируются новые субстраты (Ш, Ш + ДК, П + Р). Обжиг осуществлялся костровым способом, температура которого колебалась в пределах 650/700–700/800 °С. Данный процесс имел в основном кратковременный характер и проходил в окислительной среде. Для дальнейшего исследования необходимо не только разработать методику соотнесения результатов петрографического и технико-технологического анализов, но и создать более обширную базу данных петрографического анализа неолитической посуды Среднего Поволжья и сопредельных территорий.

Список литературы

- Андреев К. М., Выборнов А. А., 2017. Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура). Самара.
- Васильева И. Н., 2018. Гончарные традиции населения средневолжской культуры (к вопросу о многокомпонентном составе) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева. Самара. С. 17–19.
- Выборнов А. А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара.

Проблема выявления жилищ в раннем неолите Карелии: обзор источников

Филиппова В. Л.

*(Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург)*

vera.filippova.97@mail.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-246-249

На настоящий момент на территории России известно около 250 изученных памятников, содержащих керамику культуры сперрингс (рис. 1). Эта культура, относящаяся к раннему неолиту, бытовала в середине VI–V тыс. до н.э. (Герман, 2018а. С. 227). Существует проблема с выделением жилищ для нее: в основном их следы не прослеживаются в слое. Специально этот вопрос не разрабатывался. В обобщающей монографии 1996 г. указывается, что жилища на дневной поверхности не просматриваются, поэтому, видимо, население использовало легкие постройки, не отражающиеся в культурном слое (Витенкова, 1996. С. 66). А. М. Жульников упоминает об отсутствии следов жилищ и обосновывает это тем, что, вероятно, носители культуры сперрингс строили временные жилища по типу чумов, которые не оставили следов в культурном слое и размещение которых не прослеживается на основе планиграфического анализа, так как они ставились на разных местах жилой площадки от сезона к сезону. Такую модель расселения он связывает с особенностью хозяйственно-культурного типа населения, заключающегося в постоянных сезонных перекочевках, связанных с рыбным промыслом, лежащим в основе жизнеобеспечения (Жульников, 2003. С.47–48).

К. Э. Герман пишет всего о двух известных наземных жилищах культуры сперрингс, которые прослеживаются в виде тонкой линзы, отличной по цвету от культурного слоя. Это структуры на памятниках Илекса V и Пегрема IX, отличающиеся друг от друга прежде всего тем, что жилище на Илексе V имеет округлую, а на Пегреме IX – подчетыреугольную форму. Обе структуры содержат очаг, по периметру не обнаруживается следов от жердей. На Пегреме IX получена дата 5620–5320 лет до н. э. (6510 ± 90 , TA-1161), она соответствует раннему этапу культуры сперрингс, но взята из кострища за пределами жилища (Герман, 2001. С. 60–66).

На памятниках Южного Заонежья есть следы от полужемлянок. На Кемском III в слое, связанном с керамикой сперрингс, прослеживается котлован прямоугольной формы с углистым пятном в центре и со следами от жердей по контуру в виде небольших ямок. В заполнении котлована была обнаружена керамика сперрингс (Иванищева, 2014. С. 257–258). Исследователи сходятся во мнении, что это была периферия культуры, где были возможны контакты

Рис. 1. Карта ареала культуры сперрингс и памятников, на которых обнаружены жилища, интерпретируемые как соотносящиеся с культурой сперрингс (карта Google Earth; по Герман, 2018а)

и культурные взаимопроникновения с носителями других неолитических культур северной лесной зоны, в частности, с верхневолжской культурой (Жульников, 2003. С. 46; Герман, 2018а. С. 229). Подтверждает это предположение тот факт, что на соседнем памятнике Тудозеро V под слоем с керамикой сперрингс был выявлен культурный слой с более ранней посудой, орнаментированной гребенчатым штампом. Датировки этой керамики по нагару показали разницу между слоями в 300 лет: нижний

слой с гребенчатой керамикой датируется 5636–5530 лет до н. э. (6660 ± 32, AAR-17174), верхний с керамикой с позвонковой орнаментацией – 5306–5076 лет до н. э. (6241 ± 30, AAR-17173). Это свидетельствует о сложных процессах культурного взаимодействия, происходивших на территории Южного Прионежья в финальном мезолите – раннем неолите (Иванищева и др., 2016. С. 400–401; Герман, 2018б. С. 9).

Кроме того, на памятнике Тудозеро V тоже есть углубленное жилище: здесь прослеживается междувалье, откуда, вероятно, брали землю для устройства жилища, а внутри самой структуры есть ступеньки, укрепленные камнями. В верхней незаглубленной части прослеживаются ямки от колев, а в заполнении культурного слоя жилища – керамика сперрингс. Однако полученные с пола жилища даты – 6226–6011 лет до н. э. (7240 ± 60, TA-2354), а также наличие ножевидных пластин среди находок дают основание с большей вероятностью отнести жилище к финальному этапу мезолита, хотя раннеолитическая принадлежность не отрицается исследователями полностью (Герман, 2001. С. 64–66). Похожая ситуация с жилищем на памятнике Большое Заветное IV на Карельском перешейке: там тоже прослеживается жилищная впадина, на дне которой залегают керамика культуры сперрингс (Тимофеев, 2002. С. 27–54). Д. В. Герасимов отмечает, что, хотя и есть вероятность того, что жилищный котлован был вырыт в раннем неолите, он использовался в качестве жилой или хозяйственной площадки и позже. В любом случае, мы не можем уверенно говорить о нем, как о жилищной структуре культуры сперрингс (Герасимов, 2012. С. 103–104).

Таким образом, прослежено всего два жилища, которые мы достоверно, без оглядки на следы в слое носителей других культур каменного века, можем отнести к культуре сперрингс. Оба не имеют жилищной западины или столбовых ямок, но прослежены в виде линзы культурного слоя вокруг очага. Есть вероятность, что на других памятниках следы жилищ этого времени просто не сохранились, но, возможно, в будущем их удастся проследить с помощью современных методов раскопок и фиксации.

Список литературы

- Витенкова И. Ф., 1996. Культура сперрингс // Археология Карелии / Под ред. М. Г. Косменко, С. И. Кочкуркиной. Петрозаводск. С. 65–80.
- Герасимов Д.В., 2012. Динамика каменных индустрий мезолита – неолита Карельского перешейка: дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Герман К. Э., 2001. Памятники с керамикой сперрингс в бассейне Онежского озера: дис. ... канд. ист. наук. СПб. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2-д. Д. 612.
- Герман К. Э., 2018а. Культура сперрингс (современное состояние изучения) // Самарский научный вестник. Т. 7, № 3 (24). С. 225–230.

- Герман К. Э., 2018б. Археологические культуры раннего неолита на территории Северо-Восточной Фенноскандии (проблема происхождения) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 5 (174). С. 7–11.
- Жульников А. М., 2003. Древние жилища Карелии. Петрозаводск.
- Иванищева М. В., 2014. Ранненеолитические памятники Южного Прионежья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16, № 3. С. 255–259.
- Иванищева М. В., Кулькова М. А., Иванищева Е. А., 2016. Радиоуглеродная хронология раннего неолита Нижней Сухоны и Юго-Восточного Прионежья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европа VII–III тыс. до н. э. СПб. С. 397–409.
- Тимофеев. В. И., 2002. Полевой дневник // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 36.

Погребения каменного века и эпохи бронзы Северной Фенноскандии

Царицына А. Р.

*(Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург)
svartfotkatt@yandex.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-249-253

На территории Северной Норвегии и Кольского полуострова, за исключением Кольского Оленеостровского могильника (Колпаков и др., 2019), к настоящему моменту известно 27 погребений, датированных от ~5500/4500 cal лет до н. э. до рубежа эр (поздний мезолит – ранний железный век). Большинство из них исследовано в Северной Норвегии, что отражает общую изученность территории (рис. 1). Информативность каждого памятника отличается в силу разницы методики раскопок и фиксации их результатов; исследование некоторых проводилось в начале XX в., на заре скандинавской археологии.

С целью выявления тенденций развития погребального обряда все памятники были проанализированы по пяти группам признаков: расположение погребения относительно поселений, характер погребальной конструкции, пол и возраст погребенного, наличие погребального инвентаря. На основании типологии инвентаря, высотных отметок морских террас, радиоуглеродного датирования памятники были разбиты на четыре периода, согласно традиционной для Северной Норвегии периодизационной схеме (Helskog, 1980, 1984; Olsen, 1994. P. 14; Simonsen, 1961. P. 484–485) (табл. 1).

Рис. 1. Побережные памятники Северной Фенноскандии: 1 – *Tønnes Navn*; 2 – *Slettnes V*; 3 – *Sundfjella Midtre*; 4 – *Grorbakken*; 5 – *Kvalnes*; 6 – *Storsanden II*; 7 – *Makvik IV*; 8 – *Vigøynes III*; 9 – *Kramvik 6*; 10 – *Advik*; 11 – *Gressbakken NØ*; 12 – *Nyely NV*; 13 – *Varsjøarga*; 14 – *Vigøfjord*; 15 – *Кольский Оленеостровский могильник*; 16 – *Нива X*; 17 – *Бухта Б. Песконец*

Таб. 1. Погребальные памятники Северной Фенноскандии

	Объект	Локализация	Конструкция	Пол, возраст	Положение и ориентировка	Инвентарь
Период I (4500/5500–3700 BC)	Groppbakkengen C			?	Поza эмбриона, В	+
	Bugøynes III			-	-	+
	Sundfjæra Midtre 10			-	-	+
	Sundfjæra Midtre 1			-	-	+
	Sundfjæra Midtre 7			-	-	+
Период II (3700–3000 BC)	Groppbakkengen A			-	-	-
	Groppbakkengen B			?	-	+
	Advik-2			?	-	+
	Gressbakken NØ 1			-	-	+
	Kramvik 6			6–10 лет	-	?
Период III (3000–1800 BC)	Storsanden II			-	-	+
	Бухта Б. Песконец			?	СВ	+
	Nyelv NV I			?	-	?
	Nyelv NV II			-	-	?
	Nyelv NV 12			?	На спине, ЮЗ	+
	Advik 1			1 год	Поza эмбриона, на правом боку, СЗ	-
	Нива X			?	ЮЮВ	+
	Slettnes V 80			-	-	+
	Slettnes V 85			?	-	+
	Slettnes V 79			-	-	+
	Tønsnes Havn A1700			-	-	+
Период IV (1800–0 BC)	Bugøyfjord-1			?	-	+
	Barsnjarga Øvre 1			ж, ~50 лет	З	+
	Barsnjarga Øvre 2		-	?	-	-
	Barsnjarga Øvre 3		-	м, ~60 лет	-	+
	Makvik IV		-	-	-	+
	Kvalnes 1		-	-	-	+

Расшифровка условных обозначений: Локализация погребения: – погребение на площади поселения; – погребение внутри жилища; – погребение в удалении от поселения; – погребение в раковинной куче на поселении; – могильник.

Характер погребальной конструкции: – яма; – яма с конструкцией на дневной поверхности (насыпь); – насыпь на дневной поверхности; – погребальная камера в насыпи на дневной поверхности; – яма с погребальной камерой внутри и с насыпью на дневной поверхности.

Пол, возраст: ? – костяк был, половозрастные характеристики не устанавливаются; - (прочерк) – костяка не было

Среди вариантов локализации захоронений наиболее частый – расположение на площади поселения; он существует в течение всех 5000 лет и является единственным вариантом в период I (4500/5500–3700 cal лет до н. э.). Встречаются единичные случаи погребения внутри жилища – Адвик 1 (Advik 1) (возможно, совершенное в период функционирования жилища) (Torgersen et al., 1959. P. 14; Henriksen, 2003. App. 2, p. 8) и в раковинной куче на поселении – Ниельв Недре Вест 12 (Nyelv Nedre Vest 12) (Renouf, 1989. P. 99). Традиция захоронения вне поселения прослеживается с периода II (3700–3000 cal лет до н. э.); только в период IV в Северной Норвегии появляются обособленные могильники – Барснъярга Овре (Barsnjarga Øvre) (табл. 1).

По характеру погребальной конструкции чаще всего встречаются захоронения с каменными (каменно-земляными) насыпями. В них захоронения могут совершаться на дневной поверхности в «камере», сооруженной из каменных плит или без нее, в яме или даже в опущенной в яму камере. Только в трех случаях захоронения совершены в ямах без надмогильного сооружения; все эти случаи – погребения в жилище (Адвик 1), около него (Нива X) и в раковинной куче (Ниельв Недре Вест 12) – производят впечатление исключений и относятся к периоду III (табл. 1).

Половозрастные характеристики и положение и ориентировка костяков в силу чрезвычайно плохой сохранности органики устанавливаются лишь в нескольких случаях. Человеческие останки зачастую сохраняются в виде костного тлена, отдельных фрагментов костей, зубов. Ориентировка погребения часто устанавливается по контурам погребальной ямы. Среди погребенных представлены дети в возрасте от 1 года и взрослые до 60 лет. Доминирующее направление в ориентировке отсутствует (табл. 1).

Большинство захоронений содержит погребальный инвентарь, чаще всего немногочисленный (табл. 1). Самые частые изделия – рубящие орудия и кинжалы (наконечники), янтарные украшения. В некоторых случаях принадлежность артефактов именно погребальному инвентарю неоднозначна; можно привести пример с крупной плитой с нанесенным красной краской орнаментом из погребения Ниельв Недре Вест II, которая могла являться частью конструкции (Nyelv Nedre Vest II) (Simonsen, 1958. P. 57–58; 1961. P. 430).

Большинство погребений – 10 из 27 – датируются периодом III (3000–1800 cal лет до н. э.), что соответствует позднему неолиту. К остальным трем периодам относится примерно равное количество погребений – по 5–6. В период III зафиксировано максимальное разнообразие вариантов погребального обряда (с точки зрения локализации захоронений и характера погребальных конструкций). Появление захоронений, расположенных вне поселений, отчетливо фиксируется в период IV. К этому же времени

(1500–1100 cal лет до н. э.) относится Кольский Оленеостровский могильник (Колпаков и др., 2019. С. 351–352).

Список литературы

- Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Хартанович В. И., Шумкин В. Я., 2019. Кольский Оленеостровский могильник: 1925–2013. СПб, Вологда.
- Helskog K., 1980. The chronology of the younger stone age in Varanger, North Norway. Revisited // Norwegian Archaeological Review. Vol. 13, № 1. P. 47–54.
- Helskog K., 1984. The younger stone age settlements in Varanger, North Norway // ActaBorealia: A Nordic Journal of Circumpolar Societies. Vol. 1, № 1. P. 39–70.
- Henriksen, S., 2003. Steinaldergravene i Finnmark. Ei metodisk tilnaerming for tolkning av gravskikk og religiøse oppfatninger. Hovedfagsoppgave i arkeologi. Tromsø.
- Olsen B., 1994. Bosetning og samfunn i finnmarks forhistorie. Oslo.
- Renouf M. A. P., 1989. Prehistoric Hunter-Fishers of Varangerfjord, Northeastern Norway. Reconstruction of settlement and subsistence during the Younger Stone Age. Oxford.
- Simonsen P., 1958. Arktiske Helleristninger i Nord-Norge II // Instituttet for sammenlignende kulturforskning. Serie B: Skrifter XLIX. Oslo.
- Simonsen P., 1961. Varanger-funnene II. Fund of udgravninger på fjordens sydkyst // Tromsø Museum Skrifter. Vol. VII, № II. Tromsø.
- Torgersen J., Getz B., Simonsen P., 1959. Varanger-funnene I. Funn av menneskeskjeletter // Tromsø Museum Skrifter. Vol. VII, № I. Tromsø.

Новые данные по материалам стоянки Устье Реки Кутарей в Северном Приангарье

Чеха А. Н.

*(Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск)
cheha.anna@yandex.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-253-257

В рамках разработки неолитической проблематики на территории Восточной Сибири был проведен анализ керамического материала из слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей (левый приток Ангары) в Северном Приангарье.

Важно отметить, что для большинства памятников региона (в том числе Устье Реки Кутарей) характерны субаэральные отложения с профилем полно развитой почвы, где разновременные археологические материалы смешаны и/или находятся в «компрессионном» состоянии, что осложняет их культурно-хронологическую атрибуцию.

Наиболее насыщенным и перспективным можно считать ранее изученный слой 3 данной стоянки, где в результате планиграфического анализа удалось

выявить «чистый» неолитический комплекс и «смешанный»: с примесью более поздней керамики. Однако, учитывая обозначенные выше особенности формирования отложений и наличие техногенных повреждений, необходимо уточнить культурно-хронологическую принадлежность материалов памятника и рассмотреть комплексы из слоя 2.

Ранее был проведен технико-типологический анализ коллекции каменных артефактов из слоя 2, а также определен ее петрографический состав (Чеха, 2019). Хотя слой 2 менее насыщен каменными артефактами, его, в сравнении со слоем 3, отличает небольшое количество массивных орудий и тесел, отсутствие скребел, небольшое количество двойных скребков, исключительно объемное расщепление, направленное в основном на получение мелких пластинчатых снятий. Несмотря на то, что основу коллекции составляют изделия из роговиков (алевролитов) местного происхождения, существенно увеличилось процентное содержание артефактов из кремня (до 13 %), что может говорить о несколько иной сырьевой стратегии. Установлено, что в районе устья р. Кутарей и вверх по ее течению выходов кремнистых пород не отмечалось. Предположительно, его источником могли оказаться осадочные толщи Ангаро-Илимского междуречья. Наиболее интересные аналогии прослеживаются с выделенным на Верхней Колыме раннеголоценовым комплексом с черешковыми пластинчатыми наконечниками. Для уточнения культурно-хронологической принадлежности памятника был также выполнен анализ керамического материала слоя 2. В основу группировки посуды был положен декоративно-морфологический анализ концентраций фрагментов и развалов, крупных частей сосудов, обнаруженных *in situ*. Основой для хронологической интерпретации послужили планиграфические наблюдения, отмеченные еще во время раскопок, а также данные по стратифицированным объектам и погребальным комплексам, расположенным в бассейне Среднего Енисея, Канской лесостепи, Северном Приангарье и Прибайкалье. Были учтены радиоуглеродные даты для комплексов Северного Приангарья и стратифицированных памятников сопредельных территорий (Деревянко и др., 2015; Бердников и др., 2017).

В слое 2 стоянки Устье Реки Кутарей зафиксировано 2069 фрагментов керамики (включая мелкие и неорнаментированные). Определимые фрагменты можно разделить на несколько групп (см. табл. 1):

тонковаликовая керамика раннего железного века – круглодонные сосуды с тонкими налепными заглаженными валиками, зафиксированные в южно-таежной зоне среднего Енисея;

керамика цэпаньского типа – тонкостенные сосуды, поверхность сосудов оформлена параллельными горизонтальными или волнообразными тонкими «обмазочными» валиками, представляет керамическую традицию эпохи раннего железного века;

Таблица 1. Соотношение основных групп керамического материала
(сл. 2. стоянки Устье Реки Кутарей)

Тип	Количество фрагментов	Количество венчиков	%
Тонковаликовая керамика раннего железного века	377	28	44,5
Посуда шилкинского типа	102	29	12
Посуда ковинского типа	33	9	3,9
Керамика цэпаньской культуры	57	12	6,7
Посуда с текстильными отпечатками	64	3	7,4
Керамика усть-бельского типа	62	6	7,4
Керамика посольского типа	5	0	0,5
Смешанная группа (недостаточно диагностирующих признаков, не относящаяся к эпохе неолита)	27	7	3,2
Техническая керамика	3	0	0,4
Неорнаментированные фрагменты	118	0	14

посуда шилкинского типа – фрагменты сосудов с объемными круглыми «рассеченными» валиками со следами прищипов и насечками в верхней части, представляют собой закрытые горшечные формы с короткой шейкой, отогнутым венчиком и расширяющимся плечиком, более всего сопоставимы с посудой шилкинской культуры (VI–I вв. до н. э.) южно-таежной зоны Средней Сибири и нижепорожинской (VII–III вв. до н. э.) Енисейского Приангарья;

посуда ковинского типа – тонкостенные, круглодонные горшковидные сосуды закрытой формы с ангобом, характерным признаком служат гладкие «рассеченные» и «обмазочные» валики, которые покрывают верхнюю часть сосуда. По мнению исследователей, эта посуда относится к первой половине I тыс. н. э., к раннему Средневековью;

керамика усть-бельского типа – крупные круглодонные тонкостенные формы с прямыми стенками, с косыми насечки, овальными вдавлениями по срезу венчика. Сосуды (чаще полностью) орнаментированы прямолинейными горизонтальными рядами однообразных наклонных оттисков (насечки, гребенчатый штамп, отпечатки ногтя, оттиски угла лопаточки, овальные вдавления, реже прочерченные линии). Ареал распространения данной керамики охватывает Минусинскую котловину, Средний Енисей, Северное Приангарье, западное побережье Байкала и Южное Прианарье;

керамика посольского типа – закрытые или открытые тонкостенные сосуды с округлым дном, утолщением венчика с внешней стороны подтреугольным в сечении налепом. Венчик профилирован. Верхняя часть сосудов орнаментирована в отступающее-накольчатой или проташенной технике. Встречаются прочерченные горизонтальные линии, оттиски зубчатого штампа или лопаточки. Ареал бытования данной посуды совпадает с ареалом усть-бельской керамики.

Таким образом, в слое 2 стоянки Устье Реки Кутарей преобладает керамика, относящаяся к раннему железному веку (тонкожгутиковая (2300–2100 л. н.), посуда шилкинского типа (2400–2100 л. н.), керамика цэпаньской культуры (2800–2200 л. н.). Неолитический компонент присутствует в небольшом количестве, что можно связать с техногенными нарушениями, особенностями формирования культурного слоя и перепадом высот. В целом, большую часть материалов слоя можно датировать II–I тыс. до н. э., однако наличие неолитической керамики и пластинчатых трех-четырёхгранных каменных наконечников, близких уолбинской культурной традиции (8000–6000 тыс. л. н.), не исключает присутствие более раннего компонента. Ввиду того что последние планиграфически не соотносятся с какой-либо группой керамического материала, вопрос их атрибуции остается открытым.

Новейшие данные о хронологии памятника были получены в результате радиоуглеродного анализа погребения (девушки 20–25 лет), обнаруженного под слоем 3 стоянки, в результате которого получена дата 6619 ± 87 (NSKA 1863), что согласуется с хронологией усть-бельской керамики (6660 ± 190 (IV культурный слой стоянки Казачка; 6475 ± 190 (гор. 11В пещеры Еленева); 6000 ± 100 [Сергушкин-1 пункт А]), наиболее представленной в слое, и позволяет отнести его к эпохе развитого неолита. Однако, так как погребение безынвентарное, дать какую-либо культурную привязку на данный момент не представляется возможным.

Список литературы

- Бердников И. М., Роговской Е. О., Лохов Д. Н., Кузнецов А. М., Когай С. А., Липнина Е. А., Бердникова Н. Е., Савельев Н. А., Соколова Н. Б., Уланов И. В., 2017. Новые радиоуглеродные данные для неолитических комплексов многослойных местонахождений Тункинской долины и Приангарья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, Вып. 6. С. 220–230.
- Деревянко А. П., Цыбанков А. А., Постнов А. В., Славинский В. С., Выборнов А. В., Зольников И. Д., Деев Е. В., Присекайло А. А., Марковский Г. И., Дудко А. А., 2015. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 гг.) // Труды Богучанской археологической экспедиции. Т. 1. Новосибирск.
- Чеха А. Н., 2019. Каменная индустрия слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей (Северное Приангарье) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 18, № 3: археология и этнография. Новосибирск. С. 64–73.

Ранний железный век

Сравнение детских и взрослых погребений ранних кочевников IV–II вв. до н. э. (на примере материалов раскопок археологической экспедиции под руководством К. Ф. Смирнова)

Астафьева В. С.

*(Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург)*

avc-96@yandex.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-258-261

Детские погребения кочевников раннего железного века (далее – РЖВ) при описании и анализе погребальных комплексов зачастую незаслуженно обделяются вниманием. При этом невозможно отрицать, что без такой крупной категории общества, как дети, невозможно его полное изучение.

Целью данной работы является анализ детских захоронений некоторых погребальных комплексов ранних кочевников IV–II вв. до н. э., исследованных в Оренбургской области экспедицией Института археологии (далее – ИА АН СССР) под руководством К. Ф. Смирнова, а также их соотнесение с погребениями взрослых, зафиксированными на данной территории.

Из 17 курганных могильников, которые в период с 1956 по 1974 гг. исследовала археологическая экспедиция К. Ф. Смирнова (Смирнов, 1962; 1966; 1972; 1975), 7 могильников содержали 28 детских погребений и 2 погребения подростков. По концепции К. Ф. Смирнова они относятся к раннесарматской культуре. Всего в них содержалось 29 костяков детей и 2 костяка подростков.

Анализируя погребальный обряд, следует отметить, что в целом все погребения соотносятся с традиционным погребальным обрядом кочевников РЖВ: костяки захоронены вытянуто на спине, головой на юг (юго-восток, юго-юго-восток, юго-запад, юго-юго-запад). При этом они характеризуются сравнительным разнообразием типов погребальных конструкций: могилы с подбоем (40 %), простые прямоугольные ямы (17 %), катакомбы (10 %), овальные ямы (3 %), ямы, форму которых невозможно проследить (23 %).

Говоря о наличии погребального инвентаря, стоит отметить, что восемь погребений его не содержат. В десяти погребениях были найдены только керамика и кости животных. Двенадцать погребений содержали разнообразный сопроводительный инвентарь (табл. 1).

Таблица 1. Типы погребального инвентаря в детских погребениях

Тип погребального инвентаря	Сколько костяков сопровождает
Керамика	16
Оружие	1
Украшения	8
Предметы быта	6
Ритуальные предметы	4

Большую часть погребального инвентаря в детских погребениях составляет керамика (46 %). Она найдена в 16 погребениях. Форма керамических сосудов разнообразна.

Следующая преобладающая категория инвентаря – украшения (16 %). В их числе: бусины, пастовый и стеклянный бисер, золотые височные кольца, железное кольцо, браслет из бронзовой проволоки и круглая железная пряжка.

Среди предметов быта (17 %): ножи, оселки, пряслица.

Предметы ритуального характера (11 %) представляют костяные ложки и курильницы.

Оружие (3 %) представлено бронзовыми наконечниками стрел.

Соотнесем данные, полученные при анализе детских погребений, с погребениями взрослых.

Всего в семи анализируемых курганных могильниках содержалось 101 погребение. В них был найден 121 костяк взрослых (мужчин – 44, женщин – 40, не определен пол – 37).

Таким образом, всего из 152 костяков, найденных в семи курганных могильниках, 31 принадлежат детям (в том числе 2 подростка), что составляет 20 %.

В целом погребения соотносятся с традиционным погребальным обрядом кочевников эпохи раннего железного века. Типы погребальных конструкций повторяют и дополняют типы ям детских погребений: могилы с подбоем (37 %), простые прямоугольные ямы (15 %), катакомбы (4 %), овальные ямы (11 %), квадратные ямы (1 %), ямы неопределенной формы или форму которых невозможно проследить (33 %).

Большую часть погребального инвентаря взрослых захоронений, как и в детских, составляет керамика (27 %), затем следуют предметы бы-

та (23 %), украшения (22 %) и оружие (21 %). Меньшую часть погребального инвентаря составляют ритуальные предметы (6 %). Единично в погребениях (мужчин) встречается конская упряжь (Ново-Кумакский курганный могильник 13/1, 27/2) (табл. 2).

Таблица 2. Типы погребального инвентаря в погребениях взрослых

Тип погребального инвентаря	Сколько костяков сопровождает
Керамика	58
Оружие	46
Украшения	48
Предметы быта	50
Предметы ритуала	12
Конская упряжь	2

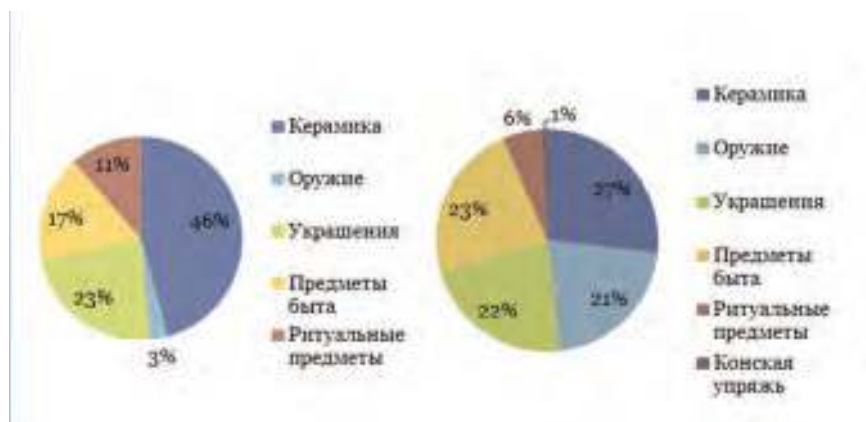

Рис. 1. Сравнительные диаграммы погребального инвентаря из детских и взрослых погребений

В целом при сопоставлении детских и взрослых погребений можно отметить общие тенденции (рис. 1). Так, в большинстве погребений, как у взрослых, так и у детей, встречается керамика (27 % и 46 %, соответственно). Примерно одинаковое количество погребенных сопровождалось предметами быта и украшениями (17 % и 23 % и 23 % и 22 %, соответственно). Относительно небольшое количество погребений содержало ритуальные предметы (11 % у детей и 6 % у взрослых). В незначительном количестве погребений взрослых (у двоих) встречается конская упряжь. В погребениях детей эта категория погребального инвентаря не была встречена. Наибольшая разница между погребениями взрослых и детей отмечена в категории оружия. Если у взрослых это один из наиболее часто встречающихся предметов (21 %), то в детских погребениях оружие встречается достаточно редко (3 %).

Проанализировав данные погребений ранних кочевников IV–II вв. до н. э. из раскопок археологической экспедиции Института археологии АН СССР под руководством К. Ф. Смирнова, мы пришли к следующим выводам:

1. Количество детей составляет 20 % от общего процента захороненных.
2. Погребальный обряд в детских и взрослых погребениях в целом соотносится и характеризуется разнообразными типами погребальных конструкций. Среди них наиболее часто встречаются ямы с подбоем.
3. Большинство детей и взрослых захоронены в индивидуальных погребениях.
4. Двойные, тройные и групповые погребения встречаются в значительно меньшем количестве по сравнению с индивидуальными.
5. Различия в погребальном инвентаре в детских и взрослых погребениях имеются. В том числе в детских практически нет оружия и конского снаряжения, которые имеются во взрослых погребениях. При этом в детских погребениях чаще, чем во взрослых, встречаются ритуальные предметы.

Список литературы

- Смирнов К. Ф., 1962. Новые сарматские памятники на Бузулуке // КСИА. № 89. С. 83–93.
- Смирнов К. Ф., 1966. Сарматские погребения в бассейне реки Кинделя Оренбургской области // КСИА. № 107. С. 33–43.
- Смирнов К. Ф., 1972. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа. С. 3–51.
- Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.

Следы обработки цветных металлов на поселениях киевской культуры Подесенья¹

Бажин М. И.

*(Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург)*

maxim.bazhin@bk.ru

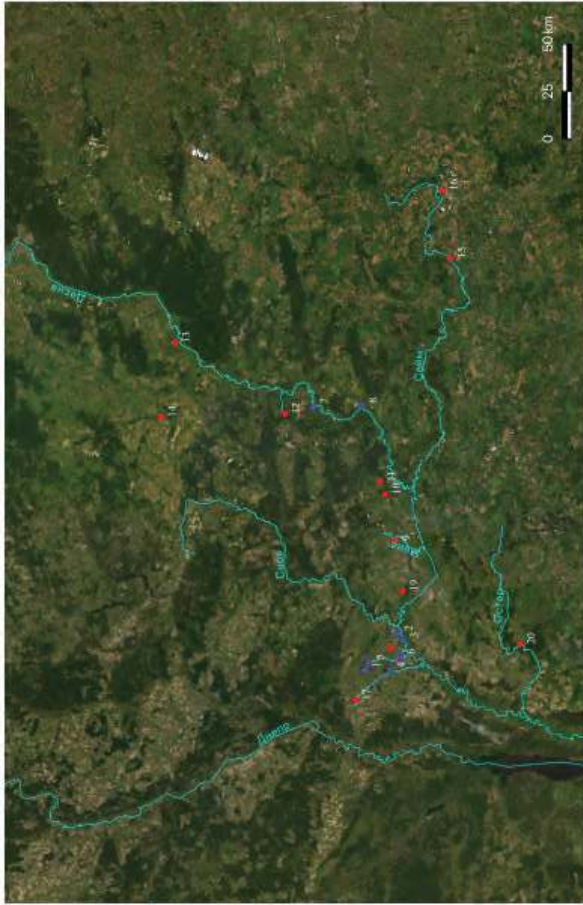
DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-262-266

Цель данной работы рассмотреть контекст и географию предметов, связанных с производством вещей из цветных металлов (чаще всего речь идет о латуни), на поселениях киевской культуры (II–V вв. н. э.) в Подесенье (рис. 1).

В работах, посвященных вещам круга варварских эмалей, как, впрочем, и более поздним «древностям антов», часто высказывается мысль о производстве украшений «бродячими мастерами-литейщиками», что объясняет как крайне широкие ареалы этих изделий, так и высокий уровень исполнения на фоне бедности раннеславянских поселений (Румянцева, 2018. С. 225). Как демонстрируют современные эксперименты по реконструкции древнего литья, существование такой модели производства в римское время технически возможно. Можно предположить и иную форму литейного производства, при которой продукция изготавливается в мастерских в специализированных поселениях. В таком случае встают вопросы об ареале распространения продукции одной мастерской и их количестве. Третий вариант – наличие независимого мелкого производства на многих поселениях, обеспечивающих продукцией себя и ближайшую округу. Не исключена и возможность различного сочетания всех перечисленных форм металлопроизводства.

Специальный вопрос о способах организации производства изделий из цветных металлов в киевской культуре ранее в литературе не ставился. Тема затрагивалась только в контексте исследования изделий круга восточно-европейских выемчатых эмалей, нередко связанных с киевскими поселениями (Румянцева, 2018. С. 224–226). Тем не менее модель организации металлопроизводства одна из важных характеристик любой культуры. В то же время реконструкция этой сферы по археологическим данным затруднена, так как литейное дело связано не только с собственно производственным процессом, оставляющим прямые материальные следы, но также и быть может, в большей степени, с социокультурной моделью общества.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме № 0160-2019-0044..

Условные обозначения

- памятник, на котором зафиксированы следы обработки цветных металлов
- памятник, на котором отсутствуют следы обработки цветных металлов

Рис. 1 Памятники киевской культуры в Подесенье, исследованные раскопками: 1 – Верхнестриженское-2; 2 – Кисилёвка-2; 3 – Ульяновка-1; 4 – Титова речка (Деснянка); 5 – Рошце ; 6 – Александровка-1; 7 – Лавриков Лес; 8 – Лушники; 9 – Мена-5; 10 – Киреевка-2; 11 – Киреевка-1; 12 – Форостовичи; 13 – Кветунь; 14 – Синин-8; 15 – Попово-Лежачи; 16 – Комаровка-2; 17 – Малый Листвен; 18 – Березанка (Овраменков Луг); 19 – Гребля; 20 – Козары-7; 21 – Хотылёво-2

К артефактам достоверно указывающим на наличие на памятнике литейного производства мы относим тигли, льячки, сопла, литейные формы и отходы производства (шлаки, выплески металла). Что касается прочих инструментов, то они не учитывались, так как надежно отличить предметы, предназначенные для работы с изделиями из цветных металлов от аналогичных вещей, используемых при работе с железом не представляется возможным. Схожим образом ситуация обстоит с производственными комплексами, так как горны для плавления цветных металлов зачастую невозможно надежно отделить от аналогичных объектов, предназначенных для стеклоделательного производства или обжига керамики (Петраускас и др., 2017. С. 107; Тихомиров, Терпиловский, 1990. С. 47). Единственным подтверждением функционального назначения подобных объектов может служить наличие бронзовых шлаков, однако их отсутствие не доказывает обратного.

Источником послужили данные о стационарных раскопках памятников киевской культуры, расположенных вдоль Десны и ее притоков. Так как одной из задач исследования является установление (с определенной долей вероятности) наличия или отсутствия на тех или иных поселениях литейного производства и зон концентрации таких поселений из выборки были исключены киевские памятники, известные по разведкам или раскопкам малыми площадями (менее 250 кв. м). В связи с незначительным объемом источников разделения памятников по хронологическим этапам, выделяемым для киевской культуры в Подесенье, не проводилось.

Следует заранее указать на два недостатка в методике, устранить которые, к сожалению, не представляется возможным. Первый заключается в том, что если достоверно установить наличие на памятнике литейного производства реально, то столь же достоверно доказать его отсутствие не представляется возможным. Второй недостаток методики заключается в отображении при картографировании не только объективной археологической информации, но и истории исследования. Некоторые регионы археологически известны лучше других.

Из 21 учтенного памятника Подесенья, те или иные находки, отражающие наличие на поселении литейного дела, зафиксированы в 8 случаях. С селищ Верхнестриженское-2, Роише, Киселевка-2, Лавриков Лес и Лушники-1а происходят тигли или их фрагменты (Горюнова и др., 1985. С. 16; Терпиловский, Абашина, 1992. С. 128, 139, 145; Обломский, Терпиловский, 2010. С. 316). На поселениях Ульяновка-1 и Титова речка (Деснянка) известны по одному фрагменту льячек (Максимов, Терпиловский, 1979. С. 31, рис. 4, 24). Из хозяйственной постройки Титовой речки также происходят бронзовые и железные шлаки (Шекун, Терпиловский, 1993. С. 11). На поселении Александровка-1 были зафикс-

сированы остатки плавильного горна с фрагментами разбитого тигля и бронзовыми шлаками (Обломский, Терпиловский, 2010. С. 323). С этого же памятника происходит единственная в рассматриваемом ареале глиняная литейная форма (Терпиловский, Шекун, 1996. С. 26, рис. 38).

Во всех случаях, кроме одного (Лушники 1а), тигли и льячки находились в комплексах: в жилых (Лавриков Лес, Роище, Киселевка-2) и хозяйственных (Ульяновка-1) постройках, а также в ямах (Верхнестриженское, Титова речка, Александровка-1). В постройках рассматриваемые предметы во всех случаях сочетались с иными орудиями труда, несвязанными с производством цветных металлов (железные изделия, включая ножи, тупики, пряслица, жернова, оселок). Таким образом, наиболее вероятно, что льячки и тигли хранились в этих постройках и принадлежали их жителям, а не «странствующим-литейщикам».

В постройках, определяемых как хозяйственные (Ульяновка-1, Титова речка) в заполнении содержались бронзовые шлаки, что говорит о том, что литье осуществлялось или прямо в них или в непосредственной близости, откуда слой затем затек в котлованы сооружений.

В постройке с Ульяновки-1 и жилища на селище Роище происходят и вероятные изделия. В постройке № 3 Ульяновки находились фрагменты бронзового проволочного браслета и трапециевидной подвески. Из жилища № 3 Роища происходят фрагменты серебряного браслета (Терпиловский, 1984. С. 87, 89, табл. 12, 16).

В то же время ни одно из рассмотренных поселений не может быть принято за специализированный производственный поселок, какие известны в синхронной и соседней черняховской культуре (Петраускас и др., 2017. С. 112) или подобны специализирующемуся на изготовлении железа Стаево-4 на верхнем Дону (V–VII в. н. э.), (Обломский, 2018). Косвенно на отсутствие такого рода центров указывает и группа синхронных памятников, с достоверно зафиксированным литейным производством, расположенных весьма близко друг к другу в районе Чернигова (рис. 1). При наличии более-менее крупной мастерской в них бы просто не было необходимости.

Приведенные в работе данные являются скорее постановкой вопроса о моделях организации металлообрабатывающего производства на киевских памятниках Подесенья, чем ответом на него. Остаются совершенно затронутыми вопросы об источниках сырья и производственных цепочках, в тех случаях, когда речь идет об изделиях с эмалью. Выполнялась ли работа одними или разными мастерами? Пока приходится признать, что данных для построения действительно обоснованных гипотез на сегодняшний день крайне мало.

Список литературы

- Горюнова В. М., Романова Г. А., Щеглова О. А., 1985. Отчет о работе Днепровского Левобережного отряда ЛО ИА АН СССР на поселениях Верхнестриженское II и III близ с. Сибереж Репкинского района Черниговской области в 1984–1985 гг. // Архив ИА НАН Украины. № 22366.
- Максимов Е. В., Терпиловский Р. В., 1979. Поселение Киевского типа у с. Ульяновка на Десне // Славяне и Русь (На материалах восточнославянских племен и Древней Руси). Киев. С. 21–37.
- Обломский А. М., 2018. Раннесредневековое поселение Стаево-4 в Верхнем Подонье // Древности, исследования, проблемы. Сборник в честь 70-летия Н.П. Тельнова. Кишинев-Тирасполь. С. 355–389.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 2010. Новые памятники киевской культуры на территории Украины (каталог). // Археология Восточной Европы в I тыс. н. э. Проблемы и материалы. Раннеславянский мир. Вып. 13. М. С. 301–375.
- Петраускас О. В., Коваль О. А., Милян Т. Р., Авраменко М. О., 2017. Горни пизньоримського часу з Комарова. (археологічні матеріали, особливості побудови та експлуатації). // Європейська археологія I тисячоліття н. е.: Збірник наукових праць на честь ліани Василівни Вакуленко. Київ. С. 107–159.
- Румянцева О. С., 2018. Обстоятельства возникновения, проблема организации производства и возможные причины упадка стиля восточноевропейских выемчатых эмалей (по итогам технологического анализа) // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.). Раннеславянский мир. Вып. 18. М., Вологда. С. 221–227.
- Терпиловский Р. В., Абашина Н. С., 1992. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев.
- Терпиловський Р. В., Шекун О. В., 1996. Олександрівка 1 – багатощарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів.
- Тихомиров Н. А., Терпиловский Р. В., 1990. Поселение Гочево 1 и 2 на Псле // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 1. Курск. С. 43–77.
- Шекун А. В., Терпиловский Р. В., 1993. Памятники I в. до н. э. – VII в. н. э. у с. Деснянка близ Чернигова. Чернигов.

Сарматские курганы Прихоперья (результаты исследований Еланской экспедиции ВГУ в 2018–2019 гг.)

Ивлиев А. Е., Пичкурова М. И.

(Воронежский государственный университет, г. Воронеж)
ivliv.aleks@yandex.ru, mpichkurova@list.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-267-270

Еланская археологическая экспедиция под руководством профессора Воронежского государственного университета (далее – ВГУ) А. П. Медведева ежегодно работает начиная с 2012 г. С 2018 г. экспедиция приступила к изучению курганов на водоразделе р. Елани и р. Татарка (в 2013–2017 гг. в речной пойме р. Елань исследовано 30 курганов). Курганная группа 7 у д. Ивановка Новохоперского района Воронежской области занимает присклоновой участок водораздельного мыса правого берега р. Елани и левого берега ее притока р. Татарка. Большая часть площади памятника никогда не подвергалась распашке и сохранилась в естественном степном ландшафте. Ранее раскопки здесь не проводились (Медведев, 2019а. С. 74).

По уточненным данным 2018 г. на памятнике насчитывается не менее 35 насыпей. Для исследования был избран курган № 30 диаметром 16 м и высотой не более 0,5 м. Было открыто захоронение, совершенное в погребальном сооружении, по форме и профилю напоминающему катакомбу. С запада расчищена входная шахта овальной формы размерами 80 × 115 см, при переходе в камеру она расширялась до 130 см. Камера катакомбы располагалась к востоку от шахты. На уровне зачистки материка она имела почти правильную овальную форму размерами 2,25 × 2,4 м. Глубина камеры 1,2 м от уровня материка. В центральной части камеры на разной глубине встречались фрагменты сероглиняной миски и мелкие кости животных (Медведев, 2019а. С. 76).

На дне камеры ближе ко входу, у западной стенки расчищены останки погребенной женщины. От ее скелета *in situ* уцелела нижняя половина – кости нижних конечностей, отдельные тазовые кости. Верхняя часть скелета частично разрушена грызунами. Сохранились части черепной крышки, отдельные позвонки и нижняя челюсть. Судя по положению костей, погребенная была уложена на спине, вытянуто, головой на северо-запад. Из сопровождающего инвентаря уцелели фрагменты гончарной миски, оселок, стеклянные бусы (Медведев, 2019а. С. 76–77).

Сероглиняный гончарный кувшин (рис. 1: 1) найден под насыпью в юго-западном секторе (на глубине 30 см, в 3 м от «0», за который принималась самая высокая точка в центре насыпи). Он имеет воронковидное горло и приземистое грушевидное тулово, у которого максимальный диаметр смещен ко дну. По шейке нанесен невысокий валик, центральная часть

тулова украшена двумя параллельными желобками. Дно плоское, без поддона. Ручка кувшина зооморфная. Из-за повреждения вид животного невозможно определить (Медведев, 2019б. С. 17–18).

Большая часть фрагментов миски из погребения встречена в заполнении, на дне могилы крупные ее обломки лежали к востоку от верхней части туловища погребенной. Миска острореберная (рис. 1: 2), с коротким сильно загнутым внутрь бортиком. Поверхность темно-серого цвета, местами глина иссиня-черная. Диаметр миски по венчику – 31,5 см, диаметр дна – 5,5 см, высота – 8 см. Дно слегка вогнутое (Медведев, 2019б. С. 18).

Рис. 1. Курганная группа Ивановка 7, курган № 30, 2018 г. Фото находок под насыпью (1 – кувшин) и из погребения (2 – миска, 3–6 – стеклянные бусы, 7 – точильный камень)

Стеклянные бусы (4 экз.) найдены среди костей черепной крышки, погребенной в северо-западном углу камеры (Медведев, 2019б. С. 18). По классификации Е. М. Алексеевой, 2 экз. (рис. 1: 3, 4) принадлежат к типу 1а (округлые пропорционально и поперечно сжатые бусы из прозрачного бесцветного стекла с гладкими краями отверстий) (Алексеева, 1978. С. 29.), 1 экз. (рис. 1: 5) принадлежит к типу 1б (округлые пропорционально и поперечно сжатые бусы с закраинками вокруг отверстий, объединенные по 2–6 в нерасчлененные столбики) (Алексеева, 1978. С. 30), 1 экз. (рис. 1: 6) – к типу 20 (округлые пропорционально и поперечно сжатые бусы с закраинками вокруг отверстий, объединенные по 2–6 в нерасчлененные столбики, покрытые мелкими бугорками) (Алексеева, 1978. С. 32). Бусы такого типа характерны для римского времени, преимущественно для II в. н. э. (Медведев, 2019б. С. 19).

Обнаружен фрагмент бронзовой фибулы. Сохранилась лишь та часть многовитковой пружины от фибулы причерноморского типа. Время их распространения – вторая половина II – начало III в. н. э. (Медведев, 2019б. С. 19).

Точильный камень (рис. 1: 7) найден справа от головы погребенной. Он овальной формы с одной плоской рабочей стороной. Его длина 16,5 см (Медведев, 2019б. С. 19).

По типу погребального сооружения, ориентировке погребенной и особенно инвентарю А. П. Медведев относит погребение к поздне-сарматской культуре, которая датируется в пределах второй половины II – начала III в. н. э. (2019б, С. 19).

Раскопки 2018 г. дали обнадеживающие материалы, показав, что курганный могильник Ивановка 7 какое-то время использовался сарматами, поэтому было принято решение продолжить работы в следующем году.

В 2019 г. были раскопаны еще 2 кургана – № 23 и 25. К сожалению, курган 23, диаметр которого 14 м и высота 0,4 м, оказался кенотафом (не содержал погребения). Но в кургане № 25 (диаметр 16 м, высота 0,4 м) было обнаружено интересное захоронение. Это была могила сарматского воина в подквадратной яме, костяк ориентирован на север. Покойный лежал вытянуто на спине. В западном углу находились 3 сосуда: глиняная миска, крупный сероглиняный кувшин и небольшой сероглиняный кувшинчик с полой ручкой-сливом. В районе правой руки было обнаружено железное изделие, которое, если судить по остаткам деревянного тлена, было помещено в футляр. Слева от покойного лежало около десятка железных трехлопастных черешковых наконечников стрел, черешки некоторых содержали остатки древка. Также рядом со стрелами лежал железный однолезвийный нож. Ближе к голове покойного находилось железное тесло, внутри которого содержались остатки дере-

вянной рукояти. Если судить по сопровождающему инвентарю, погребение достаточно уверенно можно датировать среднесарматским временем (I – начало II в. н. э.).

В этнокультурном отношении сарматские «диагональные» погребения долгое время соотносились с роксоланами (Смирнов, 1948. С. 213–219), но последние исследования показали ошибочность подобного сопоставления. С последними, видимо, правомерно соотносить впускные сарматские погребения с северной ориентировкой на юге Восточной Европы (Дервянко, 2019. С. 10). Сейчас же считается, что «диагональное» трупоположение практически всегда связано с квадратными могильными ямами, которые могли принадлежать аланам (Скрипкин, 2017. С. 166).

Таким образом, полученные результаты исследований курганов № 25 и 30 курганного могильника Ивановка 7 дополняют сведения о сарматской археологической культуре в Прихоперье, которая до недавнего времени не являлась объектом специального внимания (Берестнев, 2017. С. 3). В дальнейшем исследование могильника Ивановка 7 будет продолжено Еланской экспедицией ВГУ под руководством проф. А. П. Медведева.

Список литературы

- Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. М. (Свод археологических источников; Вып. Г1–12).
- Берестнев Р. С., 2017. Сарматы в междуречье Хопра и Волги: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж.
- Дервянко А. В., 2019. Роксоланская проблема в российской и украинской археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж.
- Медведев А. П., 2019а. Исследование сарматского кургана в низовьях реки Елань // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018. С. 74–78.
- Медведев А. П., 2019б. Отчет об археологических раскопках курганного могильника Ивановка 7 в Новохоперском районе Воронежской области в 2018 году // Научный архив Археологического музея Воронежского университета. № 313.
- Скрипкин А. С., 2017. Сарматы. Волгоград.
- Смирнов К. Ф., 1948. О погребениях роксолан // Вестник древней истории. № 1. С. 213–219.

**Проблемы интерпретации и датирования культуры
плиточных могил Приольхонья
(западное побережье оз. Байкал)**

Магдеева Я. Л.

*(Иркутский государственный университет, г. Иркутск)
mayana9810@gmail.com*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-271-273

Плиточные могилы – один из наиболее распространенных археологических памятников в Забайкалье, Центральной и Восточной Монголии. Время бытования этой культуры относят к позднему бронзовому – раннему железному векам. Район Приольхонья и долины р. Кудя являются крайней северной зоной распространения этой культуры. Ее появление знаменует собой начало новой эпохи, связанной с производящим хозяйством и использованием первых изделий из железа.

На территории Приольхонья плиточные могилы изучены довольно слабо по сравнению с Забайкальем и Монголией. В настоящее время на ее территории выявлено 44 пункта расположения плиточных могил. Раскопки проводились только на 19 объектах. Практически все исследованные могилы разрушены в древности. По мере накопления материалов расширялись возможности интерпретации имеющихся данных, внедрялись методы естественных наук, увеличивалось число радиоуглеродных датировок.

Первые интерпретационные построения по культуре плиточных могил Приольхонья основывались на материалах раскопок А. П. Окладникова в 1952 г. на горе Манхай (в Прибайкалье). Автор раскопок датировал эти комплексы III–II вв. до н. э. и связывал их появление с миграцией населения из Забайкалья в связи с экспансией хунну (Окладников, 1955. С. 196). Эта точка зрения долгие годы распространялась на оценку всех плиточных могил региона. Раскопки В. В. Свинина на могильнике Хужир II в 1977 г. на о. Ольхон позволили удревнить время появления культуры плиточных могил в Прибайкалье до VII в. до н. э. (Харинский и др., 1995).

В 80-е гг. прошлого века появились первые радиоуглеродные даты по плиточным могилам Приольхонья. По этому региону опубликовано 18 дат, выполненных преимущественно по костным останкам человека (Харинский и др., 1995; Номоконова, Горюнова, 2013. С. 333). Судя по ним, сооружение плиточных могил в Приольхонье попадало в некалиброванный диапазон между 3100–2100 л. н. Среди них выделяются наиболее древние даты: Итерхей V – 3100 ± 35 (AA-3674) л. н. (получена по нагару на стенке сосуда) и погребение № 2 Елги XXI – 2790 ± 50 (СОАН-3707) л. н. (Харинский и др., 1995. С. 64–78). Остальные даты

входят в некалиброванный промежуток между 2590–2100 л. н. На основе полученных наиболее ранних дат появление плиточных могил на территории Приольхонья отнесено к XIII–XII вв. до н. э. (Туркин, 2003). В культуре плиточных могил Прибайкалья А. В. Харинский и Г. В. Туркин выделяют два этапа: первый (соответствующий позднему бронзовому веку) – XII–VII вв. до н. э., второй (скифскому времени) – VII–III вв. до н. э. (Харинский и др., 1995; Туркин, 2003). С первым этапом сопоставлены могилы тырганского типа, со вторым – тырганского, хужирского, хоторукского и хужир-нугойского типов, выделенными А. В. Харинским и Г. В. Туркиным на основе конструктивных особенностей надмогильных сооружений.

В последние десятилетия, в связи с широким внедрением в исследования древних культур методов естественных наук, произошли существенные изменения в подходах и интерпретации результатов радиоуглеродного датирования (Номоконова, Горюнова, 2013; Ватерс-Рист и др., 2016). Анализ стабильных изотопов, проведенный по человеческим костям из плиточных могил, показал, что рацион питания этого населения основывался не только на употреблении мясной пищи, но и включал в себя пресноводные ресурсы оз. Байкал (Ватерс-Рист и др., 2016). В связи с этим радиоуглеродные даты, полученные по человеческим костям, подвержены влиянию резервуарного эффекта (удревнение возраста) и нуждаются в корректировке. Даты, выполненные по старым методикам без учета влияния древнего углерода, являются малонадежными и требуют своего подтверждения. В настоящее время по современным методикам получена серия скорректированных радиоуглеродных AMS-дат (20 дат), хронологический диапазон которых составляет 2778–1998 кал. л. н. (Ватерс-Рист и др., 2016).

Судя по датам, сооружение плиточных могил в Приольхонье могло происходить в следующей последовательности: хужир-нугойская группа – 2778–2150 кал. л. н., тырганская – 2743–2062 кал. л. н.; хоторукская – 2735–1998 кал. л. н. и хужирская – 2705–2070 кал. л. н. Имеющиеся даты указывают на проникновение носителей культуры плиточных могил на территорию Приольхонья с VIII в. до н. э. Более древние достоверные даты в настоящее время отсутствуют. Несколько моложе выглядят погребения хужирского типа, которые фиксируются с начала VII в. до н. э. Верхняя граница существования плиточных могил, вероятно, относится к I в. до н. э. Эти выводы носят предварительный характер и требуют подтверждения новыми радиоуглеродными датами, учитывающими резервуарный эффект. Вопрос о более раннем появлении населения культуры плиточных могил на территории Приольхонья остается дискуссионным и требует дополнительного обоснования.

Список литературы

- Ватерс-Рист А. Л., Лозей Р. Дж., Номоконова Т. Ю., Туркин Г. В., Горюнова О. И., 2016. Первые данные по анализам стабильных изотопов скотоводов позднего голоцена Прибайкалья и их радиоуглеродное датирование // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 18. Иркутск. С. 90–109.
- Номоконова Т. Ю., Горюнова О. И., 2013. Кости животных в плиточных могилах Приольхонья: по материалам погребения Сарма X // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Ч. 1. Чита. С. 329–336.
- Окладников А. П., 1955. История Якутской АССР. Якутия до присоединения к русскому государству. Т. 1. М.; Л.
- Туркин Г. В., 2003. Лесостепное Предбайкалье в кон. II–I тыс. до н.э. (по материалам погребально-поминальных комплексов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток.
- Харинский А. В., Зайцев М. А., Свинин В. В., 1995. Плиточные могилы Приольхонья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ. С. 64–78.

Новый памятник в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС – Ала-Тей 4

Мурзина С. Р.

*(Казанский [Приволжский] федеральный университет, г. Казань)
sonya.murzina96@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-273-275

В ходе археологических работ, проводимых в 2019 г. в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС, Тувинской археологической экспедицией было начато изучение могильника Ала-Тей 4, расположенного на западном склоне одноименной горы. Могильник состоит из 12 объектов, большинство из которых представляют собой сложенные из крупного камня округлые насыпи, относящиеся предположительно к монгун-тайгинской культуре. В ходе ежегодного мониторинга состояния памятника несколько в стороне от основного скопления курганов нами был обнаружен ранее не фиксировавшийся здесь объект (№ 12). На поверхности читались лишь верхние части камней, образовывавших, как нам первоначально казалось, оградку подпрямоугольной формы. На основании известных аналогий объект был предварительно датирован бронзовым веком и поэтому сочтен перспективным для изучения. Впоследствии, однако, эта гипотеза была опровергнута.

В процессе зачистки площадь раскопок увеличилась более чем в два раза. Нами было выявлено кольцо диаметром около 12 м, сложенное из крупного плитняка. Среди камней кладки выделялись более крупные, образывавшие крепиду. В северной и юго-западной ее частях дважды были выявлены конструкции типа каменных треугольников, характерные преимущественно для раннескифского времени, но также неоднократно фиксировавшиеся на памятниках озен-ала-белигского этапа. Скопления камней фиксировались также и внутри кольца. Они концентрировались с севера и с юга, однако центральной кладки не образовывали. В центре кольцевой кладки обозначилось пятно могильной ямы подпрямоугольной формы (4,4 × 3,2 м), ориентированной длинной осью СЗ–ЮВ. В пространстве могильной ямы была выявлена конструкция, имевшая следующий вид. Внутри могильной ямы на глубине около 0,8 м была вырыта могила меньшего размера (2,5 × 1,3 м) глубиной около 0,3 м, стенки которой были укреплены установленными на ребро плитами. По краям этой ямы в несколько слоев в горизонтальной плоскости были уложены крупные плоские плиты и плиты меньшего размера. Вероятно, первоначально эта конструкция имела вид ложного свода. Северо-восточная стенка внутримогильной конструкции была повреждена и завалилась внутрь вместе с уложенными выше нее камнями предполагаемого перекрытия.

На глубине 0,5 м от древней поверхности в заполнении могильной ямы был зафиксирован развал керамического сосуда кокэльской культуры. Именно к этому времени следует, по-видимому, относить повреждение основного захоронения, а сам погребальный комплекс считать более ранним. Ниже, на дне ямы, были зафиксированы разрозненные кости и зубы, принадлежавшие предположительно двум индивидам. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

В качестве ближайшей аналогии объекту 12 могильника Ала-Тей 4 следует рассматривать курганы 16 и 17 могильника Аргалыкты I (Трифонов, 1976). Кроме того, цепочка похожих объектов была осмотрена сотрудниками экспедиции в 2018 г. западнее поселка Чаа-Холь, близ склона горы Бош-Даг. Каменные конструкции, сохранившиеся над могильными ямами и внутри них, напоминали те, что были зафиксированы на объекте 12 Ала-Тей 4 и в курганах 16, 17 Аргалыкты I (рис. 1). Достоверные сведения о времени и авторстве раскопок, а также принадлежности курганов к тому или иному могильнику отсутствуют. Однозначно и то, что они не относятся к могильнику Аргалыкты I, так как тот расположен гораздо западнее и попадает в зону затопления водохранилищем. Каменные склепы исследованы также на могильниках Суглуг-Хем I и Хайыракан, где они обнаружены в комплексе с озен-алабелигскими погребениями в срубах и датированы как одновременные им (Семёнов, 2003. С. 30–33, 66–69, табл. 35–41, 86–92).

Рис. 1. Вид кургана, обнаруженного сотрудниками ТАЭ западнее п. Чаа-Холь, у подножия г. Бош-Даг (время и авторство раскопок достоверно не известно)

Таким образом, объект 12 могильника Ала-Тей 4 тяготеет к группе памятников, характерной чертой которых является наличие внутри-могильной каменной конструкции и ложного свода. Наиболее вероятной их датировкой является финал скифского времени, однако они отличны как от захоронений в срубах озен-ала-белигского этапа, так и от несколько более поздних погребений улуг-хемской культуры. Вероятно, факт появления подобного типа памятников отражает контакты, возникшие между местным позднескифским и инокультурным населением, проникающим в Туву в конце I тыс. до н. э. В связи с вышесказанным представляется перспективным изучение расположенного в непосредственной близости от объекта 12 могильника Ала-Тей 3 – группы кольцевидных каменных насыпей с западиной в центральной части, скорее всего, содержащих погребения в срубах. Вполне возможно, что их соседство с улуг-хемскими погребениями Ала-Тей 1 и объектом 12 Ала-Тей 4 не случайно и связано с особой сакральной ролью горы Ала-Тей в конце I тыс. до н. э.

Список литературы

- Семёнов В. А., 2003. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники позднескифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.
- Трифонов Ю. И., 1976. Новый тип памятников раннего железного века в Туве // КСИА. Вып. 147. С. 109–121.

Исследования эталонного памятника киевской культуры Хотылёво 2 в Брянском Подесенье

Рябчевский Н. Г.

*(Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского, г. Брянск)*

nikkigun@yandex.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-276-279

Многослойный памятник Хотылёво 2 (рис. 1), расположенный в 18 км от Брянска выше по течению р. Десна, в научных кругах более известен как стоянка эпохи верхнего палеолита, однако верхний культурный слой памятника относится к киевской культуре. Поселение размещается на уступе тыловой части второй надпойменной террасы правого берега Десны, переходящем в коренной берег (Рябчевский, 2012. С. 76; Гаврилов и др., 2018. С. 166). Участок разделен на отдельные мысы небольшими овражками, бровка склона правого берега поднята над урезом на высоту 20–25 м (Гаврилов и др., 2019. С. 82, 84). Размеры поселения примерно 100 × 200 м (Гаврилов и др., 2018. С. 166).

Впервые на пласт памятников данного периода обратил внимание археолог-славист П. Н. Третьяков. В 1962 г. он проводил разведку в Брянском течении Десны (Третьяков, 1962. С. 74–75). В районе с. Хотылёво П. Н. Третьяковым были отмечены сразу три селища, датируемые серединой – третьей четвертью I тыс. н. э. (Чубур и др., 2002. С. 74). Одно из них – Хотылёво 2, с 1993 г. исследуется Хотылёвской палеолитической экспедицией (далее – ХПЭ) Института археологии (далее – ИА РАН) под руководством К. Н. Гаврилова (Гаврилов, 2008. С. 3).

Начало своего археологического изучения поселение Хотылёво 2 берет с того момента, как Ф. М. Заверняев обнаружил здесь голоценовые культурные слои в 1969 г. – на начальном этапе исследования палеолитической стоянки (Рябчевский, 2012. С. 76; Гаврилов и др., 2018. С. 166). Основной целью исследований Ф. М. Заверняева в 1969–1977 и 1980–1981 гг. был палеолитический культурный слой, но объекты более позднего времени фиксировались в полевой документации. Им было вскрыто более 600 кв. м верхних культурных слоев. (Рябчевский, 2012. С. 76; Шинаков, Рябчевский, 2016. С. 400; Гаврилов и др., 2018. С. 166).

Позднее, в 1990–1992 гг., ряд наблюдений за начавшим разрушаться слоем провел Курский палеолитический отряд (далее – КПО) под руководством А. А. Чубура (Рябчевский, 2012. С. 76).

Работы по изучению верхних слоев Хотылёво 2 возобновились в 1995 г. ХПЭ и Брянской древнерусской экспедицией Брянского государственного университета (далее – БГУ). В 1995 г. совместными усилиями ХПЭ, КПО

и сектора археологии Брянского областного краеведческого музея было вскрыто еще 200 кв. м верхних культурных слоев (Чубур и др., 2002. С. 76–79). В 1996 г. работы в окрестностях с. Хотылёво начал проводить Е. А. Шинаков. Он уделил большое внимание разведкам и раскопкам памятников Средневековья (Чубур и др., 2002. С. 74–84).

В начале 2000-х гг. в районе палеолитического раскопа I была вскрыта киевская полуземлянка. Вторая полуземлянка была частично разрушена, а частично исследована при вскрытии палеолитических слоев (Шинаков, Рябчевский, 2016. С. 400, 401) в 2005 г.

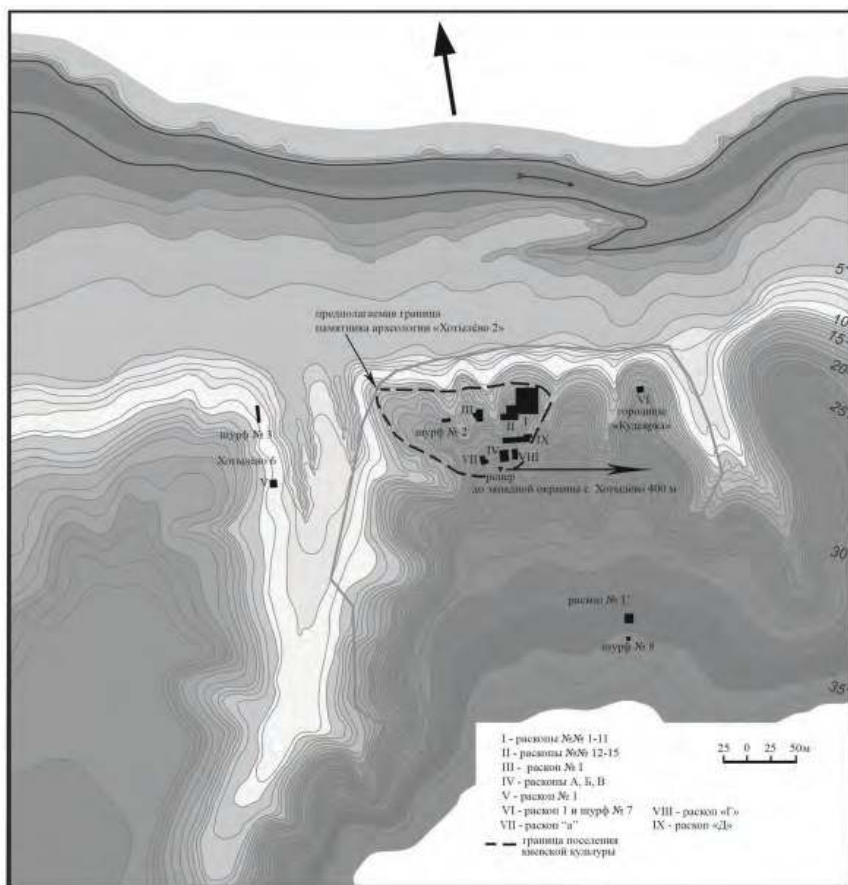

Рис. 1. Общий план поселения Хотылёво-2
(инструментальная съёмка Ю. Н. Грибченко)

В 2011–2012 гг. работы по исследованию верхнего слоя стоянки Хотылево 2 были продолжены Е. А. Шинаковым и В. Н. Гурьяновым. Площадь раскопа «А» на данном участке составила 34 кв. м. При этом была обнаружена вымостка «бракованной» (пережженной) керамики киевской культуры (Шинаков и др., 2012. С. 122).

Материалы приведенных исследований, изученные довольно широкой площадью, были введены в научный оборот частично, однако недавно объединены, проанализированы в комплексе и опубликованы (Гаврилов и др., 2018. С. 166–172).

В 2018 г. К. Н. Гавриловым и сотрудниками Научно-образовательного центра археолого-этнологических исследований (далее – НОЦ АЭИ) БГУ им. академика И. Г. Петровского (В. Н. Гурьяновым и Н. Г. Рябчевским) был заложен раскоп «Г» у восточного края стоянки площадью 60 кв. м, на склоне ложбины. В раскопе была встречена керамика, представленная большей частью форм глиняных сосудов киевской культуры, характерных для Хотылёво 2 (Гаврилов и др., 2019. С. 32–34). По типологии А. М. Обломского (Обломский, 2002. Табл. 1; с. 7, 8; рис. 2) найденный керамический материал можно отнести к следующим таксонам форм. I, 1, а, а (округлобокие закрытые с изогнутым отогнутым наружу венчиком и выпуклым бочком); I, 3-а (округлобокие закрытые с изогнутым отогнутым наружу венчиком, с дугой неопределенной формы на участке профиля от шейки до бочка); I, 4, а (баночные); II, 1 (ребристые с изогнутым отогнутым наружу венчиком, вогнутой формы от шейки до ребра); II, 2, а (ребристые биконические с изогнутым отогнутым наружу венчиком).

Однако, помимо вышеуказанных, встречаются и формы таксона I, 3-б (округлобокие открытые с изогнутым отогнутым наружу венчиком, с дугой неопределенной формы на участке профиля от шейки до бочка) (Гаврилов и др., 2018. С. 172).

В 2019 г. Е. А. Шинаковым, В. Н. Гурьяновым и Н. Г. Рябчевским на Хотылёво 2 было вскрыто 178 кв. м верхнего слоя. Раскоп «Д» был разбит к северу от раскопа «Г». В результате были обнаружены и исследованы ряд хозяйственных ям, 2 хозяйственные и 3 жилые постройки указанного периода. Собрано большое количество керамики, восстановлено и реконструировано несколько целых форм сосудов.

На данный момент на поселении Хотылево 2 изучена площадь в 1238 кв. м, однако остается открытым вопрос о более точной датировке поселения. Это связано с отсутствием до настоящего времени на памятнике датирующих вещей. Керамический комплекс представлен достаточно обширно, а благодаря исследованиям 2019 г. существенно дополнен и комплекс построек. Изучение этого интересного памятника будет продолжено.

Список литературы

- Гаврилов К. Н., 2008. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2. М.
- Гаврилов К. Н., Гурьянов В. Н., Рябчевский Н. Г., 2019. Раскопки слоя киевской культуры на стоянке Хотылёво 2 // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018. Липецк, Воронеж. С. 32–34.
- Гаврилов К. Н., Гурьянов В. Н., Чубур А. А., Шинаков Е. А., 2018. Материалы киевской культуры поселения Хотылёво 2 // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Ранне-славянский мир. Вып. 18. М., Вологда. С. 166–172.
- Гаврилов К. Н., Воскресенская Е. В., Мащенко Е. Н., 2019. Верхнепалеолитические стоянки в окрестностях с. Хотылёво // Культурная география палеолита Восточно-Европейской равнины: от микона до эпиграветта. Путеводитель конференции – полевого семинара. М. С. 80–146.
- Обломский А. М., 2002. Днепровское лесостепное Левобережье в позднееримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.). Ранне-славянский мир. Вып. 5. М.
- Рябчевский Н. Г., 2012. Исследование верхнего слоя многослойного памятника Хотылёво 2 в 2011–2012 гг. // Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий. Материалы XXVIII международной студенческой археолого-этнологической конференции (Брянск, 24–25 мая 2012 г.). С. 75–80.
- Третьяков П. Н., 1962. Отчет об археологических исследованиях в Брянской обл. в 1962 г. // Архив Института Археологии РАН. Р-1. № 2444.
- Чубур А. А., Гаврилов К. Н., Чеплянская Е. А., 2002. Верхние слои многослойного поселения Хотылёво 2 на Десне (эпоха бронзы, железный век) // Деснинские древности. Вып. 2. Брянск. С. 74–84.
- Шинаков Е. А., Гурьянов В. Н., Грачев С. Ю., 2012. Работы в Брянском ополье // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2011 г. Чернигов. С. 122–127.
- Шинаков Е. А., Рябчевский Н. Г., 2016. Памятники I тысячелетия н. э. на территории с. Хотылёво // Археология восточноевропейской лесостепи: материалы II Международной научной конференции. Воронеж. С. 399–404.

Переход от бронзового века к железному в регионе Центрального Кавказа (по материалам могильника у с. Тли)

Сташин И. А.

(Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург)

ivanstashi@rambler.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-280-283

Актуальность и проблематика. Периодизация К. Ю. Томсена знакома большинству археологов. Созданная в первой половине XIX в., она, дополняясь по мере развития представлений о той или иной археологической эпохе, живет до сих пор. Причина этого, по мнению исследователей (Клейн, 2011; 2015; Бочкарёв, 2016), может заключаться в удачности выбора принципа построения этой периодизации.

Технология производства развивается неравномерно, иногда находясь почти в стагнации, а иногда совершая стремительные рывки. Именно это непостоянство создало предпосылки для дополнения трехчастной схемы еще тремя эпохами – мезолитом и неолитом, с новыми традициями производства орудий из знакомого материала, и энеолитом или же халколитом, с использованием материала, до того периода не введенного в хозяйственную деятельность человека, – меди. Выделены эти эпохи были в середине – второй половине XIX в.

Исследование процесса перехода от бронзового века к железному актуализировалось в последнее время. В частности, это выразилось в публикации, посвященной концу бронзового века на территории степной и лесостепной зоны юга Восточной Европы (Бочкарёв, Кашуба, 2018), где были подняты вопросы изменения типов предметов и в целом принципов металлообработки.

Источниковедческой базой исследования стали материалы могильника у с. Тли, который расположен в ущелье р. Тлидон в Южной Осетии. Начало исследованию этого памятника положил В. И. Долбежев, проводя археологические разведки на территории Осетии в начале XX в. (Техов, 1957. С. 30–31; Крупнов, 1960. С. 33). С 1955 по 1988 г. раскопками на памятнике руководил Б. В. Техов. Всего Тлийский могильник содержит более 500 исследованных и опубликованных комплексов, которые охватывают временной промежуток от эпохи бронзы до раннего Средневековья (Техов, 2002).

Предметом изучения стали такие комплексы Тлийского могильника, которые содержали бронзовые и железные предметы. Также среди исследуемых комплексов будет несколько погребений с полностью железным и полностью бронзовым инвентарем, для того чтобы вписать материал в хронологический контекст.

Цель исследования – проследить, как происходил процесс замещения материала при изготовлении орудий во время перехода от бронзового века к железному. Для достижения данной цели были рассмотрены имеющиеся варианты периодизации и типологии, в случае необходимости выделены новые типы, проанализированы исследуемые комплексы и выявлены закономерности в развитии металлургии, а также на этом основании, создана собственная периодизация.

Методология. В рамках исследования были описаны существующие в литературе варианты типологии и периодизации исследуемых материалов, определена методика данной работы, был произведен анализ материала и на этом основании составлена таблица сопряженности, в которой отразилась та периодизация, которая происходит из выбранной нами методики.

Исследование сочетает в себе использование существующих вариантов типологии и выделение своей системы группировки для категории кинжалов, существующие варианты типологий которых задачам данной работы не отвечали. Среди причин назовем отсутствие единого типологизирующего признака, как в варианте типологии Б. В. Техова, и использование в качестве типологизирующего признака конструкции рукоятей, что не подходит для тлийских материалов обозначенного периода.

Итоги. Все имеющиеся в выборке комплексы были разделены на три группы (рис. 1). Данные группы отражают то, как происходил процесс перехода от эпохи бронзы к эпохе железа на основании материалов из комплексов могильника у с. Тли.

I группа характеризуется полным отсутствием железных предметов рассматриваемых в работе категорий.

II группа характеризуется сравнимым соотношением бронзовых и железных предметов. Большая часть железных предметов с режущим рабочим краем относится к категории кинжалов, большая часть бронзовых предметов с режущим рабочим краем относится к категории топоров. К данной группе относятся случаи совстречаемости бронзовых и железных кинжалов в одном комплексе.

III группа характеризуется превалированием железных предметов над бронзовыми. Все предметы с режущим рабочим краем сделаны из железа, к их числу относятся кинжалы-акинаки, являющиеся заимствованным типом вооружения. В то же время предметы, имеющие отношение к деталям костюма, выполнены по большей части из бронзы.

Процесс замещения бронзы железом происходил постепенно, и в рамках группы II существовал «железно-бронзовый» период. Он характеризовался использованием определенного материала для определенной категории орудий с режущим рабочим краем.

	Тон ТрвБ	Кв.К. ШБ	Кв.К. ШБ	К.Б	Тон.Б.1	Тон.Б.2	Кв.К. Б.Т.	Тон.Б.3	Кв.К. Б.Т. Безегаз	Кв.К. М.Т.	Тон.Б. Безегаз	Кв.К. А. Безегаз	Тон.К. II	Тон.К. I	Тон.К. III	Кв.К. А.	Кв.К. Безегаз
46	■																
45																	
102																	
23a																	
14																	
12																	
18																	
28																	
208																	
83																	
12A																	
211																	
228																	
456																	
14x																	
40																	
162a																	
114																	
421																	
382																	
417																	
242a																	
457																	
432																	
430																	
407																	
121																	
401																	
129																	
336																	
371																	
164																	
109																	
400																	
377																	
574																	
452																	
476																	
467																	
168																	
406																	
81																	
48																	
119																	
471																	
475																	
120																	
148																	
103																	
156																	
298																	
119																	
216																	
81																	
164																	
113																	
106																	
246																	
201																	
238																	

Рис. 1. Таблица сопряженности типов. Желтым цветом отмечены бронзовые изделия, серым – железные, красным – биметаллические

Железо использовалось для производства кинжалов, которые делятся на формы, существующие в бронзовом веке, и новые формы, ранее не существовавшие. Вопрос происхождения этих новых форм не решен.

Бронза использовалась для производства топоров. Также отметим, что в категориях украшений и деталей костюма бронза доминировала и уже после завершения переходного периода.

Для верификации работы была создана периодизация, основанная на получившихся в ходе анализа материала группах. При наложении существующих в литературе периодизаций (Техов, 1977; Kossak, 1983; Сулава, 2006), все они укладываются в созданную в рамках данной работы таблицу сопряженности типов, сохраняя свою внутреннюю относительную хронологию, за некоторыми исключениями, которые объяснимы.

В связи с полученными результатами возникает проблема с вписыванием данных результатов в общий контекст истории раннего железного века Кавказа. В качестве целей для последующих работ можно ставить исследование материалов, происходящих из памятников различных регионов Кавказа периода перехода от эпохи бронзы к эпохе железа и обобщение полученных результатов.

Список литературы

- Бочкарёв В. С., 2016. Значение классификации в современной археологии // Российский археологический ежегодник. № 5–6. С. 31–35.
- Бочкарёв В. С., Кашуба М. Т., 2018. Культурно-историческая ситуация на юге Восточной Европы накануне века железа // *Stratum plus*. № 3. С. 207–211.
- Клейн Л. С., 2011. Снова о системе трех веков (Рец.: Rowley-Conwy P. From Genesis to Prehistory: The Archaeological Three Age System and its Contested Reception in Denmark, Britain and Ireland. Oxford: Oxford University Press, 2007. 360 p.) // Российский археологический ежегодник. № 1. С. 613–616.
- Клейн Л. С., 2015. *Время в археологии*. СПб.
- Крупнов Е. И., 1960. *Древняя история Северного Кавказа*. Москва.
- Сулава Н., 2006. *Кавказские фибулы (типология, хронология, генезис): Автореф. дис. ... д. ист. наук*. Тбилиси.
- Техов Б. В., 1957. *Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна (Древний могильник в с. Тли)*. Сталинград.
- Техов Б. В., 1977. *Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э.* Москва.
- Техов Б. В., 2002. *Тайны древних погребений*. Владикавказ.
- Kossak G., 1983. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*. Bd. 5. S. 90–182.

Античность

Зооморфные ручки сосудов I–III вв. н. э. из коллекции Анапского археологического музея

Александрова А. И.

(Анапский археологический музей, г. Анапа)

alexandrova_alice@list.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-284-288

Версии исследователей по поводу появления и распространения посуды с зооморфными ручками довольно разнообразны. Мы придерживаемся концепции существования самостоятельных групп, которые развивались параллельно, а не распространялись из определенного центра в соседние районы (Абрамова, 1969. С. 70–71, 79–80, 84). Считаем вполне логичным мнение о том, что изображения животных имеют свой ареал распространения, следовательно, на ранних этапах могут быть определенным маркером отдельных племен сарматской общности (Лепные сосуды...). В объяснении семантики изображений животных на ручках сосудов заметных расхождений нет: преобладает мнение о том, что ручка-животное защищает, охраняет сам сосуд и его содержимое (Кастанаян, 1951. С. 255; Литвинский, 1968. С. 46–55; Капустина, 2016. С. 63).

Задачи данной статьи как начального этапа исследования: 1) работа с документацией (отчеты из научного архива Анапского музея); 2) фондовая работа; 3) выявление дальнейших направлений изучения темы.

Помощь в описании сосудов с рассматриваемыми зооморфными ручками оказал заведующий отделом археологии музея Виктор Михайлович Бондаренко, предоставив каталог с типологией данных предметов. По каталогу и записям в книгах поступлений и описях нами были обнаружены сведения о 21 зооморфной ручке, найти для измерения и фотографирования удалось только восемь, из них четыре экземпляра были прикреплены к сосудам разной степени сохранности (табл. 1; рис. 1).

Выводы:

1. Горгиппийские зооморфные ручки можно датировать периодом I–III вв. н. э. Большинство экземпляров найдено вне археологического контекста или таковой установить не удалось, единичные исключения подтвердили датировку времени бытования подобной посуды.

2. Нельзя назвать выборку репрезентативной и на основании восьми экземпляров делать выводы о преобладании типов. Отметим, что тезис о наличии в Горгиппии сосудов с ручками, изображающих только кабана, опровергнут находкой последнего описанного нами кувшина, подражающего металлическим изделиям (табл. 1, № 8). Также разра-

Таблица 1. Зооморфные ручки, найденные в фондах Анапского археологического музея

№	Тип	Особенности типа	Инвентарный номер	Где найден	Датировка	Сохранность	Публикация	
1	1.1	Фигурки животного с вытянутой мордой подтреугольной формы и широко расставленными ногами	КМ 8365/3953	Горг.-77, Город, кв. XII, яма 17, оп. № 108	II–III вв. н. э.	Кружальный плоскостонный кувшин с яйцевидным туловом	Алексеева, 1997, С. 278, табл. 233	
2	1.5		АМ 10956/29	Океан-82, кв. 142, кор. сугл., гл. 227-257, оп. № 163	II в. н. э.	Фрагмент ручки		
3	2.1	Фигурки животного с треугольной, поднятой кверху мордой, по обеим сторонам которой – два круглых налепа, изображающих глаза, туловище профилировано 4-мя валиками, разделенными желобками, конечности не выделены	КМ 12066/17	Горг.-76, Город, пом. 31, ЮВ угол, на полу	I половина III в. н. э.	Кувшин с яйцевидным туловом на невысоком кольцевом поддоне		
4	2.2		КМ 7843/53	Океан-82, пом. 1, гл. -283, оп. № 16	III в. н. э.	Кувшин с биконическим туловом на низком кольцевом поддоне и полусферическим выступом в донной части		
5	2.3		КМ 8365/1331	Горг.-65, угол Астраханской и Протапова. Находка во время строительства котлована под фундамент жилого дома	II – I половина III вв. н. э.	Фрагмент ручки		
6	2.4	АМ 4535	Горг.-63, Город, пл. XX, пом. 4, гл. 210 (скорее всего в яме 5 или 6 дворика 3)	II – I половина III вв. н. э.	Фрагмент ручки			
7	3.1	Фигурка животного с удлинённым, круглым туловищем на коротких ногах, массивной головой с двумя дисковидными налепами, обозначающими глаза, и конусовидным выступом-хвостом в задней части туловища	КМ 10670/2	Горг.-95, траншея по Кордонному пер.	I–II вв. н. э.	Стенка красноглиняного сосуда с ручкой		Не опубликованы
8	-	Подражание металлическим изделиям	КМ 12066/17	Некрополь-06 Протапова, кв. 6, культ. сл., оп. 47	I–III вв. н. э.	Верхняя часть кувшина		

Рис. 1. Зооморфные ручки сосудов I–III вв. н. э. из коллекции Анапского археологического музея

ботчики интернет-сайта gorgippia-antiqua.ru сообщают о наличии ручек с изображениями свиньи, лошади и барана, но нами подобные в коллекции музея пока не обнаружены.

3. Недостаточная сохранность самих сосудов мешает определить, вся ли керамика с ручками в виде кабана являлась кувшинами, изготовленными на гончарном круге, и какова была их форма.

4. Не все горгиппийские ручки изготовлены из серой глины с последующим лошением, встречены красноглиняные экземпляры (табл. 1, № 7).

5. Прослеживается сходство с зооморфными ручками с территории Пантикапея (Кругликова, 1954. С. 88, табл. 2, рис. 22; С. 90, рис. 3)

отдельно и Восточного Крыма в целом. На Азиатском Боспоре подобные находки – редкость (Капустина, 2016. С. 63, рис. 4). Единичные экземпляры встречены и на более далеком расстоянии – на Гниловском и Кобяковском городищах (Книпович, 1949. С. 46, рис. 53; Косяненко, 1998), что говорит о поступлении этих ручек в Горгиппию именно из Пантикапея.

6. Изучение этой темы в дальнейшем должно быть направлено на поиск еще не выявленных сосудов, более подробное сопоставление с образцами из других регионов, анализ техники изображения животных на ручках.

Список литературы

- Абрамова М. П., 1969. О керамике с зооморфными ручками // СА. Вып. № 2. С. 69–84.
- Алексеева Е. М. Отчет о работе Анапской экспедиции в 1979 г. // Научный архив Анапского музея, А1-25.
- Алексеева Е. М., Нестеренко Н. Д. Отчет о работе Анапской экспедиции Института археологии АН СССР в 1980 г. // Научный архив Анапского музея, А1-26.
- Алексеева Е. М., Шавырин А. С. Отчет о работе Анапской экспедиции в 1982 г. // Научный архив Анапского музея, А1-28.
- Алексеева Е. М., 1997. Античный город Горгиппия. М.
- Капустина Е. П., 2016. Боспорские сосуды с ручками в виде кабана – опыт применения программных инструментов картографирования // КСИА. Вып. 245. Ч. 1. С. 59–66.
- Кастанаян Е. Г., 1951. Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных // СА. № XV. С. 247–255.
- Книпович Т. Н., 1949. Танаис. Историко-археологическое исследование. М.; Л.
- Кругликова И. Т., 1954. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // Материалы и исследования по археологии СССР. № 33. С. 78–113.
- Литвинский Б. А., 1968. Кангуйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе.
- Лепные сосуды с зооморфными ручками римского времени. Проект «Открытая археология». – [Электронный ресурс] URL: <http://открытаяархеология.рф/finds/лепные-сосуды-с-зооморфными-ручками-римского-времени> (Дата обращения: 14.02.20).
- Новичихин А. М. Отчет об археологических разведках в окрестностях с. Су-Псех Анапского района Краснодарского края в 1994 г. // Научный архив Анапского музея, А1-48.
- Отчеты об археологических раскопках в г. Горгиппии 1960–1963 гг. // Научный архив Анапского музея, А1-2.

- Отчеты об археологических раскопках в г. Горгиппии 1964–1965 гг. // Научный архив Анапского музея.
- Отчет об археологических раскопках Горгиппии 1969 г. // Научный архив Анапского музея, А1-9.
- Отчет об археологических раскопках Горгиппии 1971 г. // Научный архив Анапского музея, А1-13.
- Отчет об археологических раскопках в Горгиппии 1977 г. // Научный архив Анапского музея, А1-23.

Структура памятника Солёный-3 античное время (Таманский полуостров)¹

Батасова А. В.

*(Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург)*

batasova.angela@gmail.com

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-288-291

Одним из самых ярких сельских памятников Азиатского Боспора является Солёный-3. Он был выявлен в 1983 г. Я. М. Паромовым на окраине одноименного поселка. На площади около 60 га исследователем было собрано относительно большое количество подъемного материала, в котором встречались фрагменты керамики, датирующиеся с VI в. до н. э. по первые века н.э. и средневековым временем (Паромов, 1992. С. 339–342). По оценкам Я. М. Паромова здесь располагалось крупное сельское поселение, возможно, речной порт Фанагории (Паромов, 1998. С. 220).

В 2000-х гг. некоторые результаты разведок Я. М. Паромова подверглись пересмотру. Так, в ходе сплошных археологических разведок участка, включавшего в себя территорию памятника Солёный-3, были выявлены десять областей скопления подъемного материала («сайтов») (Гарбузов, Завойкин, 2009. С. 146–150; Гарбузов, 2013. С. 186), большинство из которых, по предположению Г. П. Гарбузова, являлись сельскими поселениями (Гарбузов, 2010. С. 446).

Территория данного памятника вновь была исследована в 2012–2013 гг. разведочным отрядом Боспорской археологической экспедиции Государственного исторического музея (далее – ГИМ) и Евразийского отдела Германского археологического института. В ходе работ был со-

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0005. «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

бран материал в южной части Солёного-3, а также было произведено дистанционное зондирование участка, предоставившее новые данные о микрорельефе (Журавлёв и др., 2019).

В результате анализа распределения археологического материала на обследованной территории были выявлены две области повышенной концентрации находок, расположенные в северной и южной части участка (северный и южный «сайты»). Картографирование находок разных хронологических периодов позволило установить, что они существовали параллельно на протяжении V–III вв. до н. э. Материал последних веков до н. э. – первых веков н. э. встречался в небольшом количестве и не образовывал устойчивых пространственных структур (рис. 1).

Для установления природы выявленных областей скопления подъемного материала был проанализирован функциональный состав находок. На южном «сайте» была прослежена повышенная концентрация черепицы, кухонной и столовой керамики. Кроме того, здесь были найдены рыболовное и ткацкое грузила, фрагмент терракотовой статуэтки богини на троне. Все это – индикаторы крытых построек, а также хозяйственной, ремесленной и культовой активностей – свидетельствует о том, что в данной части памятника в античное время могло располагаться стационарное поселение. В отличие от него, на северном «сайте» практически отсутствуют индикаторы хозяйственной активности, зато имеются единичные фрагменты чернолаковой керамики и миниатюрных сосудов, а также фрагменты амфор и кувшинов. К этому стоит добавить, что со временем область концентрации находок здесь постепенно смещалась в северо-восточном и восточном направлении. Топография северного «сайта» и состав находок сближают его с античным некрополем Артющенко-2 (Кашаев, 2013; 2019). На основании этого можно предположить, что северный «сайт» представляет собой распаханный некрополь поселения, локализованного на южном «сайте».

На основании проведенного исследования можно реконструировать картину жизни в южной части памятника Солёный-3 в античное время. Греческое присутствие здесь фиксируется как минимум со второй половины VI в. до н. э., на что указывают единичные находки фрагментов амфор третьей четверти VI в. до н. э. Вероятно, с V в. до н. э. здесь располагались античное поселение и некрополь. В III в. до н. э. интенсивность жизнедеятельности на данном участке резко сократилась, в результате чего в последние века до н.э. отсутствуют признаки стационарного поселения и можно говорить лишь о спорадическом его посещении. Не исключено, что помимо вышеописанных «сайтов» в округе поселения существовали местонахождения материала меньшего масштаба либо существовавшие непродолжительное время, однако выявленные нами

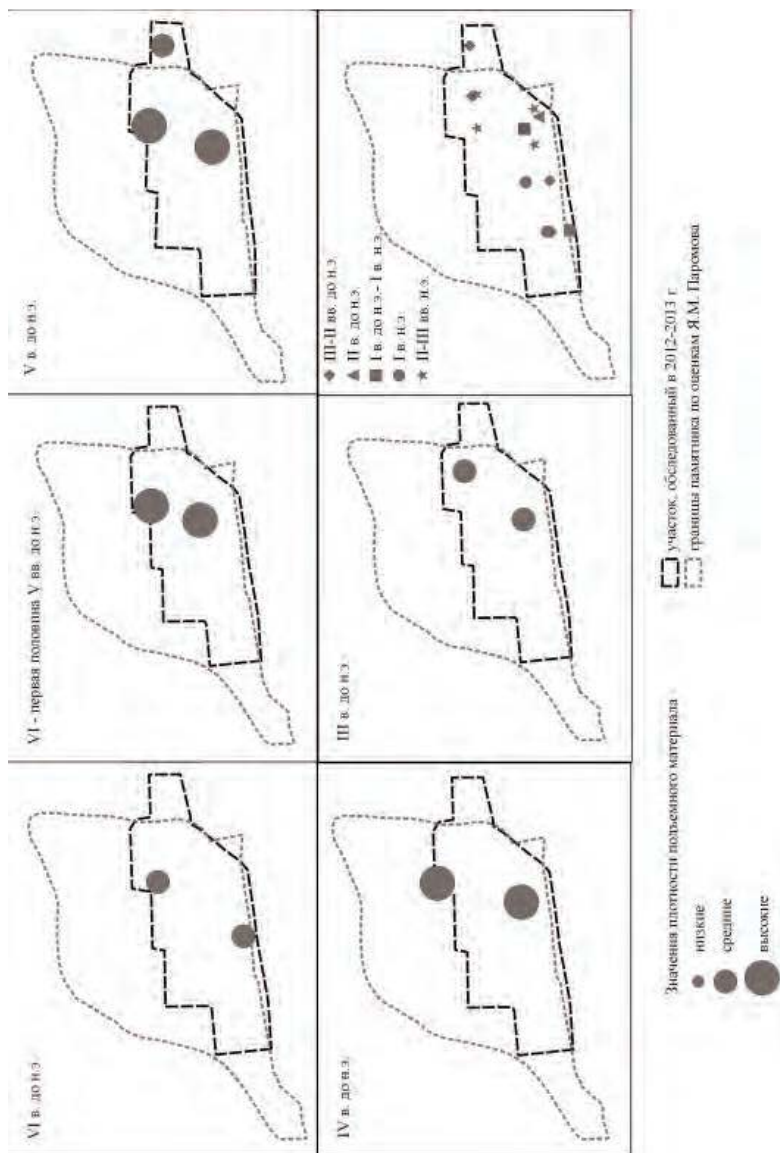

Рис. 1. Области повышенной концентрации подъемного материала на памятнике Солёный-3 в разные хронологические интервалы

структуры – вероятно, стационарное поселение и некрополь – являются ключевыми элементами локальной поселенческой системы, позволяющими судить об интенсивности жизни и ее эволюции в античный период.

Список литературы

- Гарбузов Г. П., 2009. Античная сельская территория: формальное описание и возможности исторической интерпретации // Древности Боспора. Вып. 13. С. 141–175.
- Гарбузов Г. П., 2010. Оценка площадей античных сельских поселений в округе Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 1 (27). С. 444–457.
- Гарбузов Г. П., 2013. Комплексные археологические исследования в округе Фанагории. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 1. Фанагория. Результаты археологических исследований. М. Т. 1. С. 178–191.
- Журавлев Д. В. и др., 2019. Новые данные о структуре античных памятников Азиатского Боспора (по данным дистанционного зондирования) // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Материалы международной научной конференции. Симферополь; Керчь. С. 193–200.
- Кашаев С. В., 2013. О топографии развития некрополя Артющенко-2 // Четвертая Абхазская Международная археологическая конференция: Тезисы докладов. Сухум. С. 52–53.
- Кашаев С. В., 2019. Раскопки некрополя Артющенко-2 в 2014–2018 гг. // Археологические вести. Вып. 25. С. 101–112.
- Паромов Я. М., 1992. Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992. Деп. в Институте научной информации по общественным наукам. 01.10.1992, № 47103.
- Паромов Я. М., 1998. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора. Т. 1. С. 217–220.

Античные святилища Боспорского царства как особые археологические объекты

Голубкова Е. В.

*(Кубанский государственный университет, г. Краснодар)
ahs.glee.esh@gmail.com*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-292-294

Первая греческая колония на территории Боспорского царства, Пантикапей, была основана в конце VII в. до н. э., но пик распространения греческой культуры на данной территории приходится на V–IV вв. до н. э., когда было создано большинство из ныне известных городов и сельских поселений на Азиатском и Европейском Боспоре. Вместе с колонистами на этой территории распространяется и культура древних греков, в том числе и их религиозные верования.

Религия являлась важной частью, как частной жизни эллинов, так и полисной системы мировосприятия. Эллины создали разветвленную религиозную систему с многочисленным пантеоном, мифами и легендами. Кроме того, стоит отметить синкретизм, характерный для ряда культов, объяснявшийся контактами с варварскими племенами и влиянием восточных культов и проявлявшийся в добавлении тех или иных эпиклесов или же объединении образов греческих и негреческих богов со схожими функциями.

Для осуществления священных действий боспорским грекам необходимы были сакральные места, которые имеют общее название – святилища.

Святилище – это священное место или алтарь, посвященный одному или нескольким божествам. По своим функциям они делятся, на:

- 1) городские и сельские;
- 2) посвященные одному или пантеону божеств;
- 3) мужские, женские и общие, созданные для специальных культов.

Стоит отметить, что существует и иной вариант типологии для святилищ данного периода (Масленников, 2007. С. 527–528).

Проблема, рассматриваемая в данной статье, является актуальной для античной археологии, так как являет собой поиск святилищ в поселениях и вне их и возможности их надежного выделения среди других археологических объектов (при проведении полевых работ достаточно сложно сразу отнести тот или иной объект к числу сакральных комплексов, поэтому, необходимо верно интерпретировать найденный материал).

Необходимо отметить сильное влияние метрополии на колонию, что проявлялось и в религиозной жизни. Несмотря на это, на территории

Боспора Киммерийского имеются и свои специфические черты. Одной из таких особенностей является незначительное (особенно на территории Азиатского Боспора) наличие камня, предназначенного для строительства, что не могло не отразиться не только на практике общественного и жилого строительства, но и культового.

Древние греки огромное значение придавали расположению храмов, храм мог быть не самым большим, но смотреться довольно значительно, находясь на открытом и нередко возвышенном месте. Об этом говорит и расположение храмов на акрополе (Маркузон, 1973. С. 21).

При рассмотрении боспорских святилищ важным является учет всех типов храмов, которые зафиксированы, прежде всего, благодаря раскопкам, на территории Боспора.

Самый простой с архитектурной точки зрения вид представляет собой «храм в антах» – одно помещение, открытое с торцевой стороны, на которой находились украшения в виде выступов или колонн. К данному типу относится святилище на Майской горе VI–II вв. до н. э. (Марченко, 1977. С. 121–126). Далее идет «диптер» – храм, окруженный двумя рядами колонн, менее распространенный, чем «периптер» – закрытое помещение храма, со всех сторон обнесенное колоннами, – пример: храм Аполлону в Пантикапее V – начала IV в. до н. э. (Сорокина, 1973. С. 373–377). Кроме них, имеется «моноптер» – круглый храм с одной колоннадой и «толос» – круглый храм, имеющий кроме колоннады также закрытое внутреннее помещение. К круглым храмам относится Таманский толос второй четверти III в. до н. э. – середины II в. н. э. (Сорокина, 1984. С. 86). Храм в антах и диптер имеют и свою градацию, которая в данной статье не рассматривается.

Одной из проблем античной археологии может считаться использование элементов данной архитектуры и при строительстве жилых и общественных зданий, что приводит к трудностям в области выделения культовых построек. Особенно сложно определить культовый характер при раскопках поселений на хоре боспорских городов.

Во-первых, единичные постройки найти довольно сложно, поэтому в большей мере, если говорить о святилищах на территории хоры, исследуются именно те постройки, которые находятся на территории небольших поселений. Но и здесь имеются некоторые проблемы. Примером служит исследование святилища на поселении «Полянка», находящемся на 6 км западнее мыса Зюк. Постройка имела довольно простую квадратную форму, мало отличающуюся от остальных строений, и только с помощью поиска аналогий и сопоставления находок пришли к выводу, что данное здание является культовым сооружением этого периода (Масленников, 2007. С. 11–66).

Кроме этого, среди сельских святилищ имеются и зольники – насыпи с включением золы. Большое распространение они получили на территории Европейского Боспора: Ольвия, Мирмекий, а также зольники на территории городской хоры (Масленников, 2007. С. 408–458). К сожалению, они выявлены пока в относительно небольшом количестве, но по характеру археологических находок имеют все основания быть отнесенными к разновидности святилищ.

Таким образом, можно говорить о том, что сельские святилища остаются одними из наименее изученных археологических памятников Боспорского царства. Что же касается святилищ, находившихся вблизи городов, то в настоящее время они также далеко не все открыты и, соответственно, недостаточно изучены, т. к. их чрезвычайно сложно выделить среди других археологических объектов. Поэтому важен подробный анализ тех уже открытых комплексов, которые уверенно можно интерпретировать как боспорские святилища, а также сопоставление их с данными по метрополиям. Это даст возможность лучше распознавать среди исследуемых археологических объектов Боспорского царства остатки древнегреческих святилищ.

Список литературы

- Маркузон В. Ф., 1973. Архитектура Греции древнейшей эпохи (XII – середина VIII в. до н. э. // Архитектура античного мира (Греция и Рим). М. С. 17–29.
- Марченко И. Д., 1977. О культе Афродиты на Тамани // История и культура античного мира. М. С. 121–126.
- Масленников А. А., 2007. Сельские святилища Европейского Боспора. М.
- Сорокина Н. П., 1973. Архитектура античных государств северного Причерноморья // Архитектура античного мира (Греция и Рим). М. С. 363–389.
- Сорокина Н. П., 1984. Поселение у поселка «За Родину» // Античные государства Северного Причерноморья. М.

Горгиппийские надгробия с изображением тени

Евсюков С. В.

(Анапский археологический музей, г. Анапа)

evsykov.ari@gmail.com

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-295-298

В процессе каталогизации античных надгробий Анапского археологического музея автором с помощью метода контрастной фотосъемки были выявлены следы красной краски на двух стелах. Оба надгробия принадлежат к одному типу – прямоугольные известняковые плиты с заглаженной лицевой поверхностью, увенчанные фронтонами с акротериями (Алексеева, 2018. С. 10).

Первая стела (рис. 1: 1) найдена в 1992 г. при раскопках в Анапе по ул. Тургенева (Инв. № КМ-10580/1). Высота плиты 59 см, ширина – 25,5 см, толщина – 8 см. Вторая (рис. 1: 2) была обнаружена в 2016 г. на пересечении улиц Астраханская и Крымская. Высота плиты 56 см, ширина – 34 см, толщина – 10 см. Район находки надгробий входит в зону некрополя Горгиппии (Кругликова, 1980. С. 6; Алексеева, 1982. С. 5). Памятники публикуются впервые.

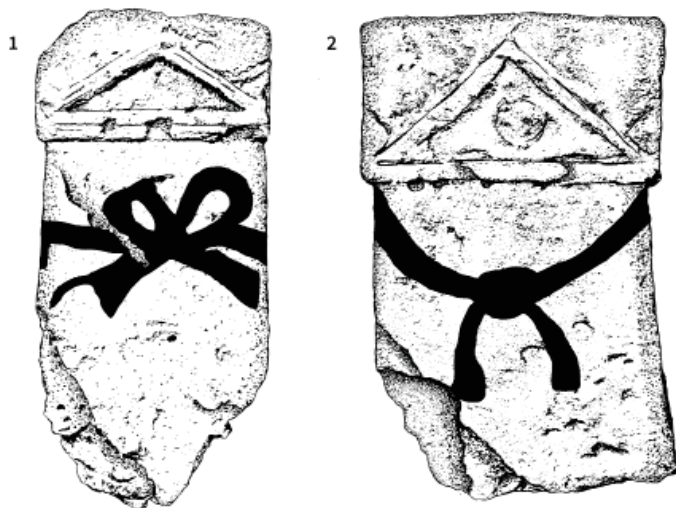

Рис. 1. Горгиппийские античные надгробия с изображением тени

На надгробиях просматриваются нарисованные полосы, начинающиеся на торцевых сторонах плит и переходящие на лицевые, где, смыкаясь, образуют узлы со спускающимися к основанию концами. Полосы нарисованы грубо, с подтеками краски. Узел на первой плите смещен влево и имеет широкие петли, на второй он более аккуратный, расположенный точно по центру. Эти рисунки символизируют тканевые ленты – тении (др. греч.: *ταivία* – лента, повязка) (Вейсман, 1899. С. 1223), которые эллины использовали в одежде и повязывали в качестве приношения на статуи богов, алтари, надгробные стелы. О ритуальном значении теней говорят античные авторы: Овидий описывает священный дуб, обвешанный лентами (Ov. met. 8.743–745), Павсаний пишет о статуях в храмах, обвитых тенями настолько, что их нельзя рассмотреть (Paus. 3.26.1, 10.35.10).

Обряд приношения и повязывание теней на надгробия хорошо иллюстрируют аттические погребальные белоглиняные лекифы второй половины V в. до н. э. (Hill et al., 1992. P. 48; Arrington, 2014). На сосудах изображены прямоугольные стелы, увенчанные фронтоном или акротерием и обвитые одной или несколькими тенями. Рядом вазописец помещает фигуры людей, чаще женщин, держащих корзины с лентами, гирляндами и сосудами с маслом, или в процессе повязывания тении на стелу, реже мужчин, пришедших помянуть усопшего. На некоторых лекифах надгробия буквально окутаны тканевыми гирляндами, различающимися по цвету, рисунку и толщине. Это создает визуальный рассказ о периодическом посещении могилы. Преобладание женских изображений на сосудах в качестве «приносящих» говорит о том, что обязанность по уходу за гробницей ложилась на плечи слабого пола. Нередко на сосуде рядом с надгробием изображается, собственно, и сам умерший – юноша, мужчина, воин или опирающийся на трость старик. Несмотря на то что на лекифах в качестве усопшего всегда изображается мужчина, лентами из ткани украшали и женские памятники. Несколько женских надгробий с рельефной теней происходят из Херсонеса (Античная скульптура Херсонеса. № 188; Мосейко, 2011. Рис. 1).

Точные аналогии публикуемым стелам на территории Боспора автору неизвестны. Наиболее близки к ним территориально три антропоморфных надгробия с нарисованной красной краской теней, найденные на территории Таманского полуострова. Два из них были обнаружены в 1996 г. в результате спасательных раскопок, проводившихся на Тузлинской косе под руководством А. В. Кондрашова (Кондрашов, 2001. С. 72). Сейчас эти надгробия хранятся в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике имени Е. Д. Фелицына. Один из тузлинских антропоморфов имеет двустрочную надпись, датированную

III в. до н. э.: «Герминакс сын Гелиска». Третье надгробие найдено на некрополе Фанагории и хранится в Таманском музейном комплексе.

Более точную аналогию можно провести с двумя аттическими стелами из Диметрия в Фесалии, хранящимися в археологическом музее Волоса (Andrianou, 2012. P. 47, 48. Fig. 2). Они представляют собой тот же тип надгробия – плоскую плиту, увенчанную фронтоном, с изображением тени на лицевой стороне. Красная краска на этих стелах сохранилась гораздо лучше. Оба надгробия имеют эпитафии и по шрифту датируются III в. до н. э.

Многие исследователи считают, что лента ткани на надгробии могла служить апотропеем, связью мира живых с миром мертвых, украшением в знак почтения, символизировать объятия близких людей погребенного или объединять все эти значения (Garland, 1985. P. 116; Andrianou, 2012. P. 48; Rask, 2016. P. 15). Определенно, эта традиция в числе многих других, связанных с культом смерти, берет свое начало в глубокой древности и в различных вариациях встречается среди современных народов индоевропейской семьи (Холанд, 2012. С. 134–140).

Помещение ритуальной тени на надгробие в качестве рисунка носило практический смысл: избавление от необходимости приносить тканевые ленты каждый раз при посещении могилы. Тени из ткани на надгробии со временем истлевали и портились, рисунок же сохранялся дольше, по надобности его могли со временем обновлять.

Публикуемые стелы найдены вне контекста и по аналогиям датируются III в. до н. э. Они в своем роде являются уникальными для Боспора и могут служить еще одним свидетельством о широких культурных связях боспорских греков с аттическими центрами.

Список литературы

- Алексеева Е. М., 1982. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. Материалы Анапской археологической экспедиции. Т. II. Краснодар. С. 5–116.
- Алексеева Е. М., 2018. Антропоморфные «надгробия» некрополя Горгиппии // Древности Боспора. Т. 22. М. С. 9–23.
- Античная скульптура Херсонеса: Каталог / Сост. А. П. Иванова, А. П. Чубова, Л. Г. Колесникова; Общ. ред. С. Н. Бибикова. Киев, 1976.
- Вейсман А. Д., 1899. Греческо-русский словарь. Изд. 5-е. СПб.
- Кондрашов А. В., 2001. Спасательные раскопки Тузлинского некрополя (1995–1999 гг.) // Музейный вестник (к 25-летию музея-заповедника). Краснодар. С. 68–77.
- Кругликова И. Т., 1980. История исследования Горгиппии и ее некрополя // Горгиппия. Материалы Анапской археологической экспедиции. Т. I. Краснодар. С. 5–17.

- Мосейко Ю. Т., 2011. Художественная культура эллинистического Херсонеса (на примере расписных стел из башни зенона) // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. V (II). Серия А.
- Холанд Э. Й., 2012. Эмоции, идентичность и смерть в традициях Греции и за ее пределами // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2. С. 133–140.
- Andrianou D., 2012. Eternal comfort: funerary textiles in late Classical and hellenistic Greece // Dressing the Dead in Classical Antiquity. Amberley Publishing Limited. P. 42–61.
- Arrington N., 2014. Fallen Vessels and Risen Spirits: Conveying the Presence of the Dead on White-ground Lekythoi // Athenian Potters and Painters. Vol. III. P. 1–10.
- Garland R., 1985. The Greek Way of Death. New York.
- Hill M., Mertens J., Milleker E., Muscarella O., and Roehrig C., 1992. «Ancient Art: Gifts from the Norbert Schimmel Collection»: The Metropolitan Museum of Art Bulletin. Vol. 49. №. 4.
- Rask K. A., 2016. Devotionalism, Material Culture, and the Personal in Greek Religion // Kernos. P. 9–40.

Танаис в постполемоновский период (I – первая половина II в. н. э.): выделение комплексов и их интерпретация

Преснова Н. Н.

*(Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир)
nadezhda_presnova@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-298-300

В конце I в. до н. э. по сведениям Страбона Танаис был разрушен боспорским царем Полемоном за неповиновение (Strab. XI.2.3). Однако после похода Полемона город начинает постепенно восстанавливаться. В I – первой половине II в. н. э. на территории городища возводятся постройки, происходит стабилизация экономики города. На сегодняшний день открыт ряд комплексов I – первой половины II в. н. э. При этом постройки постполемоновского времени немногочисленны, что связано с дальнейшими перестройками города.

Первые строительные комплексы рассматриваемого времени были открыты во второй половине XX в. в западной части основного четырехугольника городища (Болтунова и др., 1969. С. 51–54; Шелов, 1972). Затем горизонты и строительные остатки I – первой половины II в. н. э. были зафиксированы на остальных участках городища. Открытые объекты представлены оборонительными сооружениями, жилыми, хозяйственными

постройками. Анализ имеющихся на сегодняшний день данных позволяет сделать ряд выводов о развитии города в постполемоновский период.

Восстановление застройки Танаиса в I – первой половине II в. н. э. проходило в два этапа. Первый этап охватывает I в. н. э. и характеризуется достаточно хаотичным строительством, связанным с постепенной очисткой города от мусорных завалов. Горизонт I в. н. э. прослеживается на всех исследованных участках Танаиса. В это время продолжают функционировать основные городские магистрали, сооружаются новые пешеходные проулки.

Строительные комплексы I в. н. э. расположены в западной и южной частях основного четырехугольника городища. В западной части постройки выходят за пределы оборонительной стены. Среди исследованных объектов только один комплекс можно уверенно определить как усадьбу (Шелов, 1957. С. 22). При изучении остальных сооружений не была прослежена связь между отдельными постройками. В южной части городища в I в. н. э. также возводятся постройки (Arsen'eva, Fornasier, 2003; Ильяшенко, Преснова, 2019). Кроме того, за пределами основного четырехугольника городища, в Западном городском районе, обнаружен горизонт I в. н. э. (Болтунова и др., 1969. С. 51–54; Матера, 2018. С. 301–302). Таким образом, заселенная территория в I в. н. э. совпадала с границами города II–I вв. до н. э.

Второй строительный этап датируется рубежом I–II – серединой II в. н. э. На рубеже I–II вв. н. э. в правление царя Савромата I проводятся масштабные работы по восстановлению и укреплению обороны города (Шелов, 1972. С. 15, 26; Арсеньева, Науменко, 2006. С. 25; Ильяшенко, 2013. С. 167). В результате площадь Верхнего города сокращается до укрепленного основного четырехугольника. В дальнейшем ремонтные работы пройдут после разрушения Танаиса представителями позднесарматской культуры в 140-е гг. н. э.

В ходе проведения работ по восстановлению фортификации города засыпается ряд построек, примыкавших к западной оборонительной стене. Кроме того, отстраиваются и укрепляются башни (Шелов, 1972. С. 27, 34; Арсеньева, Науменко, 2006а. С. 66). На территории городища продолжают функционировать основные городские магистрали. В разделяемых улицами кварталах располагаются жилые и хозяйственные постройки. В ряде строительных комплексов в центральной и восточной частях цитадели были прослежены горизонты I – середины III в. н. э. Но в некоторых постройках присутствуют ранние слои II–I вв. до н. э. (Арсеньева, Науменко, 1992). Наличие в рамках построек горизонтов II в. до н. э. – середины III в. н. э. свидетельствует о сохранении городской застройки в центральной и восточной частях основного четырех-

угольника городища. При этом строительные, в первую очередь ремонтные, работы затрагивали отдельные усадьбы. В южной части городища также проводятся работы по укреплению линии обороны, по расширению площади у южных городских ворот. В результате ряд построек засыпается, остальные перестраиваются (Arsen'eva, Fornasier, 2003; Ильяшенко, Преснова, 2019; Преснова, 2019. С. 23).

Таким образом, в постполемоновский период, в I – первой половине II в. н. э., проводятся работы по восстановлению Танаиса. Исследованные комплексы позволяют говорить об их функционировании с начала I в. н. э. После проведения масштабных строительных работ в правление Савромата I полностью восстанавливается городская застройка Танаиса.

Список литературы

- Арсеньева Т. М., Науменко С. А., 1992. Усадьбы Танаиса. М.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А., 2006. Оборонительные укрепления Танаиса (по материалам раскопок 2003–2004 гг.) // Древности Боспора. Т. 10. М. С. 18–61.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А., 2006а. Исследования на основном четырехугольнике городища в 2005 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 22. Азов. С. 64–78.
- Болтунова А. И., Каменецкий И. С., Деопик Д. В., 1969. Раскопки западного района Танаиса 1957–1960 гг. // Античные древности Подонья-Приазовья. М. С. 6–97.
- Ильяшенко С. М., 2013. Южные ворота Танаиса // Археологические записки. Ростов-на-Дону. Вып. 8. С. 159–177.
- Ильяшенко С. М., Преснова Н. Н., 2019. Постройка 13 постполемоновского времени на городище Танаис // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск. № 1. С. 106–125.
- Матера М., 2018. Об особенностях жизни в западном Танаисе после полемоновского разгрома // Боспорский феномен. Ч. 1. СПб. С. 300–306.
- Преснова Н. Н., 2019. Застройка основного четырехугольника городища Танаис в I – первой половине II в. н. э. // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск. № 4. С. 18–28.
- Шелов Д. Б., 1957. Отчет о полевых работах Нижне-Донской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1957 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1496.
- Шелов Д.Б., 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.
- Arsen'eva T., Fornasier J., 2003. Archäologische Forschungen am Rande der griechischen Oikumene. 10 Jahre deutsch-russische Ausgrabungen in Tanais // Eurasia Antiqua. B. 9. S. 237–279.

Средневековье

Материалы предмонгольского времени в Древнем Пенджикенте¹

Аминов Ф. Ш.

(Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург)
fruzaminov@gmail.com

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-301-304

Древний Пенджикент – городище раннесредневекового периода V–VIII вв. Памятник располагается в северо-западной части Республики Таджикистан. Археологически оно исследуется с 1946 г. непрерывно по сей день. Памятник считается эталонным примером города раннесредневекового Согда, так как в отличие от других известных памятников, например Афрасиаба и Пайкенда, на которых жизнь длилась несколько периодов и новые перестройки приводили к разрушению более ранних культурных слоев, в Древнем Пенджикенте поздних слоев нет, из-за чего городище очень хорошо сохранилось. Конечно, перестройки в период V–VIII вв. были, но они происходили внутри одной эпохи, периода развития Согда. В конце VIII в. жители Древнего Пенджикента оставили город, расположенный на второй террасе, и поселились у подножия городища, на первой террасе поймы р. Зеравшан (Аминов, 2018).

Хотя Древний Пенджикент опустел в конце VIII в., время от времени в процессе археологических исследований здесь обнаруживали поздние материалы. В этой работе рассматриваются два небольших комплекса материалов, найденных на городище Древнего Пенджикента, состоящие из глазурованной керамики.

Первый комплекс керамики был найден в 1954 г. на объекте VI (объект VI известен по находке настенной росписи под названием «Синий зал», выставлен в Государственном Эрмитаже), в завалах помещений 2, 6, 13, 18 и 19. Б. Я. Ставиский датировал их X–XI вв. (Ставиский, 1964. С. 168). Ранее данные материалы не подвергались специальному исследованию. Случайное обнаружение этих материалов в фондах Музея-заповедника Древнего Пенджикента позволило написать данную работу.

Керамику по форме можно разделить на три типа: блюда, чаши и чашки (пиалы). Каждая из форм представлена двумя экземплярами.

Блюда имеют коническую форму с почти вертикальным бортиком (рис. 1: 1, 2).

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме № 0184-2019-0003.

Одно из них – археологически целое блюдо, орнаментировано горизонтальными черными лентами с глазчатым заполнением и белыми точками. Центральный медальон состоит из ленты с глазчатым заполнением, внутри которой нарисован крест из такой же ленты. Пустое пространство заполнено белыми крапинами и черными кружками с белыми точками (рис. 1: 1).

Второе блюдо декорировано черными лентами с глазчатым заполнением и белыми точками. В целом композиция орнамента отличается от первого блюда (рис. 1: 2).

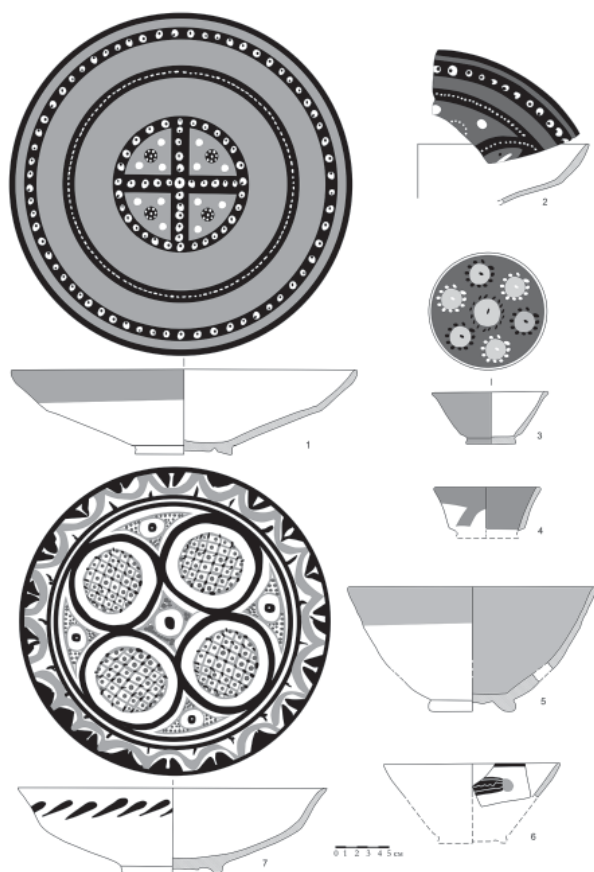

Рис. 1. Глазурованная керамика из Древнего Пенджикента: 1, 2, 7 – блюда; 3, 4 – чашки (пиалы); 5, 6 – чаши

Глазурованная керамика с аналогичной орнаментацией очень часто встречается в домонгольском Пенджикенте и датируется XI–XII вв. (Аминов, 2019. Ил. 170, № 134, 144). Данный тип мы относим к локальной керамике.

Чаши имеют коническую форму (рис. 1: 5, 6).

Одна из них археологически целая. Внутри и снаружи по бортику покрыта голубовато-зеленой глазурью (рис. 1: 5).

Вторая чаша представлена во фрагментах. Внутри на белом фоне черная лента с процарапанными прямыми и волнистой линиями. Подобные чаши являются частыми находками в домонгольском Пенджикенте и датируются XI–XII вв. (рис. 1: 6) (Аминов, 2019. Ил. 192, № 495).

Чашки-пиалы имеют коническую форму (рис. 1: 3, 4). Они отличаются от чаш своими размерами.

Первая – археологически целая. На коричневом фоне кружки оливкового цвета в кольце из черных и белых точек. Посередине кружков точка черного и белого цветов. Цвет фона чашки характерен для Пенджикента XI в. (рис. 1: 3).

У второй чашки отсутствует донце. Она с двух сторон покрыта зеленой глазурью (рис. 1: 4).

Б. Я. Ставиский отметил находку монеты караханидского правителя Ахмеда ибн Али, 404 г. х. (1013–1014 гг.) и датировал эту керамику X–XI вв. (Ставиский, 1964. С. 126). Проводимые нами исследования в домонгольском Пенджикенте позволяют нам по-иному рассматривать датировку и интерпретацию некоторых материалов. В целом первый комплекс керамики на основе аналогий из домонгольского Пенджикента датируется XI–XII вв., материалов X в. среди них не имеется.

Второй комплекс состоит из одного целого блюда. Согласно шифру, оно найдено в 1964 г. на объекте XXI Древнего Пенджикента. Если первый комплекс упоминается в публикации, то об этом блюде нет никакой дополнительной информации.

Блюдо имеет коническую форму с почти вертикальным бортиком (рис. 1: 7). По бортику расположены фестоны коричневого цвета со свисающими к ним от венчика парами черных треугольников. В центре блюда изображены четыре соединенных кольца из черных линий, внутри которых овальная сетчатая фигура коричневого цвета с оливковыми и черными кружками и точками. Пустое пространство вокруг колец заполнено почти треугольными фигурами с точечным заполнением. Внутри треугольных фигур черное пятно с белой точкой посередине. В центре почти четырехугольная фигура с подобными характеристиками. Точную аналогию этому блюду нам найти не удалось, но в Афрасиабе были найдены блюда с аналогичным орнаментом, датирующиеся XI в. (Шишкина, 1986. С. 142, рис. 43: 6).

В Древнем Пенджикенте не имеется культурных слоев XI–XII вв. Появление здесь глазурованной керамики случайно. Б. Я. Ставиский отмечал, что после запустения дома разрушались и их руины использовались случайными посетителями как убежище (Ставиский, 1964. С. 128). Временное использование заброшенных домов было частым явлением и встречалось на других памятниках верхнего Зеравшана.

Список литературы

- Аминов Ф. Ш., 2018. Локализация Пенджикента IX – начала XIII вв. // Актуальная археология 4: Комплексные исследования в археологии. Материалы Международной научной конференции молодых ученых (Санкт-Петербург, 2–5 апреля 2018 г.). СПб. С. 243–247.
- Аминов Ф. Ш., 2019. Археологические исследования домонгольского Пенджикента в 2018 году // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. СПб. Вып. XXIII. С. 46–55.
- Ставиский Б. Я., 1964. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951–1959 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 124. С. 121–181.
- Шишкина Г. В., 1986. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент.

Новые данные о погребальном обряде восточных славян (на примере Лысогорского могильника на северной окраине г. Воронежа)¹

Арсенова Н. Е., Клещенко Е. А.

(Воронежский государственный университет, г. Воронеж;

Институт археологии РАН, г. Москва)

arsyul@yandex.ru; malzeva-ekaterina@mail.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-304-309

Лысогорский могильник располагается на высоком правом берегу р. Воронеж в центральном районе г. Воронеж. Памятник известен с конца XIX в. С 1965 г. археологическая экспедиция Воронежского государственного университета (далее – ВГУ) начинает проводить здесь систематические археологические исследования под руководством А. Н. Москаленко. Но основные работы Воронежского университета на могильнике осуществлялись в 1970–80-е гг. под руководством А. З. Винникова. Археологические исследования на данной территории

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и правительства Воронежской области в рамках научного проекта № 19-49-363003.

в последний раз проводились М.В. Цыбиным в 1996 г. (Пряхин и др., 1997. С. 32.; Арсенова и др., 2019а. С. 110–113). Общее количество насыпей составляет 237, на настоящее время изучено 32 кургана.

В 2018 г. археологические исследования на могильнике возобновились. Экспедицией Археологического музея Воронежского университета (далее – АМБУ) под руководством Н. Е. Арсеновой был изучен курган № 151 (Арсенова, 2019. С. 14–21). Высота насыпи составляла 1,5 м, диаметр в основании порядка 10 м. Насыпь имела округлую форму и была покрыта кустарником: она была сложена из темно-серой супеси и коричнево-бурого (местами желто-бурого) сильно опесчаненного суглинка. Ровика, относящегося к данной насыпи, обнаружено не было. Во время исследования в насыпи была обнаружена разновременная керамика. Это обстоятельство позволяет предположить, что землю для возведения кургана брали с прилегающих памятников. Погребение находилось в юго-восточной части насыпи на счищенной погребенной почве и представляло собой сгоревший деревянный ящик, ориентированный длинной осью по линии северо-запад – юго-восток с двумя сосудами (рис. 1: а, б) с остатками кремации и одним скоплением кальцинированных костей в северной части конструкции. По погребальному обряду и сопровождающему инвентарю его можно отнести к боршевской культуре восточных славян (VIII–X вв.) (Арсенова и др., 2019б. С. 226–228).

В 2019 г. экспедицией АМБУ были продолжены исследования на Лысогорском курганном могильнике. Для исследований был выбран один из наиболее крупных курганов (№ 85). Он находился в центральной части могильника. Его высота 2,55 м, диаметр в основании 17 м.

На уровне современной дневной поверхности вокруг кургана хорошо читался кольцевой ров, остатки которого были зафиксированы также в материке (диаметром 16–17 м). Ров имел несколько перемычек (матриковых площадок, которые хорошо были видны и до момента исследования): на северо-северо-востоке и юго-юго-западе. По центру насыпи был обнаружен слабоуглубленный в материк кольцевой ровик диаметром около 7,2 м от оградки (?) с перемычками на северо-северо-востоке и юго-юго-западе, соответственно.

Погребение в насыпи в пределах кольцевого ровика в бровке, ориентированной с востока на запад. Оно представляло собой скопление мелких и крупных кальцинированных костей на уровне погребенной почвы, вытянутое по линии восток-запад с размерами 1,4 × 0,6 м и находилось на расстоянии 0,5 м к востоку от «0» (за «0» принималась самая высокая отметка в центре насыпи), мощность скопления – 0,3 м. К востоку от скопления, на счищенной погребенной почве (на предматерике), находился горшок, орнаментированный разреженным лощением и линиями (рис. 1: в).

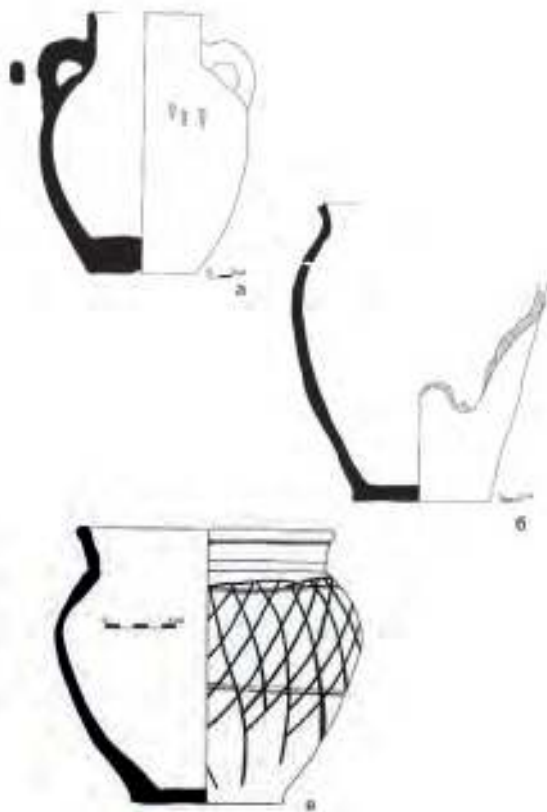

Рис. 1. Раскопки «Курганной группы Лысяя гора» на северной окраине г. Воронеж, 2018 и 2019 гг. Сосуды из погребений: а – сосуд 1 из кургана № 151; б – сосуд 2 из кургана № 151; в – сосуд из кургана № 85

Подобные по форме сосуды были встречены на Лысогорском могильнике в курганах № 7 и 10 (Винников, 1984. Рис. 18, 2, 3). Близкие аналогии этому сосуду есть на Пастырском городище (Приходнюк, 2005. Рис. 87, 1; 90, 5). Раскопки кургана столь значительного размера в сравнении с другими исследованными ранее небольшими насыпями показывают, что принципиального отличия в погребальном обряде, зафиксированном в других изученных курганах меньших размеров на данном могильнике, не выявлены.

Следует отметить, что под насыпью кургана было обнаружено 8 хозяйственных ям ранее неизвестного поселения, в заполнении которых

(объекты 3, 4, 6) была встречена типичная керамика боршевского типа (венчики с насечками и вдавлениями по краю, с примесью песка и шамота). На основе этого можно констатировать, что могильник был сооружен на месте ранее существовавшего славянского поселения.

В ходе проведенных исследований были изучены кремнированные останки из курганов № 151 и 85. При определении видовой и половозрастной принадлежности останков из погребения был применен сравнительно-анатомический метод исследования. Описание фрагментов костей проведено с учетом весовых показателей, размера, цветности, наличия характерных деформационных трещин. Останки из трех объектов кургана № 151 принадлежат минимум одному индивиду – женщине 25–35 лет. Останки из погребения кургана № 85 принадлежат минимум трем индивидам: взрослому человеку (предположительно, женщине) 20–40 лет; взрослому человеку (предположительно, мужчине) старше 50 лет, ребенку 0,5–1 года. Были исследованы образцы костной ткани из погребений на $87\text{Sr}/86\text{Sr}$, а также фоновые образцы, отобранные на территории могильника (табл. 1). Сравнение изотопного соотношения стронция используется для реконструкции индивидуальной и групповой мобильности людей относительно территории (Добровольская, Решетова, 2018. С. 7). Полученные результаты исследования образцов костной ткани из погребений и фоновых образцов с территории могильника оказались схожи (табл. 1). Это позволило предположить, что погребенные из курганов были местными жителями и проживали на относительно близкой к могильнику территории.

Список литературы

- Арсенова Н. Е., 2019. Отчет об археологических раскопках кургана № 151 в составе объекта культурного наследия федерального значения «Курганная группа Лысая гора» на северной окраине г. Воронеж в 2018 г. Воронеж // Архив АМБУ. Р-1, № 319.
- Арсенова Н. Е., Деревянко А. В., Яблоков А. Г., 2019а. Лысогорский курганный могильник на северной окраине г. Воронеж: история исследования // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 3: материалы международной конференции «I Зверевские чтения – современное краеведение: исторический, эколого-природный и этнокультурный аспекты» (г. Воронеж, 20–21 сентября 2019 г.). Воронеж. С. 110–113.
- Арсенова Н. Е., Клещенко Е. А., Яблоков А. Г., 2019б. Новые данные в изучении кремации памятников боршевской культуры на материалах кургана 151 Лысогорского могильника // Новые материалы и методы археологического исследования. От критики источника к обобщению и интер-

Таблица 1. Соотношение изотопов стронция из различных элементов костной ткани погребений Лысогорского могильника, а также фоновых образцов близлежащих территорий

№	Шифр	Описание	87Sr/86Sr	SE, abs
1	Лысогорский м-к, 2019, к. 85, погр. 1	Фрагмент II шейного позвонка предположительно взрослого мужчины	0,709643	0,000017
2	Лысогорский м-к, 2019, к. 85, погр. 1	Фрагмент II шейного позвонка предположительно взрослой женщины	0,708812	0,000007
3	Лысогорский м-к, 2019, к. 85, погр. 1	Фрагмент диафиза бедренной кости ребенка 0,5–1 года	0,71006	0,00001
4	Лысогорский м-к, 2019, курган	Фоновый образец (раковина улитки)	0,710046	0,000007
5	Лысогорский м-к, 2019, вблизи кургана	Фоновый образец (раковина улитки)	0,709583	0,000006
6	Лысогорский м-к, 2018, к. 151, скопл. № 1	Фрагмент черепа с открытым швом, взрослый человек	0,709495	0,000006
7	Лысогорский м-к, 2018, к. 151, скопл. № 2	Фрагмент диафиза лучевой кости, взрослый человек	0,709828	0,000005
8	Лысогорский м-к, 2018, к. 151, горшок	Фрагмент черепа с открытым швом, взрослый человек	0,710013	0,000006

претации данных. Материалы V Международной конференции молодых ученых. Москва. С. 226–228.

Винников А. З., 1984. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж.

Добровольская М. В., Решетова И. К., 2018. О ландшафтном подходе в изучении мобильности населения прошлых эпох на основании данных об изотопном составе стронция // КСИА. № 252. С. 7–14.

Приходнюк О. М., 2005. Пастырське городище. Київ; Чернівці.

Пряхин А. Д., Беседин В. А., Разуваев Ю. Д., Цыбин М. В., 1997. Изучение микро-региона памятников у северной окраины г. Воронежа. Вып. 1. Воронеж.

Особенности распространения наконечников стрел в культурном слое Старой Рязани

Артэмкин А. Н.

(Институт археологии РАН, г. Москва)

sanyawolf@gmail.com

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-309-313

Изучение распространения находок на памятнике археологии улучшает понимание характеристик его слоя. Такой анализ был проведен для железных наконечников стрел с городища Старая Рязань из раскопок 1994–2019 гг. (раскопы № 7А, 25–48).

Топографически Старая Рязань делится на три участка: Северное и Южное городища и Посад. На Северном городище и Посаде фиксируются городские слои XI–XIII вв. Слои Посада при этом слабо насыщены материалом. Южное городище заселяется с середины XII в. В XI – середине XII в. часть его занимал некрополь (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 339–340).

В 1994–2019 гг. было найдено 177 железных наконечников стрел. Плотность выпадения стрел (отношение количества наконечников, найденных на раскопе, к площади раскопа) коррелирует с топографией (табл. 1). Наибольшая плотность фиксируется на Северном городище, наименьшая – на Южном.

Далее определялся тип наконечников (использована типология А. Ф. Медведева (Медведев, 1966. С. 55–86)). Удалось определить 165 наконечников (табл. 2).

Для коллекции характерен большой разброс типов наконечников (36 разновидностей). Большинство наконечников представлены единичными экземплярами (в пределах 5 единиц). Эти типы можно объединить в группы:

- наконечники, широко распространенные в Древней Руси: типы 33, 41, 42, 48, 60 (всех разновидностей) 63, 76, 95, 97;

- распространенные на территории южнорусских земель: типы 2, 37, 38 (подтип 4), 65, 78, 84, 90;

Таблица 1. Плотность стрел на раскопах

Номер раскопа	Отношение количества стрел к диаметру раскопа
Северное городище	
28	0,089
40	0,079
42	0,061
48	0,063
Южные городища	
7А	0,013
25	0,032
29	0,008
34	0,012
35	0,004
36	0,009
37	0,013
41	0,020
47	0,038
Посад	
26	0,023
27	0,057
31	0,013
32	0,042
38	0,023
45	0,052
46	0,035

- нехарактерные для южнорусских земель: типы 3, 5, 46, 62;

- традиционно связывающиеся с монгольским нашествием: типы 38 (подтип 3), 43, 67, 68.

Другие типы встречаются чаще. Среди них выделяются представленные на разных участках и в слоях разного времени (типы 40, 52, 100) и имеющие более четкую хронологическую или пространственную привязку.

Тип 47. Бытует в VIII–XIV вв. На Старой Рязани один наконечник относится к слою XI в. Остальные – к XII и рубежу XII–XIII вв.

Таблица 2. Распределение наконечников по типам

Тип	Номер раската																Всего стрел каждого типа		
	7A	25	26	27	28	29	32	34	35	37	38	40	41	42	45	46		47	48
2					1														1
3					1														1
5				1															1
33					1														1
37										1									1
38/3	1									1							1		3
38/4			1		1								2						4
40		1		1	3							2	4						11
41															2				2
42													2						2
43					1	1						1			1				4
46		1							1			1							3
47					4							2		2					8
48					1							2							3
52					1				2			1	1				1		6
60					1							1							2
60/2															1				1
60/3					1							2				2			5
60/6					1														1
61					3					1		6						1	11
62												1							1
63					1							2							3
65									1										1
67	1																		1
68					1							1	1						3
76					1														1
78												1		1					2
83				1	4		1					3					1		10
84												1							1
90					2				1								1		4
91									2			1	7	1			2		13
92		1			3				1			11			1	1	2	1	21
93					4				2			9					4		19
95									1						1				2
97		1										2		1		1			5
100				1	1				1			2					1	1	7

Тип 61. Бытует в VIII–XIII вв. На Старой Рязани один происходит из слоя XIII в. Остальные из слоев XI–XII вв.

Тип 83. Датируется XI в. На Старой Рязани распространен только на участках, где есть слои этого времени.

Тип 83 можно использовать как хроноиндикатор, поскольку бытует не позднее XI в. (Медведев, 1966. С. 81). Возможно, для Старой Рязани типы 47 и 61 также можно использовать в этой роли.

Интерес представляет группа наконечников 91–93 типов. Многие из них найдены на раскопе № 40, в слоях XII в. Оказалось, что они концентрируются вокруг одного участка раскопа. Возможно, это распределение связано с деятельностью хозяина усадьбы, располагавшейся на этом участке в XII в.

Изучалось распределение наконечников по датирующим комплексам (слои и ямы), из которых они происходят. Использовалась разбивка по векам. Такие датировки получены для 121 наконечника: 19 происходит из комплексов XI в., 64 – XII в. и 38 – XIII в.

Таким образом, можно выделить особенности распространения наконечников стрел в культурном слое Старой Рязани.

Интенсивность выпадения стрел имеет хронологическую и пространственную приуроченность. Наибольшая плотность зафиксирована на Северном городище – участке со слоями XI–XIII вв. Самая низкая – на Южном городище, заселенном позже. Исключением для Южного городища являются раскопы № 25 и 47, близко расположенные к Северному городищу. Кроме того, раскоп № 47 расположен в границах некрополя XI – середины XII в. Промежуточное положение Посада объясняется малой насыщенностью материалом при долгом формировании слоя (XI–XIII вв.). Распределение наконечников по датирующим комплексам (с пиком выпадения в XII в.) связано с историей города. В XI в. Старая Рязань только зарождалась. В XII в. идет ее стремительное развитие. В начале XIII в. город достигает расцвета, но после 1237 г. угасает (Стрикалов, 2005. С. 87).

Эти особенности свидетельствуют о том, что выпадение стрел в слой Старой Рязани связано в первую очередь с особенностями жизни города, а не с военными действиями. Иначе можно было бы ожидать более интенсивного выпадения стрел в слоях XIII в., когда город был дважды взят (в 1208 г. Всеволодом Большое Гнездо и в 1237 г. Батыем), и большую плотность – на окраинах Южного городища, ближе к городским стенам.

При этом наконечники стрел, связанные с военными действиями, присутствуют – это стрелы, связанные с монгольским нашествием. Возможно, с рязано-владимирскими войнами связаны стрелы, нехарактерные для южнорусских земель.

Среди законечников, найденных в относительно большом количестве, выделяются встречающиеся на протяжении всей жизни города и имеющие более конкретную хронологическую привязку. Возможно использование последних как вспомогательный датирующий материал.

Наконец для Старой Рязани характерен большой разброс типов законечников. Концентрация отдельных типов на одном участке исследования является ситуацией необычной и требующей дополнительного внимания.

Список литературы

- Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.
Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие (луки и стрелы, самострелы). М.
Стрикалов И. Ю., 2005. Северное городище. Стратиграфия и планиграфия //
Великое княжество Рязанское. М. С. 36–89.

О цветовых особенностях продукции стеклодельной мастерской Болгара

Близнюкова В. И.

*(Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург)
veronika_nika97@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-313-315

Город Болгар является ключевым памятником в археологии Волжской Булгарии и Золотой Орды. Одним из наиболее археологически изученных участков Болгарского городища является район, который располагается на верхней надпойменной террасе в 80–150 м к юго-западу от Соборной мечети, на пересечении улицы Назаровых (Бадеев, Коваль, 2018. С. 270). Планомерное исследование района монументальной постройки (Полубояринова, 2006) в последние годы и комплекс археологических артефактов позволяют с уверенностью характеризовать изучаемый участок города как ремесленный центр с наличием усадеб-мастерских. Одна из таких мастерских занималась производством стеклянных бус и перстней. Изучение хронологии находок показало, что в формировании коллекции стеклянных изделий прослеживается закономерность, присущая памятникам домонгольского и золотоордынского времени. В домонгольский период стеклянные украшения не пользовались высоким спросом среди населения Волжской Булгарии, что характерно для исламской традиции (Валиулина, 2005; 2015). Картина кардинально меняется после татаро-монгольского нашествия 1236 г., Болгар стал одним из ведущих городов Улуса Джучи.

Бусы и перстни – самые многочисленные категории находок среди стеклянных изделий Болгара и всех средневековых городов Поволжья

в ордынское время (Бусятская, 1976. С. 38). В данной работе объектом исследования являются перстни и бусы битрапециoidalной формы всех цветов по материалам раскопа № 192 2015–2019 гг. Если в коллекции раскопов, которые велись в 1989–1993 и 2000 гг. (площадью 472 кв. м), было найдено 232 экз. перстней, что превышало количество учтенных к 1985 г. за 50 лет работ (Полубояринова, 2006. С. 154), то за 5 лет исследования с нашего раскопа происходят 1031 экз. перстней. По цветовому соотношению, как и в коллекциях прошлых лет, преобладают черные (404 экз.) и бирюзовые глухие (331 экз.) – они составляют основу всех находок перстней. Меньше представлены: зеленые прозрачные (118 экз.), бирюзовые прозрачные (12 экз.), голубые глухие (30 экз.), синие прозрачные (28 экз.), желтые прозрачные (94 экз.), коричневые прозрачные (7 экз.), остальные цвета (7 экз.). Все они были найдены в позднезолотоордынских слоях и объектах, за исключением некоторых экземпляров. Редкие находки в домонгольских слоях объясняются результатом перекопов, мы не можем также исключить вариант бытования перстней и в предмонгольский период Болгара.

Цветовое соотношение продукции мастерской стало закономерным для нас после атрибуции большой коллекции изделий. Подобная картина, что и с перстнями наблюдается и в выборке битрапециoidalных бус. С раскопов предыдущих лет (см. выше) из 602 экз. бус, 212 – битрапециoidalные. Из них 163 экз. черные и бирюзовые, на долю остальных цветов выпадает 49 экз. (Полубояринова, 2006. С. 155). В нашем же случае дело обстоит несколько иначе: из 1532 экз. – черные – 611 экз., бирюзовые глухие – 387, желтые глухие – 178, синие прозрачные – 187, белые – 75, синие глухие – 23, зеленые глухие – 22, бирюзовые прозрачные – 16, остальные цвета – 49.

Продукцию стеклодельной мастерской позволяют установить бракованные изделия. И среди них так же, как в перстнях и бусах, наибольшее количество черных и бирюзовых. В данном случае М. Д. Полубояринова предположила, что в Болгаре занимались выпуском только черных и бирюзовых перстней, без учета выбранного нами типа бус (Полубояринова, 2006. С. 154). По данным статистики, которые мы приводим для стеклянных находок, очевидно, что, несмотря на преобладание двух цветов, остальные представлены пусть и меньшим количеством, но разница среди них не так значительна, как в предыдущих раскопах. В связи с этим мы можем предположить, что преобладание бирюзового и черного не исключает производства изделий из стекла других цветов, а только подчеркивает вкусовые предпочтения населения золотоордынских городов Поволжья. Подтверждением этому служат данные статистики по всем типам бус, определенным как продукция мастерской.

Список литературы

- Бадеев Д. Ю., Коваль В. Ю., 2018. Исследования ремесленно-торгового района средневекового Болгара // Поволжская археология. № 2 (24). С. 270–289.
- Бусятская Н. Н., 1976. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М. С. 38–72.
- Валиулина С. И., 2005. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань.
- Валиулина С. И., 2016. Химический состав стекла Болгара и Сувара // Stratum plus. Вып. 6. С. 337–353.
- Полубояринова М. Д., 2006. Стеклодельная мастерская XIV в. в городе Болгаре // РА. № 4. С. 152–159.

О находке уникальной монеты Эдварда I в крепости Копорье¹

Горлов К. В.

*(Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург)*

konstantinv.gorlov2018@yandex.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-315-316

Копорье – одна из древнейших каменных крепостей Северо-Запада России, с первого упоминания в летописи под 1240 г. становится участником важнейших исторических событий, следы которых отразились в нумизматическом материале, обнаруженном в кольце ее укреплений.

В 2018 г. экспедицией ИИМК РАН под руководством А. А. Липатова в крепости проводились археологические раскопки, в ходе которых была обнаружена коллекция из 93 монет. Наиболее ранняя находка представлена английским пенни Эдуарда I, чеканенным на монетном дворе Дарема в 1289–1291 гг. (рис. 1). Аверс денежного знака несет портретное изображение правителя и круговую надпись, по краю заключенную между двумя точечными ободками: +EDW R ANGL DNS HYB (Эдвард, король Англии, лорд Ирландии). Реверс включает рельеф в виде большого равностороннего креста с расширениями на концах, между лопастей которого помещены комбинации из трех точек. Композицию окружает надпись +CIV ITAS DVR EME (город Дарем), обрамленная двумя точечными ободками. Монета не несет следов внеэкономического использования. Примечательно, что дата ее чеканки близка ко времени возведения в Копорье новгородцами в 1297 г. каменной крепости при князе Андрее Александровиче (Кирпичников, Овсянников, 1979. С. 103–118).

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме № 0160-2019-0044.

*Рис. 1. Пенни 1289–1291 гг., Эдвард I, монетный двор Дарем.
Фотографии К. В. Горлова*

К сожалению, находка происходит из отвала раскопок начала 70-х гг. XX в. и не имеет стратиграфической привязки к культурному слою. Для территории России данный пенни уникален. Авторам известен только один случай находки гроута (четыре пенса) Эдуарда I в Брянской области (Грачев, 2015. С. 107, 108).

Массовый приток западноевропейского монетного серебра в Восточную Европу в целом завершается к концу XII в., и поэтому находки здесь денежных знаков XIII в. крайне редки. В Гнездово была обнаружена половина бранденбургского денария, полной аналогии которому найти не удалось. Однако по оформлению аверса монета может быть отнесена ко второй половине – концу XIII в. Еще несколько подобных монет происходит из Прибалтийского региона. В их числе можно упомянуть только один клад, в котором присутствовал пфенниг XIII в., отчеканенный Иоганном I Оттоном (1225–1265 гг.) (Волков и др., 2018. С. 85).

Список литературы

- Волков В. И., Пушкина Т. А., Стукалова Т. Ю., 2018. Позднесредневековые монеты из раскопок в Гнездове // Гнездовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1. М. С. 85–90.
- Грачев С. Ю., 2015. Находка английской средневековой монеты в районе г. Брянска // XVIII Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений (Москва, Коломна, 20–25 апреля 2015 г.). М. С. 107–108.
- Кирпичников А. Н., Овсянников О. В., 1979. Крепость Копорье по данным архитектурно-археологических исследований // СА. № 3. С. 103–118.

Этапы становления технологии производства железных предметов торевтики енисейских кыргызов (по материалам памятников долины р. Ус)¹

Давыдов Р. В.

*(Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск)
puer-viro@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-317-319

Наиболее часто встречающейся категорией инвентаря в памятниках средневековых кочевников являются предметы торевтики малых форм (металлические детали поясного набора и снаряжения верхового коня). Они выступают важным источником, содержащим информацию как о духовном мире и эстетических предпочтениях людей прошлого, так и об устоявшихся техниках и приемах производства.

В культуре енисейских кыргызов в конце I – начале II тыс. н. э. происходит резкая смена распространенных в предшествующие периоды литых и чеканных предметов торевтики из цветных металлов железными изделиями с серебряной инкрустацией. Для форм и орнаментальных мотивов последних доказана их преемственность от бронзовых вещей (Кызласов, 1983; Король, 2008). В то же время становление традиции технологии создания малых форм из железа крайне слабо изучена.

Целью настоящей работы является реконструкция процесса развития технологии изготовления железных предметов торевтики по материалам памятников долины р. Ус с использованием экспериментально-трасологического и сравнительно-морфологического анализов.

Проникновение енисейских кыргызов в долину р. Ус (юг Красноярского края) произошло в конце X в. н. э. Их материалы, датированные концом X – началом XIII в. н. э., получены в ходе раскопок трех правобережных могильников: Мутная 1, Эйдиктыр-кыр и Шигрей (Митько, 1992). Всего в работе учтено 138 изделий, найденных в погребениях, совершенных по обряду кремации на стороне, вместе с бытовыми предметами, оружием и в отдельных случаях бронзовыми предметами (Шигрей: кург. 1 и 2; Мутная 1: кург. 5, 6, 9; Эйдиктыр-кыр: кург. 3, 8, 24, 29, 30, 36, 39, 43, 45, 50, 52, 56, 59). Согласно типологической схеме, разработанной И. Л. Кызласовым (1983), они представлены следующими категориями: распределители ремней, ременные наконечники; ременные обоймы; пряжки; пряжки-петли; бляхи; накладки; седельные обкладки; колчаные крюки. По характеру орнаментации изделия разделены на

¹ Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00111).

вещи без орнамента (41 экз.), с орнаментом без инкрустации (46 экз.), с инкрустацией (51 экз.).

В результате серии экспериментов, проведенных на базе Научно-образовательного центра «Новая археология» Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (далее – ГИ НГУ), выявлено три технологические схемы изготовления предметов, различающиеся способом формообразования: схема I – двусторонняя чеканка; схема II – чеканка по выпуклой модели; схема III – ковка. При этом чеканкой изготовлены только 22 экз. четырех форм, подавляющее большинство предметов выполнено ковкой. Декоративные элементы выполнены с использованием четырех основных приемов: резьба, рубка зубилом, пропиливание напильниками, применение пуансонов. Также выявлены ошибки, допущенные мастерами в ходе работы: соскальзывание резца и зубила, асимметрия форм, ошибки при абразивной обработке, некачественная кузнечная сварка.

При характеристике этапов развития технологии изготовления железных предметов торевтики использовались следующие критерии: положение в комплексе (категории, наличие изделий из бронзы), сложность орнаментации, приемы орнаментации, качество исполнения техник, рациональность применяемых техник. Таким образом, можно условно выделить три этапа.

Этап I. Предметы, демонстрирующие данный этап, в комплексах встречаются в небольшом количестве, как правило, вместе с бронзовыми изделиями (кург. 2 мог. Шигрей, кург. 3, 8, 24, 29, 30, 36, 39, 50, 59 мог. Эйдиктыр-кыр). Они характеризуются отсутствием объемных форм, простыми техниками орнаментации (рубка зубилом, пропиливание напильником, применение пуансонов), асимметрией форм и ошибками при абразивной обработке.

Этап II. Изделия в одном случае встречены вместе с бронзовыми предметами (кург. 43, 45, 52, 56 мог. Эйдиктыр-кыр). Объемные формы фиксируются, но редко. Техники орнаментации представлены резьбой, насечкой зубилом и пропиливанием напильником. Можно утверждать, что ремесленники начали овладевать техниками, развитыми на этапе III. Зафиксированы ошибки в технологии кузнечной сварки и ковке, асимметрия, ошибки клепки и т.д. Техника чеканки (схема II) используется для имитации бронзовых предметов. Выделяются приемы, которые можно назвать сравнительно иррациональными, – выколотка, чеканка по выпуклой модели крупных форм, проработка внутренней поверхности предметов.

Этап III. Представлен комплексами, в которых отсутствуют бронзовые изделия (кург. 1 мог. Шигрей, кург. 5, 6, 9 мог. Мутная). На данном этапе предметы в подавляющем большинстве имеют объем, в том числе

достигнутой чеканкой (схема I), сложно орнаментированы резьбой или насечкой зубилом с доработкой напильниками. Появляется инкрустация. Техники исполнены сравнительно качественно, среди ошибок фиксируются соскальзывание реза, асимметрия форм и абразивной обработки с внутренней стороны. Рационализация проявляется в достижении художественного эффекта более простыми приемами.

Таким образом, материал из погребений енисейских кыргызов долины р. Ус демонстрирует постепенное развитие технологии изготовления предметов торевтики из железа. Изначально создаются плоские предметы, декорированные простыми техниками и использующиеся наряду с чеканными или литыми бронзовыми вещами. Затем на фоне исчезновения изделий из бронзы, происходит поиск оптимальной технологии, характеризующийся иррациональными техниками, имитацией бронзовых вещей, началом освоения новых техник резьбы по железу, сварки и объемнойковки торевтики. Наиболее поздние материалы демонстрируют сложившуюся технологию с рациональным производством и применением освоенных сложных техник. На данном этапе используется инкрустация.

Список литературы

- Король Г.Г., 2008. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово.
- Кызласов И.Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.
- Митько О.А., 1992. Памятники енисейских кыргызов в долине реки Ус // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии приенисейского края. Том II. Красноярск. С. 52–54.

Печати Евфросинии Полоцкой: проблемы атрибуции

Калбеко Л. Г.

*(Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник,
г. Полоцк)*

kalbeka.lubou@gmail.com

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-319-322

На данный момент известен ряд актовых печатей, в разное время атрибутированных как принадлежавшие княжне Евфросинии, основательнице и игуменье полоцкого Спасского монастыря (1104–1167 гг.) (Дук и др., 2017. С. 7). Печати двух типов содержат изображение святой Евфросинии Александрийской, еще одного – легенду с именем Евфросинии. В историографии также высказано мнение о принадлежности одного из типов печатей не Евфросинии Полоцкой, а Евфросинии Галицкой (Майоров, 2011. С. 18)

Атрибуция печатей первого типа как принадлежащих Евфросинии Галицкой, дочери византийского императора Исаака II и жене галицко-волинского князя Романа Мстиславича, предложена А. В. Майоровым. Основным аргументом исследователя является то, что полоцкая Спасо-Преображенская церковь Спасо-Евфросиниевского монастыря не называлась Преображенской в древнерусских источниках. Поэтому, по его мнению, изображение Преображения на печати первого типа не указывает на полоцкий монастырь (Майоров, 2011. С. 18). При этом автором признается бесспорная принадлежность печатей второго типа Евфросинии Полоцкой (Майоров, Веселов, 2016. С. 51).

Выявление новых актов печатей, в том числе булл ранее неизвестного третьего типа, вынуждает вернуться к вопросу об их атрибуции. На основании имеющихся сведений выделим три типа булл (рис. 1).

Рис. 1. Печати Евфросинии Полоцкой из собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (НПИКМЗ), найденные в ходе раскопок Д. В. Дука и А. Л. Коца на территории Спасо-Евфросиниевского монастыря в Полоцке (Беларусь) в 2015–2017 гг.: 1 – НПИКМЗ КП 038436; 2 – НПИКМЗ КП 039873

Тип 1. Лицевая сторона: многофигурная композиция «Преображение Господне» с греческой надписью «МЕТА(ΜΟΡ)Φ(Ο)С(ΙC)» в линейном ободке. Обратная сторона: изображение св. Евфросинии с круговой благопожелательной надписью. Известны два экземпляра печатей данного типа, найденные на новгородском городище в 1968 и 1993 г. (Янин, 1970. С. 231, № 121а; Янин, Гайдуков, 1998. С. 41, № 121е). Имеются сведения об еще одном экземпляре, из числа «случайных находок» с территории Беларуси (время находки неизвестно), хранящемся в личной коллекции в Украине (Жуков, 2013. С. 18, рис. 6б). Таким образом, известно 3 экземпляра печатей типа 1.

Тип 2 (рис. 1: 1). Лицевая сторона: поясное изображение Иисуса Христа (Спаса) в линейном ободке. Обратная сторона: надпись в пять строк «Ги помози рабе своеи Офросиниі». Две печати этого типа обнаружены в Спасо-Евфросиниевском монастыре в Полоцке в 1998 и 2015 г., одна – на новгородском городище в 1977 г. (Дук и др., 2015. С. 17; Тарасаў, 2009. С. 337; Янин, Гайдуков, 1998. С. 41, № 121ж). Одна печать происходит из города Усвят, хранится в частной коллекции, время находки неизвестно (Еремеев, 2015. С. 514, рис. 450: 1). Имеются сведения об еще одном экземпляре, из числа «случайных находок», найденном на территории Беларуси в 2010 г. и хранящемся в личной коллекции в Москве (Жуков, 2013. С. 18, рис. 6а). По нашему мнению экземпляр приведенный И. Жуковым в качестве «случайной находки с территории Беларуси» является печатью с Усвята (Еремеев, 2015. С. 514, рис. 450: 1). Таким образом, известно четыре экземпляра буллы типа 2.

Тип 3 (рис. 1: 2). Лицевая сторона: изображение Иисуса Христа, сидящего на престоле, в точечном ободке. Обратная сторона: изображение Св. Евфросинии с мученическим крестом в руках, с круговой благопожелательной надписью «(п)омо ... на мн(о)га(я) лета». Одна печать этого типа найдена на территории Спасо-Евфросиниевского монастыря в Полоцке в 2017 г. (Дук и др., 2017. С. 5). Имеются сведения о двух «случайных находках» из Друцка (Беларусь) в 2006 г. и Черниговской области (Украина) в 2012 г., хранящихся в личных коллекциях (Жуков, 2013. С. 17, рис. 3а, 3б). Таким образом, известны 3 экземпляра печатей типа 3.

Отметим тождественность оборотных сторон печатей первого и третьего типов, что подтверждают одинаковая композиция, иконография Евфросинии Александрийской, идентичное расположение круговой легенды и колончатых надписей. Это обстоятельство, до сих пор не отмеченное исследователями, указывает на вероятную принадлежность печатей первого и третьего типов одному лицу. При этом изображения оттиснуты разными матрицами, что встречается в древнерусской сфрагистике.

Важным артефактом для понимания хронологии трех типов печатей является булла, хранящаяся в фондах Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (НГМ КП 47132). Она оттиснута не на чистой свинцовой заготовке, а поверх ранее изготовленной печати. На ней ранее оттиснутая многофигурная композиция Преображения перекрыта изображением Христа, а нечитаемая легенда (?) – благопожелательной надписью. При этом изображение Преображения аналогично оттиску на печати первого типа. Следовательно, печати первого и второго типов также принадлежали одному лицу.

Печать типа 1 не может принадлежать Евфросинии Галицкой (XIII в.), поскольку на описанной булле изображение типа 1 перекрыто изображением типа 2, принадлежность которого Евфросинии Полоцкой (XII в.) установлена. Это позволяет сделать вывод о принадлежности Евфросинии Полоцкой всех трех типов печатей.

Список литературы

- Дук Д., Калечыц І., Коц А., 2015. Пячатка Еўфрасінні Полацкай // Беларускі гістарычны часопіс. № 7. С. 13–18.
- Дук Д., Калечыц І., Коц А., Торшын Я., 2017. Парадная пячатка Еўфрасінні Полацкай // Беларускі гістарычны часопіс. № 9. С. 4–8.
- Еремеев И. И., 2015. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.
- Жуков И., 2013. Вислые печати Преподобной княжны Евфросинии Полоцкой // Нумизматика и фалеристика. № 2. С. 16–18.
- Майоров А. В., 2011. Печать Евфросинии Галицкой из Новгорода // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2. С. 5–25.
- Майоров А. В., Веселов Ф. Н., 2016. Печати Евфросинии из Новгорода и Полоцка: сравнительный анализ // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зборнік навуковых артыкулаў III міжнароднай навуковай канферэнцыі (14–15 красавіка 2016 г.). Полацк. С. 41–51.
- Тарасаў С. В., 2009. Пячатка з Полацка XII ст. Альбо яшчэ раз да пытання аб «полацкім матрыярхаце» // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (24–25 кастрычніка 2007 г.). Полацк. С. 337–351.
- Янин В. Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. Печати X – начала XIII в. М.
- Янин В. Л., Гайдуков П. Г., 1998. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.

Новое скопление петроглифов в верховьях Аулиесая на хребте Каржантау (по итогам экспедиции 2019 г.)

Кащей О. А.

(Казанский [Приволжский] федеральный университет, г. Казань)
shukunja@mail.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-323-327

В ноябре 2019 г. в ходе проведения серии разведок на южных склонах хребта Каржантау (Бостанлыкский район Ташкентской области), в районе урочища Куль, на правом берегу верховьев Аулиесая, было выявлено ранее неизвестное скопление петроглифов. 632 наскальных изображения рассыпаны на 127 камнях и скальных выходах, при этом некоторые камни имеют от двух до пяти граней с петроглифами. Высоты местонахождения наскальных изображений – от 1925 до 2180 м н. у. м. Длина каменных плоскостей – от 50 см до 5–6 м. В геоморфологическом отношении скопление петроглифов расположено на крупнообломочных и среднеобломочных осыпях (длина которых достигает 250 м), а также на скальных выходах горного цирка.

Необходимо отметить, что новое скопление с наскальными изображениями сосредоточено в 250 м от ранее исследованного нами памятника Каракиясай I (Кащей, 2019. С. 44) и, вероятно, составляет с ним единый петроглифический комплекс. Но, учитывая некоторую удаленность данного местонахождения с петроглифами от Каракиясай I, а также довольно плотную концентрацию изображений в описанных выше геоморфологических условиях, мы считаем, что его условно можно выделить в отдельную подгруппу памятника и обозначить как «Аулиесай».

В результате сопоставления статистического анализа изобразительного ряда нового скопления Аулиесай с данными по скоплениям Каракиясай I (Kashchey, Nedashkovsky, 2018) и Каракиясай II (Кащей, 2019. С. 43–45), мы получили следующие результаты в табличном выражении (табл. 1).

Как видно из приведенных данных, наиболее распространенный изобразительный образ, представленный на памятнике, – образ горного козла/козы, который, судя по иконографическим особенностям исполнения фигур горных животных и имеющихся сведениях о фаунистическом комплексе региона, можно соотносить с сибирским козлом (*Capra sibirica Pallas*) (Ишунин, Тетюхин, 1989. С. 67–68). Он составляет около половины всех известных петроглифов на Каракиясае I и Каракиясае II и более трех четвертей изображений на Аулиесае. Количество антропоморфных изображений в трех проанализированных скоплениях также значительно отличается в процентном отношении (ср. 23 % на Каракиясае II и 5 % на Аулиесае) и т. д.

Таблица 1. Статистические результаты анализа изобразительного ряда трех основных скоплений петроглифов на Каракиясае

Изобразительный ряд памятника	Аулиесай	Каракиясай I	Каракиясай II
Образ горного козла/козы	76,4 %	54,7 %	49,7 %
Образ собаки/волка	7,8 %	8,3 %	6,4 %
Образ лошади	3,4 %	7,6 %	6,4 %
Образ верблюда	1,6 %	3,6 %	4,5 %
Образ тура/быка/коровы	1,1 %	0,6 %	0,9 %
Антропоморфные образы	5 %	15,9 %	23 %
Изображения знаков/символов	2,7 %	4 %	6,1 %
Образы других животных	0,7 %	6,6 %	3 %

Анализ более крупных сюжетных структур – многофигурных композиций из Аулиесая указывает на немногочисленность единых в смысловом плане сюжетов на каменных «полотнах» в противовес Каракиясаю I (где только сцен охоты известно около 40). На Аулиесае можно выделить лишь две композиции с участием лучников и вооруженных палкой охотников, одну сюжетную композицию с участием горных козлов и собаки (по стилистическим особенностям ее можно отнести к сакскому времени (рис. 1: 2.1) и две сюжетные композиции анималистического характера, представленные изобразительными рядами различных видов животных. Особый интерес здесь представляют два крупных камня, длина изобразительной поверхности которых 2–2,5 м:

1. На каменном полотне № 85 выявлена наибольшая концентрация петроглифов на памятнике, которая составляет 98 изображений на одной

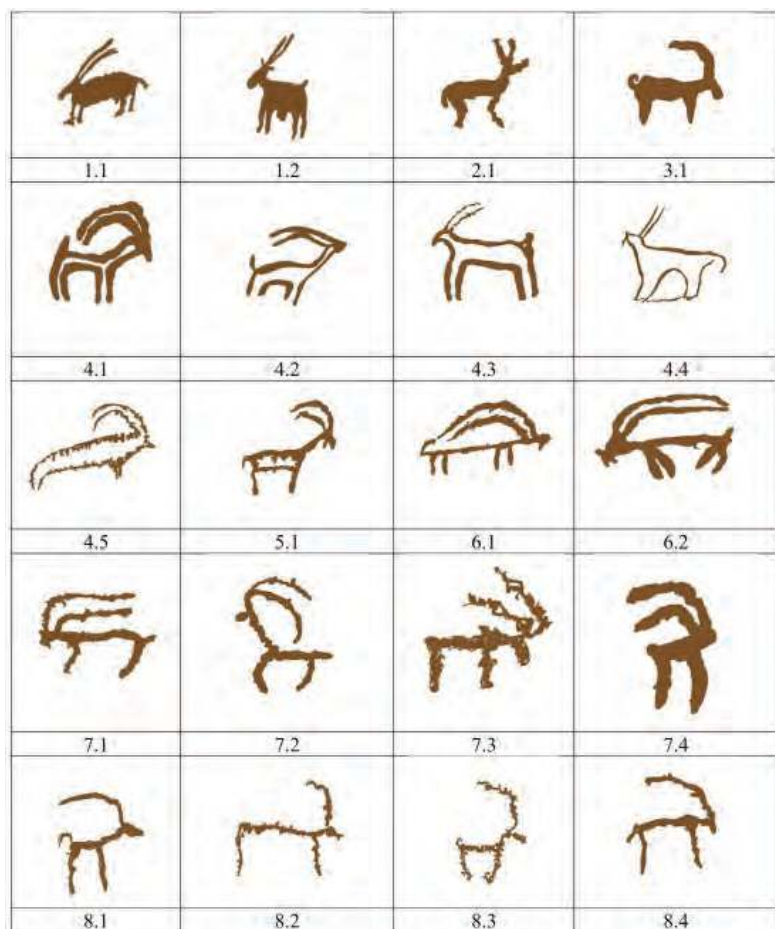

Рис. 1. Стилистические особенности и инварианты способов изображений образа горного козла/козы на петроглифах Аулисая:

- 1 – силуэтный стиль (с прорисовкой двух рогов и четырех нижних конечностей); 2 – силуэтный стиль (с прорисовкой двух рогов и двух нижних конечностей); 3 – силуэтный стиль (с прорисовкой одного рога и двух нижних конечностей); 4 – контурный стиль (с прорисовкой двух рогов и четырех нижних конечностей); 5 – контурный стиль (с прорисовкой двух рогов и двух нижних конечностей); 6 – удлиненный линейный стиль (с прорисовкой двух рогов и двух нижних конечностей); 7 – линейный стиль (с прорисовкой двух рогов и двух нижних конечностей); 8 – линейный стиль (с прорисовкой одного рога и двух нижних конечностей)

плоскости. Большая часть изображенных здесь фигур представляет собой палимпсесты (наложение петроглифов друг на друга) различных видов животных с редким участием антропоморфных образов. Стилистически выделяется наиболее древний пласт силуэтных (рис. 1: 1.1, 1.2) и контурных реалистичных образов горных козлов/коз, верблюдов, собак, хищника семейства кошачьих (изображения обращены преимущественно в правую сторону). Некоторые фигуры животных трудноразличимы, поэтому их не удалось точно идентифицировать.

2. На камне № 101 представлена композиция с крупным хищником в центральной части цепочки животных и с изображением внешне схожим с образом тура. Все животные изображены в динамике, в реалистичной, силуэтной манере исполнения фигур и обращены в правую сторону.

Наиболее древний пласт изображений представлен преимущественно на крупных каменных «холстах» отдельных валунов или скальных выходов, более поздние петроглифы – как на крупных, так и на более мелких. Проследить какую-либо закономерность при выборе камня для создания образов пока не удалось, но несомненно, что большая часть изображений тяготеет к удаленным участкам памятника, восхождение к которым подразумевает определенные энергетические затраты.

Стилистические особенности изображения наиболее многочисленного образа на памятнике (сибирского козла) довольно разнообразны (рис. 1) и в большинстве случаев представлены линейными, тамгообразными фигурами животных (рис. 1: 8.1–8.4), которые характерны для древнетюркского времени (Савинов, 2015. С. 66). Также важно отметить, что на петроглифах Аулисая довольно часто встречаются изображения горных козлов, собак, лошади, выполненные в контурной манере исполнения (рис. 1: 4.1–4.5), причем некоторые инварианты данного стиля ранее нигде в скоплениях Каракияся зафиксированы не были (рис. 1: 4.3–4.5). Образы горного козла/козы, созданные в удлинённой манере исполнения, здесь также присутствуют (рис. 1: 6.1–6.2), они наиболее характерны для петроглифов Каракияся II и ранее нами были отнесены к наиболее древним пластам этого памятника.

Несмотря на то, что количество петроглифов на Аулисая составляет 632 изображения (из которых 430 представлены образами горных козлов/коз), здесь не встречаются какие-либо идентичные наскальные изображения или сюжетные композиции. Все выявленные на каменных «полотнах» изобразительные ряды петроглифов индивидуальны, они отражают связь человека с природой, нюансы его деятельности и преимущественно фаунистический комплекс горного мира.

Таким образом, природный ландшафт в верховьях Аулисая осваивался древним человеком, начиная с эпохи бронзы (возможно и ранее, т. к.

в соседнем ущелье, в гроте Акташ, в 1960 г. были найдены каменные орудия, датируемые эпохой верхнего палеолита (Сулейманов, 1976. С. 24–25). Большая часть изображений образного пространства нового скопления представлена отдельными линейными (тамгообразными) фигурами горных козлов, что возможно указывает на большее освоение верховьев горной реки в древнетюркскую эпоху. Пять надписей, выполненных на арабской графике, свидетельствуют о посещении человеком горного цирка Аулиесая вплоть до этнографической современности.

Список литературы

- Ишунин Г. И., Тетюхин Г. Ф., 1989. Вероятные пути образования фауны млекопитающих на территории Узбекистана. Ташкент.
- Кашей О. А., 2019. Неизвестные наскальные изображения Каракияся // LI Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция (УПАСК, 5–8 февраля 2019 г.): материалы Всероссийской (с международным участием) конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Курган. С. 43–45.
- Савинов Д. Г., 2015. Тамгообразные изображения горных козлов, или к определению фарна древнетюркских каганов // Теория и методология архαιки. Вып. VIII. С. 64–74.
- Сулейманов Р. Х., 1976. Древности Чарвака. Ташкент.
- Kashchey O. A., Nedashkovsky L. F., 2018. Petroglyphs of Karakiyasay: Scenes compositions, images and stylistics // Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores. Year VI. Article № 47. P. 1–15.

Об изучении древнерусских фибул X–XII вв. с территории Могилевского Поднепровья

Кузина Е. В.

*(Могилевский государственный университет, г. Могилёв)
katarina.panic1992@gmail.com*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-327-330

Фибула – металлическое приспособление для закрепления верхней одежды, используемое как женщинами, так и мужчинами. Фибулы изготавливались из железа, бронзы, иногда из золота или серебра. Такой тип украшений берет свое начало в бронзовом веке и прекращает существование к XIV в. Так как в X–XIII вв. для данной территории характерно малое количество письменных источников по теме быта, основной базой в изучении деталей костюма, и в частности фибул, являются археологические артефакты.

Интерес к материальной культуре, и в частности к деталям костюма населения, проживавшего в древности на территории Могилёвского Поднепровья, появился довольно рано. На дореволюционном этапе исследования проводились как профессиональными учеными, так и любителями-краеведами.

Изучением курганных дневностей в этот период занимались штабс-капитан Нечаев, А. С. Уваров, Н. М. Турбин, Н. Мышенков. Большую работу по изучению погребального обряда и костюма населения данного региона провели М. Ф. Фурсов и С. Ю. Чоловский. Их труды с подробным описанием и иллюстративным материалом археологических находок были опубликованы в виде дневников. (Фурсов, Чоловский, 1893).

В межвоенное время несколько изменяется подход к изучению материальной культуры. Древнерусские украшения становятся отдельной темой исследования, разрабатывается их терминология и классификация, чему поспособствовала начатая в 1924 г. рассылка опросных листов с целью сбора сведений о памятниках истории, археологии и этнографии.

На разработку классификации большое влияние оказал типологический метод, который был сформулирован В. А. Городцовым в конце 1920-х гг. Важной публикацией для территории Могилёвского Поднепровья стала монография Б. А. Рыбакова «Радимичи», которая обобщила и уточнила детали материальной культуры племенного объединения, проживавшего на данной территории. В 1930-е гг. полевые работы по изучению курганных древностей были проведены И. А. Сербовым. После 1930-х гг. был значительный перерыв в изучении материальной культуры региона, обуславливаемый жестким политическим режимом, а также событиями Великой Отечественной войны. Исследования продолжились уже через десять с лишним лет после окончания военных действий.

В 1960-е гг. Л. В. Алексеевым и З. М. Сергеевой была обследована курганная группа у деревни Васьковичи. С 1970-х гг. исследованием данного региона занимался Л. Д. Поболь. В эти годы на территории Быховского района проводил исследования Г. И. Ионе. В 1964 г. раскопки курганных могильников возле д. Княжицы и д. Ямница в Могилёвском районе проводила Т. Д. Елисеева.

Большую работу по каталогизации и классификации фибул сделал Я. Г. Риер. Для территории Могилёвского Поднепровья исследователь выделяет несколько типов: фигурная звездообразная, пластинчатая ажурная; фигурная лучевая; подковообразная спиралеконечная круглого сечения; спиралеконечная треугольного сечения. Данная классификация актуальна до сих пор и используется исследователями с дополнениями. Кроме этого, ученый провел ряд полевых исследований на курганных могильниках и поселениях, где также был обнаружен ряд застежек-фибул (Риер, 2010).

Огромную работу в области обобщения сведений об археологических памятниках Могилевского Поднепровья и Посожья проделал В. Ф. Копытин. Он систематизировал памятники различных эпох, а также подробно изучил материалы полевых работ на них. Это отразилось в его сводах археологических памятников по району Могилевской области, в которых подробно описаны сами памятники, в том числе курганные могильники и погребальный инвентарь (Копытин, 1993).

В Шкловском районе исследованием погребального обряда и инвентаря кривичей занимается О. Н. Левко.

С середины 1990-х гг. изучением материальной культуры населения Могилевского Поднепровья и Посожья занимается И. А. Марзалюк. Ученым проводились раскопки как городищ и селищ, так и курганных могильников. В ходе его работ на курганных могильниках и средневековых поселениях также был найден ряд фибул: в кургане № 3 курганного могильника «Рудея» Чаусского района была найдена спиралеконечная фибула с треугольным сечением, в кургане № 19 курганного могильника «Восход» Могилевского района подковообразная спиралеконечная фибула, на средневековом поселении Старый Шклов — фибула с S-видными концами (Марзалюк, 2008; 2011; 2013).

В данный момент изучением фибул в контексте погребального костюма населения Древней Руси с территории Могилевского Поднепровья занимаются А. М. Авласович и автор данной статьи.

Известные на данный момент древнерусские фибулы Могилевского Поднепровья хронологически относятся к X–XI вв. и изготовлены из медных сплавов, бронзы или латуни. Их изучение осуществлялось и осуществляется в рамках исследования погребального инвентаря, а также городской и сельской материальной культуры населения данного региона. В истории изучения данного материала можно выделить несколько периодов: эмпирический, период накопления материала, его каталогизации и публикация. Он соотносится с дореволюционной эпохой и межвоенным периодом.

На втором этапе происходит историческое и культурное осмысление полученных в ходе археологических исследований артефактов, их хронологическая атрибуция. Совершенствуются формально-типологические схемы описания материала, изучаются технологические характеристики изделий. Этот период начался в 1940-х гг. и продолжается до настоящего времени.

Список литературы

Копытин В. Ф., 1993. Археологические памятники Могилёва и окрестностей. Могилёв.

- Риер Я. Г., 2010. Сельское общество Могилёвского Поднепровья X–XIII вв. по археологическим данным. Могилёв.
- Фурсов М. В., Чоловский С. Ю., 1893. Дневник курганных раскопок, проведенных по поручению Г. Начальника Могилёвской губернии, А. С. Дембовецкого в течение 1892 года в уездах Рогачевском, Быховском, Климовичском, Чериковском и Мстиславском д. ст. сов. Фурсовым и С. Ю. Чоловским // Памятная книжка Могилевской губернии на 1893 год. Могилёв. С. XXV–LXXXIII.
- Марзalyuk I. A., 2008. Справаздача: аб археалагічных раскопках курганнага могільніка ля паселка «Усход» у Магілёўскім раене ў 2007 г. Магілёў.
- Марзalyuk I. A., 2010. Справаздача: аб археалагічных раскопках на гарадзішчы «Стары Шклоў» Шклоўскага раена Магілёўскай вобласці ў 2010 г. Магілёў.
- Марзalyuk I. A., 2013. Справаздача: аб археалагічных раскопках курганнага могільніка ля водасховішча «Рудэя» у Чавускім раене Магілёўскай вобласці ў 2012 г. Магілёў.

Особенности изготовления полых металлических пуговиц средневекового времени (из раскопок городища на плато Эски-Кермен)

*Лобода А. Ю.¹, Антипенко А. В.², Преснякова Н. Н.¹,
Терещенко Е. Ю.^{1,3}, Яцишина Е. Б.¹*

(¹НИЦ «Курчатовский институт», г. Москва; ²НИЦ истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», г. Симферополь; ³ФНИЦ «Кристаллография и фотоника» РАН, г. Москва)

*lobodaau@mail.ru; an.antipenko@yandex.ru; kolobyлина@gmail.com;
elenatereschenko@yandex.ru; yatsishina_eb@nrcki.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-330-333

Средневековый город, остатки которого сохранились на плато Эски-Кермен расположен в 6 км южнее с. Красный Мак (Бахчисарайский район, Республика Крым) и относится к так называемым «пещерным» городам на Внутренней гряде Крымских гор, возникшим в результате военно-политической активности Византии во второй половине VI в. в Горном Крыму. Некоторые из этих крепостей со временем приобрели статус малых византийских городов, ставших административными, экономическими и религиозными центрами близлежащих территорий (Айбабин, Хайрединона, 2017. С. 160–166).

В данной работе представлены результаты исследования предметов из раскопок совместной экспедиции ИАК РАН и НИЦ АК КФУ

им. В. И. Вернадского (под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой) 2018 и 2019 г. Семь одинаковых полых сферических металлических пуговиц (высота 0,8–0,9 см; диаметр 0,6 см) с проволочной петелькой для пришивания (Айбабин, Хайрединова, 2019. С. 26) происходят из плитовой могилы 1/2018 с захоронениями женщины и ребенка конца XIII – начала XIV в. в центральной части городища, в 10 м к юго-западу от Главной базилики.

Пуговицы представляют собой сборную конструкцию из трех спаянных между собой деталей – петли для пришивания, верхней и нижней полусфер (рис. 1: а). На верхней полусфере всех пуговиц присутствует ровное округлое отверстие. Петля для пришивания выполнена в виде кольца из круглой в сечении проволоки (толщиной 0,07–0,10 см) с несомкнутыми концами.

Пуговицы этого типа бытовали на территории Крыма в IX–XIV вв. Они встречаются в погребениях Юго-Западного Крыма, Сугдеи и Боспора (Макарова, 1998. С. 370–372, рис. 17: 6, 8–10; Петровский, Труфанов, 1995. Рис. 9: 4; Майко, 2014. С. 150–151, рис. 167: 12). На плато Эски-Кермен пуговицы аналогичной конструкции выявлены в усыпальницах, вырубленных около пещерных храмов на подъемной дороге (Айбабин, 1991. С. 47, рис. 7: 16), в склепах около северной стены Главной базилики (Паршина, 1988. С. 46, фото 5), а также в костнице под алтарной частью часовни в квартале 1 (Айбабин, Хайрединова, 2011. С. 452, рис. 20: 2–6).

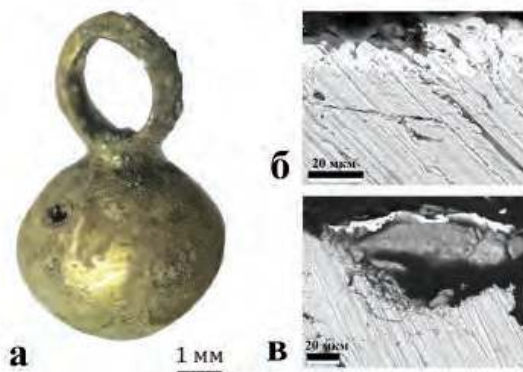

Рис. 1. Находки из плитовой могилы: а – пуговица № 24 из плитовой могилы 1/2018, Эски-Кермен; б – шлиф микропробы верхней полусферы пуговицы № 24; в – шлиф микропробы зоны соединения петли и верхней полусферы пуговицы № 24

Элементный состав металла двух пуговиц (№ 24 и 26) был определен методом растровой электронной микроскопии (далее – РЭМ) с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом (далее – ЭРМ) на двухлучевом растровом электронном микроскопе Versa 3D (ThermoFisherScientific), оборудованном энергодисперсионным рентгеновским спектрометром (EDAX, энергетическое разрешение 128 эВ), при ускоряющем напряжении 30 кВ в условиях высокого вакуума (104 Па).

Ввиду сборной конструкции пуговиц, от каждого элемента изделия, без нарушения целостности объектов, были отобраны микропробы металла. Для сохранения оригинальной ориентации (поверхность/глубина), микропробы помещались в эпоксидную смолу и шлифовались.

Измерение в микрошлифах элементного состава основного металла пуговиц позволило охарактеризовать его как сплав серебра (75,4–81,7 %) с медью (11,5–22,6 %) и свинцом (0,8–2 %).

Слой золочения, визуально детектируемый на всех микрошлифах, оказался неоднороден по составу – в нем наблюдаются значительные вариации содержания ртути (5,8–59,1 %), золота (2,6–78,0 %), серебра (2,0–30,9 %), меди (1,0–13,8 %) и свинца (0–0,8 %) (рис. 1: б). В микропробе пуговицы № 24 с места соединения петли и верхней полусферы на поверхности основного металла был обнаружен дополнительный слой, который был покрыт золочением так же, как и вся остальная поверхность пуговицы. Этот слой представляет собой область частично растекшегося припоя. Его состав: медь (60,5 %), цинк (11,0 %) и свинец (10,2 %), которые предположительно являются основным составом припоя, а также золото (1,7 %), серебро (4,4 %) и ртуть (0,2 %), вероятно обусловленные диффузионными процессами в ходе пайки и золочения (рис. 1, в).

Обнаруженная на микрошлифах послойность приповерхностной зоны пуговиц, а также элементарный состав каждого слоя позволяет реконструировать последовательность изготовления изделий и предположительную рецептуру всех использованных сплавов.

Из серебряно-медного сплава были изготовлены элементы конструкции каждой пуговицы – две полусферы и петля для пришивания.

Затем проводилась пайка медным припоем, легированным цинком и свинцом. Температура плавления подобных сплавов составляет 800–9000 °С.

Заключительным этапом работ было нанесение на поверхность пуговиц золотой амальгамы и последующее медленное нагревание изделий для выпаривания ртути.

Список литературы

- Айбабин А. И., 1991. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. Вып. II. С. 43–51.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2017. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2011. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. Вып. XVII. С. 422–457.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2019. Исследования центральной части городища на плато Эски-Кермен в 2018 г. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ Ι ΠΟΛΙΣ. XI Международный Византийский семинар. Материалы научной конференции. Симферополь. С. 25–32.
- Майко В. В., 2014. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев.
- Макарова Т. И., 1998. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Вып. VI. С. 344–393.
- Паршина Е. А., 1988. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев. С. 36–59.
- Петровский В. А., Труфанов А. А., 1995. Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы по материалам раскопок 1993–1994 гг. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь. С. 136–142.

Находки варганов из средневековых могильников Пермского Предуралья^{1, 2}

Моряхина К. В.

*(Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет, г. Пермь)
ktoryaxina@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-333-336

Варган – это духовой язычковый музыкальный инструмент. Звучание управляется артикуляцией рта, языком, диафрагмой, гортанными, горловыми и другими способами. Инструменты в зависимости от формы бывают пластинчатые и дугообразные.

В Пермском Предуралье находки варганов немногочисленны. На средневековых могильниках было обнаружено 5 экземпляров, из них 4 – на Деменковском могильнике, 1 – на Баяновском.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 19-49-590004 «Культурно-хронологическая идентификация средневековых могильников Пермского Предуралья (VII–XV вв.)».

² При поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

Деменковский могильник расположен на правом берегу р. Обвы на возвышенной террасе в 300 м к западу от д. Деменки Ильинского района Пермского края. Памятник датируется концом V–X вв.

Погребение 131. Фрагмент костяного варгана с отверстием в верхней части. Язычок не сохранился. Длина фрагмента 3 см, ширина – 0,7 см. В погребении также обнаружены височное кольцо с полый привеской-шариком, перстень с овальным щитком, декорированным псевдозернью, стеклянные бусы, наконечник стрелы. По мнению автора раскопок В. Ф. Генинга, изделие можно датировать IX в. (Генинг, 1964. С. 111), что подтверждается датировкой сопутствующего материала.

Погребение 156. Фрагмент костяного варгана с отверстием в верхней части. Язычок не сохранился. Длина фрагмента 4 см, ширина – 0,8 см. В погребении также были пронизки, подвеска-костылек, пластинчатый браслет, фрагмент височного кольца, каури, стеклянные бусы. По сопутствующему материалу погребение может быть датировано IX в.

Погребение 163а. Бронзовый варган с язычком. Длина изделия 6,4 см, ширина – 0,8–1,0 см. В погребении обнаружены фрагмент височного кольца, пронизки, привески-шарики, крестовидная подвеска, перстень с пуговкообразным щитком, дровотый браслет, стеклянные бусы, подпружная пряжка, нож с ножнами. По сопутствующему материалу погребение может быть датировано VIII в.

Подъемный материал (?). Костяной варган с язычком. В верхней части имеется отверстие. Длина изделия 8,5 см, ширина – 1 см. По мнению автора раскопок В. Ф. Генинга, изделие можно датировать IX в. (Генинг, 1964. С. 111).

Баяновский могильник расположен на правом берегу р. Исток, правого притока р. Вильвы в 170 м к северо-западу от д. Бояново Добрянского муниципального округа Пермского края. Памятник датируется X в.

Погребение 51. Бронзовый варган с язычком. В верхней части имеется отверстие. Длина изделия 6 см, ширина – 0,5–0,7 см.

Примечателен погребальный обряд – применен обряд кремации. На Баяновском могильнике это единственный случай, все остальные захоронены по обряду ингумации. Подробно обряд данного погребения был описан и опубликован автором раскопок А. В. Даничем в статье «Погребение 51 Бояновского могильника (обряд кремации)» (Данич, 2008. С. 460–464). По определению антрополога Н. Г. Брюховой останки принадлежат индивиду женского пола младше 30 лет.

Инвентарь в погребении был разложен в соответствии с анатомическим порядком: височное кольцо с привеской, декорированной зерно-сканым декором, биконьковые и монетовидные подвески, подвеска в виде шести полумесяцев, стеклянные и бронзовые бусы, пронизки, перстень-

«колпачок», поясная пряжка, поясные накладки с растительным орнаментом, бронзовая копоушка, костяной биконьковый гребень, нож с ножами. Погребение датируется X в.

Таким образом, обнаруженные варганы представлены двумя типами, отличающимися по материалу – костяные и бронзовые. При этом они имеют схожую форму – в виде вытянутого прямоугольника. Четыре варгана имеют в верхней части отверстия, которые, скорее всего, были нужны для крепления инструмента к деревянной дощечке, как это делается у современных хантов (Александрова, 2017. С. 88). Судя по всему, это были женские музыкальные инструменты.

Варганы датируются VIII–X вв., то есть характерны преимущественно для позднеломоватовских могильников.

Варганы были обнаружены и на памятниках других средневековых культур Предуралья и Поволжья. Так, на памятнике неволинской культуры – Верх-Саинском могильнике второй половины VI – начала IX в. в бескурганной части (п. 16) был обнаружен фрагмент бронзового варгана (Голдина, Водолаго, 1990. С. 29).

Широкое распространение варганы получили на соседней территории в Удмуртском Предуралье. Бронзовые инструменты были обнаружены на могильниках Мыдлань-Шай (3 экз.), Качкашурском (3 экз.), Поломском I (3 экз.) и II (1 экз.), Омутницком (1 экз.), Варнинском (1 экз.), Тольенском (1 экз.), Юмском (1 экз.), на городище Иднакар (3 экз.), на селище Плесо (1 экз.) (Генинг, 1962. Табл. VIII/13; Александрова, 2017. С. 88; Иванов, Голубкова, 1997. С. 93–107). На двух из указанных экземпляров фиксируются отверстия для подвешивания. Костяные варганы были найдены на Тольенском селище (2 экз.), Махонинском (1 экз.) и Подкаменном (4 экз.) городищах. На четырех предметах имеются отверстия для подвешивания (Иванов, Голубкова, 1997. С. 93–107). Варганы датируются VIII–XIII вв. Всего в Удмуртском Предуралье было обнаружено 25 подобных инструментов.

Аналогичные изделия были обнаружены в женских погребениях на Танкеевском могильнике в Татарстане, погребения которого принадлежат в том числе носителям ломоватовской и полонкой культур. Найденные варганы (2 экз.) были сделаны из бронзы (Казаков, 1977. С. 107).

Также варган был обнаружен в женском погребении Идельбаевского курганного могильника рубежа I–II тыс. н. э. в Башкирии (Казаков, 1977. С. 107).

Как мы видим, варганы из могильников Пермского Предуралья имеют схожую форму и размер с инструментами, обнаруженными на соседних территориях, то есть у финно-угорских народов в эпоху Средневековья получили распространение пластинчатые варганы.

По мнению Е. П. Казакова, появление варганов на памятниках Предуралья в VIII–X вв. можно связать с угорским влиянием (Казаков, 1977. С. 109). Стоит отметить, что варганы как музыкальный инструмент распространены у современных хантов и манси, у современных коми-пермяков и удмуртов. В национальной музыке данный инструмент не используется.

Список литературы

- Александрова Н. В., 2017. Пластинчатые варганы в археологических памятниках междуречья Камы и Вятки // Вопросы инструментоведения. СПб. С. 83–91.
- Генинг В. Ф., 1962. Мыдлань-шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. 3. С. 7–111.
- Генинг В. Ф., 1964. Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. Вып. 6. С. 94–162.
- Голдина Р. Д., Водолаго Н. В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.
- Данич А. В., 2008. Погребение 51 Бояновского могильника (обряд кремации) // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Ижевск. С. 460–464.
- Иванов А. Г., Голубкова А. Н., 1997. Древние варганы Прикамья // Вестник Удмуртского университета. № 8. С. 93–107.
- Казаков Е. П., 1977. Древние язычковые музыкальные инструменты Прикамья и Приуралья // Советская этнография. С. 107–109.

К вопросу о декоративном оформлении орнитоантропоморфных изображений

Муратбакиева А. Д.

(Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург)

nmuratbakieva@gmail.com

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-336-340

Одним из распространенных сюжетов урало-сибирского культового литья является образ птицы с изображением человеческого лица на груди, который встречается на территории от бассейна р. Печоры до бассейна р. Иртыш. К иконографическим признакам образа относятся: голова хищной птицы, распахнутые крылья, форма хвоста и личина на груди; каждый из упомянутых элементов имеет свою технику исполнения и декорирования, характеристика которых является целью данной работы. Единая номенклатура для обозначения элементов декора культового литья

полностью не выработана; стоит прибегнуть к терминологии ювелирного дела. Хронологические рамки исследования: I в. до н. э. – XV в. н. э.

Специалистами по металлообработке указывается несколько видов литья: литье в открытых или закрытых формах, литье «навыплеск» и литье по восковой модели (Ювелирное дело..., 2013. С. 74). Орнитоморфные идолы изготавливались, скорее всего, литьем в закрытых формах или литьем по утрачиваемой восковой модели, т. к. на фигурках не встречено следов литника, который заменял голову идолам иткульской культуры (Минасян, 2014. С. 123) (рис. 1: 1). Иногда фигурки сделаны комбинированным типом литья: голова птицы выполнена объемно, внутри полая, тело, напротив, плоское одностороннее (Кулябина, 2013. С. 287). К X в. на голове появляются выпуклые глаза в виде налепов. В литературе выделены такие декоративные элементы, как точечный, линейный, псевдовитой, геометрический орнаменты, орнамент в виде насечки (Угорское наследие..., 1994. С. 38–39).

Крылья орнитоморфов декорированы углубленными или выступающими элементами. К первым относятся желобки, вырезанные на восковой модели, расположенные вдоль или поперек крыльев и хвоста (рис. 1: 2).

Рис. 1. Орнитоморфные изображения: 1 – клад с Азовской горы, ГЭ № 1704/1; 2 – находка на городище Гарамиха, ГЭ № 563/63; 3 – случайная находка у дер. Кондратьева Слобода, ПКМ № 19753/1; 4 – случайная находка из Гайнского р-на, ПКМ № 11302/5; 5 – Кузьминский могильник, ИКМЗ УР «Иднакар»; 6 – Екатериновский клад; ГЭ № 579/12

«Жемчужины», или «перлы», представляют собой ряд выпуклых точек круглой и овальной формы (рис. 1: 3). Третьим и основным способом украшения являются т. н. валики, которые могут быть прорезаны редкими и частыми насечками. Валики украшают как части тела птицы, так и ограничивают его контур, образуя кант, узкую полосу, окаймляющую изделие или подчеркивающую важные элементы. Т. Н. Троицкая выделяет 3 группы кантов: ленты из процарапанных фигур; прочерченные на восковой модели линии, между которыми помещаются геометрические фигуры; наложенные у края модели полоски – псевдожгуты (Троицкая, Овчаренко, 2002. С. 112). Выделение контура характерно для композиций звериного стиля: с нескольких сторон они могут быть ограничены бордюром, который либо вписывается в композицию, либо подчиняет ее. «Бордюр представляет собой выпуклый рубчик, гладкий или орнаментированный насечками, прямыми или косыми, елочкой, четырехгранными пирамидками» (Оятева, 1995. С. 110). Линейный и геометрический орнаменты идентичны: под геометрическим орнаментом в историографии понимается одна птицевидная подвеска, косые линии на груди которой образуют ромбический узор (Оборин, Чагин, 1988. Рис. 147). Псевдовитой орнамент и «елочка» отсылают к изделиям из витой сканой проволоки или ее имитации (рис. 2: 2).

Обратимся к изделиям X–XII вв. с территории Приуралья: среди орнитоморфов родановской (IX–XV вв. н. э.) и чепецкой культуры (XI–XIII вв. н. э.) имеются изделия, орнаментированные валиками с частыми косыми насечками, имитирующими веревку (рис. 1: 4, 5). Веребочка – жгут, скрученный из двух проволок; жгут из двух веребочек или веребочки и проволоки – шнурок; жгут из трех и более проволок –

Рис. 2. Изделия, отлитые по восковой модели: 1 – шумящая подвеска, Маяцкое селище, музей археологии ВГУ; 2 – медальон с охотничьим сюжетом, г. Кудымкар, ПКМ № 11376/79

плетенка (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 138). Данные определения подходят и для изделий из скани, и для литых шумящих подвесок, состоящих из «плетеной» проволоки. Изделия, изготовленные по восковой модели, украшались настоящими нитками или провощенными жгутами (Минасян, 2007. С. 40). «Плетеные» шумящие подвески распространены, преимущественно, среди финно-угорских изделий; встречаются даже в материалах салтово-маяцкой культуры (VIII–X вв. н. э.) и обозначаются как «финские» (Винников, Плетнева, 1998. С. 181) (рис. 2: 1).

Предполагается, что иногда восковые жгуты использовали для формирования лица орнитоморфа: в коллекции Екатеринбургского клада имеется фигурка, личина на груди которой изображена подобным образом (рис. 1: 7). На ранних экземплярах, появившихся на памятниках кулайской культуры (I в. до н. э. – I в. н. э.), личины на груди орнитоморфа выполнены гравировкой. До VIII в. н.э. в районе лесостепи и до IX в. н. э. на лесном пространстве личины вырезались на модели для отливки; широко известный орнамент крыльев в виде лосиных голов вырезался так же. В родановской и чепецкой культурах антропоморфная фигура на груди птицы вручную формировалась из воска, как и валики с насечками.

Проделанная работа проливает свет на приемы декорирования культовых изделий в развитом и позднем Средневековье в Приуралье и Западной Сибири. Исследователям стоит приложить усилия к разработке понятийного аппарата, связанного с декором предметов урало-сибирского литья.

Список литературы

- Винников А. З., Плетнёва С. А., 1998. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI–XIII в. М.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В., 1994. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург.
- Кулябина Н. В., 2013. Наследие камской чуди: Пермский звериный стиль: Из собрания Пермского краеведческого музея: Каталог. Пермь.
- Минасян Р. С., 2007. Древнее Уральское литье // Горный журнал. № 1. Спец. выпуск. С. 38–43.
- Минасян Р. С., 2014. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.
- Оборин В. А., Чагин Г. Н., 1988. Искусство Прикамья: Чудские древности Рифея. Пермь.
- Оятева Е. И., 1995. К вопросу о методе изучения художественной металлической пластики Прикамья I – начала II тысячелетия н.э.// АСГЭ. № 32. С. 105–118.

Троицкая Т. Н., Овчаренко А. П., 2002. Кант в изображениях, выполненных в Урало-Сибирском зверином стиле // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (10). С. 110–114.

Ювелирное дело на территории Пермского Предуралья в эпоху Средневековья: учебное пособие, 2013 / А. В. Вострокнутов, Н. Б. Крыласова, Ю. А. Подосенова, И. А. Юрков; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь.

Технические приемы, применяемые при строительстве средневековых жилищ Пермского Предуралья

Половников Л. В.

*(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь)
lv_polovnikoff@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-340-343

Остатки жилищ позволяют раскрыть технические, строительные знания людей в древности, проследить, как использовались строительные и трудовые ресурсы.

В Пермском Предуралье в Средние века существовало две археологические культуры: ломоватовская (V–IX вв.) и сменившая ее родановская (X–XIV вв.). Жилища имели идентичные конструктивные особенности: наземные постройки каркасно-столбовой конструкции, прямоугольные в основании, с двускатной крышей. Элементы интерьера присутствуют в жилищах обеих культур. Это очаги по осевой линии, покрытый тесом пол, дополнительно покрытый глиной и обожженный, нары вдоль стен. Отличия заключаются в размерах жилищ.

Главным ресурсом для строительства было дерево (Черных, 2008. С. 59–82; Крыласова, 2016а. С. 63–76). Жилища имели площадь от 16 кв. м (Оборин, 1957, С. 274–581) до 252 кв. м (Крыласова, 2016а. С. 66, 69). Площадь построек сокращается в XII–XIV вв. Появляется необходимость сократить расход древесины при строительстве. На данной территории семьи начинают делиться на малые (Талицкий, 1951. С. 33–96), таким образом, появляется возможность сократить трудовые затраты на строительство. Возможно, это следует связывать с изменением хозяйственно-культурного типа. В ломоватовское время преобладали скотоводство, охота, рыболовство, собирательство, мотыжное земледелие. С XII в. распространилось пашенное земледелие, которое требовало больших трудовых затрат (Сарапулов, 2015. С. 125–126), и возникла необходимость экономии трудовых ресурсов.

При каркасно-столбовой технике жилища достигали больших размеров, стены превосходили длиной 20 м. Употребительная длина бревен 5–10 м. (История..., 1984. С. 9). Таким образом, длинные стены можно соорудить из составных бревен. В центральной части стены на месте стыка бревен использовался крепеж из попарно врытых столбов, т. е. использовалась техника «в клад». Фиксируется техника «в заплот» – столбы вдоль стен устанавливаются на равных промежутках, в пазы столбов горизонтально закладывались бревна, образующие стену. Столбы, врытые вдоль стен, принимали на себя нагрузку от кровли, т. к. на них опирались нижние концы стропил. Князевое бревно, верхние концы стропил опирались на столбы вдоль оси постройки в 1–3 ряда. Для укрепления вертикальных столбов, использовалась глина (Крыласова, 2018. С. 17), чтобы предотвратить распывание грунта. Двухскатная кровля позволяла осадкам скатываться и не скапливаться.

Население стремилось создать хорошие условия для жизни внутри дома, и использовало приемы для сохранения тепла. В качестве утеплителя использовался грунт, он выступал в качестве завалинок в жилищах Опутятского (Генинг, 1980. С. 115), Роданово (Талицкий 1951. С. 33–42), Рождественского (Белавин, Крыласова, 2008. С. 37–38) городищ. Возможно, пространство между бревнами было законопачено мхом, это прослеживается по материалам этнографии (Народы..., 1964. С. 457).

Расположение очагов по осевой линии отражает стремление равномерно отопить жилое помещение. Сначала существовали кострища (Генинг, 1952. С. 13–14), затем очаги сменяются глинобитными в деревянной опалубке. Использование глины обусловлено тем, что она долго отдает тепло, что позволяет уменьшить тепловые потери. Некоторые очажные конструкции могли использоваться в металлообработке, об этом свидетельствуют находки криц, зубил, кузнечные заготовок, фрагментов тиглей (Крыласова, 2016б. С. 74–89).

Ямы-кладовки сначала находились внутри жилого помещения, слабо углублены, не укреплены. Затем ямы укрепляются деревянной рамой, располагаются под печами, где хранили продукты, домашнюю утварь. На позднем этапе ямы выносятся за жилища (Сарапулов, 2014. С. 10–11; Шмуратко, 2016. С. 12). Устройство пола также менялось. В ломоватовский период пол был земляным (Голдина, 1985. С. 87; Крыласова и др., 2014. С. 228–230). Затем наблюдается его улучшение. Встречаются как глинобитные полы (Талицкий, 1951. С. 33–42), так и из теса, уложенного на лагах из жердей поверх обожженного глинобитного основания (Крыласова, 2015. С. 33).

Перегородки в жилищах говорят о стремлении сохранить тепло. Об этом свидетельствует конструкция пола в камерах, отделенных перегород-

ками. В жилищах Р–IX/1, Р–IX/2, Р–IX/3 Рождественского городища в западной части пол деревянный, в восточной – глинобитный, обожженный, покрытый деревянным настилом (Крыласова, 2016б. С. 47). Таким образом, камеры выполняли разную функцию: одна была хозяйственной, другая – жилой. В трех жилищах с перегородкой нары находились в восточной части, там же, где и очаги. Нары свидетельствуют о том, что люди заботились о местах отдыха. Возведение нар и малых конструкций базировалось на столбовой технике. Основу составляли попарно вбитые колья, между которыми закладывались жерди, образуя стенки – опоры настила нар. Теплоизоляционную функцию также выполняли крытые тамбуры перед входом в жилища (Оборин, 1985. С. 86–94; Оборин, 1999. С. 264–266).

Таким образом, у обитателей памятников ломоватовской и родановской культур строили жилища в единой технике, следуя определенным традициям. Присутствует единая ориентировка жилищ. Н. Б. Крыласова считает, что она «очевидно, подчинялась ландшафтным условиям... рождественские жилища ориентированы параллельно обрыву, перпендикулярно логам, ограничивающим по бокам площадку городища» (Крыласова, 2016. С. 68–69).

Анализ архитектурных, строительных приемов жилищ позволяет говорить о том, что средневековое население Прикамья следовало определенным традициям в проектировании жилищ и подборе ресурсов для их возведения. Большую роль имело знание природно-климатических условий. Перемены, происходившие с течением времени, следует связывать с изменением социальной структуры.

Список литературы

- Белавин А. М., Крыласова Н. Б., 2008. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь.
- Генинг В. Ф., 1980. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V – 1-я половина VI в. н. э.) // Памятники эпохи Средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск. С. 92–135.
- Генинг В. Ф., 1952. Отчет об археологических исследованиях, произведенных Добрянским отрядом Камской археологической экспедиции летом 1952 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 714.
- Голдина Р. Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.
- История русской архитектуры, 1984 / Под ред. В.И. Пилявского, А. А. Тиц, Ю. С. Ушакова. Л.
- Крыласова Н. Б., 2015. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2014 году. Пермь.

- Крыласова Н. Б., 2016а. Особенности средневекового домостроительства на территории Пермского края // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. № 3. С. 63–76
- Крыласова Н. Б., 2016б. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2015 году. Пермь.
- Крыласова Н. Б., 2018. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2017 году. Пермь.
- Крыласова Н. Б., Лычагина Е. Л., Белавин А. М., Скорнякова С. В., 2014 Археологические памятники Чашкинского озера // Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. III. Пермь.
- Народы Европейской части СССР, 1964. Т. II. М.
- Оборин В. А., 1954. Коми-пермяки в IX–XV вв. (Родановская культура): Дис. канд. ист. наук. М.
- Оборин В. А., 1999. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск. С. 255–298.
- Сарапулов А. Н., 2014. Отчет о раскопках Калинского селища в Юсьвенском районе в 2014 г. Пермь.
- Сарапулов А. Н., 2015. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным. Пермь.
- Талицкий М. В., 1951. Верхнее Прикамье в X–XI вв. // МИА. № 22. М. С. 3–96.
- Черных Е. М., 2008. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск.
- Шмуратко Д. В., 2016. Отчет о раскопках Калинского селища в Юсьвенском районе в 2015 г. Пермь.

Этносоциальная ситуация в Северном Прихубсугулье в XIII–XIV вв.: предварительные выводы

Портнягин М. А.

*(Научно-исследовательская лаборатория археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии Иркутского национального исследовательского технического университета, г. Иркутск)
matirk@yandex.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-343-348

Изучение процессов, проходивших в разных частях Великой монгольской империи, необходимо для более полного понимания и корректного взгляда на этот исторический феномен.

К настоящему времени на территории Северного Прихубсугулья (Хубсугульский аймак, Монголия) исследованы следующие погребения, датируемые XIII–XIV вв. (пол/ориентировка): Ногоон-Гозгор I (Цыгыр I) № 3 (муж./С), 4 (муж./С), 5 (жен./СЗ), 6 (жен./СЗ); Ногоон-Гозгор II

(Цыгыр II) (кенотаф) (?/СВ); Зуун Хярын Дэнж I-2 (муж./СЗ); Урд-Хяр I-9 (муж./СВ); Урд-Хяр II-23 (жен./СЗ), 24 (жен./СВ); Хавцал II-8 (?/СВ) (табл. 1).

Таблица 1. Перечень погребений XIII–XIV вв. с указанием пола и ориентировки

№	Название	Пол	Ориентировка
1	Ногоон-Гозгор I (Цыгыр I)-3	Муж.	Север
2	Ногоон-Гозгор I (Цыгыр I)-4	Муж.	Север
3	Ногоон-Гозгор I (Цыгыр I)-5	Жен.	Северо-запад
4	Ногоон-Гозгор I (Цыгыр)-6	Жен.	Северо-запад
5	Ногоон-Гозгор II (Цыгыр II) (кенотаф)	–	Северо-восток
6	Зуун Хярын Дэнж I-2	Муж.	Северо-запад
7	Урд-Хяр I-9	Муж.(?)	Северо-восток
8	Урд-Хяр II-23	Жен.	Северо-запад
9	Хавцал II-8	?	Север-северо-восток

В материалах погребений Ногоон-Гозгор I-5,6; Урд Хяр II-23,24 обнаружены остатки головного убора бокка (богтаг, бугтак, бокто, гу-гу) – «имперский» маркер, или же сопутствующие ему атрибуты. Бокки из Ногоон-Гозгор I-5 (рис. 1) и Урд-Хяр II-23 (рис. 1: 1) относятся к монголо-тянь-шаньской разновидности (Харинский и др., 2018. С. 108). В погребении Ногоон-Гозгор I-6 обнаружена шелковая шапочка, на которую надевали бокку. В погребении Урд-Хяр II-24 – бронзовый амулет-

тумара – один из основных элементов декора бокк (рис. 1: 2). Среди мужских захоронений только Урд-Хяр I-9 выделяется разнообразием погребального инвентаря (стремена, колчаный крюк, напильник, топорик, два ножа, бронзовая чаша).

Локализация Северного Прихубсугуля в горно-лесных ландшафтах, даже с учетом сравнительно небольшой удаленности от столицы Монгольской империи, делало указанный регион периферийным. Это отражалось на экономической привлекательности данного района для новых кочевых элит (Харинский, Эрдэнэбаатар, 2011. С. 122), что, в свою очередь, может объяснить вариативность погребального обряда местного населения в XIII–XIV вв.

Для сравнения можно привести данные по более северным территориям. В Приольхонье (западное побережье оз. Байкал) в XIII–XIV вв. параллельно бытовало несколько погребальных традиций, включая собственно монгольскую – ангинскую (Харинский, 2001). В ангинских материалах присутствуют элементы бокки (бронзовый амулет-тумара и деревянная розетка) (Асеев, 1980. С. 71–72). Факт параллельного бытования нескольких погребальных традиций и наличие имперских маркеров говорит о периферийности данного региона (небольшие монгольские контингенты / мирное вхождение в состав империи).

В «Джами ат-таварих» Рашид-ад-Дина бокка неоднократно упоминается в контексте, описывающем повышение социального статуса наложницы: «Возложил ей на голову буктаг», «Взял в жены» и «И она стала хатун» (Рашид-ад-дин, 2011. С. 20–23; 94). Будучи девушкой из иной этнической и социальной среды, она становилась женой хана, матерью его детей. Захваченных при набегах знатных женщин победители обычно брали себе в жены. «Жена нойона во время его болезни или вследствие каких-либо других причин могла исполнять обязанности мужа» (Владимирцов, 1934. С. 150).

Ранее в тюрко-монгольском мире существовала традиция, согласно которой сторона жениха наделяла девушку полным костюмом замужней женщины, воплощавшем характерные этнические черты рода жениха и выступавшим его маркером (Содномпилова, 2014. С. 425).

Политический гегемон (в данном случае монголы) мог распространять моду, которой подражали или которую были обязаны соблюдать покоренные народы – «система социально-этнического подчинения» (Савинов, 2005).

Отличия в элементах погребального обряда в могилах, схожих по ряду признаков, возможно связаны с желанием ряда номадов подчеркнуть связь с империей, при этом сохранив свое этническое самосознание (Доде, 2005. С. 26). Говоря о восточной части Степного пояса Евразии, стоит отметить, что в отличие от Дешт-и-Кипчака, здесь археологически неизвестны иные женские головные уборы на берестяной основе вытянутой формы, датируемые первой половиной II тыс. н. э., кроме самих бокк.

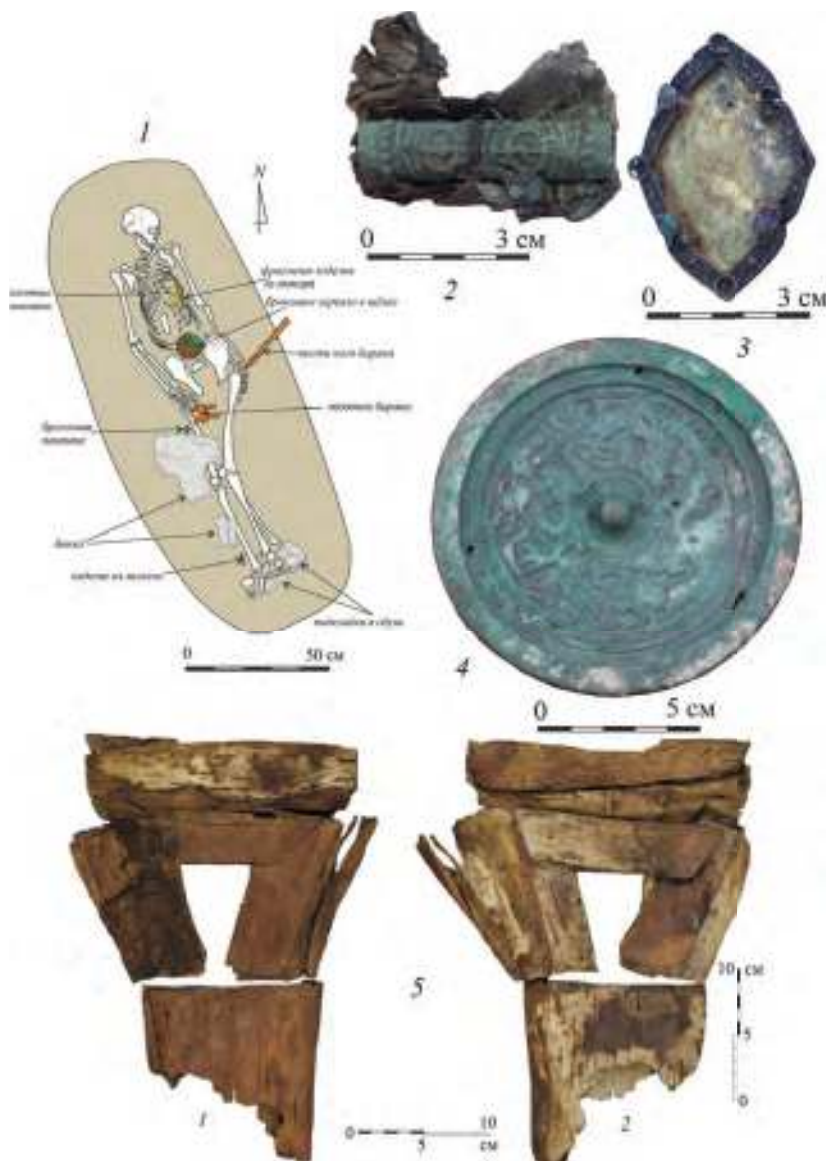

Рис. 1. Погребения: 1 – план погребения (Урд-Хяр II-23); 2 – бронзовый цилиндр (тумара) (Урд-Хяр II-24); 3 – золотая нашивка (Урд-Хяр II-23); 4 – бронзовое зеркало (Урд-Хяр II-23); 5 – бокка (Ногоон Гозгор I-5): 1 – лицевая сторона, 2 – оборотная сторона

Одним из классических маркеров для выводов об этнической принадлежности погребенных для тюрко-монгольской археологии является их ориентировка. Для погребений монголов имперского периода характерна ориентировка погребенных головой на северо-восток, север. Наличие же западной и северо-западной ориентировок связывают с тюркскими традициями.

Как можно видеть из представленного перечня погребений, 3 из 4 женских захоронений ориентированы на северо-запад, 1 на северо-восток; из 4 мужских – 2 на север и по одному на северо-восток и северо-запад. Преобладание северо-западной ориентировки среди женских захоронений в комплексе с имперскими маркерами и обычаем экзогамии позволяет выдвинуть предположение о неместном происхождении погребенных.

Охарактеризовав на основе данных этнографии и письменных источников некоторые стороны брака в среде монголов времен империи, приведя археологические материалы с Северного Прихубсугуля, можно сделать следующие предварительные выводы:

1) находясь на севере степного пояса, население данных территорий в целом существовало в русле культурных тенденций, запущенных монголами в период великодержавия;

2) материалы погребений показывают высокий статус женщин: в могилах обнаружены бокки или их элементы (рис. 1: 1, 2, 5), шелк, золотые изделия (рис. 1: 3), бронзовое зеркало (рис. 1: 4), фрагмент изделия из янтаря;

3) разность ориентировок мужских и женских погребений, наличие бокк в женских, по всей видимости, говорит об экзогамных брачных отношениях. Предположительно девушки могли происходить из области Кем-Кемджиут, Алтай;

4) помимо сопроводительного инвентаря, элементы погребального обряда обследованных могил не показывают сильной социальной дифференциации.

Список литературы

- Асеев И. В., 1980. Прибайкалье в Средние века. Новосибирск.
Владимирцов Б. Я., 1934. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.
Доде З. В., 2005. Символы легитимации принадлежности к Империи в costume кочевников Золотой Орды // Восток. № 4. М. С. 25–35.
Рашид-ад-дин Фазлуллах., 2011. Джамии-ат-таварих // Министерство культуры и туризма Азербайджанской Республики, Национальная библиотека Азербайджана им. М. Ф. Ахундова. Баку.

- Савинов Д. Г., 2005. Система социально-этнического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ. С. 31–43.
- Содномпилова М. М., 2014. Чужие для всех: группа «невестки» в концептуальном универсуме монгольского общества // Сибирский сборник – 4. СПб. С. 419–431.
- Харинский А. В., 2001. Приольхонье в Средние века: погребальные комплексы. Иркутск.
- Харинский А. В., Эрдэнэбаатар Д., 2011. Северное Прихубсугулье в начале II тыс. н. э. // Теория и практика археологических исследований: сборник научных трудов. Вып. 6. Барнаул. С. 107–124.
- Харинский А. В., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М. А., Оргилбаяр С., Кичигин Д. Е., 2018. Женские погребения XIII–XIV вв. могильника Ногоон Гозгор 1 в Северном Прихубсугулье // Известия Лаборатории древних технологий. Т. 14, № 2. Иркутск. С. 93–120.

Торсированные железные изделия из средневековых материалов Пермского Предуралья

Смертин А. Р.

*(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь)
scrume.tv@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-348-351

Торсирование – кузнечный прием, заключающийся в скручивании металлического прута округлого или прямоугольного сечения вокруг своей оси для получения изделия разной степени изогнутости. Прут закручивался в холодном состоянии или при незначительном нагреве, что обеспечивало равномерный шаг витков. Вероятно, эта операция выполнялась двумя людьми или при помощи тисков, с захватом заготовки с двух сторон. Железные изделия из археологических материалов Пермского Предуралья, декорированные приемом торсирования – достаточно редкая находка на фоне подобных изделий без декорирования. Работа состояла в сборе всех железных изделий этой категории, известных на территории Пермского Предуралья в средневековье, поиске аналогий и попытке датирования торсирования на исследуемой территории. Всего было найдено 19 изделий, которые происходят с 9 памятников.

Н. Б. Крыласова отнесла такой способ декорирования железных изделий к XIII–XIV вв. (Крыласова, 2016. С. 72–73). Это предположение совпадает с выводом Р. Д. Голдиной, В. А. Кананина (Голдина, Кананин, 1988.

Рис. 73). Выделенный нами комплекс изделий представлен несколькими разными по применению и изогнутости группами.

Первую группу составляют элементы очажной системы. Примечательны дужки котлов (3 экз.). Дужка из погр. 95 могильника Телячий Брод (рис. 1: 14) изготовлена из округлого железного прута. Похожий фрагмент дужки был найден на селище Чашкинском II (рис. 1: 13), на раскопе II, в подочажной яме 1/80, которую можно датировать XII–XIII вв. по находке в ней топора-секиры, распространенного в этот период времени (Крыласова и др., 2014. Рис. 153). Один обломок дужки найден на Рождественском городище (рис. 1: 12). Такие дужки использовались для подвешивания небольших керамических и металлических котлов (Крыласова, 2018. Рис. 3: 20). Подобные дужки обнаружены в Болгаре и датированы XII в. (Город Болгар, 1996. С. 60). К котелкам относятся и находки их ручек (2 экз.) с городища Анюшкар (рис. 1: 1, 2). Они изготовлены из прямоугольных железных прутьев, о чем свидетельствуют острые грани. Оба изделия фрагментарны, а в целом варианте представляют собой П-образную форму. Подобные ручки найдены в слоях XIII–XIV вв. в Болгаре (Город Болгар, 1996. С. 52). Были найдены элементы цепей. С разных сторон таких цепей были штырь и петля. К ее элементам относятся 2 экз.: фрагмент восьмеркообразной цепи квадратного сечения из материалов Рождественского городища (рис. 1: 6) и небольшая цепочка со штырем на конце с городища Анюшкар (рис. 1: 3). Подобные цепи найдены в Волжской Булгарии (Белорыбкин, 2001. С. 66–70, рис. 38).

Следующая группа – инструменты. Орудия для плетения – железные кочедыки с торсированным раздвоением петли для подвешивания представлены 3 экз. Они были найдены на Редикарском городище, селище Телячий Брод, Аверинском I могильнике (рис. 1: 7–9). Такие кочедыки выделяются на фоне распространенных костяных и железных изделий без декора. Подобные кочедыки найдены в Волжской Булгарии (Культура Биляра, 1985. Табл. XXX; Город Болгар, 1996. Рис. 12), в Древней Руси (Колчин, 1985. Табл. 111), где они датируются XII–XV вв. Были найдены ножницы и их фрагменты (2 экз.) с перекрученными стержнями рукоятей, которые происходят с городищ Рождественского и Саламатовского I (рис. 1: 10–11). Пружинные ножницы достигали длины более 25 см и использовались в скотоводстве для стрижки шерсти. Похожие ножницы найдены в Новгороде (Колчин, 1959, рис. 40: 1), в Волжской Булгарии (Белорыбкин, 2001. Рис. 56: 1–4). В группу инструментов входят сверла (2 экз.). Одно сверло перовидное, происходит с городища Анюшкар (рис. 1: 4), имеет мелкую завивку, второе спиралевидное правой завивки, происходит с городища Лобач (рис. 1: 5). Возможно, второе сверло относится к более позднему времени, так как в Новгороде подобные экземпляры датируются XIV–XV вв. (Сингх, 2015. С. 210).

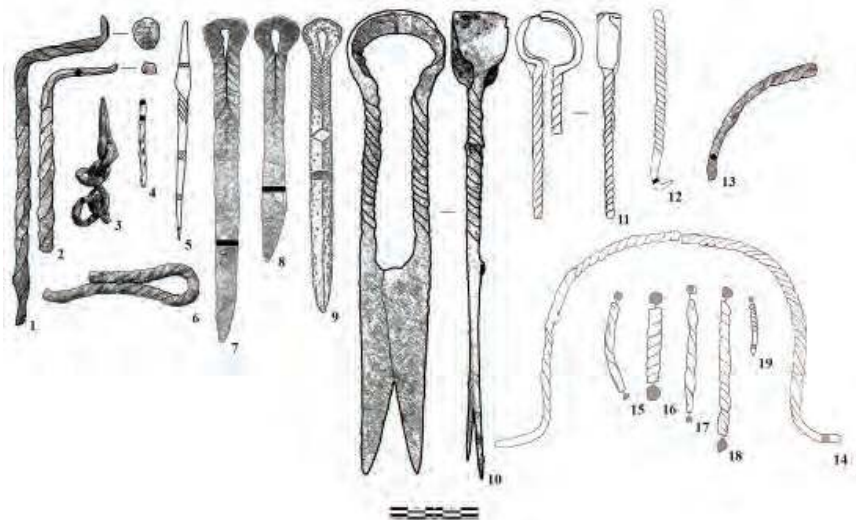

Рис. 1. Изделия с торсированием из средневековых материалов Пермского Предуралья: 1–3, 5 – Анюшкар городище (IX–XV вв.); 4 – Лобач городище (IV–XIII вв.); 6, 11–12, 15–19 – Рождественское городище (IX–XIV вв.); 7 – Телячий Брод селище (VIII–XIII вв.); 8 – Редикарское городище (X–XIV вв.); 9 – Аверинский I могильник (XII–XIII вв.); 10 – Саламатовское I городище (IX–XIV вв.); 13 – Чашкинское II селище (VIII–XIV вв.); 14 – Телячий Брод могильник (VIII–XIII вв.); 4, 9 – прорисовки Р. Д. Голдиной и др., 5 – прорисовка А. М. Белавина и др., 11–12, 14–19 – прорисовки Н. Б. Крыласовой

Отдельную группу составляют торсированные железные прутки неопределенного назначения, найденные на Рождественском городище, вероятно, фрагменты изделий (5 экз.) (рис. 1: 15–19).

Все исследованные изделия имеют шаг витков 0,1–1 см, размер стороны сечений 0,3–0,8 см. В целом результаты исследования не противоречат установленному ранее предположению о распространении торсированных предметов в XIII–XIV вв. Однако, по найденным аналогиям и датировке закрытого комплекса Чашкинского II селища, можно предположить появление таких предметов уже в XII в. Слоев XV в. исследовано не так много, поэтому судить о дальнейшем распространении таких предметов пока не представляется возможным.

Список литературы

- Белорыбкин Г. Н., 2001. Золотаревское поселение. СПб–Пенза.
- Голдина Р. Д., Кананин В. А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск.
- Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. 1996. Казань.
- Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. № 65. С. 7–120.
- Колчин Б. А., 1985. Обработка дерева // Археология СССР. Древняя Русь: Город, замок, село М. С. 254–260.
- Крыласова Н. Б., Лычагина Е. Л., Белавин А. М., Скорнякова С. В., 2014. Археологические памятники Чашкинского озера // Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. III. Пермь.
- Крыласова Н. Б., 2016. Исследование могильника Телячий Брод в Чусовском районе Пермского края: ритуальные рвы – отражение ритуальной практики средневекового населения // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции ПГПУ. № 11. С. 66–77.
- Культура Биляра, 1985. Булгарские орудия труда и оружие XXIII вв. М.
- Сингх В. К., 2015. Деревообработка средневекового Новгорода // Археология Пскова и Псковской земли. Семинар им. Академика В. В. Седова. Материалы 60-го заседания. Вып. 30. С. 200–211.

Тамги на костяных изделиях городища Анюшкар

Шмырина М. Е.

*(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь)
mashah98@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-351-354

Городище Анюшкар (Кыласово) существовало на территории Пермского Предуралья с конца IX по XV в. Исходя из особенностей местоположения и материальных остатков, городище являлось крупным торгово-ремесленным центром, факторией. Городище Анюшкар расположено в Ильинском районе Пермского края. Примерная общая площадь памятника составляет около 16 тыс. кв. м. Начиная с 1951 г., на городище проводились планомерные раскопки под руководством О. Н. Бадера, в 1952–1955 гг. памятник изучался В. А. Обориным, продолжили раскопки А. А. Терехин и Г. Т. Ленц в 1989–1991 гг. В ходе раскопок было исследовано свыше 4000 кв. м, что составляет 1/4 от всей площади городища (Оборин, Ленц, 2008. С. 10).

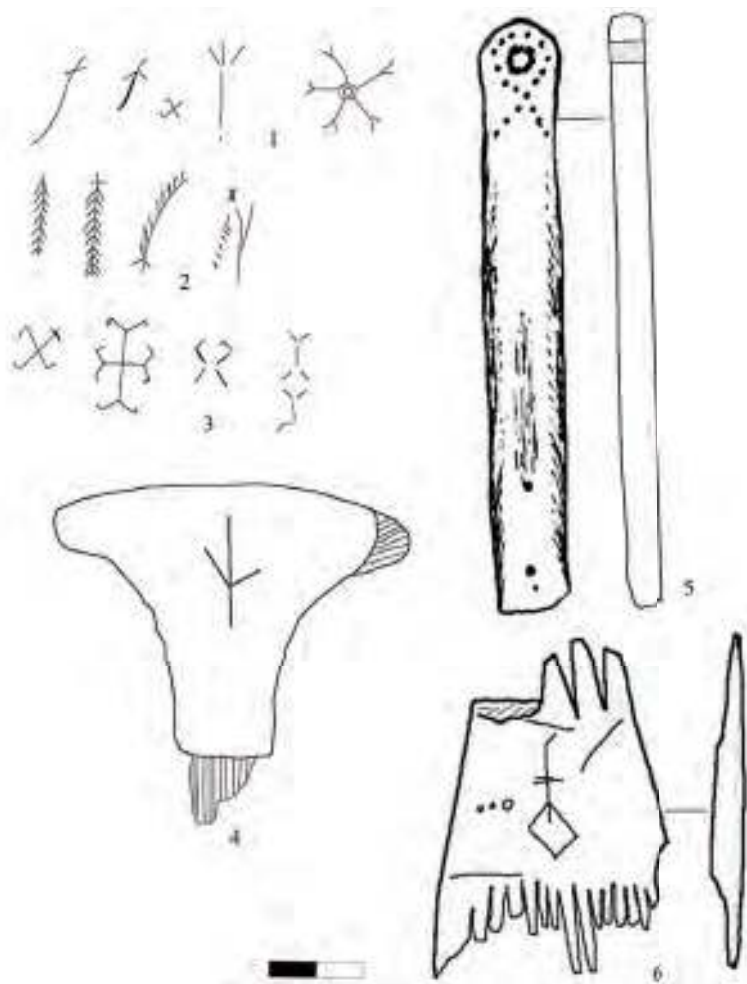

Рис. 1. Тамги на костяных изделиях с городища Аношкар

На территории городища Анюшкар было встречено большое количество изделий из кости. Многие изделия имеют различные формы орнаментации. Также представлена широкая группа предметов, на которые нанесен тамгообразный орнамент (Маврина, 2015. С. 158). Большая часть изделий, которая имеет на себе тамги, представляет предметы личного пользования: гребни, кочедыки, различные рукоятки и накладки (рис. 1: 4, 6).

В целом стоит отметить, что тамга представляет собой знак собственности, принадлежности. Первоначально тамги относились к определенному роду, переходя с течением времени в семейный знак, а впоследствии в личный (Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987. С. 57). Тамги представляют собой геометрические, растительные, зооморфные рисунки, которые могут иметь сюжетный характер и отражать различные сцены хозяйственной деятельности человека или жизни животных. Тамги городища Анюшкар более скромны и представлены в большей части геометрическими орнаментами. Тамги распространены во многих культурах, наиболее активно они использовались среди тюркоязычных и нахских народов, но встречаются и среди этносов, проживающих на более отдаленных северных территориях.

На территории городища Анюшкар тамги наиболее распространены на кочедыках, изготовленных из ребер крупного рогатого скота, костяных гребнях и рукоятках. Один из исследователей памятника – Г. Т. Ленц – разделяет тамги по времени их бытования. Тамги нижнего слоя (IX–XI вв.) наиболее схематичны (рис. 1: 1). Представлены тамги, которые возможно интерпретировать как знак собственности. Знаки собственности, согласно этнографическим источникам, в некоторых случаях имеют в расшифровке название предмета. В том числе, две тамги можно рассматривать как знак ручья (Климов, Чагин, 2005. С. 32). Другие же тамги нижних слоев можно рассматривать как знаки собственности, имеющие название растения, в том числе ольхи, что подтверждается этнографическими источниками (Климов, Чагин, 2005. С. 30). Тамги верхнего слоя городища Анюшкар наиболее разнообразны, что может быть связано как с лучшей сохранностью предметов, так и с развитием самого поселения. Тамги верхнего слоя (XII–XV вв.) представлены также солярными символами, которые несколько видоизменяются с течением времени. Встречаются также тамги, являющиеся знаками собственности, имеющие название растения, в том числе ели (рис. 1: 2) (Климов, Чагин, 2005. С. 30). Некоторые тамги представлены антропоморфными фигурами и символами, имеющими названия человека, в том числе символ бабы (рис. 1: 5) (Климов, Чагин, 2005. С. 28).

Со временем тамги видоизменяются и претерпевают значительные изменения. Первоначально тамги с городища Анюшкар представляли

собой достаточно простые схематичные начертания. С течением времени тамги усложняются и начинают представлять собой наиболее усложненные абстрактные символы (Тюлюш, 2016. С. 158). Изображения тамг в их развитии, видоизменениях показывают процесс постепенного роста декоративных тенденций, превращения смыслового значения формы тамги в орнаментально-декоративное (рис. 1: 3) (Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987. С. 52). Заклинательная сила образов соединялась со всем хозяйственно-культурным укладом жизни (Чагин, 2017. С. 157). Тамги городища Анюшкар имеют разнообразные варианты изображения. В процессе развития жизни на поселении появлялись новые тамги, некоторые из которых возможно соотнести с теми, что происходят из более ранних слоев, другие же принципиально отличаются от предшествующих. Данный факт может быть связан с притоком населения на городище и постепенным увеличением его торгово-ремесленного и культурного значения. Тамги городища Анюшкар требуют дальнейшего рассмотрения и систематизации с привлечением этнографических данных.

Список литературы

- Валеев Ф. Х., Валеева-Сулейманова Г. Ф., 1987. Древнее искусство Татарии. Казань.
- Климов В. В., Чагин Г. Н., 2005. Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков. Кудымкар.
- Маврина Е. А., 2015. Особенности орнаментации костяных изделий средневековых памятников Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь. С. 152–162.
- Оборин В. А., Ленц Г. Т., 2008. Городище Анюшкар (по раскопам 1951–1955, 1989–1991 гг.) // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Пермь. С. 10–15.
- Тюлюш А. Ч., 2016. История бытования тамговых знаков у тюрков Саяно-Алтая // Вестник Томского государственного университета. Томск. С. 158–164.
- Чагин Г. Н., 2017. Традиционная культура русского населения верховьев Печоры и Колвы, как показатель адаптации к природной среде обитания в XIX – первой четверти XX в. // Природные и исторические факторы формирования современных экосистем среднего и северного Урала. Яшка. С. 155–160.

Керамика кузнецкого варианта верхнеобской культуры¹

Щербакова А. В.

(Институт экологии человека СО РАН, г. Кемерово;
«Кемеровский областной краеведческий музей», г. Кемерово)
sherbackova.al@yandex.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-355-357

История Кузнецкой котловины неотделима от историко-культурного процесса всего Верхнеобского региона. На основании археологического материала раннего Средневековья был выделен кузнецкий вариант верхнеобской культуры, являющийся на сегодняшний день наименее изученным, по сравнению с новосибирским, томским и барнаульским вариантами. Изучение осложняется тем, что не выявлены памятники раннего (одинцовского) этапа, а также поселения (Троицкая, Новиков, 1998. С. 81–82).

Кузнецкий вариант верхнеобской культуры представляют материалы курганных могильников: Сапогово (Троицкая, Новиков, 1998. С. 81), Юрты II (Васютин, 1997), Калтышино II (Васютин и др., 2012), Озерки II (Васютин и др., 2012), Ваганово I (Бобров и др., 2010). Керамические комплексы могильников сгруппированы по классификации, разработанной А. С. Васютиным (Бобров и др., 2009).

Первая группа керамики характеризуется преобладанием в орнаменте оттисков гребенчатого штампа (Васютин, 1997. С. 27, 28, рис. 4, 5; Бобров и др., 2010. С. 146–149, рис. 15–17, рис. 18: 1, 2, 8, 10).

Вторая группа характеризуется преобладанием прочерченных линий в сочетании с «жемчужником», ямочными вдавлениями по венчику (Бобров и др., 2010. С. 150–153, рис. 19–22; Васютин и др. 2012. С. 169, рис. 49).

Третья группа – инокультурная. Сюда входят сосуды с валиками (Бобров и др., 2010. С. 155, рис. 24: 1–4, 6–9) или оттисками фигурного штампа (Бобров и др., 2010. С. 155, рис. 24: 5).

Четвертая группа «синтетическая» отличается простыми композициями и скудным орнаментом (Васютин, 1997. С. 24, рис. 1: 10–12; Бобров и др., 2010. С. 154, рис. 23; Васютин и др. 2012. С. 128, рис. 24: 1–4).

Керамика погребальных памятников не отличается сложными орнаментальными композициями и пышностью декора. А.С. Васютин предложил на основании керамического материала продлить верхнюю дату

¹ Работа выполнена в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН № АААА-А17-117041410051-7 «Социокультурное пространство в лесостепи Западной Сибири (ранний и поздний голоцен)» на 2017/2020 гг.

кузнечного варианта верхнеобской культуры до IX/X – второй половины X в., выделив новый завершающий калтышинский (или ур-бедаринский) этап, носители которого сосуществовали с носителями сrostкинской культуры (Васютин и др., 2012. С. 36–37).

Среди раннесредневековых поселенческих памятников Кузнечной котловины верхнеобскими могут быть поселения Кыргай I, II, III (Зиняков, Илюшин, 2017а; 2017б; 2017в), Поморцево II (Марочкин и др., 2017).

Керамика поселений Кыргай I, II, III идентична керамике могильников кузнечного варианта верхнеобской культуры, что указывает на их синхронность.

Керамика поселения Поморцево II выделяется своими морфологическими особенностями среди материалов Кузнечной котловины. Орнаментальная композиция найденного керамического сосуда сочетает в себе оттиски гребенчатого штампа в виде зигзага и горизонтальных линий, наlepной круглый в сечении валик, «жемчужник», оттиски уголков лопаточки (Марочкин и др., 2017. С. 135, рис. 3: 2). Керамика с аналогичной формой и орнаментальной композицией была найдена на верхнеобских памятниках Новосибирского Приобья: могильник Юрт-Акбалык 8 (Троицкая, Новиков, 1998. С. 119, рис. 32: 1), городище Черный Мыс 1 (Троицкая, Новиков, 1998. С. 114, рис. 27: 4), могильник Красный Яр 1 (Троицкая, Новиков, 1998. С. 119, рис. 32: 15); а также на территории Томского Приобья: Томский курганный могильник (Беликова, Плетнёва, 1983. С. 206, рис. 70: 11), поселение Тимирязевское I (Беликова, Плетнёва, 1983. С. 217, рис. 82: 3), Тимирязевское городище (Беликова, Плетнёва, 1983. С. 220, рис. 85: 3, 8), поселение Кисловка VI (Беликова, Плетнёва, 1983. С. 235, рис. 100: 4), могильник Чердашный Лог 3 (Березовская, 1997. С. 273, рис. 1: 4; с. 274: 5).

Таким образом, керамика верхнеобских могильников Кузнечной котловины отличается от керамики завершающего (юрт-акбалыкского) этапа верхнеобской культуры Новосибирского и Томского Приобья. Это подтверждает гипотезу А. С. Васютина о выделении калтышинского (или ур-бедаринского) этапа, синхронного сrostкинской культуре. Синхронны могильникам поселения Кыргай I, II, III. Поселение Поморцево II относится к тимирязевскому (VII – начало VIII в.) или юрт-акбалыкскому (середина VIII–IX в.) этапу верхнеобской культуры. Дальнейшее исследование поселения Поморцево II позволит подтвердить наличие на территории Кузнечной котловины поселенческих комплексов верхнеобской культуры и материалов ранних периодов Средневековья, что пополнит научные представления о кузнечном варианте культуры.

Список литературы

- Беликова О. Б., Плетнёва Л. М., 1983. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск.
- Березовская Н. В., 1997. К вопросу о датировке валиковой керамики в низовьях р. Томи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири: Сб. статей. Томск. С. 270–282.
- Бобров В. В., Васютин А. С., Зимин А. А., 2009. Орнаментация поздней верхнеобской керамики из курганных могильников Калтышинского археологического микрорайона (Кузнецкая котловина) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XV. Новосибирск. С. 209–213.
- Бобров В. В., Васютин А. С., Онищенко С. С., 2010. Вагановский курганный некрополь IX в. н. э. в Присалаирье. Кемерово.
- Васютин А. С., 1997. Особенности культуруогенеза в истории раннего Средневековья Кузнецкой котловины (V–IX вв.) // Памятники раннего Средневековья Кузнецкой котловины: Сб. статей. Кемерово. С. 5–35.
- Васютин А. С., Васютин С. А., Онищенко С. С., 2012. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII – первой половине XI вв. н. э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово.
- Зиняков Н. М., Илюшин А. М., 2017а. Поселение Кыргай-2 – памятник периода развитого Средневековья в Среднем Притомье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. № 23. Барнаул. С. 91–96.
- Зиняков Н. М., Илюшин А. М., 2017б. Поселение Кыргай-1 в Среднем Притомье как памятник эпохи Средневековья // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». № 5. Кемерово. С. 35–51.
- Зиняков Н. М., Илюшин А. М., 2017в. Поселение Кыргай-3 и Кыргайский археологический микрорайон в Среднем Притомье // Вестник Омского университета. Исторические науки. № 3 (15). Омск. С. 84–95.
- Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Щербакова А. В., Фальман А. В., Веретенников А. В., Плац И. А., Сизев А. С., Конончук К. В., 2017. Новые материалы по археологии Кузнецкой лесостепи и Притомья (по результатам раскопок 2016 года) // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». № 5. Кемерово. С. 77–85.
- Троицкая Т. Н., Новиков А. В., 1998. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск.

Новое время

Технология изготовления керамической посуды из культурного слоя г. Челябинска XVIII–XIX вв.

Букачева А. О.

*(Фонд содействия сохранению культурного наследия «Южный
Урал», г. Челябинск)
anastasia_26@list.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-358-360

Керамика русских городов раннего Нового времени преимущественно анализируется, основываясь на внешних признаках (цвет, форма венчика, деление на поливную и неполивную). Хотя эти факторы являются важными, зачастую упускают не менее существенный критерий – технологию изготовления сосуда (Векслер и др., 2016. С. 22–23). В большинстве работ способ конструирования сосудов рассматривается только в двух вариантах: на гончарном круге или методом скульптурной лепки. Особенности изготовления, переходные формы не учитываются (Володина, Черная, 2012; Сопова, Татаурова, 2017).

Аналогичная ситуация с материалом «культурного слоя г. Челябинска XVIII–XIX вв.». Керамика данного памятника описана в работах Г. Х. Самигулова. Его типология основана на формальных внешних признаках, описание технологии изготовления дается формально (Самигулов, 2003). В то же время детальное рассмотрение технологии изготовления сосудов позволит не только уточнить хронологические рамки, но и дать характеристику социально-экономической формы гончарного ремесла.

Для анализа была взята керамическая коллекция из раскопов культурного слоя г. Челябинска по ул. Труда, 88. Выборка составила 981 фрагмент. Полученные результаты коррелируют с предварительными итогами работы по другим участкам «культурного слоя г. Челябинск».

Работа проведена в рамках историко-культурного подхода, разработанного А. А. Бобринским. Им было выделено семь функций использования гончарного круга (далее – РФК) при создании посуды и их взаимосвязь с экономическими формами гончарного производства (Бобринский, 1978. С. 26–64).

Весь материал был разделен на 4 группы с учетом особенностей технологии конструирования и последующей обработки поверхности (табл. 1). Группы соответствуют хронологическим горизонтам (Боталов, Васина, 2020) и определенной экономической форме ремесленного производства (Бобринский, 1978. С. 33, рис. 5).

Основываясь на данных, представленных в таблице, мы можем проследить развитие гончарного производства следующим образом:

Таблица 1. Характеристика керамических групп и экономических форм производства

Группа (РФК)	Характеристика	Количество. Датировка	Экономическая форма производства
1 группа (РФК 1-2)	Начин и полое тело изготовлены способом ленточно-жгутового налепа. Поворотный столик использовался для первичного заглаживания поверхности	1 % (13 фр.). 2-я пол. XVIII – нач. XIX в.	Домашнее производству и начальный этап ремесленного производства (распространение керамики в пределах поселка)
2 группа (РФК 3-4)	Начин и полое тело сформированы навыком скульптурной лепки. Гончарный круг применялся для обработки поверхности и профилирования венчика	61 % (584 фр.). 2-я пол. XVIII – сер. XIX вв.	Домашнее производство и ремесленное производство с рыночным сбытом продукции в пределах одного поселка
Группа 3 (РФК 5-6)	Начин изготовлен способом жгутового налепа по кольцу, остальная часть тулова, плечико, венчики формировались при помощи гончарного круга. Использование химико-термических способов обработки поверхности, за счет чего поверхность приобретала серый цвет.	25 % (238 фр.). XIX – сер. XX в.	Ремесленное производство со средним и высоким радиусом сбытом продукции (один день пути и более)
Группа 4 (РФК 6-7)	Сосуды изготовлены способом вытягивания из куска глины на гончарном круге. Черты ручной лепки полностью исчезают. Для обработки поверхности использовалась полива	14 % (141 фр.). Рубеж XIX – сер. XX в.	Ремесленному производству со сбытом продукции на городских рынках и в соседних поселках (более одного дня пути).

1 группа хронологически является наиболее ранней и относится к периоду основания крепости Челябинска (Самигулов, 2005). Она соответствует домашнему производству, а также начальному этапу ремесленного производства (распространение керамики в пределах поселка).

2 группа с точки зрения развития ремесла является переходной. Здесь сохраняется домашнее производство, при этом уже появляется ремесленное производство с рыночным сбытом продукции с минимальным радиусом сбыта (в пределах одного поселка).

Керамика 3 группы более высокого качества. Сосуды более ровные и симметричные, глина с меньшим содержанием естественных примесей. Для данной группы характерно ремесленное производство со средним и высоким радиусом сбыта продукции (один день пути и более).

4 группа соответствует ремесленному производству со сбытом продукции на городских рынках и в соседних поселках (более одного дня пути). Только с этого момента мы можем говорить о появлении специализированного ремесленного производства.

Таким образом, основываясь на данных технологии конструирования сосудов, мы можем проследить развитие гончарного ремесла от домашнего к ремесленному применительно к Челябинску XVIII–XIX вв.

Список литературы

- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
- Боталов С. Г., Васина Ю. В. 2020. Отчет о проведении археологических исследований памятника археологии «Культурный слой г. Челябинска XVIII–XX вв.» на участке проектируемого офисного здания по ул. Труда 77 // Архив ФССКН «Фонд Южный Урал». Г-1, № 43.
- Векслер А. Г., Кондрашев Л. В., Бервоич В. А., Гусаков М. Г., Геннинг В. В., 2016. Москва. Раскопки на Великом посаде. Московская керамика по материалам исследований. М.
- Володина В. С., Черная М. П., 2012. К методике исследования русской средневековой городской керамики как исторического источника // Вестник ОмГУ. № 2 (64). С. 332–335.
- Самигулов Г. Х., 2003. Посуда XVIII – начала XIX веков из слоя Челябинска // Известия челябинского научного центра УрО РАН. № 3 (20). С. 90–95.
- Самигулов Г. Х., 2005. Челябинск XVIII–XIX веков: население, планировка, материальная культура (по данным археологии и письменным источникам): Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Сопова К. О., Татаурова Л. В., 2017. Современные подходы и методы в изучении русской керамики нового времени // Культура русских в археологических исследованиях. С. 133–140.

Некоторые данные по палеорельефу города Архангельска

Зыкова М. Н.

*(Научно-образовательный центр «Археология Севера» Северного
[Арктического] федерального университета, г. Архангельск)
airys88@inbox.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-361-364

Архангельск – один из древнейших городов Русского Севера. Для изучения истории его формирования важно понимать, каким был первоначальный ландшафт города. Нами была предпринята попытка реконструировать палеорельеф Архангельска (рис. 1). Для этого определялись первоначальные отметки дневной поверхности посредством вычитания мощности насыпного грунта из современных высотных отметок. В исследовании использованы материалы геологического бурения на территории Архангельска из отчетов об инженерно-геологической съемке 1964–1965 гг., хранящихся в Территориальном фонде геологической информации (далее – ТФГИ) по Северо-Западному федеральному округу (Крапивенский, 1965; Быховская, 1967). Работа носит экспериментальный характер и не претендует на полноту, так как данные, находящиеся в нашем распоряжении, немногочисленны.

В состав выявленных отчетов входят каталоги координат и высотных отметок точек бурения, а также карты двух частей Архангельска с показанием мощностей торфа и насыпного грунта. Высотные отметки даны в Балтийской системе координат. На основе этих документов составлена модель палеорельефа территории, на которой в конце XVI в. основан город. Территориальные рамки исследования не включают Соломбалу – часть города, вошедшую в его состав уже в середине XIX в.

Полученный план позволяет выявить несколько особенностей рельефа:

1. Самая высокая точка рядом с берегом р. Северная Двина находится на северо-восточном углу города, недалеко от места, где в р. Кузнечиху впадает р. Малая Черная Курья. Возвышенность не учитывалась при основании города, но упоминается в источниках. Так, после пожара 1636 г. сюда собирались перенести Михайло-Архангельский монастырь (Попова, 1994. С. 20).

2. Правый берег р. Северная Двина, на котором основан Архангельск, достаточно крутой (высота склонов до 10 м, уклон 20–30°). Он представляет собой возвышенное плато, в отчетах характеризуется как территория моренного выступа. Письменные источники описывают эту местность как «безопасную от наводнений благодаря высоким берегам» (Крестинин, 1782. С. 6).

3. По мере удаления от реки территория города понижается. В отчетах этот участок описывается как скульптурная морская терраса.

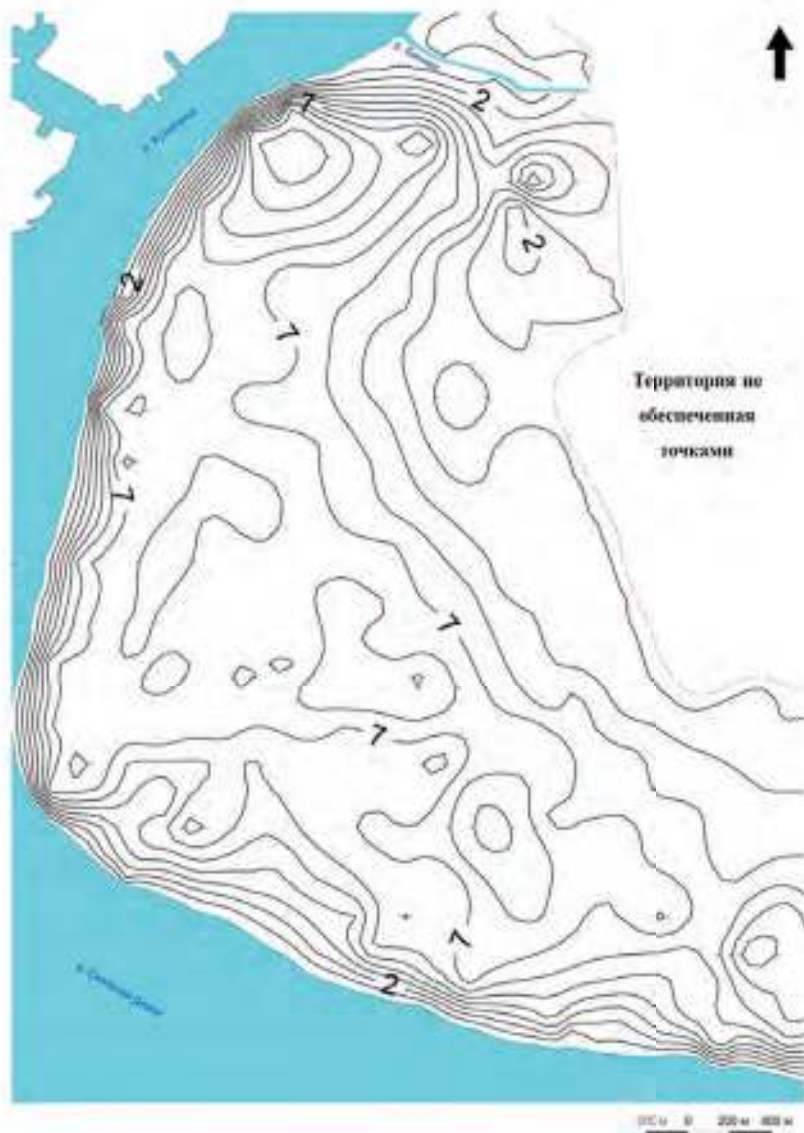

Рис. 1. Модель палеорельефа Архангельска (горизонталы проведены через 1 м)

4. Юго-восточная часть города постепенно понижается в направлении, противоположном течению реки. Эту тенденцию можно проследить как на модели палеорельефа, так и на гравюрах с видами Архангельска (РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 1. Л. 76–77, 84–85). Одно из понижений этого участка локализовано на территории между современными ул. К. Либкнехта и ул. Поморской, известной по источникам как Юрьев Звоз – подъем вверх к дому стрелецкого сотника Юрия Буянова (Кириллов, 1910; Попова, 1994).

Таким образом, мы видим, что особенности рельефа, которые содержит составленная модель, подтверждаются письменными и картографическими данными, что в некоторой степени верифицирует подготовленный нами план.

Совмещение плана палеорельефа города с картой начала XX в. позволяет сделать следующие выводы относительно его первоначальной застройки.

1. Все сохранившиеся до начала XX в. каменные храмы, построенные на местах деревянных церквей XVII в., за исключением Успенской церкви, при наложении на модель палеорельефа оказались на склоне на высоте 6 м. Возможно, при строительстве церквей XVII в. использовался природный ландшафт. Каменный Свято-Троицкий кафедральный собор, заложный в 1703 г., также находится на склоне 6 м.

Отметим, что Успенская церковь, судя по чертежу начала XX в., также находилась на высоте 6 м относительно реки (Овсянников, 1990. С. 9, рис. 7). Вероятно, расхождение этих данных с моделью рельефа связано с низкой плотностью точек бурения в этом районе, соответственно, здесь возможна большая погрешность.

2. Специфическое положение имели и Гостиные дворы, расположенные в центральной части Архангельска. Судя по плану, абсолютная высота этого участка понижается с 7 до 4 м в сторону реки. Небольшой уклон в том же направлении отмечен в ходе исследований экспедиции Северного Арктического федерального университета (САФУ) у Соляных складов (Белицкая, 2016. С. 127–149). Это позволяет предположить, что место строительства Гостиных дворов также подбиралось с учетом особенностей рельефа.

Таким образом, особенности рельефа города, показанные на экспериментальной модели, верифицируются с помощью письменных источников. Полученный план дает интересную информацию о первоначальной застройке города. Изучение палеорельефа Архангельска необходимо продолжать на основе более полной совокупности данных.

Список литературы

- Атлас Архангельской губернии, 1797 г. // РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. № 1.
- Белицкая А. Л., 2017. Археологическая разведка с локальными земляными работами на территории Архангельска и поселка Соловецкий (Приморский район Архангельской области): отчет о работе археологической экспедиции САФУ в 2016 г. // Архив ИА. Р-1, № 52491.
- Быховская Н. А., 1967. Отчет об инженерно-геологической съемке м-ба 1:10000 территории листа 11 в р-не г. Большого Архангельска. СЗТГУ // Архив ФБУ ТФИ Архангельск. № 659.
- Кириллов А., 1910. К топографии г. Архангельска в первом столетии существования // Известия АОИРС. № 15. С. 32–38.
- Крапивенский И. И., 1965. Отчет об инженерно-геологической съемке м-ба 1:10000 по листам Q-37-129-Б-г-2 и Q-37-130-А-в-1 (г. Архангельск). Северо-западное территориальное геологическое управление // Архив ФБУ Территориальный фонд геологической информации Архангельск. № 569.
- Крестинин В. В., 1782. Топографическое описание города Архангельского по запросам Санкт-Петербургския Академии наук, а по указам Вологодского Наместническаго правления // СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 440.
- Овсянников О. В., 1990. Архитектурно-археологические работы на месте Успенской Боровской церкви в Архангельске в 1989 г. // Архив ИА. Р-1. № 13621.
- Попова Л.Д., 1994. Архангельск: очерк истории строительства. Архангельск.

Муравленые изразцы Енисейского острога (XVII в.).

Предварительные данные

Кудряшова К. С.

(ООО «Красноярская Геоархеология», г. Красноярск)

kudryashka_suy15@mail.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-364-367

Описанная в докладе коллекция изразцов происходит из широко-масштабных раскопок, проведенных на выявленном объекте археологического наследия «Енисейск. Енисейское городище». Работы велись с 2014 по 2019 г. в рамках федеральной целевой программы «Подготовка к 400-летию города Енисейска в 2019 г.», предусматривающей масштабную реконструкцию исторического центра. С территории 30 объектов была собрана многочисленная и уникальная коллекция печных изразцов разных типов: терракотовые, муравленые, полихромные, гладкие.

Согласно статье, написанной красноярским архитектором К. Ю. Шумовым в 2008 г., первые сведения об облицовочной керамике в Енисейске относятся к концу XVII в. В «росписном списке» города 1697 г., составленном при

сдаче дел воеводой М. И. Римским-Корсаковым новому енисейскому воеводе Б. Д. Глебову, было упомянуто, что во дворе за острогом, «где прежде жила дьяки... в передней горнице печь обрасцовая ветхая» (Шумов, 2008. С. 186–190). В документах XVII – начала XVIII в., есть упоминания о строительстве печей на подворьях казенных учреждений, таких как таможенная изба, дьячий двор, комплекс воеводского двора.

В данной работе дается общая характеристика одному из самых «ранних» типов (предварительная датировка – последняя четверть XVII в.) изразцов – муравленому. Изразцы этого типа встречаются на 21 объекте с территории города: Богоявленский собор, дом Баландина, дом Дементьева, здания уездного училища и проч. Всего найдено 155 фрагментов от разных печных наборов: городки, перемычки, пояски, карнизы, лицевые, ноги. Для сырья использованы красная и белая глины. Все изразцы с румпами, отступающими от края. Наиболее часто встречающийся орнамент – растительный, в виде переплетения стеблей и листьев. Также присутствуют зооморфный и геометрический орнаменты. Зооморфный представлен рельефными изображениями двуглавого орла, птицы Сирина, единорога, битвы единорога и льва. Геометрический – в виде простой рамки и рамки с косыми насечками.

Из наиболее сохранившихся изразцов с растительным орнаментом примечателен карниз с раскопок объекта культурного наследия «Дом, в котором в марте 1917 г. на собрании енисейских большевиков был избран городской комитет РСДРП(б)», размерами 26 на 12 см, с орнаментом в виде переплетения ветвей, трехлепестковым цветком, по краям рамка с косыми насечками (рис. 1: 1). Похожий трехлепестковый цветок является фрагментом городка, обнаруженным на территории объекта «Дом Дементьева» (рис. 1: 2).

Изразцы с изображением двуглавого орла, к сожалению, сохранились в большинстве своем фрагментарно. Информативным является изразец со слоя объекта «Дом усадьбы Баландина», на нем не поврежденными сохранились фрагмент туловища с рельефным орнаментом в виде листочков с насечками, расправленного, направленного вверх крыла, украшенного треугольными зубчиками, лапы с когтями и головы с короной. Между головами орла – звездочка, по верху – простая рамка (рис. 1: 3).

Изображение птицы Сирина также представлено фрагментарно: сохранилась голова с пышным головным убором, в обрамлении двух звездочек и восьмилепесткового цветка, по краю простая рамка (рис. 1: 4). Изразец найден на территории Богоявленского собора. Аналогичный рельефный орнамент присутствует и на изразце с раскопок воеводского двора.

Из изразцов с зооморфным орнаментом выделяется фрагмент лицевого изразца с изображением сцены поединка льва и единорога, най-

Рис. 1 Муравленые изразцы: 1 – карниз с растительным орнаментом; 2 – фрагмент городка с растительным орнаментом; 3 – фрагмент лицевого изразца с изображением двуглавого орла; 4 – фрагмент лицевого изразца с изображением птицы Сирин; 5 – фрагмент лицевого изразца с изображением поединка льва и единорога

денный на территории здания бывшей мужской гимназии (рис. 1: 5). Сохранился рельефный орнамент в виде головы льва с высунутом языком и вытянутыми когтями и головы единорога.

Геометрический орнамент на муравленых изразцах Енисейска умело сочетается с растительным и зооморфными орнаментами, дополняя и завершая изображения (рис. 1: 1, 3, 4).

Несмотря на несколько уже написанных статей, посвященных изучению обширной коллекции печных изразцов Енисейского острога (Щербаков, 2017; Щербаков и др., 2019), все еще актуальным остается более подробное изучение ее на предмет происхождения: были ли изразцы привезены из Европейской России или изготовлены местными мастерами, а также поиска аналогий из других сибирских центров.

Список литературы

- Шумов К. Ю., 2006. Енисейские изразцы XVII века. // Сквозь века несущие свет: материалы краевых музейных науч.-образоват. чтений, 2006–2008 гг. Красноярск. С. 186–190.
- Щербаков В. В., 2017. Печные изразцы города Енисейска (по материалам раскопок последних лет). // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. Омск. С. 64–67.
- Щербаков В. В., Галухин Л. Л., Барахович П. Н., 2019. Фрагменты енисейских изразцов // Наследие народов Российской Федерации. № 2/3. С. 80–82.

Опыт исследования стекольной мануфактуры середины XVIII – начала XIX в. (на примере археологических раскопок Ильянской гуты)¹

Курлович П. С.

*(Белорусский государственный университет, г. Минск)
nominusster@gmail.com*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-367-370

На территории Великого княжества Литовского объекты стеклоделия назывались «гутами» (от немецкого «Hütte» — «плавильня» (Словарь..., 1894. С. 269). Это название напрямую связано с технологией производства, когда весь комплекс операций был завязан на работу с плавильной печью, в которой изготавливалась стекломасса. Для успешного функционирования было необходимо придерживаться разделения труда и его специализации. О распространении стекольного производства свидетельствуют широко

¹ Работа выполнена при поддержке БРФФИ (проект № Г19М-025 «Локализация стекольного производства на территории Беларуси в XVI–XIX вв.»).

встречаемые ойконимы с корневой формантой «гут-», восточная граница которых проходила по природному рубежу лесной зоны и зоны широколиственных и смешанных лесов (Курлович, Чубур, 2018. С. 40). Однако соотношение данных топонимики с подтвержденными свидетельствами о стеклоделии на конкретной территории в определенный хронологический период еще требует дополнительного обоснования.

Привилей на открытие первой гуты на территории Великого княжества Литовского был выдан в середине XVI в. (Крачковский, 1893. С. 91), что стало началом «гутного стеклоделия» в регионе. В первой половине XVIII в. здесь основываются стекольные мануфактуры, которые в письменных источниках по-прежнему называются «гутами».

Актуальность археологического изучения стекольных мануфактур обусловлена целым рядом факторов. Из поля зрения науки практически полностью выпадает информация, посвященная функционированию стекольного производства в период до разделов Речи Посполитой, а особенно тех из них, основной продукцией которых являлись изделия повседневного использования. К таким мануфактурам относится гута, основанная до 1749 г. (Курлович, 2019. С. 106) в окрестностях бывшего местечка Ильи (Вилейский р-н Минской обл.).

В настоящее время гута в Илье – наиболее полно археологически исследованная стекольная мануфактура середины XVIII – начала XIX в. Впервые раскопки на территории производственного комплекса площадью 48 кв. м провел М. М. Чернявский в 1982 г. (Черняўскі, 2003). К сожалению, их масштабы удалось установить лишь в ходе современных работ на объекте. Наиболее полно деятельность мануфактуры рассмотрел Ю. Н. Бохан, они вошли в его монографию, опубликованную посмертно (Бохан, 2018. С. 169–173). В 2015–2018 гг. археологические исследования в Илье проводились под руководством автора. Было вскрыто 224 кв. м на территории производственной площадки и 68 кв. м на периферии мануфактуры (зона распространения материалов, связанных со стекольным производством). Результаты исследований частично находятся в научной обработке, поэтому ограничимся лишь общими замечаниями, касающимися изучения мануфактуры.

Производственная площадка, площадью около 35 × 50 м, располагалась в заболоченной пойме р. Илия на небольшом холме с перепадом высот до 1,5 м. Даже сейчас эта территория окружена по периметру стоячими водами, которые пересыхают лишь в жаркий летний период. Высокий уровень грунтовых вод на памятнике содействует сохранению здесь органических материалов, но при этом усложняет процесс его археологического изучения, вызывая необходимость постоянной откачки воды, начиная с глубины от 1 м в сухой сезон. Вероятно, такое раз-

мещение мануфактуры было связано с необходимостью доступа к водным ресурсам и пожароопасностью стекольного производства.

Центром гуты являлась плавильная печь. По письменным источникам известно, что в Илье была одна такая печь на 8 горнов (Матэрыялы..., 1934. С. 64). Ее размеры были около 12 × 6 м, поэтому первостепенную важность имеет исследование таких объектов широкой площадью, так как небольшие раскопы не дадут возможности интерпретировать выявленные объекты. Печь имела сложную конструкцию и состояла из топочной части, зоны для изготовления стекломассы и зоны для закалки готовой продукции.

Культурный пласт на памятнике представлен в основном золой, огромное количество которой оседало в ходе работы плавильной печи (также пепел растений использовался как один из элементов шихты (Курлович, Кайсин, 2018. С. 265)). Зольные слои могли иметь разную плотность, влажность и наполнение включениями. Такой щелочной характер культурного пласта негативно влияет на сохранность артефактов – на керамике могут содержаться известняковые отложения, изделия из металла, несмотря на относительно небольшой возраст, сильно повреждены.

Выявленные находки представлены двумя большими блоками: предметами, связанными с деятельностью мануфактуры, и материалами, отражающими материальную культуру ее работников (крепостных крестьян). Первые позволяют исследовать технологию производства, выделить его этапы, определить химический состав стекла и ассортимент изделий. Находки из второго блока относятся к кухонным остаткам и личным вещам гутников – практически не изученной к настоящему времени группы населения.

Ильянская гута не была исследована полностью. После вскрытия полной площади плавильной печи в 2018 г. стало понятно, что она является потенциальным объектом для музеефикации. Уникальность ситуации также в том, что территория мануфактуры в настоящее время не застроена, а сама гута положила начало стекольному производству в регионе. После ряда переносов стеклянные изделия здесь производились до конца XX в., и это единственное такое место на территории Беларуси. Поэтому выявленные объекты были законсервированы, а раскопки планируется продолжить после получения соответствующего финансирования.

Список литературы

Бохан Ю. М., 2018. Мясцэчкі і працэсы ўрбанізацыі на землях Беларусі ў XV–XVIII стст. Мн.

- Крачковский Ю. Ф., 1893. Старая Вильна до конца XVII столетия: [Опыт исслед. топографии города Вильны...]. Вильна.
- Курлович П. С., Кайсин А. О., 2018. Ассортимент стекла Ильянской гуты и интерпретация его состава (по материалам исследований 2016 г.) // Актуальная археология 4. Комплексные исследования в археологии. СПб. С. 262–266.
- Курлович П. С., Чубур А. А., 2018. Распространение производства гутного стекла в XVII–XIX веках по результатам анализа ойконимов Верхнего Поднепровья и сопредельных земель // История: факты и символы. № 1. С. 27–45.
- Курлович П. С., 2019. Сведчанні вытворчасці вырабаў са шкла на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі ў другой палове XVI – пачатку XIX стагоддзя // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 30. С. 104–110.
- Матэрыялы да гісторыі мануфактуры Беларусі ў часы распаду феадалізму. № 1: [1796–1840]: статыстыка. Менск, 1934.
- Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / Под ред. А. Н. Чудинова. СПб., 1894.
- Чарняўскі М. М., 2003. Ільянская «Старая Гута» // Памяць: гіст-дакум. хроніка Вілейскага раена. Мінск. С. 94–96.

Погребальные памятники позднего Средневековья и раннего Нового времени на территории городов Кирова и Слободского: картографический и топографический аспекты

Онуфриенко Ю. А.

(Вятский государственный университет, г. Киров)

yuliyaonufrienko@mail.ru

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-370-373

Одним из видов археологических объектов являются погребальные памятники. Они позволяют определить социологический срез общества, половозрастной состав населения, дают информацию о материальной и духовной культуре людей, различных демографических и даже этнических аспектах общества в целом.

В ходе работы были рассмотрены следующие погребальные памятники (рис. 1).

Хлыновский I могильник (XV–XVI вв.). Располагается на территории Вятского Успенского Трифонова монастыря, который был основан на месте старого городского кладбища на т. н. «Семеновской пустоши» в 1580 г. Некрополь занимал часть мыса второй надпойменной террасы

Рис. 1.1. Топографическая карта исторического центра г. Кирова

Рис. 1.2. Топографическая карта исторического центра г. Слободского

Рис. 1.1. Границы некоторых погребальных памятников на территории г. Кирова: 1 – Хлыновский I могильник; 2 – Хлыновский II могильник; 3 – приходское кладбище при Воскресенском соборе; 4 – приходское кладбище при Вознесенском соборе; 5 – приходское кладбище при церкви Иоанна Предтечи.

Рис. 1.2. Границы некоторых погребальных памятников на территории г. Слободского: 1 – Слободской I могильник; 2 – Слободской II могильник

р. Вятки высотой 4–5 м и с севера был ограничен оврагом Засора. Этот глубокий овраг отделял территорию города от могильника. Общее количество погребений, выявленных в разное время на могильнике, составляет более 60 (Сенникова и др., 2018. С. 64).

Хлыновский II могильник (XVI – конец XVIII в.). Располагается на территории кремля г. Хлынова-Вятки к югу и юго-западу от бывшего Богоявленского собора. Этот участок в настоящее время находится внутри квартала, ограниченного с юга ул. Московской, с востока – высоким коренным берегом р. Вятки, с севера – оградой Преображенского женского монастыря, с запада – Динамовским проездом. Погребения были обнаружены Л. П. Гуссаковским во время исследований на территории кремля в 1956–1958 гг. (Сенникова, 2009. С. 150–151).

В 1983 г. во время исследования траншеи водопровода, проложенной, в том числе по территории Хлыновского кремля, Л. Д. Макаров зафиксировал следы погребений (Макаров, 1999. С. 54).

В 1615 г. на высоком холме в центральной части г. Хлынова была выстроена деревянная Воскресенская церковь. В 1935 г. на месте бывшего приходского кладбища Воскресенского собора Хлыновского кремля (XVI – конец XVIII в.) началось строительство Центральной гостиницы. В настоящее время этот участок находится внутри квартала, ограниченного ул. Ленина, Гостиным пер., ул. Казанской и ул. Московской (Кряжевских, 2019. С. 162).

На месте приходского кладбища при Вознесенском соборе в 2011 г. научно-производственным центром по охране объектов культурного наследия были проведены охранные работы. Во время выборки котлована будущего здания в г. Кирове по ул. Дрелевского (совр. Спасская ул.), 15 строителями были обнаружены человеческие останки. Исследованные могильные ямы являются частью церковного кладбища XVII–XVIII вв. (Кряжевских, 2019. С. 163).

Церковь Рождества Иоанна Предтечи находилась в северо-восточной части посада, примыкавшей к Раздерихинскому оврагу. В период реставрации церкви на данной территории проводились археологические работы под руководством Е. А. Кошелевой. Были найдены наперсный крест, а также два более поздних нательных креста, что косвенно подтверждает факт существования приходского кладбища вокруг Предтеченской церкви на протяжении XVIII в. (Кайсин и др., 2019. С. 64).

Слободской I могильник (конец XVII – первая половина XVIII в.). В 1984 г. Л. Д. Макаров провел предварительные раскопки Слободского городища общей площадью 12,5 кв. м. В одном из двух заложённых шурфов было обнаружено позднее христианское захоронение с остатками гробовища. Данный могильник находился на мысу и представлял собой

приходское кладбище при Екатерининской церкви (Макаров, 1984. С. 9, 24–28).

Слободской II могильник (XIV–XV вв.). В 1987 г. разведгруппой Камско-Вятской археологической экспедиции (далее – КВАЭ) под руководством Л. Д. Макарова был обнаружен Слободской II могильник. Его площадь составила около 2000 кв. м. В ходе шурфовки на стрелке мыса в 1987 г. были выявлены погребения (Макаров, 1987. С. 40–41).

В 1993 г. проводились археологические работы под руководством Л. А. Сенниковой. Траншея пролегла по территории Слободского кремля и Слободского II могильника. В разрезе траншеи могильника были обнаружены остатки захоронений.

В настоящее время ни один из погребальных памятников позднего Средневековья и Нового времени на территории современного г. Кирова и г. Слободского не сохранился в своем первоначальном виде. Большинство в настоящее время застроено разновременными постройками.

Список литературы

- Кайсин А. О., Глазырина М. К., Старков Р. Л., 2019. Археологические работы при реставрации церкви Рождества Иоанна Предтечи в городе Кирове // Вестник гуманитарного образования. № 2. С. 59–67.
- Кряжевских А. Л., 2019. История изучения и перспективы дальнейшего исследования погребальных памятников позднего Средневековья и Нового времени на территории г. Хлынова-Вятки // Теория и практика археологических исследований. № 1. С. 157–168.
- Макаров Л. Д., 1984. Отчет о разведочных работах в Котельничском, Оричевском и Слободском районах Кировской области, проведенных летом 1984 // Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ.
- Макаров Л. Д., 1987. Отчет об археологических исследованиях 1987 года в Кировской области // Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ.
- Макаров Л. Д., 1999. История археологического изучения г. Вятки (Хлынова) // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию города Кирова): материалы междунар. конф. Киров. С. 48–57.
- Сенникова Л. А., 2009. Захоронения позднего Средневековья на Вятской земле // Музеи – хранители культурного наследия: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Киров. С. 145–154.
- Сенникова Л. А., Кайсин А. О., Онуфриенко Ю. А., Жилина М. В., Борисова А. М., 2018. Археологические работы на территории Успенского Трифонова монастыря // Вестник гуманитарного образования. Киров. № 1. С. 64–75.

Информативность безынварных погребений (на примере погребальных памятников Белорусского Подвинья XIV–XVIII вв.)¹

Черевко В. В.

(Полоцкий государственный университет, г. Полоцк)

viktar.charauko@gmail.com

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-374-376

Результативность изучения погребений во многом зависит от погребального инвентаря. Его отсутствие усложняет датировку и ограничивает возможность реконструкции погребального обряда. Это особенно ощутимо при безынварности большинства погребений. На примере сельских могильников Белорусского Подвинья XIV–XVIII вв. покажем, какого рода информация может быть получена при изучении безынварных погребений.

1. *Информативность безынварности.* В 2010–2018 гг. автором проведены раскопки на 9 позднесредневековых могильниках и открыты останки не менее 150 человек. Инвентарь присутствовал в 11 случаях. Собственные полевые материалы и данные других исследователей позволили нам установить, что 91 % сельских и 88 % городских погребений безынварны (Чараўко, 2019. С. 5–6). Такая безынварность соответствует христианскому канону. Немногочисленный инвентарь непогребенных могил составляют допустимые в христианском погребении детали костюма (одежда, украшения, предметы личного благочестия) (Черевко, 2020. С. 237). Это характерно и для села, и для города.

2. *Информативность каменных надгробий.* На 18 из 19 изученных сельских могильников Подвинья могилы обозначены каменными вымостками, обкладками по периметру, валунами в головах и ногах, каменными крестами. Если для XIV–XVI вв. характерны и вымостки, и обкладки из крупных валунов, то для XVII–XVIII вв. – обкладки, сложенные из камней меньшего размера (Черевко, 2020. С. 235–236). Иногда надгробия сдвинуты относительно погребений, что может свидетельствовать о впоследствии оплывшей насыпи (Rauchut, 1971. S. 457). Каменные надгробия характерны лишь для села, что может указывать на народный характер этой традиции.

3. *Информативность расположения погребений.* Сельские погребения не имеют строгой системы размещения, порой образуя неровные ряды. Могилы сдвинуты относительно друг друга. Особенности ориентировки и взаимного расположения ряда погребений кладбища Ивесь, общие

¹ Работа выполнена в рамках Государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг.

стенки каменных надгробий на могильниках Вышедки, Ивесь, Новый Балецк, Туржец 2 могут указывать на семейные участки (Археологія..., 2001. С. 238; Дук, 2008; Ласкавы, Лаппо, 1994).

4. *Информативность ориентировки.* На сельских могильниках кости ориентированы на запад, в основном с отклонением к северу либо к югу. Отклонения объясняются сезонными колебаниями точек восхода и захода солнца. Анализ отклонений по предложенному В. В. и В. Ф. Генингами методу показывает, что на могильниках Долгое и Михалиново 22 из 25 и 14 из 17 умерших соответственно, возможно, похоронены в зимне-весенний период, характеризующийся повышенной смертностью (Генинг, Генинг, 1985. С. 138, 140).

5. *Информативность положения рук.* Положение рук установлено для 113 погребений. Статистический анализ с использованием схемы И. С. Каменецкого (Каменецкий, 1986. С. 147) выявил преобладание следующих вариантов: в 33 случаях руки находятся на животе; в 16 – на животе под грудью; в 14 – одна рука размещена на животе, другая – на груди; в 10 – руки находятся на груди; в 8 – расположены на тазовых костях. В 12 погребениях одна или обе из рук вытянуты вдоль тела (Дучыц, Квяткоўская, 1994. С. 68; Ласкавы, Лаппо, 1994. С. 150, 157). Положение рук вариативно, но в основном соответствует христианской практике. Подобная ситуация характерна и для древнерусского периода (Панова, 2004. С. 57).

6. *Информативность антропологического материала.* Остеологический материал, полученный нами, изучен антропологом О. А. Емельянчик. Не касаясь демографических и палеопатологических выводов экспертизы (Емельянчик, 2017), остановимся на двух аспектах. Установлена связь между погребальным инвентарем и половозрастной принадлежностью: инвентарь преимущественно встречен в женских погребениях и более редок в мужских и особенно, в детских погребениях. Кроме того, на могильниках XVII–XVIII вв. Дубровка, Жерносеково, Илово, Клешино в нарушенных погребениях взрослых (преимущественно, женского пола) обнаружены детские останки (Черевко, 2019. С. 206). Это позволяет предполагать традицию подзахоронения детей в могилы родственников.

Список литературы

- Археологія Беларусі, 2001. Т. 4 / Пад. рэд. В.М. Ляўко (і інш.). Мінск.
Генинг В. В., Генинг В. Ф., 1985. Метод определения древних традиций ориентировки погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. Киев. С. 136–152.
Дук Д. У., 2008. Археалагічныя раскопкі на грунтовым могільніку Туржэц 2 Полацкага раёна // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. № 15. С. 261–269.

- Дучыц Л., Квяткоўская А., 1994. Пахавальныя помнікі наваколлі Падсвілля // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 4. С. 58–70.
- Емельянчик О. А., 2017. Смертность сельского населения Беларуси XI–XIX вв. (по данным палеодемографии и исторической демографии) // Актуальные вопросы антропологии. Вып. 12. С. 20–33.
- Каменецкий И. С., 1986. Код для описания погребального обряда (ч. II) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. М. С. 136–194.
- Ласкавы Г. В., Лаппо І. М., 1994. Курганы з каменнымі выкладкамі на паўночным усходзе Беларусі // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 3. С. 148–160.
- Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.
- Чараўко В. У., 2019. Пахавальныя помнікі Беларускага Падзвіння XIV–XVIII стагоддзяў: Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск.
- Червко В. В., 2019. Внемогильный инвентарь и практика подзахоронения детей на сельских кладбищах Белорусского Подвинья XVII–XVIII вв. // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы V Междунар. конф. молодых ученых. М. С. 206–207.
- Червко В. В., 2020. Погребальный обряд памятников с каменными намогильными конструкциями Белорусского Подвинья XIV–XVIII веков // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы XXXIII науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения В.Л. Янина. Вып. 33. Великий Новгород. С. 234–239.
- Rauchut L., 1971. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska w obudowie kamiennej na Mazowszu i Podlasiu // Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. T. I. Wrocław. S. 435–656.

**Находки фарфоровых и стеклянных сосудов из погребений
церкви Св. Георгия в Старой Ладоге
(по материалам раскопок 2013–2014 гг.)**

Шатый Г. А.

*(Музей-заповедник «Старая Ладога», г. Старая Ладога)
baldwin1@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-376-380

В 2013–2014 гг. Георгиевским отрядом Староладожской археологической экспедиции (начальник отряда Н. В. Григорьева, ИИМК РАН) проводились раскопки на территории Ладожской каменной крепости, в ходе которых было изучено 65 погребений, относящихся к церкви Св. Георгия.

Время возникновения кладбища в Ладожской крепости точно неизвестно. Возможно, первые захоронения на ее территории связаны с осно-

ванным в 1445 г. Георгиевским монастырем. Приходское кладбище могло появиться не раньше того, как был упразднен гарнизон крепости, последнее упоминание о котором относится к 1717 г. Первая известная метрическая книга Георгиевского монастыря датируется 1725 г., поэтому можно предположить, что кладбище начало функционировать в конце первой четверти XVIII в. Ознакомление с метрическими книгами церкви Св. Георгия показало, что на кладбище при этой церкви хоронили в основном крестьян деревень Княщины, Местовки и Неважи, население которых составляло приход церкви св. Георгия (Историко-статистические сведения..., 1884. С. 140). Второе место по числу упоминаний в метрических книгах занимают мещане и купцы Новой Ладоги. Жители Старой Ладоги упоминаются редко.

Изученные захоронения представляли собой труположения на спине, ногами на восток, совершавшиеся в гробах и без них. Находки из погребений представлены деталями одежды, нательными крестиками, монетами. В 12 захоронениях были обнаружены сосуды, что составляет 18 % от общего числа ингумаций (табл. 1). Ассортимент посуды представлен стеклянными флаконами, а также открытыми емкостями из фарфора (чашками и пиалой), украшенными полихромной росписью. Важно отметить, что у всех чашек отбиты ручки. Нельзя сказать точно, следы ли это умышленной порчи или утраты, произошедшие при использовании посуды в быту. Сосуды помещались как в женские, так и в мужские погребения. Преимущественно посуда ставилась в ноги, однако зафиксировано несколько случаев, когда она располагалась у черепа. Все захоронения, в которых обнаружены сосуды, были совершены в гробах, а три погребения (11, 35, 64) были снабжены сводчатыми обкладками из кирпича. Находок, которые позволили бы дополнительно подчеркнуть статус погребенных, в данных захоронениях не встречено.

Посуда в захоронениях Нового времени – частая находка при раскопках некрополей Москвы (Панченко, 2019), Санкт-Петербурга (Семёнов и др., 2014), Тихвина (Катышевский, Шуньгина, 2013), Царевкокшайска (Воробьева, Калыгина, 2013), Иркутска (Бердников, 2012) и многих других городов. На сельских кладбищах этого периода сосуды в погребениях либо не встречаются, либо являются редкой находкой (Белецкий, 2005–2009; Мусин, Торопов, 2005; Новиков, 2006; Шахнович и др. 2012). Можно предположить, что в Новое время обычай помещать посуду в захоронения являлся отличительной чертой погребальной культуры городских жителей. Таким образом, стеклянные флаконы и фарфоровые чашки являются маркером известных по метрическим книгам церкви Св. Георгия погребений мещан и купцов.

Таблица 1. *Опись стеклянных и фарфоровых сосудов из погребений церкви Св. Георгия в Старой Ладосе 2013–2014 гг.*

№ погребения	Сосуд	Расположение в погребении	Пол	Погребальное сооружение	Другие находки в погребении ¹
2	Пиала фарфоровая	Справа от черепа	?	Гроб	-
3	Флакон бесцветного прозрачного стекла	У левой стопы	М	Гроб	-
11	Чашка фарфоровая	Между коленей	Ж	Гроб в кирпичной обкладке	Нательный крестик медного сплава
14	Чашка фарфоровая	Между костей голени	М	Гроб	Табакерка (?)
	Флакон бесцветного прозрачного стекла	У правой стопы			
16	Флакон коричневого прозрачного стекла	Около восточной стенки гроба	М	Гроб	-
27	Флакон бесцветного прозрачного стекла	У левой голени	М	Гроб	Копейка 1704-1711 гг., деньга 1747 г., 2 копейки серебром 1843 г., ² нательный крестик медного сплава

¹ Находки деталей одежды в таблице не учтены.

² Определение нумизматического материала выполнено К. В. Горловым (ИИМК РАН).

№ погребения	Сосуд	Расположение в погребении	Пол	Погребальное сооружение	Другие находки в погребении¹
33	Чашка фарфоровая	Между костей голени	Ж	Гроб	Крест кипарисовый
35	Чашка фарфоровая	У левой ступни	М	Гроб в кирпичной обкладке	-
44	Чашка фарфоровая	У левой стопы	?	Гроб	-
55	Флакон бесцветного прозрачного стекла	У левой стопы	Ж	Гроб	-
58	Флакон бесцветного прозрачного стекла	У левой стопы	Ж	Гроб	-
64	Флакон зелёного прозрачного стекла	Юго-западный угол гроба	Ж	Гроб в кирпичной обкладке	Два нательных крестика медного сплава

Список литературы

- Белецкий С. В., 2005–2009. Сельское кладбище конца XVII – середины XVIII в. на городище Воронич // *Stratum plus. Русское время.* № 5. С. 84–163.
- Бердников И. М., 2012. Сибирский православный некрополь XVIII–XIX веков как археологический источник: по материалам исследований в Иркутске: Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск.
- Воробьева Е. Е., Калыгина Ж. С., 2013. Погребальная посуда Тихвинского некрополя г. Царевококшайска: предварительные итоги изучения // *Поволжская археология.* № 2. Казань. С. 279–290.
- Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии, 1884. Вып. 9. СПб.
- Катышевский Ю. В., Шуньгина С. Е., 2013. Археологические исследования на территории Большого Успенского монастыря в Тихвине в 2010 г. // *Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 58 заседания.* М., Псков. С. 279–292.
- Мусин А. Е., Торопов С. Е., 2005. Археологические исследования в исторической волости Молвотицы (Маревский район Новгородской области) в 2004 г. // *Новгород и Новгородская земля: История и археология: Материалы науч. конф.* № 19. Великий Новгород. С. 53–63.
- Новиков А. В., 2006. Исуповский некрополь – новый памятник археологии в Костромской области // *Вестник Костромской археологической экспедиции.* № 2. Кострома. С. 96–129.
- Панченко К. И., 2019. Традиция погребения с сосудами на примере некрополя Нового времени Московской Духовной академии // *Археология Подмосковья.* № 15. М. С. 356–365.
- Семёнов С. А., Соловьева Н. Ф., Васильев С. А., Фурасьев А. Г., 2014. Церковь Успения Пресвятой Богородицы (Спас на Сенной). Исследования 2013 г. // *Бюллетень ИИМК РАН.* №. 4. С. 145–170.
- Шахнович М. М., Галеев Р. М., Лейбова (Суворова) Н. А., Хартанович В. И., 2012. Археолого-антропологические работы в 2011 году в с. Варзуга (Мурманская обл.) // *Новгород и Новгородская земля: История и археология: Материалы науч. конф.* № 26. Великий Новгород. С. 149–166.

Список авторов

Александрова Алиса Игоревна, Анапский археологический музей, г. Анапа, alexandrova_alice@list.ru

Алишер кызы Салтанат, м. н. с., Институт археологии и этнографии СО РАН

Аминов Фируз Шарифович, соискатель, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, fruzaminov@gmail.com

Андреева (Ересько) Ольга Викторовна, лаборант, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, olgayer@mail.ru

Арсенова Наталья Евгеньевна, главный хранитель, Археологический музей Воронежского государственного университета, г. Воронеж, arsyul@yandex.ru

Артакин Александр Николаевич, н. с., Институт археологии РАН, г. Москва, sanyawolf@gmail.com

Астафьева Вера Сергеевна, студент, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, avc-96@yandex.ru

Бажин Максим Викторович, м. н. с., Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, maxim.bazhin@bk.ru

Барков Александр Викторович, н. с., ООО Научно-производственное объединение Археологическое проектирование и изыскания, г. Красноярск, barkovalex@bk.ru

Батасова Анжела Владимировна, к. и. н., м. н. с., Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, batasova.angela@gmail.com

Батуева Надежда Сергеевна, специалист научного отдела, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, nadiabat@yandex.ru

Белова Алина Вячеславовна, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, alinabelovateooodo.com@yandex.ru

Белоусова Наталья Евгеньевна, м. н. с., Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

Бердник Елена Сергеевна, м. н. с., Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, bes89@mail.ru

Березовская Василисса Александровна, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, vassa_ber@mail.ru

Близнюкова Вероника Игорьевна, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, veronika_nika97@mail.ru

Борисова Анна Михайловна, лаборант, Вятский государственный университет, г. Киров, annalein8321@gmail.com

Букачева Анастасия Олеговна, м. н. с., ФССКН «Южный Урал», г. Челябинск, anastasia_26@list.ru

Бурьгин Максим Александрович, студент, лаборант, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, burigin.maxim@yandex.ru

Бычков Дмитрий Александрович, инженер-исследователь, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, bda.nsk@yandex.ru

Васильева Татьяна Анатольевна, к. и. н., н. с., Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, г. Петрозаводск, tattya@list.ru

Викулова Наталья Олеговна, м. н. с., Институт археологии РАН, г. Москва, natasha_vikulova@mail.ru

Волкова Александра Владимировна, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, alieksandra_volkova_97@mail.ru

Волокитина Надежда Александровна, к. культ., н. с., Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, anjis@rambler.ru

Гиблова Анастасия Андреевна, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, b.vorona76@mail.ru

Голубкова Елизавета Викторовна, студент, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, ahs.ilee.esh@gmail.com

Горлов Константин Вячеславович, н.с., Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, konstantin.v.gorlov2018@yandex.ru

Городцова Юлия Николаевна, студент, м. н. с., Воронежский государственный университет, Природный архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье», г. Воронеж, yuliya.gorodtsova@yandex.ru

Горшков Александр Дмитриевич, студент, Институт подготовки научных кадров, г. Минск, Беларусь, ales.harshkou.arch@gmail.com

Глазырина Маргарита Кирилловна, студент, Вятский государственный университет, г. Киров, rita_glazyrina1999@mail.ru

Грехов Сергей Вадимович, учитель истории, Средняя общеобразовательная школа № 1, г. Кушва, sergeigreh@mail.ru

Губар Юлия Сергеевна, студент, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, julfoxzzz@gmail.com

Гусева Дарья Владимировна, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, darya.guse@mail.ru

Гусенцова Татьяна Матвеевна, к. и. н., АНО НИИ природного и культурного наследия, г. Санкт-Петербург

Давыдов Роман Вячеславович, инженер, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, ruer-viro@mail.ru

Демаков Денис Александрович, аспирант, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, demakov-denis@mail.ru

Денисенко Валерия Леонтьевна, студент, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, paleoevrasiavaleria@gmail.com

Евсюков Сергей Владимирович, н. с., Анапский археологический музей, г. Анапа, evsykov.ari@gmail.com

Ефремов Михаил Сергеевич, студент, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, mishellgrut@gmail.com

Зограф Алиса Антоновна, студент, Томский государственный университет, г. Томск, alicezografaa@gmail.com

Зиганшина Анна Алексеевна, студент, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, annaalekseevnaz220@gmail.com

Зыкова Марина Николаевна, м.н.с., НОЦ «Археология Севера, Северный (Арктический) федеральный университет», г. Архангельск, airys88@inbox.ru
Зыль Алеся Викторовна, аспирант, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, lisica-alesia@yandex.by

Иванов Ярослав Дмитриевич, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, yadivanov66@gmail.com

Иванова Злата Александровна, студент, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, ivanova.zlata.alexandrovna@yandex.ru

Ивлиев Алексей Евгеньевич, аспирант, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, ivliv.aleks@yandex.ru

Кайсин Алексей Олегович, заведующий лабораторией, Вятский государственный университет, г. Киров, akai_slob@mail.ru

Калбеко Любовь Григорьевна, с. н. с., Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник, г. Полоцк, Беларусь, kalbeka.lubou@gmail.com

Калугина Дарья Андреевна, студент, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, daryakalugina96@yandex.ru

Кащей Олеся Анатольевна, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, shukunja@mail.ru

Кириченко Дмитрий Александрович, к. и. н., в. н. с., Институт археологии и этнографии, Национальная академия наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, dmakirichenko@mail.ru

Киселева Алевтина Михайловна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, aliakiseleva@mail.ru

Киселева Елизавета Олеговна, аспирант, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, hheinzbrausewind@gmail.com

Клещенко Екатерина Андреевна, к. и. н., н. с., Институт археологии РАН, г. Москва, malzeva-ekaterina@mail.ru

Климушина Александра Игоревна, м. н. с., Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, elizavetaklim21@mail.ru

Кожедуб Алина Александровна, студентка, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, die.lichte.nacht@gmail.com

Кожедуб Анатолий Геннадьевич, н. с., ООО «Археологическое-научноисследовательское Бюро», г. Ростов-на-Дону, lugalzagessi@yandex.ru

Конончук Константин Владимирович, к. и. н., м. н. с., Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, konon@mail.ru

Корнеева Ирина Викторовна, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, irunadurasova@mail.ru

Костылева Анастасия Андреевна, консультант, Управление государственной охраны объектов культурного наследия Белгородской области, г. Белгород, kostileva89@mail.ru

Краснова Татьяна Николаевна, аспирант, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, г. Москва, tatyana.n.krasnova@gmail.com

Кубрина Анастасия Михайловна, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, anastasiakubrina@gmail.ru

Кудряшова Ксения Сергеевна, зав. камеральной лабораторией, ООО «Красноярская геоархеология», г. Красноярск, kudryashka_suy15@mail.ru

Кузина Екатерина Владимировна, аспирант, Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова, г. Могилев, Беларусь, katarina.anic1992@gmail.com

Куличков Алексей Александрович, н. с., ООО «Экспертиза Черноземья», г. Липецк, kulichckov.aleks@yandex.ru

Купцова Мальвина Станиславовна, аспирант, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга, malvina2711@bk.ru

Курганов Николай Сергеевич, м. н. с., преподаватель, Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, nikolai.kurganov@gmail.com

Курлович Полина Сергеевна, к. и. н., доцент, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, nominusster@gmail.com

Лада Антон Русланович, м. н. с., Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, an7onlada@gmail.com

Ларенок Оксана Павловна, н. с., Ассоциация «Южархеология», г. Ростов-на-Дону, ksanalare@mail.ru

Ларочкин Артем Александрович, администратор, Многопрофильный музей Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, koshara-mac-dak@yandex.ru

Лобода Анастасия Юрьевна, ведущий специалист, НИЦ Курчатовский институт, г. Москва, lobodaau@mail.ru

Лурье Вера Михайловна, м. н. с., Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, verqa@list.ru

Магдеева Яна Леонидовна, студент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, mayana9810@gmail.com

Мандрыкина Анастасия Викторовна, лаборант-исследователь, НИЦ Курчатовский институт, г. Москва, mandrykina_av@mail.ru

Марьенкина Татьяна Анатольевна, м. н. с., Институт археологии РАН, г. Москва, marjenkina.tanya@yandex.ru

Матвеев Вячеслав Евгеньевич, зам. директора, ООО «Научно-производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскания», г. Красноярск, rasty05@mail.ru

Милованов Сергей Иванович, к. и. н., Институт археологии РАН, г. Москва, milovan@bk.ru

Михиенко Валерия Алексеевна, студент, специалист, НОЦ «Новая археология», Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, volnavvv@mail.ru

Могрицкая Вероника Юрьевна, ст. н. с., Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И. С. Шемановского, г. Салехард, mogritskaya@gmail.ru

Моряхина Кристина Викторовна, к.и.н., ст. преподаватель, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, kmoryaxina@mail.ru

Муратбакиева Анастасия Дмитриевна, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, nmuratbakieva@gmail.com

Мурзина Софья Робертовна, студент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, г. Санкт-Петербург, sonya.murzina96@mail.ru

Наджафов Шамиль Надир, к. и. н., в. н. с., Институт археологии и этнографии НАНА, г. Баку, Азербайджан, shamil_necefov@mail.ru

Насонова Элеонора Дмитриевна, м. н. с., Тюменский научный центр, г. Тюмень, eleonora_nasonova@mail.ru

Некраш Алина Анатольевна, студент, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, a.nekrash@g.nsu.ru

Нечипорук Александр Александрович, «Донское Наследие», г. Ростов-на-Дону, nechip25@mail.ru

Нуркенова Алия Жулмагамбетовна, студент, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, sukhamberlieva@mail.ru

Онуфриенко Юлия Андреевна, лаборант, Вятский государственный университет, г. Киров, yuliyaonufrienko@mail.ru

Панкина Анна Ильинична, студент, лаборант, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, pankina1995b@mail.ru

Пахомов Роман Викторович, студент, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, romanpachomov77@yandex.ru

Пилькина Анна Андреевна, хранитель, Библиотечно-музейный комплекс Тюменского государственного университета, г. Тюмень, an-na241@mail.ru

Пичкурова Мария Игоревна, студент, старший лаборант, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, mpichkurova@list.ru

Половников Леонид Вячеславович, студент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, lv_polovnikoff@mail.ru

Портнягин Матвей Александрович, лаборант-исследователь, Научно-исследовательская лаборатория археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, г. Иркутск, matirk@yandex.ru

Преснова Надежда Николаевна, старший преподаватель, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, nadezhda_presnova@mail.ru

Проставко Иван Леонидович, в. н. с., Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, prstavko.ivan@mail.ru

Пугачева Екатерина Владимировна, студент, Европейский университет, г. Санкт-Петербург, karipuga4va@gmail.com

Рейс Евгения Сергеевна, н. с., ООО «Научно-производственное объединение Археологическое проектирование и изыскания», г. Красноярск, reis_05@bk.ru

Ростяженко Татьяна Евгеньевна, студент, лаборант, Новосибирский государственный университет, miss.oldman2017@yandex.ru

Рюмин Иван Вячеславович, администратор, Многопрофильный музей Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, koshara-mac-dak@yandex.ru

Рябчевский Николай Геннадьевич, старший лаборант, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, г. Брянск, nikkigun@yandex.ru

Савенкова Татьяна Михайловна, н. с., Красноярский государственный медицинский университет, г. Красноярск, orcinus.orca@mail.ru

Селецкий Максим Владимирович, м. н. с., Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, archmax95@gmail.com

Селин Алексей Геннадьевич, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, drgn96rd@gmail.com

Сивожелезов Игнат Владимирович, лаборант, Институт археологии РАН, г. Москва, ignatsivojelezov@mail.ru

Скребцова Валерия Викторовна, ведущий специалист, Управление государственной охраны объектов культурного наследия Белгородской области, г. Белгород, lerasavina05@mail.ru

Смагина (Курбатова) Людмила Александровна, студент, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, kurbatovaludmila.if@gmail.com

Смертин Андрей Романович, студент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, scrume.tv@mail.ru

Соколовский Василий Андреевич, студент, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, v.sokolovskii@g.nsu.ru

Сомов Анатолий Владимирович, студент, лаборант научно-исследовательской части, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, somov.anatoly@gmail.com

Сташин Иван Андреевич, студент, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, г. Санкт-Петербург, ivanstashi@rambler.ru

Степанов Николай Сергеевич, ст. н. с., ООО «Научно-производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскания», г. Красноярск, ns230989@yandex.ru

Степанова Валерия Станиславовна, студент, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, stepanova.valeria90@gmail.com

Стяжкина Ольга Викторовна, аспирант, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, styazhkina_olga91@mail.ru

Уланов Александр Андреевич, лаборант-исследователь, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, ulanov.alexandr1998@gmail.com

Федорченко Александр Юрьевич, м. н. с., Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

Филатов Егор Алексеевич, н.с., ООО «Красноярская Геоархеология», г. Красноярск, egorphylatov@gmail.com

Филимонова Дарья Сергеевна, м. н. с., Институт истории материальной культуры, г. Санкт-Петербург, dasha-white21@mail.ru

Филиппова Вероника Леонидовна, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, vera.filippova.97@mail.ru

Хаванский Алексей Иванович, к.и.н., с.н.с., Филиал РГПК Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Нур-Султан, Казахстан, arkaim01@yandex.ru

Царицына Анастасия Романовна, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, svartfotkatt@yandex.ru

Черевко Виктор Владимирович, старший преподаватель, Полоцкий государственный университет, г. Полоцк, Беларусь, viktar.charauko@gmail.com

Чернобахтова Елизавета Владимировна, специалист, НИЦ Курчатовский институт, г. Москва, elizaveta.chernobakhtova@gmail.com

Черных Дарья Геннадьевна, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, katalina.daria@gmail.com

Чеха Анна Николаевна, инженер-исследователь, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, cheha.anna@yandex.ru

Шатый Георгий Александрович, м. н. с., Музей-заповедник «Старая Ладога», г. Старая Ладога, baldwin1@mail.ru

Швецова Анастасия Александровна, хранитель, музей им. Н. И. Лобачевского Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, asendriy@mail.ru

Шмырина Мария Евгеньевна, студент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, mashah98@mail.ru

Щербакова Алена Викторовна, аспирант, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, г. Кемерово, sherbackova.al@yandex.ru

Шнайдер Светлана Владимировна, к. и. н., в. н. с., Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

Список сокращений

- АлтГУ – Алтайский государственный университет
АМВУ – Археологический музей Воронежского университета
АН – Академия наук
АНО – Автономная некоммерческая организация
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГУ – Брянский государственный университет
БМК – Библиотечно-музейный комплекс
ВГВ – Воронежские губернские ведомости
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВООПИиК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВСЕГЕИ – Всероссийский научно-исследовательский геологический институт имени А. П. Карпинского
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГБУК – Государственное бюджетное учреждение культуры
ГИ – Гуманитарный институт
ГИКЭ – Государственная историко-культурная экспертиза
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ЗИИМК – Записки Института истории материальной культуры
ИАК – Известия археологической комиссии
ИАК РАН – Институт археологии Крыма Российской академии наук
ИА НАН – Институт археологии Национальной академии наук
ИАН ТССР – Известия Академии наук Туркменской ССР
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИГ РАН – Институт географии Российской академии наук
ИИКНП – Институт истории и культуры народов Приуралья
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИКМЗ УР – Историко-культурный музей-заповедник Удмуртской Республики
ИНИОН РАН – Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
КарНЦ РАН – Карельский научный центр Российской академии наук

КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
КВАЭ – Камско-вятская археологическая экспедиция
КОГАУ НПЦ – Кировское областное государственное автономное учреждение научно-производственный центр
КолАЭ – Кольская археологическая экспедиция
КПО – Курский палеолитический отряд
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КФУ – Казанский Федеральный университет
ЛОИА АН – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета
МВК – Музейно-выставочный комплекс
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НАНА – Национальная академия наук Азербайджана
НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет
НГУ – Новосибирский государственный университет
НГМ – Новгородский музей-заповедник
НИИ – Научно-исследовательский институт
НИЦ ИАК КФУ – Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
НОЦ АЭИ – Научно-образовательный центр археолого-этнологических исследований
НПО АПИ – Научно-производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскания»
НПЦ – Научно-производственный центр
НЦ УрО РАН – Научный центр Уральского отделения Российской академии наук
ОАН – Объект археологического наследия
ООО – Общество с ограниченной ответственностью
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
РА – Российская археология
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГППУ – Российский государственный профессионально-педагогический университет
РРО – Ростовское региональное отделение
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
РЭМ – Растровая электронная микроскопия
СА – Советская Археология
САФУ – Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова

СГИАПМЗ – Соловецкий государственный историко-архивный природный музей-заповедник
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СЗТГУ – Северо-Западное территориальное геологическое управление
СПБИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
ТФГИ – Территориальный фонд геологической информации по Северо-Западному федеральному округу
ТюмГУ – Тюменский государственный университет
УАЭ – Уральская археологическая экспедиция
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УПАСК – Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция
УрГУ – Уральский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ФГБОУ ВО – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
ФЗ – Федеральный закон
ФНИЦ – Федеральный научно-исследовательский центр
ХПЭ – Хотылёвская палеолитическая экспедиция
ЦНА НАН – Центральный научный архив Национальной академии наук
ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
ЭРМ – Энергодисперсионный рентгеновский микроанализ
ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ

Актуальная археология 5

Тезисы Международной научной конференции молодых ученых

Корректор: А. О. Поликарпова

Верстка С. Л. Соловьев

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и
развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Подписано в печать 26.05.2020. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 24.5. Тираж 300 экз. Заказ 365.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»

195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ

Тел./факс +7 (812) 380-79-50

E-mail: spbcolor@mail.ru

ISBN 978-5-907298-04-0

97859071298040